

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 2 (65) 2023

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Артюхов, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, начальник института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редактор
Т. В. Рассказова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
23.06.2023.

Дата выхода в свет:
27.06.2023.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 22,5.
Усл. печ. л. 20,9.
Тираж 500 экз. (1 — 300).
Заказ 30.

Цена по подписке
на 2023 г.
по каталогу
«Пресса России»
1510 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2023

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Мирзозов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2023. —
No 2 (65). — 180 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 2 (65)
2023

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, Lecturer at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Artyukhov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editor
T. V. Rasskazova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
23.06.2023.

Date of publication:
27.06.2023.

Format 60x84/8.

Font Arial.

Physical print sheets 22,5.
Conventional print sheets 20,9.
500 copies (1 — 300).
Order 30.

Subscription price
for the 2023
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1510 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2023

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Deputy Minister of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Егорова Н. А., Егоров А. Г.
Новые составы преступлений
против интересов службы, связанные
с государственным оборонным заказом
(ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6
Уголовного кодекса Российской Федерации)

Лихолетов А. А.
Преступления в сфере осуществления
специальных видов предпринимательства,
связанные с медицинской и фармацевтической
деятельностью: вопросы квалификации
и совершенствования законодательства

Мамонтова Э. А., Швыркин А. А.
Генезис феномена вооруженного нападения
на образовательные организации (скулшутинга)
в России

Пирожников А. Н.
Правовая регламентация
в зарубежном уголовном законодательстве
средств воздействия на лиц, совершивших
преступления против своих стран

Поникаров С. В., Поникаров В. А.
Подразделения специального назначения,
выполняющие функции
по исполнению уголовных наказаний,
как правоохранительный орган
в сфере борьбы с преступностью

Раненкова Е. А., Касаев И. Х.
Личность вооруженного преступника,
совершившего нападение
на образовательную организацию
в России: криминологический аспект

Стрилец О. В., Нанаев С. Н.
Историко-правовые аспекты
формирования «хулиганского мотива»
в российском законодательстве

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Вологина Е. В., Голоманчук Э. В.
Отдельные особенности обеспечения
конституционных прав и свобод личности
на стадии возбуждения уголовного дела

CONTENTS

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Egorova N. A., Egorov A. G.
New crimes against service related
to the government defence order
(art. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6
of the Criminal Code of the Russian Federation)

9
20
Likholetov A. A.
Crimes committed in the sphere of special types
of entrepreneurship related to medical
and pharmaceutical activities:
issues to qualify and improve legislation

26
Mamontova E. A., Shvyrkin A. A.
Genesis of the phenomenon of armed attack
on educational organizations (school shooting)
in Russia

33
Pirozhnikov A. N.
Legal regulation in foreign criminal law
of the means of influence
on persons having committed crimes
against their countries

42
Ponikarov S. V., Ponikarov V. A.
Special purpose units that perform functions
for the execution of criminal penalties,
as a law enforcement agency
in the field of combating crime

47
Ranenkova E. A., Kasayev I. Kh.
Personality of an armed criminal,
who made an attack
on an educational organization in Russia:
criminological aspect

58
Strilets O. V., Nanaev S. N.
Historical and legal aspects of formation
of "hooligan motive" in Russian legislation

CRIMINAL PROCEDURE

65
Vologina E. V., Golomanchuk A. V.
Certain peculiarities of ensuring
constitutional human rights and freedoms
at the initiation of criminal proceedings

<i>Гимазетдинова И. Н.</i> Уголовное дело как комплексный процессуальный акт и возможность его перевода в электронный формат	70	<i>Gimazetdinova I. N.</i> Criminal case as a complex procedural act and the possibility of its translation into electronic format
<i>Дикарев И. С.</i> Неотложные следственные действия: кризис уголовно-процессуального института	76	<i>Dikarev I. S.</i> Urgent investigative actions: the crisis of the criminal procedure institute
<i>Кичук А. А.</i> Сколько защитников может быть у обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе?	84	<i>Kichuk A. A.</i> How many defenders can an accused (suspect) have in criminal procedural law?
<i>Колосович М. С., Алексеева А. П., Глебов В. Г.</i> Современные меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (часть 2)	92	<i>Kolosovich M. S., Alexeeva A. P., Glebov V. G.</i> Current measures to prevent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors (part 2)
<i>Ларичева И. В.</i> Поручение следователя органу дознания о проведении оперативно-разыскных мероприятий в контексте недопустимости подмены ими процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации	103	<i>Laricheva I. V.</i> Investigator's instruction to the body of inquiry to conduct operative-investigative measures in the context of inadmissibility of substitution of procedural actions provided by the Criminal Procedural Code of the Russian Federation
<i>Насонов А. А.</i> Роль механизмов согласования в защите и обеспечении интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства	111	<i>Nasonov A. A.</i> The role of coordination mechanisms in protecting and ensuring the interests of juvenile participants in criminal proceedings
<i>Печников Г. А., Кварчия А. Р.</i> Диалектика, система, истина, критерий практики и уголовный процесс	116	<i>Pechnikov G. A., Kvarchia A. R.</i> Dialectics, system, truth, practice criterion and criminal procedure
<i>Тарасов А. А.</i> О судьбе одной гарантии состязательности в использовании специальных знаний в уголовном процессе	123	<i>Tarasov A. A.</i> On the fate of one guarantee of competitiveness in the use of special knowledge in criminal proceedings

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Митькова Ю. С.
Частное начало в современном уголовном
судопроизводстве: проявление
диспозитивности или анахронизм?

SCIENTIFIC DISCUSSION

129 *Mitkova Ju. S.*
Private principle in modern criminal
proceedings: phenomenon
of dispositivity or anachronism?

Трибуна молодого ученого

Гулян И. Н.
Сфера оборота молока и молочной продукции
как объект контроля органов внутренних дел

Исаханова Е. В.
Характеристика
субъекта совершения преступлений
в сфере оказания косметологических услуг,
не отвечающих требованиям безопасности

Нурализода М. В.
Причинный комплекс
финансирования терроризма

Отзывы и рецензии на материалы диссертационных исследований, монографии и другие научные труды

Гаврилов Б. Я.
Отзыв научного консультанта на диссертацию
С. В. Бурмагина на тему
«Концептуальные основы единства
уголовного правосудия и дифференцированности
судебных производств»

Дорошков В. В.
Отзыв первого официального оппонента
на диссертацию С. В. Бурмагина
на тему «Концептуальные основы единства
уголовного правосудия и дифференцированности
судебных производств»

Николюк В. В.
Отзыв второго официального оппонента
на диссертацию С. В. Бурмагина
на тему «Концептуальные основы единства
уголовного правосудия и дифференцированности
судебных производств»

Муратова Н. Г.
Отзыв третьего официального оппонента
на диссертацию С. В. Бурмагина
на тему «Концептуальные основы единства
уголовного правосудия и дифференцированности
судебных производств»

Смагоринский Б. П., Мелихов А. И.
Оперативно-разыскное содействие
как деятельность по обеспечению
национальной безопасности в части
противодействия криминальным угрозам
(рецензия на монографию А. И. Тамбовцева,
Н. В. Павличенко «Содействие граждан
правоохранительным органам
как социально-правовой феномен»)

WORD TO A YOUNG SCIENTIST

136 *Gulyan I. N.*
The sphere of turnover of milk and dairy products
as an object of control of the internal affairs bodies

142 *Isakhanova Ye. V.*
Characteristics
of the subject committing crimes
in the sphere related to providing cosmetology
services not satisfying safety requirements

148 *Nuralizoda M. V.*
Causal complex
of financing of terrorist crimes

REVIEWS AND REFEREE REPORTS OF THE MATERIALS OF DISSERTATIONS, MONOGRAPHS AND OTHER SCIENTIFIC WORKS

154 *Gavrilov B. Ya.*
Review of the scientific consultant
on the dissertation by S. V. Burmagin on the topic
"Conceptual bases of unity of criminal justice
and differentiation of judicial proceedings"

155 *Doroshkov V. V.*
Review of the first official opponent
on the dissertation by S. V. Burmagin on the topic
"Conceptual bases of unity of criminal justice
and differentiation of judicial proceedings"

162 *Nikolyuk V. V.*
Review of the second official opponent
on the dissertation by S. V. Burmagin on the topic
"Conceptual bases of unity of criminal justice
and differentiation of judicial proceedings"

166 *Muratova N. G.*
Review of the third official opponent
on the dissertation by S. V. Burmagin on the topic
"Conceptual bases of unity of criminal justice
and differentiation of judicial proceedings"

174 *Smagorinsky B. P., Melikhov A. I.*
Operational-search assistance as national security
activity in the area of countering criminal threats
(review on the monograph by A. I. Tambovtsev,
N. V. Pavlichenko "Assistance of citizens
to law enforcement agencies as a social
and legal phenomenon")

УДК 343.35

doi: 10.25724/VAMVD.A110

НОВЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ, СВЯЗАННЫЕ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБОРОННЫМ ЗАКАЗОМ (СТ. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Наталья Александровна Егорова, Александр Георгиевич Егоров

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, egonatalex@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ уголовно-правовых норм, введенных в гл. 23 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ. Уделено внимание месту новых составов в системе Особенной части уголовного закона и в системе коррупционных преступлений, проблемам толкования отдельных признаков данных составов, конкуренции уголовно-правовых норм.

Обоснованы выводы о продолжающемся нарушении системности гл. 23 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации; о наличии у новых составов иного, нежели интересы службы, основного объекта и необходимости расположения норм ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 в гл. 29 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Во взаимосвязи с положениями иноотраслевого законодательства проанализированы признаки общественно опасного деяния и субъекта названных служебных преступлений. Предложен авторский вариант толкования норм примечаний к ст. 201.2 и 285.5 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассмотрены вопросы конкуренции ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Уголовного кодекса Российской Федерации с иными уголовно-правовыми, а также административно-правовыми нормами.

Ключевые слова: преступления против интересов службы; преступления коррупционной направленности; государственный оборонный заказ; должностное лицо; лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации; злоупотребление полномочиями; превышение должностных полномочий

Для цитирования: Егорова Н. А., Егоров А. Г. Новые составы преступлений против интересов службы, связанные с государственным оборонным заказом (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 9—19. doi: 10.25724/VAMVD.A110

NEW CRIMES AGAINST SERVICE RELATED TO THE GOVERNMENT DEFENCE ORDER (ART. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Natalya Aleksandrovna Egorova, Aleksandr Georgievich Egorov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, egonatalex@yandex.ru

Abstract. This article gives the analysis of crime and legal norms and standards incorporated in Chapters 23 and 30 of the Criminal code of the Russian Federation by the Federal law No. 365-FZ on 24 September 2022. The attention is devoted to new crimes in the system of the Special part of the Criminal law as well as in the system of corruption-related crimes, to interpretations of certain essential elements of offences, to collision of crime and legal norms and standards.

Conclusions have been proven on continuous breach of systematicity of Chapters 23 and 30 of the Criminal code of the Russian Federation; on the availability with the new crimes of a main object other than Service interests as well as necessity to arrange norms of Art. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 in the Chapter 29 of the Criminal code of the Russian Federation "Crimes against fundamental principles of the constitutional system and national security".

In relation to legislative provisions essential elements of socially dangerous acts and the subject of indicated crimes of prevarication have been analyzed. The author-created version of interpretation of notes to Art. 201.2 and 285.5 of the Criminal code of the Russian Federation has been proposed. The collisions have been reviewed related to Art. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 of the Criminal code of the Russian Federation with other crime and legal norms and standards as well as rules of administrative law.

Keywords: crimes against service; corruption-related crimes; Government Defence Order; officer; a person who fulfills managerial functions at a commercial or another company; abuse of power or authority; abuse of office

For citation: Egorova N. A., Egorov A. G. New crimes against service related to the government defence order (Art. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 of the Criminal code of the Russian Federation). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—19, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A110

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ¹ гл. 23 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) дополнены сразу четырьмя статьями. Некоторые из новых норм (ч. 2 ст. 201.2, ч. 2 ст. 285.5 УК РФ) в определенной части представляют собой узкоспециальные виды злоупотребления полномочиями или специальные виды превышения должностных полномочий (общие нормы содержатся соответственно в ч. 1 ст. 201, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286 УК РФ, специальные — в ч. 1 ст. 201.1 и ч. 1 ст. 285.4 УК РФ); другие (ч. 1 ст. 201.2, ч. 1 ст. 285.5, ст. 201.3 и 285.6 УК РФ) — составы вновь криминализованных деяний.

В статьях 201.2, 285.5 УК РФ установлена уголовная ответственность за нарушение специальным субъектом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу (ГОЗ) либо условий договора, заключенного в целях выполнения ГОЗ. В статьях 201.3, 285.6 УК РФ — за отказ или уклонение лица (специального субъекта), подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по ГОЗ либо договора, необходимого для выполнения ГОЗ.

Причины такого правотворческого решения следует искать в непростой внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Россия, в связи с чем возросла значимость уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере ГОЗ. Но хотелось бы остановиться не на криминологических, а на уголовно-правовых аспектах новелл:

— их месте в системе Особенной части УК РФ и в системе коррупционных преступлений;

— проблемах толкования отдельных признаков названных составов;

— вопросах конкуренции уголовно-правовых норм.

Место новых составов в системе Особенной части УК РФ и в системе коррупционных преступлений

В науке уголовного права небезосновательно отмечается, что УК РФ в целом (и прежде всего Особенная часть) уже утратил свойство системно-

сти [1]. Такая характеристика полностью применима и к структурным элементам Особенной части, объединяющим статьи о посягательствах на служебную деятельность. Рассматриваемые нормы введены в гл. 23 и 30 УК РФ, где (в идеале) должны быть сосредоточены уголовно-правовые запреты деяний, посягающих на интересы службы как на основной объект (общие нормы о злоупотреблении управленческими полномочиями, превышении управленческих полномочий, подкупе, подлоге документов, неисполнении управленческих обязанностей). Именно объект считается ведущим критерием систематизации служебных преступлений [2, с. 21, 25, 28]. Близкими к этому идеалу названные главы были лишь в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. Затем в указанные структурные элементы Особенной части уголовного закона вводились статьи, содержащие нормы о преступлениях, в составах которых интересы службы едва ли можно признать основным объектом: в 2003 г. — ст. 285.1, 285.2 УК РФ, в 2008 г. — ст. 292.1 УК РФ, в 2010 г. — ст. 285.3, 286.1 УК РФ, в 2017 г. — ст. 201.1 и 285.4 УК РФ. Большинство этих норм, приоритетно направленных на охрану иных, нежели интересы службы, общественных отношений, включены в гл. 30 УК РФ. Глава 23 УК РФ на этом фоне демонстрировала стабильность до 2017 г., т. е. до появления в ней ст. 201.1 УК РФ. Было высказано предположение о том, что «введение в главу 23 УК РФ ст. 201.1 является отправной точкой для последующих новелл, которыми окажется нарушена и система преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях» [3, с. 134]. Как показало время, именно это и произошло. В целом же на сегодняшний день систему преступлений против интересов службы (гл. 23 и 30 УК РФ) можно охарактеризовать как разбалансированную.

С точки зрения юридической техники введенные Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ нормы о служебных злоупотреблениях при выполнении ГОЗ (ст. 201.1 и 285.4 УК РФ) не очень удачны [3, с. 134—137; 4, с. 150—155], что обусловило некоторые квалификационные

¹ Здесь и далее в данной научной статье доступ к нормативным правовым актам осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

проблемы¹. Вероятно, технико-юридическими погрешностями объясняется и довольно редкое применение ст. 201.1 и 285.4 УК РФ. Согласно данным судебной статистики, в 2018 г. по ст. 201.1 и 285.4 УК РФ не было осужденных; в 2019 г. по ст. 201.1 УК РФ осужден 1 человек, по ст. 285.4 УК РФ — 0; в 2020 г. по ст. 201.1 УК РФ осужденных 1, по ст. 285.4 УК РФ — 2; в 2021 г. по ст. 201.1 УК РФ — 2, по ст. 285.4 — 2; в первом полугодии 2022 г. по ст. 201.2 УК РФ — 1, по ст. 285.4 УК РФ — 1 (всего за указанный период по этим двум статьям осуждено 10 человек)².

Критические замечания можно высказать и по поводу новелл 2022 г.

Так, сомнительна корректность определения основного объекта рассматриваемых преступлений как интересов службы и размещения соответствующих статей в гл. 23 и 30 УК РФ. ГОЗ — это «установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации» (п. 1 ст. 3 Федерального закона «О государственном оборонном заказе» от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (ФЗ о ГОЗ)).

Приоритетная цель деятельности, связанной с выполнением ГОЗ, — обеспечение обороноспособности российского государства. Злоупотребления и иные общественно опасные деяния управляющих субъектов (как должностных лиц, так и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях) в сфере ГОЗ посягают, в первую очередь, на внешнюю безопасность Российской Федерации, а не на интересы службы. Поэтому более правильным было бы конструирование единых оснований уголовной ответственности за такие деяния, независимо от статуса их субъектов, и включение ст. 201.2, 201.3, 285.5 и 285.6 в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

¹ Борков В. Н. Повышена ответственность за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа // Законность. 2018. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Гребенщиков С. П., Яни П. С. Ответственность за преступления, совершаемые в сфере государственного оборонного заказа // Законность. 2018. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018—2021 гг. и I полугодие 2022 г. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 28.01.2023).

Относятся ли новые составы к коррупционным, и если да, то каково их место в системе преступлений коррупционной направленности?

Напомним, что преступления, предусмотренные ст. 201.1 и 285.4 УК РФ, вошли в Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности (Перечень № 23). Однако в редакциях Перечня № 23, утвержденных указаниями Генпрокуратуры России, МВД России № 853/11/5 от 15 декабря 2018 г., № 487/11/1 от 12 июля 2019 г., № 35/11/1 от 24 января 2020 г., № 738/11/3 от 25 декабря 2020 г., злоупотребление полномочиями при выполнении ГОЗ (ст. 201.1 УК РФ) оказалось в группе преступлений, относимых к коррупционным без дополнительных условий (или безусловно коррупционных преступлений — п. 2 Перечня № 23), а злоупотребление должностными полномочиями при выполнении ГОЗ (ст. 285.4 УК РФ) было включено в группу преступлений, относящихся к коррупционным при наличии в статистической картотке отметки о совершении преступления с корыстным мотивом (или условно коррупционных преступлений — п. 3.3 Перечня № 23), что вряд ли можно признать логичным. Названные преступления различаются, прежде всего, признаками специального субъекта, мотивы же этих преступлений могут быть как корыстными, так и иными. Видимо, цель извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц в диспозиции ч. 1 ст. 201.1 УК РФ была истолкована как исключительно корыстная (выгоды и преимущества интерпретированы как обладающие только имущественным характером). Но имелись ли для этого основания? Если сравнить описание, с одной стороны, выгод и преимуществ в ч. 1 ст. 201.1 УК РФ и, с другой стороны, выгод в ч. 1 ст. 204, ч. 1 ст. 290 УК РФ, то не возникает сомнений, что в составах коммерческого подкупа и взяточничества, действительно, подразумеваются только имущественные выгоды. В части 1 статьи 201.1 УК РФ упоминание об имущественном характере выгод и преимуществ отсутствует. В более поздней версии Перечня № 23 (утв. указанием Генпрокуратуры России, МВД России № 361/11/1 от 30 июня 2022 г.), а также в действующей редакции данного документа (утв. указанием Генпрокуратуры России, МВД России № 11/11/1 от 17 января 2023 г.) оба упомянутых состава уже отнесены к условно коррупционным преступлениям (п. 3.3), что лишний раз подтверждает ошибочность предыдущих решений.

Возвращаясь к новеллам УК РФ о ГОЗ 2022 г., отметим, что в диспозициях ст. 201.2 и 285.5, а равно ст. 201.3 и 285.6 УК РФ подразумеваются все признаки коррупционных преступлений, кроме корыстного мотива, который прямо не указан.

Следовательно, отнесение этих составов к преступлениям коррупционной направленности фактально, т. е. не исключается при наличии прямого умысла и корыстного мотива. Это следует из п. 1 Перечня № 23, где приводятся критерии преступления коррупционной направленности, и среди таких критериев — «наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц)» и «совершение преступления с прямым умыслом». Поэтому составы, предусмотренные ст. 201.2, 201.3, 285.5 и 285.6 УК РФ, ожидаемо появились в обновленном Перечне № 23 в группе условно коррупционных преступлений (п. 3.3 документа в ред. от 17.01.2023).

Толкование отдельных признаков новых составов преступлений

С объективной стороны составы, предусмотренные ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ, представляют собой «нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа». Из этого следует, что данные преступления совершаются *при выполнении ГОЗ*, т. е. уже после заключения госконтракта по ГОЗ либо иного договора.

Термины «государственный контракт по ГОЗ» и «договор, заключенный в целях выполнения ГОЗ» — бланкетные, их дефиниции содержатся в ФЗ о ГОЗ.

Государственный контракт по ГОЗ — это «договор, заключенный государственным заказчиком от имени Российской Федерации с головным исполнителем на поставки продукции по государственному оборонному заказу и предусматривающий обязательства сторон, их ответственность» (п. 6 ст. 3 ФЗ о ГОЗ).

Договор, заключенный в целях выполнения ГОЗ (в ФЗ о ГОЗ — «контракт»), — это «договор, заключенный в письменной форме головным исполнителем с исполнителем или между исполнителями на поставки продукции, необходимой головному исполнителю, исполнителю для выполнения государственного оборонного заказа, и предусматривающий в том числе обязательства сторон и их ответственность» (п. 7 ФЗ о ГОЗ).

Процитированные положения ФЗ о ГОЗ имеют значение для уяснения признаков не только объективной стороны, но и специальных субъектов преступлений, предусмотренных ст. 201.2 и 285.5 УК РФ (о чем будет сказано далее).

В диспозициях ч. 1 и 2 ст. 201.2 и 285.5 УК РФ предусмотрены два вида деяния: а) нарушение условий самого государственного контракта по ГОЗ;

б) нарушение условий иного договора, заключенного в целях выполнения ГОЗ.

Оба эти варианта представляют собой использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (либо должностным лицом), своих управленческих полномочий вопреки законным интересам этой организации (или вопреки интересам службы) *при выполнении ГОЗ*, а значит, могли быть квалифицированы по ч. 1 ст. 201.1 или ч. 1 ст. 285.4 УК РФ — при наличии необходимых для этих составов целей (мотивов) и общественно опасных последствий.

Как следует из ч. 1 и ч. 2.1 ст. 14.55 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), которую допустимо рассматривать как содержащую конкретизацию обеих форм деяния при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201.2 УК РФ, деяние может заключаться в нарушениях условий госконтракта по ГОЗ, «касающихся количества, качества, комплектности поставляемых товаров, качества выполняемых работ, оказываемых услуг, сроков поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг» либо нарушениях аналогичных условий договора, заключенного в целях выполнения ГОЗ.

Согласно ч. 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ к нарушениям госконтракта по ГОЗ следует отнести и нарушения «срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг), поставляемых (выполняемых, оказываемых) по государственному оборонному заказу, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования».

Такую же конкретизацию положений уголовного закона в ст. 14.55 КоАП РФ мы видим и применительно к ст. 285.5 УК РФ. Однако в диспозиции ч. 1 ст. 285.5 УК РФ содержится ссылка не только на чч. 1 и 2.1, но и на ч. 2 ст. 14.55 КоАП РФ, где идет речь о нарушениях условий госконтракта по ГОЗ должностным лицом *государственного заказчика*. В части 2 статьи 14.55 КоАП РФ имеется оговорка о том, что данная норма не распространяется на нарушения, предусмотренные ст. 7.32.1 КоАП РФ, т. е. нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) для государственных нужд по ГОЗ, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования, предусмотренного государственным контрактом. Таким образом, если данное должностное лицо подвергалось административному наказанию не по ст. 14.55, а по ст. 7.32.1 КоАП РФ, то ч. 1 ст. 285.5 УК РФ не должна применяться.

Означает ли это, что нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) для государственных нужд по ГОЗ всегда является административным правонарушением, а не преступлением? Думается, нет, ведь буквальное толкование уголов-

ного закона не дает оснований для такого вывода. Виды нарушений, перечисленные в диспозициях указанных статей КоАП РФ, должны быть установлены, прежде всего, для применения соответствующих норм административно-деликтного права. Для квалификации же по ч. 1 ст. 285.5 УК РФ имеет первоочередное значение тот факт, что лицо привлекалось к административной ответственности за указанные (а не какие-то другие) правонарушения. Признаки вновь совершенных нарушений, за которые лицо подлежит уголовной ответственности, могут отличаться от признаков составов административных правонарушений, так как описание деяний в диспозициях ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ имеет абстрактный характер. Деяния, предусмотренные ст. 7.32.1 КоАП РФ, при наличии криминообразующих признаков могут быть квалифицированы по ст. 285.4 УК РФ либо ч. 2 ст. 285.5 УК РФ. Нельзя исключать и применение ч. 1 ст. 285.5 УК РФ, если должностное лицо ранее было подвергнуто административному наказанию по чч. 1, 2 и 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ, а вновь совершенное нарушение условий госконтракта по ГОЗ или иного договора выразилось в нарушении срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) для государственных нужд по ГОЗ.

Иначе говоря, перечисленные формы нарушений госконтракта по ГОЗ или условий иного договора обязательны для применения ст. 14.55 и 7.32.1 КоАП РФ, а для толкования и применения ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ имеют ориентирующий характер. Нарушение условий госконтракта по ГОЗ или иного договора может быть и другим (например, отказ от дальнейших поставок продукции, выполнения работ, оказания услуг), в том числе выразившимся в превышении служебных полномочий.

Высказана и противоположная точка зрения, согласно которой «несмотря на то, что законодателем не конкретизированы условия контракта или договора в рамках оборонного заказа, нарушение которых влечет уголовную ответственность... таковая может наступить лишь за нарушение условий, которые аналогичны тем, что ранее были предметом рассмотрения по делу об административном правонарушении (за совершение которого лицо понесло административное наказание)»¹.

Учитывая межотраслевые связи между уголовным и административно-деликтным правом, следует признать, что приведенная позиция не лише-

на оснований. Тем не менее системное толкование уголовного закона позволяет заключить, что, если бы данная точка зрения была верна, законодатель использовал бы другие способы описания преступного деяния в диспозициях ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ: 1) привел бы описание деяния непосредственно в диспозициях анализируемых норм — так же, как это сделано в чч. 1, 2, 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ (ср., напр., с диспозициями чч. 1 и 2 ст. 157, ч. 1 ст. 282 УК РФ), либо 2) более четко и ясно обозначил бы признаки деяния, указав на нарушения, *предусмотренные частями 1, 2 или 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ* (ср., напр., с диспозицией ч. 1 ст. 264.2 УК РФ). Возможно, избранный в действующей редакции ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ абстрактный способ описания уголовно наказуемых нарушений объясняется нежеланием конструировать излишне объемные диспозиции указанных норм, но в то же время предполагается «наполнение» уголовно-правовых понятий строго определенным административно-правовым содержанием. Как бы то ни было, официальную правовую позицию по данному вопросу должен сформулировать Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Субъект рассматриваемых преступлений специальный, и в уголовном законе обозначен следующим образом: в ч. 1 ст. 201.2 — это лицо, подвергнутое административному наказанию за деяние, предусмотренное чч. 1 или 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ, а таковым может быть должностное лицо головного исполнителя (при нарушении условий госконтракта по ГОЗ), исполнителя (при нарушении условий договора, заключенного в целях выполнения госконтракта по ГОЗ); в ч. 1 ст. 285.5 УК РФ — должностное лицо, подвергнутое административному наказанию за деяние, предусмотренное чч. 1, 2 или 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ, а именно — должностное лицо государственного заказчика или головного исполнителя (при нарушении условий госконтракта по ГОЗ), исполнителя (при нарушении условий договора, заключенного в целях выполнения госконтракта по ГОЗ).

В свою очередь, понятия «головной исполнитель», «исполнитель», «государственный заказчик» раскрываются в ФЗ о ГОЗ.

Головной исполнитель поставок продукции по государственному оборонному заказу (или головной исполнитель) — это «юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации и заключившее с государственным заказчиком государственный контракт по государственному оборонному заказу» (п. 3 ст. 3 ФЗ о ГОЗ).

Исполнитель, участвующий в поставках продукции по государственному оборонному заказу

¹ Коновалов В. А. Новеллы уголовной ответственности за нарушение условий контрактных обязательств в сфере государственного оборонного заказа // *Законность*. 2023. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(или исполнитель), — это «лицо, входящее в кооперацию головного исполнителя и заключившее контракт с головным исполнителем или исполнителем» (п. 4 ст. 3 ФЗ о ГОЗ).

Государственный заказчик ГОЗ (или государственный заказчик) — это «федеральный орган исполнительной власти, Государственная корпорация по атомной энергии „Росатом“ или Государственная корпорация по космической деятельности „Роскосмос“, обеспечивающие поставки продукции по государственному оборонному заказу» (п. 2 ст. 3 ФЗ о ГОЗ). Лица, выполняющие управленческие функции в государственных органах и государственных корпорациях, в соответствии с п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ признаются должностными лицами, и за преступления, связанные с ГОЗ, подлежат ответственности по соответствующим статьям гл. 30 УК РФ.

Признаки специальных субъектов в данных составах — *бланкетные, причем налицо «двойная» бланкетность*: сначала особенности специального субъекта устанавливаются исходя из содержания административно-деликтного законодательства (КоАП РФ), а затем — из содержания ФЗ о ГОЗ. Для решения вопроса о выборе уголовно-правовой нормы ч. 1 ст. 201.2 или ч. 1 ст. 285.5 УК РФ необходимо установить наличие у субъекта на момент совершения преступления признаков, соответственно, лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо должностного лица.

Помимо этого, по ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ подлежит уголовной ответственности только тот специальный субъект, который ранее подвергался административному наказанию за аналогичное деяние, и срок, установленный ст. 4.6 КоАП РФ, еще не истек.

Возникает вопрос: зачем понадобилось вводить в уголовный закон такие нормы при наличии ст. 201.1 и 285.4 УК РФ о служебных злоупотреблениях при выполнении ГОЗ, которые могли быть применены при наличии указанных в них криминалообразующих признаков? Санкции ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ совершенно одинаковы — как между собой, так и с санкциями ч. 1 ст. 201.1 и ч. 1 ст. 285.4 УК РФ, введенных в 2017 г. Ответ видится следующий. Составы преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ, формальные по конструкции, их мотивы и цели могут быть любыми, причем преступления отнесены к категории тяжких. Поэтому установление уголовной ответственности за такого рода деяния можно расценивать как их криминализацию, поскольку квалификация таких деяний по ст. 201.1 и 285.4 УК РФ (равно как и по ст. 201, 285 УК РФ) была бы невозможна.

Вместе с тем в соответствии с нормами примечаний к ст. 201.2 и 285.5 УК РФ лица, совершившие преступления, предусмотренные частями первыми данных статей, подлежат освобождению от уголовной ответственности, если добровольно устранили нарушение условий государственного контракта по ГОЗ либо условий договора, заключенного в целях выполнения ГОЗ.

Что же подразумевается под «добровольным» устранением допущенных нарушений? Применительно к добровольному сообщению взяточдателя и лица, передавшего предмет коммерческого подкупа, о совершенном преступлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил: «Сообщение (письменное или устное) о преступлении должно признаваться добровольным независимо от мотивов, которыми руководствовался заявитель. При этом не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления» (п. 29 постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24). Следуя этой логике, под добровольным устранением нарушений в указанных нормах примечаний понимаются только такие действия, которые не находятся в причинной связи с задержанием лица по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 201.2 или ч. 1 ст. 285.5 УК РФ. Сроки и прочие условия совершения действий по устранению нарушений в данных нормах не указаны. В литературе отмечается, что «такие действия могут быть совершены в ходе как предварительного расследования, так и судебного следствия, и последствия их выполнения будут обязательны как для следователя, так и для суда»¹.

Представляется, что обязательным условием освобождения от уголовной ответственности на основании рассматриваемых норм следовало бы считать своевременность устранения нарушений, т. е. сохранение возможности исполнения обязательств по госконтракту или иному договору и выполнения задания ГОЗ.

В части 2 ст. 201.2 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ содержатся не квалифицированные виды преступлений, предусмотренных частями первыми названных статей, а самостоятельные составы, так как в них отсутствует административная преюдиция, а значит, предыдущее привлечение лица

¹ Коновалов В. А. Новеллы уголовной ответственности за нарушение условий контрактных обязательств в сфере государственного оборонного заказа // *Законодательство*. 2023. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к административной ответственности не является условием уголовной ответственности.

Объективная сторона данных преступлений заключается в общественно опасном деянии в форме нарушения условий государственного контракта по ГОЗ либо условий договора, заключенного в целях выполнения ГОЗ; общественно опасных последствиях в виде ущерба Российской Федерации в сумме, составляющей не менее 5 % цены таких государственного контракта либо договора, но не менее 5 млн рублей, либо невыполнения задания ГОЗ; причинной связи между указанными деяниями и последствиями.

В отличие от составов, предусмотренных ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ, при совершении преступлений, предусмотренных частями вторыми указанных статей, возможны как прямой, так и косвенный умысел. Субъект может не желать, но сознательно допускать причинение Российской Федерации ущерба, имея лишь примерное представление о его размере, либо безразлично относиться к данному факту (то же — в отношении невыполнения задания ГОЗ). Примечательно, что ни в постановлении «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009 г. № 19, ни в постановлении «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» от 29 июня 2021 г. № 21 Пленум Верховного Суда Российской Федерации не дал конкретных разъяснений относительно видов умысла в составах служебных злоупотреблений. Представители науки уголовного права склоняются к выводу о возможности обоих видов умысла при совершении преступлений, предусмотренных, в частности, ст. 201 и 285 УК РФ [5, с. 145, 300; 6, с. 14—143], что позволяет распространить такой подход и на анализируемые составы, связанные с ГОЗ. Мотивы и цели не имеют значения для квалификации, что отличает рассматриваемые виды преступлений от предусмотренных ст. 201.1 и 285.4 УК РФ.

Субъект — специальный: *лицо, указанное в ч. 1 ст. 14.55 КоАП РФ* (ч. 2 ст. 201.2 УК РФ), т. е. буквально — должностное лицо головного исполнителя или исполнителя; *должностное лицо* (как указано в диспозиции ч. 2 ст. 285.5 УК РФ без ссылок на КоАП РФ), в качестве которого может выступать должностное лицо головного исполнителя, исполнителя, государственного заказчика. Конкретный вид специального субъекта преступления зависит от того, условия какого контракта

были нарушены (госконтракта по ГОЗ или договора, заключенного в целях выполнения ГОЗ), а также от уголовно-правового статуса лица (лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо должностное лицо) на момент совершения уголовно наказуемого деяния. Для выбора уголовно-правовой нормы, подлежащей применению (ч. 2 ст. 201.2 или ч. 2 ст. 285.5 УК РФ), необходимо учитывать нормы п. 1 примечаний к ст. 201 и п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ.

Санкции ч. 2 ст. 201.2 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ абсолютно одинаковы между собой и с санкциями ч. 2 ст. 201.1 и ч. 2 ст. 285.4 УК РФ. Считать ли это проявлением общей тенденции возрастания бессистемности санкций [7, с. 24]? Наверное, отчасти — да. Но можно предположить, что законодатель не усмотрел оснований для изменения ранее установленных санкций за злоупотребления полномочиями при выполнении ГОЗ, и такая неизменность санкций — индикатор оценки новых видов деяний как обладающих более высокой степенью общественной опасности (для составов, предусмотренных ч. 2 ст. 201.2 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ, мотивы и цели являются факультативными признаками субъективной стороны).

Преступления с административной преюдицией, предусмотренные ст. 201.3 и 285.6 УК РФ, являются новыми видами общественно опасного поведения, выразившегося в правовом бездействии, которое возможно в четырех формах: а) отказе от заключения государственного контракта по ГОЗ; б) уклонении от заключения государственного контракта по ГОЗ; в) отказе от заключения договора, необходимого для выполнения ГОЗ; б) уклонении от заключения такого договора.

Деяние в первых двух формах совершается не при выполнении ГОЗ, так как контракт еще не заключен; третья и четвертая имеют место уже после заключения госконтракта на выполнение ГОЗ. Обязательное условие ответственности — наличие правовой обязанности заключить такой контракт или договор в соответствии с федеральным законом. Случаи, когда возникает такая обязанность, предусмотрены пп. 6, 6.1 ст. 6 ФЗ о ГОЗ: а) ГОЗ обязателен для принятия единственным поставщиком (исполнителем, подрядчиком), определенным нормативными правовыми актами (при условиях, указанных в данном законе), а также государственными унитарными предприятиями и (или) иными организациями, занимающими доминирующее положение на товарном рынке продукции по ГОЗ, если претенденты на размещение ГОЗ путем использования государственным заказчиком конкурентных способов определения поставщиков (исполнителей, подрядчиков) отсутст-

вуют или по результатам такого определения поставщиков (исполнителей, подрядчиков) не установлен головной исполнитель; б) заключение контракта обязательно для хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение (в соответствии со ст. 14 ФЗ о ГОЗ), при отсутствии у него обоснованных экономических или технологических причин для отказа от заключения контракта.

Исходя из толкования понятий «отказ» и «уклонение», используемых в других нормах уголовного права (напр., в ч. 1 ст. 287 УК РФ), можно прийти к выводу, что отказ от заключения государственного контракта по ГОЗ или иного договора выражается в однозначно выраженном отрицательном ответе на предложение заключить такой контракт или договор, а уклонение — в незаключении госконтракта по ГОЗ или иного договора, выразившемся в любых других формах [5, с. 170; 8, с. 92] (при отсутствии прямого заявления об отказе — например, в невыполнении обязанностей, предусмотренных п. 6.2 ст. 6 ФЗ о ГОЗ). В обоих случаях имеет место бездействие (невыполнение правовой обязанности действовать), однако в первом случае субъект прямо выражает свое нежелание совершить требуемые действия.

Поскольку рассматриваемые составы по конструкции формальные, с субъективной стороны данные преступления могут совершаться только с прямым умыслом.

В законодательном описании специальных субъектов данных преступлений также присутствует бланкетность. *Субъект преступления, предусмотренного ст. 201.3 УК РФ*, — лицо, подвергнутое административному наказанию за деяние, предусмотренное чч. 1 или 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ, а именно: а) поставщик российских вооружения и военной техники, которые не имеют российских аналогов; б) единственный поставщик (исполнитель, подрядчик), определенный законодательными актами Российской Федерации, актами Президента Российской Федерации, актами Правительства Российской Федерации (ч. 1 ст. 7.29.2 КоАП РФ); в) поставщик (исполнитель, подрядчик), занимающий в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере государственного оборонного заказа доминирующее положение (ч. 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ).

Аналогичными признаками обладает и должностное лицо — *субъект преступления, предусмотренного ст. 285.6 УК РФ*.

Поскольку уяснение содержания признаков специальных субъектов, закрепленных в упомянутых нормах административного права, требует дальнейшего обращения к иным нормативным правовым актам, бланкетность признаков специ-

альных субъектов в ст. 201.3 и 285.6 УК РФ также двойная. К тому же для вменения ст. 201.3 либо 285.6 УК РФ необходимо, чтобы на момент совершения инкриминируемых деяний лицо обладало всеми признаками, соответственно, лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации (п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ), либо должностного лица (п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ).

С введением норм ст. 201.3 и 285.6 УК РФ произошла криминализация предусмотренных ими деяний, поскольку их квалификация по каким-либо другим статьям уголовного закона была невозможна. Данные преступления отнесены к категории тяжких, установленные за них санкции идентичны санкциям ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ.

Вопросы конкуренции уголовно-правовых норм

Появление анализируемых новелл неизбежно вызвало вопросы их конкуренции с нормами ст. 201, 201.1, 285, 285.4, 286 УК РФ, а также с нормами административно-деликтного права. Остановимся на некоторых вариантах такой конкуренции.

Первый вопрос. Допустимо ли применение каких-либо из перечисленных статей, если нарушение условий госконтракта по ГОЗ или договора, заключенного в целях выполнения ГОЗ, совершено специальными субъектами, не подвергнутыми административному наказанию, однако повлекло общественно опасные последствия в виде существенного нарушения (вреда), и при этом присутствуют мотивы или цели, указанные в ч. 1 ст. 201.1, ч. 1 ст. 285.4 УК РФ? Считаем, что в таких случаях должны применяться ст. 201.1 или 285.4 УК РФ, если размер ущерба, причиненного Российской Федерации, составляет менее 5 % цены или менее 5 млн рублей и нет последствий в виде невыполнения задания ГОЗ, но нарушение (вред) признано существенным. К такому выводу можно прийти, если учесть, что в ч. 1 ст. 201.2 и ч. 1 ст. 285.5 УК РФ предусмотрены фактически составы повторных административных правонарушений, лишенные криминообразующих признаков, присущих злоупотреблениям, предусмотренным в ст. 201.1 и 285.4 УК РФ.

Нормы ч. 2 ст. 201.2 и ч. 2 ст. 285.5 УК РФ подлежат применению независимо от наличия упомянутых мотивов и целей (т. е. и при их наличии, и при их отсутствии), если последствия отвечают критериям, предусмотренным в указанных нормах.

Второй вопрос. Какие нормы применять, если деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 201.2 или ч. 1 ст. 285.5 УК РФ, не только совершено лицом, подвергнутым административному наказанию, но и:

а) повлекло общественно опасные последствия, указанные в ч. 2 ст. 201.2 или ч. 2 ст. 285.5 УК РФ, б) имеются корыстная или другая личная мотивация либо указанные выше цели, а последствия иные, нежели предусмотрены в указанных нормах, но могут быть оценены как «существенное» нарушение или «существенный» вред? На наш взгляд, в первом случае содеянное необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 201.2 или ч. 2 ст. 285.5 УК РФ, во втором — по ч. 1 ст. 201.1 или ч. 1 ст. 285.4 УК РФ. Если деяние выразилось в явном выходе должностного лица за пределы своих полномочий, не исключена квалификация по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Как известно, применительно к транспортным преступлениям позиция высшей судебной инстанции такова, что в ситуации, аналогичной первой, содеянное предлагается квалифицировать по совокупности преступлений: «В случае если лицо совершает деяние, предусмотренное частями 2, 4 или 6 статьи 264 УК РФ, и ранее было подвергнуто административному наказанию по части 1 или 3 статьи 12.8 или статье 12.26 КоАП РФ... то содеянное представляет собой совокупность преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 264 и статьей 264.1 УК РФ» (п. 10.8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 9 декабря 2008 г. № 25).

Мы такой подход не поддерживаем, так как в приведенном разъяснении деяние и последствия необоснованно рассматриваются изолированно друг от друга, чем искусственно создается идеальная совокупность преступлений.

Третий вопрос. Специальный субъект, не подвергавшийся административному наказанию за правонарушение, предусмотренные ст. 14.55 КоАП РФ, совершает деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 201.2 или ч. 1 ст. 285.5 УК РФ, в результате чего наступают общественно опасные последствия в виде существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства (существенного нарушения указанных в уголовном законе интересов), но при отсутствии признаков, указанных в ч. 2 этих же статей УК РФ, а также специфических мотивов и целей. Какой должна быть уголовно-правовая оценка содеянного?

Если нарушение госконтракта по ГОЗ или условий договора, заключенного в целях выполнения ГОЗ, выразилось в превышении должностных полномочий, возможно применение ч. 1 ст. 286 УК РФ. Превышение полномочий лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной

организации, до сих пор не криминализовано, поэтому такой субъект за подобные действия подлежит административной ответственности по ч. 1 или 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ.

Как административное правонарушение, предусмотренное соответствующей частью ст. 14.55 КоАП РФ, следует квалифицировать нарушение госконтракта по ГОЗ или условий иного договора при наличии лишь объективных признаков уголовно-противоправного злоупотребления полномочиями (должностными полномочиями). Препятствием для привлечения к уголовной ответственности будет отсутствие таких криминообразующих признаков, как мотивы и цели, указанные в ч. 1 ст. 201, ч. 1 ст. 201.1, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 285.4 УК РФ.

Подобные варианты квалификации содеянного можно предложить и при решении вопросов конкуренции норм ст. 201.3 и 285.6 УК РФ с иными уголовно-правовыми, а также административно-правовыми нормами.

И конечно, нельзя не сказать о соотношении *уголовно-правового и административно-правового понятий «должностное лицо» в контексте рассмотренных норм уголовного права.* Сопоставление норм п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ и примечания к ст. 2.4 КоАП РФ свидетельствует о том, что понятием «должностное лицо» в административно-деликтном праве охватываются не только оба вида управленцев — специальных субъектов преступлений (должностные лица и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях), но и категории лиц, которые не могут быть отнесены ни к одному из этих двух видов специальных субъектов, но юридически приравниваются к должностным (например, индивидуальные предприниматели, члены конкурсной комиссии, аукционной комиссии, лица, осуществляющие деятельность в области оценки пожарного риска, в области проведения экспертизы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд). Данное различие существует давно, но бланкетность признаков специальных субъектов в новых составах заставила еще раз акцентировать внимание на этой разнице.

В большинстве уголовно-правовых норм, проанализированных в настоящей статье (кроме ч. 2 ст. 285.5 УК РФ), субъекты преступлений определены при помощи признаков, закрепленных в КоАП РФ, где отсутствует известная уголовному законодательству дифференциация управленцев на два вида. При этом в ст. 201.2, 201.3 УК РФ законодатель вообще не использует уголовно-правовой термин «лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации». Сопос-

тавление данных статей со ст. 285.5 и 285.6 УК РФ, где специальный субъект обозначен как «должностное лицо», не оставляет сомнений в том, что специальный субъект преступлений, предусмотренных ст. 201.2 и 201.3 УК РФ, не является должностным лицом. Но всегда ли он является лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (если, к примеру, исполнитель по договору, заключенному в целях выполнения ГОЗ, — индивидуальный предприниматель)? По нашему мнению, положительный ответ на данный вопрос, хотя и обусловлен расположением ст. 201.2 и 201.3 в гл. 23 УК РФ, их генетической связью со ст. 201.1 УК РФ, а также сферой действия нормы п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ, все же не очевиден.

Не беремся утверждать, что в уголовном праве нужна унификация понятия «должностное лицо»: дифференциация оснований ответственности двух видов управляющих субъектов в УК РФ имела и, видимо, по сей день имеет причины, но это ка-

сается только посягательств на разные виды службы как на основной объект (существует и иная точка зрения [9, с. 29—30]). Если же речь идет о составах с иными основными объектами, то такая дифференциация едва ли оправдана. Это еще один аргумент в пользу необходимости единых оснований ответственности за преступления, связанные с ГОЗ, независимо от вида субъектов, их совершающих.

Все изложенное позволяет констатировать, что очередная новеллизация уголовного законодательства об ответственности за служебные преступления, связанные с ГОЗ, вызвала вопросы толкования и применения новых норм. Надеемся, что эти проблемы станут предметом рассмотрения Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, в результате чего будут даны официальные разъяснения по вопросам квалификации данных преступлений.

1. Маркунцов С. А. О масштабах перманентной новеллизации Уголовного кодекса РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 18—26.

2. Коростелев В. С. Система служебных преступлений по уголовному праву России: вопросы истории, теории, практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара: СамГУ, 2014. 222 с.

3. Егорова Н. А. Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 132—138.

4. Аснис А. Я. Новеллы УК РФ об ответственности за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа: проблемы толкования и применения // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 147—156.

5. Волженкин Б. В. Служебные преступления. Москва: Юрист, 2000. 368 с.

6. Элекина С. В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: вопросы криминализации, кодификации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Самара: Самарский нац. исслед. ун-т им. акад. С. А. Королева, 2020. 259 с.

7. Безверхов А. Г., Голенко Д. В. Структура Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: современность и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 17—29.

8. Басова Т. Б. Преступление, предусмотренное статьей 287 УК России: спорные вопро-

1. Markuntsov S. A. On dimensions of permanent novelization of the Criminal code of the Russian Federation. Russian laws: experience, analysis, practice, 18—26, 2018. (In Russ.).

2. Korostelev V. S. System of crime of prevarication as per the criminal law of Russia: aspects of history, theory, practice. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Samara: SamSU; 2014: 222. (In Russ.).

3. Egorova N. A. Crime of prevarication while fulfilling the Government Defence Order. Law and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia, 132—138, 2019. (In Russ.).

4. Asnis A. Ya. Novels of the Criminal Code of the Russian Federation concerning the liability for abuses while fulfilling the Government Defence Order: interpretations and application. Gaps in Russian laws, 147—156, 2018. (In Russ.).

5. Volzhenkin B. V. Crime of prevarications. Moscow: Yurist; 2000: 368. (In Russ.).

6. Elekina S. V. Crimes against service at commercial and other companies: criminalization, codification and qualification. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Samara: Samara national research institute named after academician S. A. Korolev; 2020: 259. (In Russ.).

7. Bezverkhov A. G., Golenko D. V. Structure of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation: up-to-dateness and prospects. Bulletin of the Tomsk State University. Law, 17—29, 2022. (In Russ.).

8. Basova T. B. Crime as per the Article 287 of the Criminal Code of Russia: controversial issues

сы межотраслевой коллизии // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 91—94.

9. Есаков Г. А. К концепции единых служебных преступлений // Закон. 2022. № 4. С. 25—33.

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
egonatalex@yandex.ru

Егоров Александр Георгиевич,
профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор;
egonatalex@yandex.ru

of inter-branch collision. Gaps in the Russian laws, 91—94, 2015. (In Russ.).

9. Esakov G. A. Concerning the concept of unified crimes of prevarication. Law, 25—33, 2022. (In Russ.).

Egorova Natalya Aleksandrovna,
professor at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
egonatalex@yandex.ru

Egorov Aleksandr Georgievich,
professor at the forensic sciences department
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, professor;
egonatalex@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.347

doi: 10.25724/VAMVD.A112

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА,
СВЯЗАННЫЕ С МЕДИЦИНСКОЙ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ:
ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Александр Александрович Лихолетов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, A.Likholetov@mail.ru

Недостаточное количество разъяснений высшей судебной инстанции по вопросам квалификации преступления, предусмотренного ст. 235 Уголовного кодекса Российской Федерации (равно как и ст. 235.1 Уголовного кодекса Российской Федерации), и разграничения его со смежными составами уголовно наказуемых деяний, безусловно, приводит к возникновению проблем у правоприменителя, а также к отсутствию единообразия в судебной практике. В статье на основе изучения положений теории уголовного права и сложившейся правоприменительной практики проведен анализ различных ситуаций, требующих правильной юридической оценки деяний, совершаемых в сфере осуществления специальных видов предпринимательства, связанных с занятием медицинской или фармацевтической деятельностью, на основании чего автором предложены пути решения квалификационных проблем. По результатам исследования, с учетом изменений норм регулятивного законодательства, предлагаются меры по модернизации ст. 235 и 235.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: квалификация преступлений, лицензия, медицинская деятельность, состав преступления, фармацевтическая деятельность

Для цитирования: Лихолетов А. А. Преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательства, связанные с медицинской и фармацевтической деятельностью: вопросы квалификации и совершенствования законодательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 20—25. doi: 10.25724/VAMVD.A112

**CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF SPECIAL TYPES OF ENTREPRENEURSHIP
RELATED TO MEDICAL AND PHARMACEUTICAL ACTIVITIES:
ISSUES TO QUALIFY AND IMPROVE LEGISLATION**

Alexander Alexandrovich Likholetov

Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, A.Likholetov@mail.ru

Insufficient number of clarifying from the highest court on the qualification of the crime provided for Art. 235 of the Criminal Code of the Russian Federation (and Article 235.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) as well as distinguishing it from related elements of punishable criminal acts leads to problems for a law enforcement officer and a lack of uniformity in judicial practice on the whole. Based on the study of the provisions of the theory of the criminal law and the prevailing law enforcement practice the author of the given article analyzed various situations that require a correct legal assessment of acts to be committed in the sphere of special types of entrepreneurship related to medical or pharmaceutical activities. The author offered the ways to solve qualification problems. According to the results of the study, the author of the article proposed measures to modernize Art. 235 and Art. 235.1 of the Criminal Code of the Russian Federation taking into account changes in the norms of the regulatory legislation.

Keywords: qualification of crimes, license, medical activity, corpus delicti, pharmaceutical activity

For citation: Likholetov A. A. Crimes committed in the sphere of special types of entrepreneurship related to medical and pharmaceutical activities: issues to qualify and improve legislation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 20—25, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A112

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 (далее — постановление ПВС № 23) даны разъяснения, касающиеся отграничения незаконного осуществления медицинской или фармацевтической деятельности от преступления, предусмотренного ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)¹.

Так, при разграничении преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, и осуществления медицинской или фармацевтической деятельности без полученной в установленном законом порядке лицензии в случаях причинения вреда здоровью или смерти человека деяние должно квалифицироваться по ст. 235 УК РФ. При отсутствии указанных последствий и при условии извлечения дохода в крупном (особо крупном) размере либо причинения крупного ущерба гражданам, организациям, государству подобные деяния подлежат квалификации по статье о незаконном предпринимательстве.

Приговором Углегорского городского суда Сахалинской области Т. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ. Осужденный в период с января 2009 по декабрь 2015 г., являясь индивидуальным предпринимателем, в нарушение действующего законодательства осуществлял незаконную предпринимательскую деятельность по оказанию медицинских стоматологических услуг без специального разрешения, в результате чего извлек доход в крупном размере².

В приведенном примере правовая оценка действий виновного не вызывает сомнений.

Вместе с тем Пленум Верховного Суда Российской Федерации не дал рекомендации относительно правовой оценки действий лица, которое в результате осуществления медицинской или фармацевтической деятельности без лицензии извлекает доход в крупном размере или наносит крупный ущерб при одновременном причинении вреда здоровью или смерти человеку.

Б. В. Волженкин отмечал, что из положений п. 5 постановления ПВС № 23 следует вывод о необходимости квалификации содеянного по совокупности

ст. 171 и 235 УК РФ в подобных ситуациях [1, с. 218].

Действительно, в таких случаях вред причиняется нескольким объектам уголовно-правовой охраны (затрагиваются общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности и связанные с получением квалифицированных услуг в сфере здравоохранения [2, с. 211—213], а также здоровье или жизнь).

С учетом изложенного можно прийти к выводу, что одновременное наличие последствий, предусмотренных ст. 171 и 235 УК РФ (либо извлечение дохода в крупном размере как альтернативного признака объективной стороны незаконного предпринимательства), дает основания для квалификации содеянного по совокупности указанных преступлений [3, с. 131].

Необходимо отметить, что общественную опасность представляют не только действия, связанные с безлицензионным характером перечисленных видов предпринимательства, но и осуществление таковых без регистрации.

Например, органами предварительного расследования Б. обвинялась в осуществлении медицинской деятельности без лицензии, повлекшей по неосторожности причинение вреда здоровью Г. В судебном заседании установлено, что Б., не имея регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и лицензии на осуществление медицинской деятельности, находясь по месту жительства, оказала косметологическую услугу по перманентному татуажу век и химическому пилингу лица (дерматологический пилинг) Г., в результате которого потерпевшей был причинен химический ожог роговицы II—III степени левого глаза, осложнившийся гнойной язвой роговицы и потерей зрения на левом глазу, квалифицирующийся как тяжкий вред здоровью. Уголовное дело в отношении Б. было прекращено по нереабилитирующим основаниям — в связи с истечением срока давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ))³. Обстоятельства совершенного Б. преступления указывают на то, что обвиняемая занималась предпринимательством в сфере оказания медицинских услуг, не только не имея лицензии на данный вид деятельности, но и будучи незарегистрированной в качестве индивидуального предпринимателя.

¹ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 (ред. от 07.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Углегорского городского суда Сахалинской области от 26 мая 2017 г. по делу № 1-54/2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.01.2023).

³ Постановление Алданского районного суда Республики Саха (Якутия) от 30 июля 2018 г. по делу № 1-6/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 22.01.2023).

Представляется, что в подобных случаях должен ставиться вопрос о наличии в действиях виновного признаков осуществления предпринимательской деятельности без регистрации (при условии извлечения дохода в крупном (особо крупном) размере) и необходимости дополнительной квалификации содеянного по ст. 171 УК РФ, поскольку специальной нормой (ст. 235 УК РФ) такая форма преступного деяния не запрещена. Подобный подход должен применяться и в случаях производства лекарственных средств и медицинских изделий без прохождения государственной регистрации.

Аналогичной позиции придерживаются и теоретики уголовного права, рассматривая вопросы квалификации деяний, совершенных лицами, которые, не зарегистрировав в установленном законом порядке организацию, осуществляют действия по незаконному производству или обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, перечисленные в диспозиции ст. 171.3 УК РФ [4, с. 30; 5, с. 249].

Несмотря на то что подобный вариант квалификации называют избыточным, следует признать, что преступления, предусмотренные ст. 171 и 171.3 УК РФ в случае осуществления деятельности по обороту этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции без государственной регистрации и без лицензии, содержат две самостоятельные группы признаков, и вменить необходимо оба этих состава [6, с. 88].

Учитывая, что норма, предусмотренная ст. 235.1 УК РФ, является специальной по отношению к незаконному предпринимательству в случае незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий без полученного в установленном законом порядке разрешительного документа квалификация производится по ст. 235.1 УК РФ вне зависимости от размера извлеченного дохода (причиненного ущерба). Вместе с тем если указанный вид незаконной предпринимательской деятельности осуществляется лицом, не прошедшим государственную регистрацию или без лицензии, то при извлечении дохода либо причинении ущерба на сумму, превышающую 2 250 000 рублей, возможна квалификация по совокупности ст. 235.1 и 171 УК РФ.

Однако в правоприменительной практике такие ситуации могут возникать нечасто, что обусловлено существенным различием в содержании составообразующих признаков (дохода в крупном размере как элемента деяния в объективной стороне либо последствий в виде причинения крупного ущерба

гражданам, организациям, государству) незаконного предпринимательства и незаконного осуществления медицинской или фармацевтической деятельности. Если для наличия признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ, необходимо совершение деяния, повлекшего причинение вреда здоровью, констатация которого на практике не вызывает особых сложностей, поскольку определяется экспертным путем, то для установления факта извлечения в результате такой деятельности дохода в крупном размере либо причинения крупного ущерба в объемах, превышающих 2 250 000 рублей, необходимо привлечение существенных ресурсов со стороны правоохранительных органов. Более того, для квалификации по ст. 235.1 УК РФ необходимость установления каких-либо общественно опасных последствий ввиду законодательной конструкции состава отсутствует. Для правоприменителя проведение большого объема оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий по установлению и доказыванию, например, суммы дохода при осуществлении предпринимательства без государственной регистрации гораздо проблематичнее, чем установление степени тяжести вреда, причиненного здоровью.

Не исключено возникновение сложностей при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 235 и 238 УК РФ, обусловленных использованием законодателем в диспозиции последней из двух норм термина «услуги», разновидностью которых следует признать и отдельные действия, образующие содержание медицинской (проведение оперативного лечения, физиотерапевтических и диагностических процедур и др.) и фармацевтической (изготовление или реализация лекарственных средств и др.) деятельности. Подобный вывод основан на толковании положений ст. 779 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), в соответствии с которыми услугой следует считать определенные действия или деятельность, которые исполнитель обязуется выполнить по заданию заказчика за вознаграждение в оговоренном размере¹. Соответственно, нормы ст. 238 и 235 УК РФ соотносятся между собой как общая и специальная.

Изложенное выше позволяет прийти к выводу, что общественные отношения, охраняемые ст. 238 УК РФ, охватывают собой объект незаконной ме-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 08.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

дицинской или фармацевтической деятельности, а субъективные признаки анализируемых составов преступлений идентичны, в связи с чем основным их разграничительным критерием следует признать наличие или отсутствие последствий в виде причинения вреда здоровью или смерти.

Так, при осуществлении безлицензионной медицинской или фармацевтической деятельности, не отвечающей требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, при отсутствии последствий, предусмотренных ст. 235 УК РФ, содеянное подлежит квалификации по ч. 1 ст. 238 УК РФ. В случае причинения вреда здоровью или смерти применяется специальная норма (ст. 235 УК РФ).

Может возникнуть вопрос о конкуренции норм о преступлениях против жизни и здоровья и нормы п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ в описанных выше ситуациях. Вместе с тем употребление законодателем в диспозиции ст. 238 УК РФ словосочетания «оказание услуг» также наводит на мысль о невозможности привлечения лица к уголовной ответственности в случаях однократного совершения им деяния, содержащего признаки медицинской или фармацевтической деятельности.

При разграничении деяний, предусмотренных ст. 123 и ст. 235 УК РФ, могут появиться определенные трудности. В частности, в ситуации, когда лицо, не имея разрешительного документа на осуществление медицинской деятельности и медицинского образования соответствующего профиля, проводит искусственное прерывание беременности. Это обусловлено тем, что медицинская деятельность охватывает собой и сферу акушерства и гинекологии, также подлежащие лицензированию. И если отсутствие последствий в виде причинения вреда здоровью или смерти при незаконном производстве аборта не вызывает сомнений в выборе уголовно-правовой нормы, подлежащей применению, т. е. ч. 1 ст. 123 УК РФ, то наличие негативных результатов медицинской деятельности приводит к конкуренции уголовно-правовых норм.

Представляется, что в подобных ситуациях следует исходить из содержания деяния и субъективной стороны преступления. Как неоднократно отмечалось выше, для квалификации по ст. 235 УК РФ необходимо установление именно систематического характера незаконной медицинской деятельности, в отличие от противоправного прерывания беременности, для констатации которого достаточно единичного факта производства аборта. В то же время для квалификации по ст. 235 УК РФ необходимо выяснение направленности умысла виновного на регулярность совершаемых дейст-

вий с целью получения прибыли от нелегальной предпринимательской деятельности рассматриваемого вида либо того обстоятельства, что сознанием виновного охватывалось совершение единичного акта, направленного на прерывание беременности. Однако не следует исключать возможности вновь возникшего умысла, позволяющего констатировать несколько эпизодов преступной деятельности виновного, квалифицируемых по ст. 123 УК РФ, что также необходимо учитывать для правильной правовой оценки действий лица, совершившего уголовно наказуемое деяние.

А. Ю. Сичкаренко отмечает, что при разграничении деяний, предусмотренных ст. 123 и 235 УК РФ, необходимо учитывать особенности объектов уголовно-правовой охраны и исходить из того факта, что если лицо занимается производством прерывания беременности постоянно, то возникает опасность или причиняется вред здоровью населения, т. е. неопределенному количеству лиц, обратившихся за медицинской помощью, в то время как при незаконном производстве аборта (ст. 123 УК РФ) причиняется вред здоровью конкретной беременной женщины [3, с. 133].

Определенное сходство в содержании конструктивных признаков имеют составы преступлений, предусмотренных ст. 235.1 и 238.1 УК РФ. В настоящее время ответственность по ст. 235.1 УК РФ наступает в случае незаконного производства лекарственных средств или медицинских изделий, соответствующих нормативным требованиям к их свойствам (составу, структуре, форме выпуска и др.). Между тем в случае изготовления товара ненадлежащего качества ответственность наступает по ст. 238.1 УК РФ за производство несоответствующих требованиям медицинских изделий или лекарственных средств. Факт наличия или отсутствия соответствующей лицензии при этом не имеет значения для правовой оценки содеянного по этой статье.

С учетом изложенного следует констатировать, что в настоящее время в правоприменительной практике существует проблема разграничения преступлений, предусмотренных ст. 235 и 235.1 УК РФ, которые должны подлежать устранению исходя из сложившихся правил квалификации преступлений при наличии конкуренции общей и специальной норм, с учетом особенностей объектов уголовно-правовой охраны. Однако существенной минимизации ошибок в правоприменении могли бы способствовать официальные разъяснения высшей судебной инстанции России по вопросам квалификации преступлений в сфере осуще-

ствления медицинской и фармацевтической деятельности. Кроме того, необходимо принимать меры по совершенствованию самих норм об уголовной ответственности за рассматриваемые виды незаконного предпринимательства.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (далее — ФЗ № 61) производство лекарственных средств, наряду с непосредственным их изготовлением, включает в себя еще и деятельность по хранению и продаже полученных лекарственных средств¹. Производство и хранение лекарственных средств или медицинских изделий без соответствующей лицензии содержит в себе меньшую степень общественной опасности, чем их продажа, а причинение крупного ущерба и тем более извлечение дохода в крупном размере при отсутствии реализации изготовленной продукции маловероятно.

Смысл существования любого вида незаконного предпринимательства, в том числе в сфере фармацевтики и медицины, заключается в получении дохода в максимальных объемах, что, в первую очередь, связано с продажей нелегально произведенного товара. Следует отметить, что объем коммерческого рынка лекарственных препаратов в нашей стране за 2022 г. составил 2 573 млрд рублей, что на 20,7 % больше аналогичного периода прошлого года². Исходя из показателей законной фармацевтической деятельности, можно предположить, что размер прибыли от нелегального предпринимательства рассматриваемого вида будет также существенным.

Изложенное позволяет сформулировать вывод о необходимости установления уголовной ответственности именно за безлицензионную продажу лекарственных средств, причиняющую ущерб экономической деятельности государства.

Указанные выше действия содержат признаки фармацевтической деятельности, которая включает в себя оптовую торговлю лекарственными средствами, их хранение, перевозку и (или) розничную торговлю лекарственными препаратами, их отпуск, хранение, перевозку, изготовление лекарственных препаратов³.

¹ Об обращении лекарственных средств: федер. закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 14.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Фармацевтический рынок России. Июнь 2022. URL: <https://dsm.ru/docs/analytics> (дата обращения: 03.05.2023).

³ Об обращении лекарственных средств: федер. закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 14.07.2022).

Согласно ст. 54 ФЗ № 61 оптовая торговля лекарственными средствами осуществляется их производителями и соответствующими организациями по правилам надлежущей дистрибьюторской практики и надлежущей практики хранения и перевозки лекарственных препаратов, утвержденным соответствующими федеральными органами исполнительной власти⁴. Таким образом, фармацевтическая деятельность охватывает и реализацию произведенных лекарственных средств, но не включает в себя продажу медицинских изделий, что позволяет прийти к выводу об отсутствии оснований для выделения производства лекарственных средств в качестве самостоятельного состава преступления, поскольку содеянное будет содержать в себе признаки объективной стороны деяния, запрещенного ст. 235 УК РФ. Кроме того, с апреля 2021 г. производство медицинских изделий лицензированию не подлежит⁵, а разрешительный документ необходим только для их технического обслуживания⁶.

Подводя итог сказанному, считаем целесообразным установить ответственность за незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности в рамках единой статьи, которая по признакам видового объекта должна быть помещена в главу 22 УК РФ [7].

⁴ Об обращении лекарственных средств: федер. закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 14.07.2022).

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и статьи 12 и 22 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»: федер. закон от 30 апреля 2021 г. № 128-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по техническому обслуживанию медицинских изделий (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя, а также случая технического обслуживания медицинских изделий с низкой степенью потенциального риска их применения): постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1445 (ред. от 30.11.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. Санкт-Петербург: Юрид. центр — Пресс, 2007. 765 с.

2. Ганаева Е. Э. Юридическая природа уголовной ответственности за незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2015. № 4 (19). С. 211—214.

3. См. подробнее: Сичкаренко А. Ю. Уголовно-правовое противодействие незаконному занятию частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью: монография / под общ. науч. рук. проф. А. Г. Кибальника. Москва: Илекса, 2012. 184 с.

4. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 27—35.

5. Нудель С. Л., Зайцев О. А., Кашепов В. П. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 247—254.

6. Жилкин М. Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. Москва: Юриспруденция, 2019. 144 с.

7. См. подробнее: Лихолетов А. А. К вопросу об объекте незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 64—66.

Лихолетов Александр Александрович,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
A.Likholetov@mail.ru

1. Volzhenkin B. V. Crimes in the sphere of economic activity according to criminal law of Russia. Saint Petersburg: Juridical Center — Press; 2007: 765. (In Russ.).

2. Ganayeva Ye. E. Legal nature of criminal liability for illegal implementation of medical or pharmaceutical activities. Modern fundamental and applied research, 211—214, 2015. (In Russ.).

3. Refer to: Sichkarenko A. Yu. Criminal and legal counteraction to illegal private medical practice or private pharmaceutical activity. Monograph. Scientific guidance by prof. A. G. Kibalnik. Moscow: Ilekxa; 2012: 184. (In Russ.).

4. Lopashenko N. A. Crimes in the sphere of economic activity: about the ruins of the criminal law. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 27—35, 2018. (In Russ.).

5. Nudel S. L., Zaitsev O. A., Kashepov V. P. Criminal liability for crimes related to illegal turnover of alcoholic and alcohol-containing products. Vestnik of the Tomsk state university, 247—254, 2019. (In Russ.).

6. Zhilkin M. G. Crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems to classify and differ responsibility. Monograph. Moscow: Jurisprudence; 2019: 144. (In Russ.).

7. Refer to: Likholetov A. A. On issue of the object of illegal production of medicines and medical products. Russian Justice, 64—66, 2016. (In Russ.).

Likholetov Alexander Alexandrovich,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
A.Likholetov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A113

**ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНА ВООРУЖЕННОГО НАПАДЕНИЯ
НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (СКУЛШУТИНГА)
В РОССИИ**

Эльвира Александровна Мамонтова*, **Алексей Алексеевич Швыркин****

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия

* mamontova-e@rambler.ru

** shvyrkin@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы появления и развития в России такого вида подростковой и молодежной преступности, как вооруженные нападения на образовательные организации, сопровождающиеся причинением вреда здоровью и жизни обучающихся, педагогов и других случайных людей. Отмечено, что вооруженные нападения на образовательные организации как явление возникло в США. Однако в последние десятилетия этот феномен активно распространяется и в других странах, в том числе в России. Показано, что акты насилия в образовательных учреждениях России, направленные на обучаемых или педагогов, сопровождаются широким общественным резонансом и длительной дестабилизацией обстановки в учебном заведении, подвергшемся нападению. Общественное внимание к таким происшествиям, а также их растущее число привели к активизации исследований российским научным сообществом детерминации подобных явлений, а также механизма индивидуального преступного поведения, побудившего обучающегося принять решение о применении насилия.

Ключевые слова: вооруженные нападения, образовательные организации, подростки, молодежь, учащиеся, студенты, образовательная среда

Для цитирования: Мамонтова Э. А., Швыркин А. А. Генезис феномена вооруженного нападения на образовательные организации (скулшутинга) в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 26—32. doi: 10.25724/VAMVD.A113

**GENESIS OF THE PHENOMENON OF ARMED ATTACK
ON EDUCATIONAL ORGANIZATIONS (SCHOOL SHOOTING)
IN RUSSIA**

Elvira Aleksandrovna Mamontova*, **Alexey Alekseevich Shvyrkin****

Tambov State Technical University, Tambov, Russia

* mamontova-e@rambler.ru

** shvyrkin@mail.ru

Abstract. The article explores the emergence and development in Russia of such a type of teenage and youth crime as armed attacks on educational organizations, accompanied by harm to health and life for students, teachers and other random people. It is noted that armed attacks on educational organizations as a phenomenon arose in the United States. However, in recent decades, this phenomenon has been actively spreading to other countries, including Russia. It has been shown that acts of violence in educational institutions of Russia aimed at students or teachers are accompanied by a wide public outcry and a prolonged destabilization of the situation in the educational institution under attack. Public attention to such incidents, as well as their growing number, led to the intensification of research by the Russian scientific community on the determination of such phenomena, as well as the mechanism of individual criminal behavior that prompted the student to decide on the use of violence.

Keywords: armed attacks, educational organizations, adolescents, youth, pupils, students, educational environment

For citation: Mamontova E. A., Shvyrkin A. A. Genesis of the phenomenon of armed attack on educational organizations (schoolshuting) in Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 26—32, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A113

Вооруженные нападения на образовательные организации стали новым видом проявления криминальной активности подростков и молодежи в современном мире. Ученые, занимающиеся исследованием подобных явлений, находят много общих признаков у таких преступлений с террористическим актом (ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)), а также с убийством двух и более лиц, совершенным общеопасным способом (пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В любом случае данная проблема нуждается в подробном исследовании, поскольку криминализация образовательной среды является потенциальной угрозой национальной безопасности России.

Акты насилия в учебных заведениях с применением оружия, приводящие к гибели обучаемых либо педагогов, всегда вызывают широкий общественный резонанс (вид учреждений может варьироваться от начальной школы до вузов). Такие вооруженные нападения на образовательные организации в зарубежной, а затем и в российской криминологии получили название «скулшутинг» (в переводе с английского «school shooting» — школьная стрельба).

Популярность в подростковой аудитории идей необходимости и даже оправданности проявления агрессии и насилия в ситуациях конфликта со сверстниками или взрослыми в образовательной среде стала одной из актуальных проблем современности [1, с. 6]. В большинстве демократических стран проводятся исследования по данной тематике, разрабатываются и реализуются различные программы по профилактике подросткового и молодежного насилия в учебных заведениях. Зарубежные ученые и практики уже давно столкнулись с необходимостью научного осмысления этого явления для установления причин девиантного поведения подростков и молодежи, а также оптимизации мер предупреждения. Однако в российском научном сообществе таким феноменам, как буллинг и скулшутинг, внимания уделяется недостаточно.

Я. И. Гилинский, проводя криминологический анализ преступного поведения различных возрастных групп населения, пришел к выводу о том, что «генезис подростково-молодежной преступности подчиняется общим закономерностям... Но социально-экономическое неравенство, неравенство возможностей, доступных людям, принадлежащим к различным группам (стратам), своеобразно проявляется применительно к подросткам и молодежи» [2, с. 84].

Переход страны к рыночной экономике повлек за собой расслоение общества, социально-экономическое неравенство людей и неравенство стар-

товых возможностей для их детей. Конечно, социальный статус и материальное положение семьи влияют в определенной степени на успешность социализации и самооценку подростка. Но не это главное. Механический, непродуманный перенос рыночных экономических отношений на систему образования привел к превращению школьного и профессионального образования детей и молодежи в рутинное получение образовательной услуги, мало связанное с формированием духовности и мировоззрения обучающихся, с задачами воспитания полноценной личности. Труд школьных педагогических работников из благородной миссии по воспитанию подрастающего поколения превратился в предельно бюрократизированную образовательную услугу, главной задачей которой является достижение обучающимися целевых показателей ОГЭ и ЕГЭ. Низкая оплата труда школьного педагогического работника и значительное падение престижа профессии учителя обусловили высокую текучесть кадров в системе школьного образования. Заметно снизился авторитет личности школьного педагогического работника в глазах учащихся и их родителей, что привело к потребительскому и неуважительному отношению к педагогам. Высокая нагрузка на учителей, связанная с составлением отчетности и учебных планов, занимающая значительную часть рабочего и личного свободного времени, привела к тому, что у педагогических работников не осталось ни времени, ни желания разбираться с проблемами и конфликтами учащихся. Школьные психологи (там, где они есть) обычно нацелены на анализ причин плохой успеваемости обучающихся и на помощь детям в этом плане. Немаловажную роль в криминализации образовательной среды сыграло отсутствие централизованной государственной системы противодействия преступности в учебных заведениях России. Регулирование этой деятельности преимущественно отдано на усмотрение региональных и местных властей. Формальное отношение школьных психологов и педагогов к работе по выявлению жертв школьного буллинга (от англ. «bullying» — запугивание, травля) и оказанию им помощи, а также отсутствие эффективной системы защиты учебных заведений от насильственных проявлений привело к росту случаев скулшутинга в нашей стране.

Понятие «буллинг» появилось в XX в. Под школьным буллингом сегодня понимается физическое или психологическое насилие одного ученика, осуществляемое в отношении другого (при пассивном соучастии «наблюдателей») этого процесса). Лидер класса стремится таким образом самоутвердиться или упрочить свое доминирова-

ние. Стоит отметить, что подобная травля развивается почти в любом закрытом сообществе, как взрослом, так и детском. Школьный буллинг как социальное явление широко распространен практически во всем мире, в том числе в России.

Первое серьезное исследование данного явления в среде детей и подростков было проведено сравнительно недавно, оно описано в книге норвежского профессора психологии Дана Ольвеуса «Буллинг в школе: что мы знаем и что можем сделать», опубликованной в 1993 г. Профессор провел анонимное интервьюирование учащихся в Норвегии и Швеции по проблеме школьного буллинга, которое показало, что практически каждый шестой школьник регулярно сталкивался с ситуацией травли. А. А. Бочавер и К. Д. Хломов в связи с этим констатировали, что в общественном мифологическом дискурсе буллинг довольно часто воспринимается как неизбежный эволюционный этап «нормального» периода взросления несовершеннолетних и своеобразный элемент воспитательно-го процесса [3, с. 153]. Работа Д. Ольвеуса способствовала выведению темы школьного буллинга из «тени» и привлечению к ней внимания властей и научной общественности. Началось активное изучение ситуации, появилось много исследований, как за рубежом, так и в России, посвященных вопросам феноменологии школьного буллинга, методам его профилактики и преодоления в детском коллективе.

С развитием Интернета травля распространилась, помимо реального, еще и на виртуальное пространство — в различные социальные сети (ВКонтакте, ЯРУС, Яндекс.Дзен и т. д.) и мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram). В них поддельным профилем можно написать выбранному адресату любое сообщение. Такую возможность используют многие школьники, убежденные в своей безнаказанности, веря, что им не придется нести ответственность за свои поступки. Подростки отправляют своим жертвам агрессивные или неприличные фото и видео, сопровождая их оскорбительными высказываниями.

Разновидностью школьного буллинга является школьный моббинг (от англ. «mob» — агрессивная толпа) — коллективная систематическая травля подростка сверстниками, когда в этом участвует весь класс или большая его часть. «Выделяют следующие виды моббинга среди подростков: *физические проявления травли* — выражаются в пинках, подножках, толчках, в редких случаях в форме избиения; *вербальное проявление травли* — заключается в издевках, насмешках, оскорблениях, клевете; *изоляция* — может проявляться в форме бойкота; *кибермоббинг* — намеренные

оскорбления, угрозы, домогательства и сообщение другим компрометирующих данных с помощью современных средств коммуникации»¹.

Психологи заметили, что школьный буллинг можно сравнить с семейным насилием по уровню воздействия на психическое состояние ребенка. У подвергающегося травле учащегося могут возникнуть психосоматические расстройства: головные боли, бессонница и проблемы с аппетитом, обострение хронических заболеваний. Помимо этого нередко развиваются депрессивные расстройства, повышенная тревожность, невротические состояния. Самыми негативными последствиями буллинга могут стать проявления аутоагрессии — попытки суицида, обусловленные отчаянием, или агрессия, направленная во внешнюю среду — скулшутинг, когда школьник больше не в силах переносить систематическую травлю и принимает решение отомстить агрессорам с применением оружия [4, с. 760].

Под скулшутингом понимают вооруженное нападение на образовательную организацию учащегося или иного связанного с учебным заведением человека, который ассоциирует данное учреждение с источником агрессии, направленной на него. Практически все, кто осуществлял подобные нападения, являлись жертвами, доведенными до отчаяния буллингом со стороны соучеников.

Первым случаем скулшутинга в мире принято считать трагедию в Литтл-тоне штата Колорадо США. 20 апреля 1999 г. в старшей школе «Колумбайн» учащиеся Э. Харрис и Д. Клиболд совершили нападение на учебное заведение с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Погибли 12 учащихся и 1 педагог, пострадали 23 учащихся. Оба скулшутера совершили самоубийство, доведя, таким образом, количество убитых в результате инцидента до 15 человек [5]. Инцидент в школе «Колумбайн» был далеко не первым случаем нападения на образовательные учреждения, но именно он стал поп-культурным феноменом, символом для последователей скулшутинга из числа подростковой аудитории во многих странах мира. Название школы «Колумбайн» стало использоваться как синоним понятия «скулшутинг». Во многом это было обусловлено активным освещением данного инцидента в новых цифровых медиа (Интернет, социальные сети), быстрым распространением видеоизображения расстрела, дневниковых записей Э. Харриса и Д. Клиболда, информации об их увлечениях, любимых фильмах и музыкальных предпочтениях. По мотивам указанных событий были сняты несколько кинофильмов.

¹ Лакреева А. В., Курдупова О. В. Моббинг как трудная жизненная ситуация для подростка // Научно-методический электронный журнал «Концепт»: сайт. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56552.htm> (дата обращения: 01.02.2023).

Долгое время в России не фиксировалось вооруженных нападений на образовательные организации. Первым официально зарегистрированным случаем применения насилия в школе на территории нашей страны можно считать инцидент, произошедший 5 мая 1874 г., когда учащийся 6 класса гимназии № 9 Екатеринбурга Алексей Скачков застрелил из револьвера директора учебного заведения Якова Предтеченского, имевшего намерение отчислить ученика из гимназии за дисциплинарное нарушение и слабую успеваемость¹. Но это происшествие и иные случаи персонифицированной расправы над отдельными личностями на территории учебных заведений большинство специалистов не причисляют к скулшутингу, целью которого обычно является месть не только конкретным «обидчикам», но и учебному заведению в целом (включая обучающихся, педагогов, прочий персонал учебного заведения, вплоть до случайных посетителей).

В СССР о случаях нападения на учебные заведения сообщалось очень скупо или вообще информация о них замалчивалась. Недавно стало известно, что 4 апреля 1950 г. в небольшом молдавском селе Гиска военрук школы Владимир Татарников ворвался в школьный класс во время урока и, схватив учительницу, решившую расстаться с ним, взорвал кустарно изготовленное взрывное устройство. Кроме них двоих погибли еще 21 ученик и завуч школы. Таким образом, в результате данного нападения на учебное заведение в общей сложности погибли 24 человека².

11 февраля 1958 г. в рабочем поселке Лямино Чусовского района Пермской области Михаил Целуосов, секретарь комсомольской организации строительной школы № 6, узнав о жалобах несовершеннолетних учащихся на его поведение, будучи в нетрезвом состоянии, открыл огонь из мелкокалиберной винтовки по всем без разбору на территории учебного комбината и общежития. В результате данного нападения на учебное заведение погибли 7 учащихся строительной школы, ранения получили 6 учащихся³.

По мнению А. Милкуса, в замалчивании официальными властями вооруженных нападений на учебные заведения присутствовал в некоторой степени и положительный аспект — это была своеобразная профилактика синдрома Вертера (подражательства громким преступлениям). Только после 1987 г. в советской молодежной прессе стали появляться подробности некоторых аналогичных преступлений⁴. Рассмотрим наиболее известные случаи нападения с применением оружия, произошедшие в учебных заведениях нашей страны.

Первый случай скулшутинга в современной России произошел 3 февраля 2014 г. в школе № 263 Москвы. Ученик 10 класса Сергей Гордеев пришел в свой класс с винтовкой и карабином, убил учителя, а затем стал объяснять учащимся свои взгляды на философию жизни. После прибытия наряда полицейских он оказал им сопротивление, смертельно ранил одного из сотрудников правоохранительных органов, еще один полицейский получил сквозное ранение в области грудной клетки. Убийцу удалось задержать, когда в школу пришел его отец и уговорил подростка сдаться полиции. Экспертиза установила, что старшеклассник находился в невменяемом состоянии, суд направил его в психиатрическую больницу на принудительное лечение⁵.

Следующий акт скулшутинга имел место 5 сентября 2017 г. Пятнадцатилетний Михаил Пивнев, обучавшийся в Ивантеевской школе № 1 Московской области, пришел в свой класс с кухонным топориком и пневматической винтовкой и серьезно ранил учительницу. Затем начал нападать на учащихся. Однако своевременно прибывшие полицейские успели остановить его преступные действия. В результате преступления пострадали 4 человека, погибших нет⁶.

Стрельба 17 октября 2018 г. в Керченском политехническом колледже стала крупнейшим вооруженным нападением на учебное заведение в новейшей истории России. Студент 4 курса Владислав Росляков использовал взрывные устройства

¹ Антоненков Д. Первый «колумбайн» в Екатеринбурге произошел в XIX веке. История гимназического шутинга // 66.ru: сайт. URL: <https://66.ru/news/society/227559/> (дата обращения: 01.02.2023).

² Караваев А. «Было приказано молчать»: RT приоткрыл завесу тайны над одним из самых малоизвестных терактов в СССР // RT на русском: сайт. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/863485-terakt-shkola-giska-sssr> (дата обращения: 01.02.2023).

³ Якунчева О. Комсорг мстил за жалобы: в 1958 году в Чусовском районе произошло массовое убийство, которое скрыли // 59.ru: сайт. URL: <https://59.ru/text/incidents/2021/05/20/69924446/> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴ Милкус А. А В советское время в школы с топором не приходили... // Комсомольская правда: сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/26784/3818417/> (дата обращения: 01.02.2023).

⁵ Сенников Е. «Колумбайн» везде: что случилось в США почти 20 лет назад и как это повлияло на жизнь школ // Мел: сайт. URL: https://mel.fm/shkola/1935407-kill_in_school (дата обращения: 01.02.2023).

⁶ Природа скулшутинга: почему происходят массовые расстрелы и как их предотвратить // Forbes: сайт. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/429493-priroda-skulshutinga-pochemu-proishodyat-massovye-rasstrely-i-kak-ih-predotvratit> (дата обращения: 01.02.2023).

и помповое ружье, на которое у него имелось разрешение. Он проник в столовую колледжа через запасной вход, где взорвал самодельное взрывное устройство. Потом поднялся на второй этаж, где начал вести прицельный огонь по всем встреченным людям. Затем он закрылся в библиотеке и выстрелил себе в голову. В этом акте скулшутинга погиб 21 человек (включая Рослякова), пострадали 67 человек¹. В ходе следствия выяснилось, что студент Владислав Росляков тоже, как и в ряде предыдущих резонансных случаев массовых школьных убийств, был последователем субкультуры скулшутеров (колумбайнеров)².

11 мая 2021 г. 19-летний Ильназ Галявиев пришел в казанскую гимназию № 175, выпускником которой он являлся, с законно приобретенным охотничьим ружьем и самодельной бомбой и начал стрельбу. Всего было убито 9 человек (7 учащихся и 2 учительницы), 32 человека получили травмы и ранения. После длительных переговоров он сдался полиции³.

20 сентября 2021 г. 18-летний студент Пермского государственного университета Тимур Бекмансуров устроил стрельбу в этом учебном заведении. С собой он принес помповое охотничье ружье. Стрелять Бекмансуров начал еще на университетской автомобильной стоянке по машинам и людям. С улицы он ранил одного из двух охранников вуза. Войдя в здание, нападавший убил раненого охранника и стал вести беспорядочную стрельбу внутри помещения. Присутствующих охватила паника, и они в спешке начали разбегаться по аудиториям, баррикадировать входы. Бекмансуров произвел более 30 выстрелов. Погибли 6 человек, 47 человек пострадали. Некоторые из пострадавших получили травмы, когда прыгали из окон, пытаясь спастись. Нападавшего тяжело ранил инспектор ДПС, обезоружил и задержал. Бекмансурова доставили в больницу. Позже из-за полученных ранений ему пришлось ампутировать часть ноги. По данным судмедэкспертизы, во время нападения Бекмансуров находился во вменяемом состоянии⁴.

¹ Сидоров А. О стрельбе в российских школах: история и хронология // News.ru: сайт. URL: <https://news.ru/society/o-strelbe-v-rossijskih-shkolah-istoriya-i-hronologiya/> (дата обращения: 01.02.2023).

² Взрывы в Керчи передумали считать терактом // Век: сайт. URL: <https://wek.ru/vzryvy-v-kerchi-peredumali-schitat-teraktom> (дата обращения: 01.02.2023).

³ Ильназу Галявиеву продлили арест до августа по делу о стрельбе в казанской гимназии // Интерфакс.ру: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/839456> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴ Сидоров А. О стрельбе в российских школах: история и хронология.

Утром 13 декабря 2021 г. 18-летний выпускник православной гимназии Серпухова Владимир Струженков подорвал самодельную бомбу у входа в это учебное заведение. В результате инцидента пострадали 10 несовершеннолетних учащихся гимназии, а также и сам Струженков. Как позже стало известно, в период учебы Струженков неоднократно подвергался буллингу⁵.

Перечисленные происшествия привели к активизации интереса ученых к изучению скулшутинга в России. Было установлено, что скулшутинг имеет ряд характерных признаков, которые позволяют считать его самостоятельным криминологическим феноменом. В отличие от похожих атак в обособленных коллективах (например, при расстреле сослуживцев в казармах, на вахтах и экспедициях) при нападениях на учебные заведения цели нападающих обычно не персонифицированы, вследствие чего жертвами нападения могут стать случайные люди (учащиеся, педагоги, прочий персонал учебного заведения, посетители). В связи с этим рассматриваемое явление следует отличать от «террористических актов в образовательных организациях с применением различных видов оружия и выдвижением каких-либо требований к властям (например, захват заложников в школе № 1 города Беслана Республики Северная Осетия — Алания 1 сентября 2004 г.)», — считает В. Д. Никишин [6, с. 63]. «Ключевой маркер скулшутинга заключается в том, что преступник стреляет в людей, которые не были его первоначальной целью в плане выбора персонифицированной жертвы криминального насилия. Именно этот признак позволяет отграничивать акты скулшутинга от убийств, совершенных в ходе межличностных конфликтов, когда жертвой становится заранее определенное лицо», — пишет Ю. В. Суходольская [7, с. 118]. С приведенными точками зрения мы абсолютно согласны.

Дословный перевод термина «скулшутинг» предполагает его использование лишь для описания нападений с применением стрелкового оружия («school» — школа, «shoot» — стрельба). Тем не менее многие российские эксперты считают, что он вполне подходит к определению случаев нападений на образовательные организации с другими средствами и предметами, которые могут использоваться в качестве орудия преступления [8, с. 15]. Статистический анализ эпизодов скулшутинга в разных странах мира показывает, что огнестрельное оружие для совершения атак чаще применялось в государствах, где владение им законно, как, например, в США. В странах с более

⁵ Напавший на гимназию при монастыре в Серпухове находится в реанимации // Интерфакс.ру: сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/809027> (дата обращения: 01.02.2023).

строгими законодательными ограничениями на владение огнестрельным оружием, как в Японии, для совершения атак чаще всего использовалось холодное оружие. Однако это не приводило к меньшему числу погибших. Из-за внезапности нападения люди оказывались парализованными страхом. Известны случаи применения самодельных взрывных устройств, ядовитых или химических веществ, арбалетов и других видов охотничьего и спортивного оружия, различных профессиональных инструментов, кухонных ножей и хозяйственного инвентаря, а также иных средств и предметов, которые могут использоваться для причинения вреда здоровью и угрозы жизни людей. В. Д. Никишин в своем исследовании пришел к выводу о том, что «скулшутинг следует трактовать как любую форму насильственных действий в образовательных учреждениях, совершаемых учащимся (группой учащихся) или посторонним лицом в отношении преподавателей и обучающихся с использованием оружия и подручных средств» [6, с. 64].

Таким образом, распространению идей насильственного разрешения конфликтов в подростково-молодежной среде во многом способствовало отсутствие надлежащего контроля за публикуемым контентом в различных социальных сетях и Интернете в целом. Легкий доступ к депрессивно-агрессивному и околосуицидальному контенту в сети Интернет, героизирующему поступки «школьных стрелков», способствовал распространению феномена скулшутинга в виде Колумбайн-эффекта — массовой волны подражающих инцидентов в разных странах мира в результате широкого и интенсивного освещения случаев скулшутинга в средствах массовой информации. Многие исследователи данного явления констатируют, что гипертрофированное внимание к резонансным самоубийствам и массовым убийствам, излишне подробное их описание способствуют увеличению числа подобных событий [9, с. 95].

Развитие культуры и, как следствие, самого общества зависит от вектора, который задает информационное пространство. В Интернете пропаганда преступной идеологии, а именно потребления наркотиков, элементов криминальной субкультуры, экстремистских идей и других форм девиантного поведения, не является редкостью. Так, Н. Ф. Борисова приводит данные о том, что «в одной только социальной сети „ВКонтакте“ движению скулшутинга посвящено более 50 молодежных групп. Данные паблики имеют значительное количество подписчиков и имеют резервные аккаунты на случай блокировки» [10, с. 126]. Результаты такой криминальной информационной пропаганды среди несовершеннолетних видны уже сегодня. Одним из явных и опасных примеров является популярная

защита вооруженных нападений на образовательные учреждения как способа громко заявить о себе как о личности и отомстить за издевательства, унижения и социальную изоляцию. Российская практика предварительного расследования атак на учебные заведения показывает, что большинство актов скулшутинга совершается под влиянием информации в Интернете. Мониторинг интернет-пространства и социальных сетей в последнее время стал одним из наиболее эффективных способов предотвращения проявлений скулшутинга в России. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин 23 декабря 2021 г. на пресс-конференции сообщил, что за последнее время в стране было предотвращено 127 серьезных преступлений в учебных заведениях¹.

Очевидно, что деструктивный контент в Интернете, в том числе распространяемый через социальные сети, мессенджеры и теневое пространство DarkNet, представляет серьезную опасность для подростков, в силу возрастных особенностей не умеющих критически оценивать информацию. Как отмечают В. В. Плотников и С. Ф. Самойлов, «проблема в данном случае состоит не столько в том, что информация о скулшутинге становится доступной подросткам, сколько в том, что для них это становится „рабочей моделью“, которую можно использовать в ситуациях конфликта с одноклассниками или педагогами» [11, с. 165]. Поскольку акты насилия в образовательных учреждениях, направленные на обучающихся или педагогов, сопровождаются широким общественным резонансом и длительной дестабилизацией обстановки в учебном заведении, подвергшемся нападению, необходимы дальнейшие исследования правоведов, педагогов, социологов, психологов, других специалистов и экспертов по вопросам противодействия скулшутингу в России.

В нашем исследовании мы сделали попытку охарактеризовать феномен скулшутинга в России, раскрыть причины его возникновения и факторы, способствующие его развитию. Для успешного противодействия проявлениям скулшутинга необходимы совместные усилия образовательных организаций, органов правопорядка и иных заинтересованных структур по улучшению воспитательной работы и организации психологической помощи в учебных заведениях, созданию системы предупреждения буллинга в учебном коллективе и созданию централизованной государственной системы профилактики преступности в учебных заведениях России.

¹ Большая пресс-конференция В. Путина. 23.12.2021 // Kremlin.ru: сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67438> (дата обращения: 01.02.2023).

1. Алексеева А. П. Криминология. Особенная часть. Ч. 1: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 80 с.

2. Гилинский Я. И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // Криминалистика. 2010. № 2. С. 84—90.

3. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 149—159.

4. Гиталова К. В. Буллинг как один из видов насилия // Трибуна ученого. 2020. № 6. С. 756—760.

5. Самые громкие преступления, совершенные американскими подростками // Коммерсантъ: газета. 2000. 26 апр.

6. Никишин В. Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. Т. 74, № 11. С. 62—76.

7. Суходольская Ю. В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2020. № 3 (77). С. 117—120.

8. Алексеева А. П. Криминология. Общая часть: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 80 с.

9. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 93—107.

10. Борисова Н. Ф. Скулшутинг — новая криминальная угроза обществу // Российский правовой журнал. 2021. № 1 (6). С. 125—129.

11. Плотников В. В., Самойлов С. Ф. Проблема скулшутинга (Колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 163—168.

Мамонтова Эльвира Александровна,

доцент кафедры безопасности и правопорядка Тамбовского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент; mamontova-e@rambler.ru

Швыркин Алексей Алексеевич,

доцент кафедры безопасности и правопорядка Тамбовского государственного технического университета, кандидат юридических наук; shvyrkin@mail.ru

1. Alekseeva A. P. Criminology. Special Part. Part 1. Tutorial. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 80. (In Russ.).

2. Gilinsky Ya. I. Juvenile delinquency: criminological analysis. Criminalist, 84—90, 2010. (In Russ.).

3. Bochaver A. A., Khlomov K. D. Bulling as an object of research and cultural phenomenon. Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 149—159, 2013. (In Russ.).

4. Gitalova K. V. Bulling as one of the types of violence. Tribune of the scientist, 756—760, 2020. (In Russ.).

5. The most high-profile crimes committed by American teenagers. Kommersant. Newspaper, 2000. 26 April. (In Russ.).

6. Nikishin V. D. Columbine (skulshuting): essence, legal qualifications, forensic diagnostics. Lex russica, 62—76, 2021. (In Russ.).

7. Sukhodolskaya Yu. V. Skulshuting as an independent criminological phenomenon. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 117—120, 2020. (In Russ.).

8. Alekseeva A. P. Criminology. General part. Tutorial. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 80. (In Russ.).

9. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Skulshuting in Russia: what matters? Power, 93—107, 2021. (In Russ.).

10. Borisova N. F. Skulshuting — a new criminal threat to society. Russian Law Journal, 125—129, 2021. (In Russ.).

11. Plotnikov V. V., Samoilov S. F. The problem of skulshuting (Columbine) in Russian science. Society and law, 163—168, 2021. (In Russ.).

Mamontova Elvira Aleksandrovna,

associate professor at the department of security and law and order of the Tambov State Technical University, candidate of historical sciences, docent; mamontova-e@rambler.ru

Shvyrkin Alexey Alekseevich,

associate professor at the department of security and law and order of the Tambov State Technical University, candidate of juridical sciences; shvyrkin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.32

ББК 10.25724/VAMVD.A114

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ
В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СВОИХ СТРАН**

Александр Николаевич Пирожников

Управление по вопросам миграции Главного управления МВД России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В зарубежной уголовно-правовой доктрине, равно как и в законодательстве, иные меры уголовно-правового характера и вопросы их правового регулирования разработаны лучше, чем в России. Во многом такая ситуация объясняется тем, что за рубежом превалирует упрощенное понимание уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия, а также более жесткое и категоричное отношение к ожидаемым результатам их реализации. Наиболее приоритетным видится подход, который с успехом можно использовать и в российском уголовном законе, когда на нормативном уровне выделяются самостоятельные меры иного характера, необходимые для превентивного влияния на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства. В условиях геополитического противоборства, смен сфер влияний, состояния непрекращающихся (и только нарастающих) войн введение таких мер в отечественном уголовном законе совершенно необходимо и обоснованно. Изучение зарубежного опыта представляет безусловный интерес и способно дать серьезные аргументы при подготовке предложений, направленных на совершенствование Уголовного кодекса Российской Федерации в данной части.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, интересы государства, дополнительные виды наказания, зарубежное законодательство

Для цитирования: Пирожников А. Н. Правовая регламентация в зарубежном уголовном законодательстве средств воздействия на лиц, совершивших преступления против своих стран // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 33—41. doi: 10.25724/VAMVD.A114

**LEGAL REGULATION IN FOREIGN CRIMINAL LAW
OF THE MEANS OF INFLUENCE
ON PERSONS HAVING COMMITTED CRIMES
AGAINST THEIR COUNTRIES**

Alexander Nikolaevich Pirozhnikov

Department of deportation and readmission of foreign citizens of the migration control department of the migration department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Saint Petersburg and the Leningrad Region, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Foreign criminal law doctrine, as well as in legislation, other criminal law measures and issues of their legal regulation are better developed than in Russia. This situation is largely explained by the fact that a simplified understanding of criminal responsibility and criminal legal impact, as well as a tougher and more unequivocal attitude to the expected results of their implementation, prevails abroad. The most priority approach seems to be one that can be successfully used in the Russian criminal law, when independent measures of a different nature are allocated at the regulatory level, necessary for a proactive influence on persons guilty of committing crimes against the interests of the state. Under conditions of geopolitical confrontation, changing spheres of influence, states of ongoing (and only growing) wars, the introduction of such measures in the national criminal law is absolutely necessary, and also justified. The study of foreign experience is of great interest and can give serious arguments when preparing proposals aimed at improving the Criminal Code of the Russian Federation in this part.

Keywords: other criminal law measures, the interests of the state, additional types of punishment, foreign legislation

For citation: Pirozhnikov A. N. Legal regulation in foreign criminal law of the means of influence on persons having committed crimes against their countries. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 33—41, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A114

Анализ зарубежного законодательства традиционно дает богатую пищу для размышлений о совершенствовании норм российского права. Компаративистика всегда представляла немалую ценность, позволяя в определенных случаях и при грамотном использовании данного метода добиваться по-настоящему прорывных результатов, как собственно в переработке законодательного материала, так и в целом в понимании того или иного явления. И здесь, не умаляя достоинств российского уголовного законодательства в определении системы иного воздействия на лиц, совершивших преступления, которые посягают на интересы Российской Федерации, все же нельзя не обратиться к законодательству зарубежному. Его успех в разработке иных мер уголовно-правового характера отечественными специалистами не оспаривается. Отдавая пальму первенства зарубежным коллегам, российские ученые выделяют ряд предпосылок, которые позволяют об этом говорить в столь утвердительной манере [1, с. 39—50]. Следовательно, и формирование нового направления в российском уголовном законодательстве, с учетом новых геополитических особенностей, не может происходить без соответствующего анализа тех наработок, которые были получены именно в рамках данного аспекта законодателями других стран. С этой точки зрения обращение к зарубежной доктрине, а также правовым нормам представляет безусловный интерес и способно дать серьезные аргументы при подготовке предложений, направленных на совершенствование Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в данной части.

В первую очередь, необходимо проанализировать законодательство стран, содержащее самостоятельные средства, максимально соответствующие предмету нашего исследования. Ближе всего к этому находится Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК РБ), содержащий меры иного воздействия, которые с успехом могут быть применены к лицам, совершившим преступления против интересов государства (вне зависимости от конкретной страны): «Превентивный надзор» (ст. 80 УК РБ) и «Профилактическое наблюдение за осужденным» (ст. 81 УК РБ)¹. В обоих случаях, даже исходя из наименования статей, и надзор, и наблюдение представляют несомненный интерес для правоохранительной системы, позволяя на ранних стадиях обеспечить преду-

ждение посягательств на государство. Несмотря на то что в самой Республике Беларусь данные меры уголовно-правового воздействия применительно к выделяемой нами группе преступлений не применяются (согласно содержанию статей), тем не менее их потенциал именно здесь не вызывает сомнений.

Не меньший интерес представляет опыт Республики Кыргызстан, законодатель которой также совершенствует уголовное законодательство. В статьях 82—83 Уголовного кодекса Республики Кыргызстан (далее — УК РК) устанавливаются, по сути, те же ограничения, что и в белорусском уголовном законодательстве в рамках ст. 80—81 УК РБ². Речь в обоих случаях идет о так называемом превентивном надзоре за лицами, имеющими наибольшую общественную опасность, к числу которых, безусловно, следует относить и тех, кто совершает преступления против интересов государства. Законодательство обеих стран демонстрирует максимальную гибкость в реализации самого подхода к средствам уголовно-правового воздействия, не делая акцента на его репрессивном потенциале. И, несмотря на прямое указание законодателя Республики Кыргызстан в п. «4» ч. 2 ст. 82 УК РК на то, что пробационный надзор за преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства не применяется, тем не менее его потенциал по отношению к данной группе посягательств нам видится практически неисчерпаемым. Вопрос лишь в определении правовой природы данной меры и правилах ее реализации. Если бы получилось в ч. 1 ст. 82 УК РК уйти от ее определения как «принудительно-поощрительной меры уголовно-правового воздействия» в сторону исключительно надзорной меры, то с потерей собственно пробационного начала можно было бы приобрести столь необходимую в таких случаях надзорно-контролирующую функцию.

Новаторским в сфере уголовно-правового воздействия представляется уголовное законодательство Монголии. Так, ст. 7.2 Уголовного кодекса Монголии (далее — УК Монголии) предусматривает такое средство воздействия, которое может быть присоединено к наказанию как «принудительные меры в виде возложения обязанностей и ограничения прав» (п. 1.1 ч. 1 ст. 7.2 УК Монголии (по состоянию на 1 августа 2020 г.))³.

² Уголовный кодекс Республики Кыргызстан от 28 октября 2021 г. № 127 (в ред. от 9 августа 2022 г. № 89) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики: сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (дата обращения: 06.01.2023).

³ Уголовный Кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; под науч. ред. проф.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 165-3 (по состоянию на 13 мая 2022 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 05.01.2023).

Несмотря на то что аналогичные ограничения, которые содержатся в ст. 7.3 «Принудительное возложение обязанностей и ограничение прав», имеются и в отечественном УК РФ, тем не менее важен сам факт их выделения в самостоятельную норму в качестве отдельного средства уголовно-правового воздействия. Безусловно, его потенциал, в том числе в части влияния на исследуемую нами группу посягательств, с учетом столь широкой формулировки, является несравненно более высоким, чем если бы статус такой меры вообще не был определен (ч. 5 ст. 73 УК РФ) [2]. Именно в УК Монголии соответствующие ограничения прав находят свое непосредственное подтверждение в санкциях статей, предусмотренных за преступления против государственной власти. Так, в санкциях ст. 19.8 «Осуществление экстремистской деятельности», 19.11 «Незаконное получение государственной тайны», 19.12 «Разглашение государственной тайны», 19.14 «Незаконное пересечение Государственной границы Монголии» (и ряд других преступлений) наряду с наказанием установлено такое ограничение, как ограничение прав на передвижение на срок от одного года до пяти лет¹.

В части 2 статьи 34 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики в качестве дополнительного вида наказания устанавливается такое средство воздействия на виновных, как ограничение в политических правах². Несмотря на статус дополнительного вида наказания, об этом средстве имеет смысл говорить в рамках компаративистского аспекта исследования. С содержательной точки зрения речь идет именно о тех ограничениях, которые должны выполнять функцию предупредительного воздействия на лиц, совершающих преступления против интересов государства. Так, данный вид наказания предусматривает: лишение права избирать и права быть избранным; права свободы слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций; права занимать должности в государственных органах; права занимать руководящие должности в государственных компаниях, на предприятиях, в учреждениях и общественных организациях³. Практически все из перечисленных выше ограничений вполне при-

менимы именно за посягательства против основ конституционного строя и безопасности государства. Кроме того, большинство из них имеют превентивный эффект и способны оказать более серьезное влияние на виновного, чем репрессия.

Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам (далее — УК РВ) предусматривает самостоятельную группу мер воздействия — судебные меры (ст. 46 УК РВ). По своему содержанию судебные меры не что иное, как иные меры уголовно-правового характера, которые, помимо прочего, согласно уголовному закону данной страны, применяются именно в дополнение к наказанию. По усмотрению суда они могут применяться к любым преступлениям, когда это будет способствовать достижению целей наказания. Не являются исключением и преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. К таким мерам относятся: конфискация денег и предметов, непосредственно связанных с преступлением; возврат, ремонт имущества или предоставление компенсации; принесение публичных извинений; обязательное лечение болезни. Вместе с тем к судебным мерам, применяемым к юридическому лицу, совершившему преступление (в том числе связанное с деятельностью, направленной против интересов государства), относятся: конфискация денежных средств и предметов, непосредственно связанных с преступлением; возврат, ремонт имущества или предоставление компенсации; принесение публичных извинений; восстановление исходного состояния; осуществление иных мер по смягчению и предотвращению последствий⁴.

В то же время существует ряд стран, которые крайне жестко относятся к лицам, совершившим преступления исследуемой нами группы. Данный подход реализуется также посредством потенциала иных мер уголовно-правового характера. Так, в Сомали к подобным мерам относятся помещение в госпиталь или интернат для психически больных; помещение в психиатрическую больницу; помещение в реформаторий, полицейский надзор; и — что важно в нашем случае — депортация иностранца из страны (высылка) (ст. 173 Уголовного кодекса Сомали (далее — УК Сомали)). Меры безопасности в виде запрета проживания в стране применяются в отношении иностранных граждан, виновных в совершении преступления и приговоренных к лишению свободы на срок не менее 10 лет. Эти лица должны быть высланы из республики (ст. 181 УК Сомали). Данная норма применяется

М. В. Бавсуна, проф. А. А. Нечепуренко. Омск: Изд-во Омск. акад. М-ва внутр. дел Рос. Федер., 2020. С. 32.

¹ Уголовный Кодекс Монголии. С. 86—87.

² Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации: сайт. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgfyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения 07 января 2023 г.).

³ Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А. И. Коробеева, проф. А. И. Чучаева; пер. с кит. проф. Хуан Даосю. Москва: Юрид фирма Контракт, 2017. С. 13.

⁴ Criminal Code Pursuant to Constitution of Socialist Republic of Vietnam. The National Assembly promulgates the Criminal Code // WIPO Lex: site. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/585382> (date of access: 7 January 2023).

только в отношении иностранных граждан, высылка собственных граждан запрещается Конституцией страны [3].

Похожая в этом отношении ситуация и в Уголовном кодексе Объединенных Арабских Эмиратов (по состоянию на 2015 г.; далее — УК ОАЭ), содержащем отдельную главу «Меры уголовно-правового характера». В данной главе в п. 5 ст. 110 законодатель предусмотрел такую меру воздействия, как высылка из страны¹. Одновременно, так же как и в Сомали, согласно ст. 121 УК ОАЭ высылка из страны применяется только к иностранцам, совершившим преступление или уголовный проступок. С учетом того, что нарушение закона совершается именно иностранцем, то и наказание может быть заменено высылкой². Интересно также, что, по ст. 117 УК ОАЭ, если приговор вынесен осужденному за преступление, затрагивающее внешнюю или внутреннюю безопасность государства, то в отношении данного лица может быть назначен надзор до пяти лет в качестве иной меры уголовно-правового характера³. Таким образом, уголовное законодательство страны предусматривает как минимум две меры иного воздействия, которые могут применяться за посягательства на интересы государства в сочетании с уголовным наказанием.

Несколько иная ситуация в уголовном законодательстве Исламской Республики Иран. Санкции за преступления против интересов данного государства не предусматривают иных мер воздействия в отношении виновного. В то же время для этого существует отдельная норма закона (ст. 17), регламентирующая так называемые предупредительные меры, включающие в себя как наказание, так и средства дисциплинарного характера. К таковым Закон об исламских уголовных наказаниях относит полное или частичное лишение социальных прав; ограничения свободы выбора места жительства; иные меры. Что интересно, согласно ст. 16 Закона об исламских уголовных наказаниях и те, и другие не имеют своих пределов и могут применяться по усмотрению судьи. Их применение при этом возможно по отношению к любым категориям преступлений, тоже по решению суда, в зависимости от личности виновного и обстоятельств совершения конкретного деяния⁴.

Аналогичная ситуация прослеживается и в Уголовном кодексе Голландии (далее — УК Голландии). Статья 28 УК Голландии устанавливает меры, которые могут быть применены в совокупности с наказанием вне зависимости от категории тяжести и видовой принадлежности совершенного преступного посягательства. Среди таковых запрет на службу в вооруженных силах, запрет занимать государственную должность, запрет быть советником в судах или административным должностным лицом, запрет заниматься определенной деятельностью, запрет избирать членов общих представительных органов или выставлять свою кандидатуру в эти органы и некоторые другие⁵. Данные меры могут быть применены по усмотрению суда вне зависимости от видовой принадлежности совершенного преступления, что делает их реализацию максимально универсальной. На самом деле универсальный подход к применению исследуемых средств воздействия крайне важен, поскольку с его помощью удается решить наиболее сложные и спорные задачи, стоящие перед уголовно-правовым воздействием на лиц, совершивших преступления.

Похожая ситуация складывается и в большинстве других европейских стран. Так, в Общей части Уголовного кодекса Федеративной Республики Германия (далее — УК ФРГ) есть гл. 6, содержащая перечень конкретных мер (меры исправления и безопасности), которые могут распространяться на любые виды и категории преступлений, включая посягательства на интересы государства. Вместе с тем, согласно параграфу 62 УК ФРГ, основным требованием, которое предъявляется к применению мер подобного рода, является их соразмерность. Набор мер, отраженный в параграфе 61 УК ФРГ, мало отличается от своих аналогов в других странах. Он также включает в себя, помимо помещения в психиатрическую клинику, превентивное заключение, установление надзора за поведением и запрет заниматься профессиональной деятельностью (в случае совершения дорожно-транспортных преступлений это может быть и лишение водительских прав) [4, с. 66—67].

Таким образом, на Западе сегодня сформировалась вполне устойчивая концепция применительно к исследуемой нами проблеме, которая сводится к двум аспектам.

Во-первых, «...считается, что меры безопасности являются наиболее адекватной формой для

¹ Уголовный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов / пер. С. Н. Осипов. Санкт-Петербург: Юрид. центр, 2015. С. 109—110.

² Там же. С. 88—89.

³ Там же. С. 87.

⁴ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / пер. с перс. М. С. Пелевина; под

науч. ред. А. И. Ахани. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 44—46.

⁵ Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б. В. Волженкин; пер. с англ. И. В. Мироновой. 2-е изд. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 60.

предупреждения преступлений со стороны конкретной личности посредством лишения ее на определенное время фактической возможности совершать преступления (лишение или ограничение свободы), путем нежелания снова претерпевать ограничения (негативная частная превенция), а также через воспитание уважения к существующему общественному и правовому порядку (позитивная частная превенция)» [5, с. 175]. В общеевропейском понимании меры безопасности — это, в первую очередь, меры превенции, максимальная эффективность которых достигается в ситуации «до совершенного общественно опасного деяния». Отсюда и отсутствие важности самого вида деяния (конкретного преступления), и выделение таких мер в единую группу в рамках Общей части уголовного законодательства. Применительно к преступлениям против интересов государственной власти основную реализацию получают средства, направленные на предварительную изоляцию виновного, а также средства, реализуемые в рамках продленных сроков лишения свободы, когда у государства есть все основания подозревать, что виновный способен совершить посягательство данной группы. Например, этот тезис находит соответствующее подтверждение в уголовном законодательстве Италии, Швейцарии, Австрии и даже Республики Корея, где превентивное заключение (а в Италии это направление в трудовые колонии, по своему содержанию соответствующее именно превентивному заключению) относится к категории часто применяемых средств воздействия, используемых наряду с наказанием. Характерно, что «время реального нахождения осужденного в местах лишения свободы по неопределенному приговору зависит от административного органа — совета по условно-досрочному освобождению» [6, с. 274]. Аналогичным образом выглядит ситуация и в Англии, где «превентивное заключение» и «продленный срок лишения свободы» применяются к так называемым привычным, или упорным, преступникам еще с 1908 г. [7]. В Бельгии тоже существует «передача в распоряжение правительства», или «превентивное заключение», опасных преступников (в определенных правительством учреждениях), в Испании — помещение в трудовое учреждение, в Мексике — изъятие или уничтожение опасных предметов, полицейский надзор и т. д. [7, с. 178—179].

Во-вторых, идеологически уголовно-правовое воздействие в законодательстве стран Запада проникнуто идеями целесообразности и непримиримости к преступности в целом и к тем, кто совершает преступления, в частности. Особенно это касается англосаксонской системы права, где

прагматизм в данном направлении возведен в абсолют. «Не законность, а целесообразность выступает на первый план: законность должна быть подчинена целесообразности... Государство должно противодействовать войне под названием преступность... Его цель, главным образом, — обеспечение безопасности» [8, с. 104, 107]. И. Анденс пишет по этому поводу буквально следующее: «Основной целью вмешательства общества является формирование уважения к социальным нормам, а не исцеление индивидов от их асоциальных наклонностей» [9, с. 45]. Многие «наказания в интересах общества» назначаются судом как альтернатива лишению свободы или штрафу, даже не упоминаясь в санкциях статей [10, с. 272], что указывает на мощные позиции целесообразности, лежащей в основе реализации совокупности мер воздействия на преступность. Определяя наказание как «любую боль, страдание, кару, ограничение, налагаемое на лицо в соответствии с нормами права и по решению суда за преступление или уголовное правонарушение, совершенное им, или за невыполнение обязанности, предписываемой законом» [11, с. 257], специалисты невольно относят к данной категории и все иные правоограничения, связанные с фактом совершения преступления, без которых невозможно достижение цели предупреждения или защиты общества от преступных проявлений [12, с. 97].

Наличие глобальной цели позволяет западному правотворцу быть более свободным в выборе средств, не стесняясь в условных ограничениях. В свою очередь, определение обозначенного желаемого результата правоохранительной системы повлекло за собой вывод о кризисе санкций, который сегодня определяется как неспособность лишения свободы реально достигать целей наказания. Основным упрек на данный момент сводится к тому, что во многих случаях лишение свободы используется избыточно и не оказывается «последним доводом» [13, с. 637]. Отсюда и активный поиск новых средств. Особенно это становится важным в условиях нестабильности государства как главного субъекта правоотношений, постоянно возрастающей потребности в его защите и охране традиционных ценностей, идеологическом, националистическом, социальном, экономическом и даже религиозном противоборстве, нарастающем в глобальном обществе в геометрической прогрессии. Меры предупреждения в такой ситуации уже давно по своей значимости превысили потенциал, заложенный в наказании. Репрессия вторична (или как минимум не единственная в своем роде) по отношению к иному воздействию, способному помочь государству в нынешних условиях в значительной мере больше, чем наказание.

Вместе с тем законодатель зарубежных стран, включая и наше ближнее зарубежье, уже давно избавился от многих стереотипов, в том числе по поводу выбора конкретных средств воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства, и их законодательных, а также правоприменительных пределов. Так, в пенитенциарном кодексе Эстонии в ст. 54 предусмотрена такая мера иного воздействия, как выдворение. Его применение, помимо прочего, предполагает возможность для гражданина Европейского союза или члена его семьи выдворения из государства с запретом на въезд на срок 10 лет в качестве дополнительного наказания, если пребывание лица на территории Эстонии представляет собой угрозу общественному порядку или *государственной безопасности*. «Если виновный является гражданином Европейского союза или членом его семьи и проживает в Эстонии на основании постоянного права на проживание, то выдворение и запрет на въезд можно применять исключительно в случае, если от лица исходит серьезная угроза для общественного порядка или угроза государственной безопасности. Если виновный является гражданином Европейского союза, который постоянно проживал в Эстонии в течение десяти лет подряд, то выдворение и запрет на въезд можно применять только в случае, если лицо представляет собой угрозу государственной безопасности»¹.

Аналогичная ситуация просматривается и в уголовном законодательстве других прибалтийских стран. Так, в Уголовном законе Латвии в п. 2 ч. 2 ст. 36 предусмотрено дополнительное наказание в виде выдворения из страны. Помимо этого, в соответствии с пп. 3 и 4 ст. 36 к лицу могут быть применены такие виды дополнительных наказаний, как ограничение прав и надзор probation. Данные виды воздействия, возведенные законодателем в статус наказания, могут применяться даже в тех случаях, когда они напрямую не указаны в санкциях статей Особенной части (ст. 44—46 Уголовного закона Латвии)². Последнее обстоятельство указывает на их иную правовую природу происхождения, в большей части относящуюся к иным мерам уголовно-правового характера, а не к наказанию.

¹ Пенитенциарный кодекс Эстонии // Juristaitab: сайт. URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/пенитенциарный%20кодекс> (дата обращения: 28.01.2023).

² Уголовный закон Латвии от 17 июня 1998 г. (по сост. на 20 июня 2019 г.) // Lawyer-khroulev.com: сайт. URL: <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/ugolovnij-zakon-latvii.pdf> (дата обращения: 29.01.2023).

Несколько иной подход к правовой регламентации исследуемых нами мер (более близкий для российского уголовного законодательства) демонстрируется в Уголовном кодексе Грузии (далее — УК Грузии). Все меры иного характера в уголовном законодательстве данной страны расположены в статьях, регламентирующих вопросы условного осуждения, в рамках которого возможно наложение на виновного неограниченного круга обязанностей. В частности, в ст. 65 УК Грузии «Возложение обязанностей» (которая была включена в уголовный закон только с 1 января 2020 г.) прямо сказано: «...Не менять постоянного места жительства без разрешения Бюро превенции преступлений, исполнения наказаний, не связанных с заключением под стражу, и probation, не устанавливать отношений с лицами, могущими вовлечь его в антиобщественную деятельность, не посещать определенных мест, оказывать материальную поддержку семье, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, а если осужденным является лицо, совершившее семейное преступление, — также обязательный курс обучения, ориентированного на изменение насильственного отношения и поведения. Суд может возложить на осужденного и другие обязанности, способствующие его исправлению»³. Аналогичного плана меры предусмотрены и в ч. 5 ст. 73 УК РФ⁴. Однако все они носят максимально общий характер, не имея четкой целевой принадлежности, направленной

³ Уголовный кодекс Грузии от 13 августа 1999 г. // Законодательный вестник Грузии: сайт. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=242> (дата обращения: 14.01.2023).

⁴ Следует отметить, что подобного плана меры существуют практически во всех законодательствах стран Европы, имея при этом максимально общий спектр действия и минимальный характер их упорядочивания в части видовой определенности. Так, УК ФРГ в обязательном порядке предписывает осуществление надзора в случае назначения лицу мер исправления и безопасности, а также лицу, отбывающему наказание в виде срочного лишения свободы, если существует опасность, что лицо совершит другие уголовно наказуемые деяния (§ 68). Содержание подобного надзора (§ 68—68g) во многом схоже с существовавшим ранее в отечественном законодательстве институтом административного надзора. В УК Франции существует институт «освобождения от наказания с режимом испытания» (подотдел 4), содержание которого также предусматривает определенные условия прохождения испытательного срока и формы контроля за поведением осужденного, как в случае освобождения от наказания, так и после его отбытия. В большинстве уголовных кодексов США также предусматривается обязательное установление «probationного надзора» за условно осужденными и освобожденными условно-досрочно от наказания.

на превенцию отдельных видов преступного поведения, включая и посягательства, направленные против интересов государства [2, с. 7]. Между тем в новых условиях в России требуется появление средств именно подобного рода, в том числе направленных на охрану общественных отношений в сфере конституционного строя и безопасности государства. Совершенно справедливо, по нашему мнению, пишет М. В. Бавсун, который отмечает, что «...геополитическая трансформация может влиять не просто на изменение отдельных средств уголовно-правового воздействия или даже объема уголовной репрессии в целом, но и на смену самой идеи противодействия преступности. Смену такой идеи мы наблюдаем и сегодня, о чем свидетельствуют не только те изменения, которые характеризуют главу, направленную на охрану государственной власти и основ конституционного строя Российской Федерации. Хотя уже сам факт динамики развития данной части Уголовного кодекса в последние три года также достаточно красноречиво указывает на резко возросшую потребность в усилении защиты именно государства и именно средствами уголовно-правового воздействия. Это говорит о том, что в условиях изменяющейся мировой конъюнктуры, в результате чего в опасное положение в первую очередь попадают государственные устои, приоритет охраны всегда будет смещаться в сторону основ государственной власти и конституционного строя, в том числе в ущерб интересам личности» [14, с. 483—484]. Российское государство в сложившейся ситуации должно просто защищаться от внешних и внутренних угроз, основной целью которых является не что иное, как развал государства, посягательство на основные его интересы, включая целостность, суверенность, самоидентичность и др.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что современное зарубежное уголовное законодательство, несмотря на свою неоднородность в решении исследуемого нами вопроса, тем не менее, сформировало собственные позиции, имеющие достаточно жесткий характер по отношению к тем, кто посягнул на интересы своих государств. Неизбежность наряду с непримиримостью законодательного подхода к ответственности за таковые деяния практически не ограничивают сегодня регулятора в его выборе конкретных средств противодействия, включая и максимально репрессивные, как, впрочем, и меры иного характера, по-прежнему слабо разработанные как в отечественной доктрине, так и в правоприменительной практике.

Важно при этом отметить, что российскими специалистами в области уголовного права, причем как в теоретической, так и в практической

сферах, поддерживаются наиболее жесткие варианты регулирования данного вопроса. Проведенное исследование показало, что такой подход основывается на двух аспектах. Речь идет, во-первых, о самом факте принятия позиции, согласно которой должно происходить выделение самостоятельных мер иного характера, направленных на воздействие на лиц, совершивших преступления против интересов государства. Во-вторых, выделение таких мер должно происходить лишь в случае их способности оказать максимальный предупредительный эффект, а также сохранять целостность государства, стабильность его существования и развития и т. д.

По своей сути, с учетом сложившихся геополитических реалий, российские теоретики и практики пришли к единому мнению о возможности доминирования в данном вопросе идеи целесообразности, столь характерной для западных доктрины и законодательства. Между тем уже сам факт допущения отказа от базового начала законности и признания ее идеологической противоположности в виде целесообразности подразумевает гораздо больше, чем простой переход от одной идеи к другой. Выражение данной позиции означает не трансформацию правовых ориентиров, а лишь степень осознания тех проблем, которыми грозит нынешняя ситуация вокруг Украины, а также во всем мире, и возможность выхода из кризиса за счет появления средств экстраординарного характера, в том числе в уголовно-правовой сфере. Тем не менее, данное обстоятельство представляется крайне важным в ходе оценки зарубежного уголовного законодательства, изначально в этом отношении более жесткого и одновременно гибкого (с позиции обеспечения вопросов частной превенции). В свою очередь, собственно анализ уголовно-правовой сферы регулирования за рубежом показал, что в большинстве случаев уголовные законы иностранных государств предусматривают отдельные меры, направленные на правовую регламентацию ответственности за деяния, нарушающие права и законные интересы государства. В частности, речь идет об уголовных законах таких стран, как Исламская Республика Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Социалистическая Республика Вьетнам, Монголия, а также некоторых стран Евросоюза, например Эстонской и Латвийской Республик и др., — первой группы государств.

Во вторую группу входит законодательство стран, предусматривающее меры иного характера, спектр реализации которых является широким, позволяя их применять лишь к относительно определенному перечню преступлений, включая посягательства на интересы государства. В частно-

сти, речь идет об Уголовных кодексах Италии, Австрии, Сомали, Китайской Народной Республики, Республики Азербайджан, ФРГ, а также Швейцарии и Республике Корея, Англии, Бельгии и некоторых других.

И, наконец, третью группу составляют страны, законодательство которых максимально широко подходит к реализации средств иного воздействия по отношению к тем, кто совершил любое преступление. Такие меры, как правило, регламентируются в рамках институтов условного осуждения и probation. К данной группе относятся: Грузия, Кыргызская Республика, а также ряд других законодательств государств постсоветского пространства, включая Российскую Федерацию.

Несмотря на разность подходов, необходимо отметить, что сегодня в уголовном законодательстве зарубежных стран исследуемой нами проблеме уделяется большое внимание. Наиболее приоритетным нам видится подход, который с успехом можно использовать и в российском уголовном законе, когда на нормативном уровне выделяются самостоятельные меры иного характера, необходимые для превентивного влияния на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства. В условиях геополитического противоборства, смен сфер влияний, состояния непрекращающихся (и только нарастающих) войн введение таких мер в УК РФ видится совершенно необходимым и обоснованным.

1. Бавсун М. В. Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 39—50.

2. Бавсун М. В., Карпов К. Н. Контроль за поведением лиц, осужденных условно или освобожденных от наказания, как иная мера уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 3. С. 6—10.

3. Минязева Т. Ф., Серебренникова А. В., Абдикарим А. А. Меры безопасности: законодательная регламентация в России и зарубежных странах // Пробелы в Российском законодательстве. 2016. № 2. С. 116—124.

4. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): науч.-практ. коммент. и пер. текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. 311 с.

5. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности / под науч. ред. проф. Н. В. Щедрина. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2010. 323 с.

6. Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2007. 476 с.

7. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. материалов / под ред. И. Д. Козочкина. Москва: Зерцало, 2001. 352 с.

8. Клейменов И. М. Сравнительная криминология: монография. Москва: Норма, 2012. 368 с.

9. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / пер. с англ. В. М. Когана; под ред. и с вступ. ст. Б. С. Никифорова. Москва: Прогресс, 1979. 264 с.

1. Bavsun M. V. Anthropological prerequisites for the formation of modern criminal biopolitics. Russian Deviantological Journal, 39—50, 2021. (In Russ.).

2. Bavsun M. V., Karpov K. N. Control over the behavior of persons convicted conditionally or released from punishment as another measure of a criminal law nature. Criminal executive system: law, economics, management, 6—10, 2010. (In Russ.).

3. Minyazeva T. F., Serebrennikova A. V., Abdikarim A. A. Security measures: legislative regulation in Russia and foreign countries. Gaps in Russian legislation, 116—124, 2016. (In Russ.).

4. Golovnenkov P. V. Criminal Code (Criminal Code) of the Federal Republic of Germany: Strafgesetzbuch (StGB). Scientific and practical commentary and translation of the law. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Prospect; 2016: 311. (In Russ.).

5. Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and the application of security measures. Under the scientific ed. of professor N. V. Shchedrin. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2010: 323. (In Russ.).

6. Kozochkin I. D. US criminal law: successes and problems of reform. Saint Petersburg: Juridical center Press; 2007: 476. (In Russ.).

7. Criminal legislation of foreign countries (England, USA, France, Germany, Japan). Collection of legislative materials. Ed. by I. D. Kozochkin. Moscow: Zertsalo; 2001: 352. (In Russ.).

8. Kleimenov I. M. Comparative criminology. Moscow: Norma; 2012: 368. (In Russ.).

9. Andenes I. Punishment and crime prevention. Translation from English by V. M. Kogan; ed. and introductory article by B. S. Nikiforov. Moscow: Progress; 1979: 264. (In Russ.).

10. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие. Москва: Проспект, 2008. 336 с.

11. Rush G. The dictionary of criminal justice. 3rd ed. Guilford, Conn: The Dushkin Publishing Group, Inc., 1991. 444 p.

12. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 396 с.

13. Жалинский А. Э., Рерихт А. Введение в немецкое право. Москва: Спарк, 2001. 767 с.

14. Бавсун М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 3. С. 483—492.

10. Esakov G. A., Krylova N. E., Serebrennikova A. V. Criminal law of foreign countries. Training manual. Moscow: Prospect; 2008: 336. (In Russ.).

11. Rush G. The dictionary of criminal justice. 3rd ed. Guilford, Conn: The Dushkin Publishing Group, Inc.; 1991: 444. (In Eng.).

12. Bavsun M. V. Criminal law impact: ideology, goals and means of implementation. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Omsk; 2013: 396. (In Russ.).

13. Zhalinsky A. E., Roericht A. Introduction to German law. Moscow: Spark; 2001: 767. (In Russ.).

14. Bavsun M. V. The influence of geopolitical factors on the change in the criminal law policy of the state. All-Russian criminological journal, 483—492, 2015. (In Russ.).

Пирожников Александр Николаевич,

начальник отделения депортации
и реадмиссии иностранных граждан
отдела по контролю в сфере миграции
Управления по вопросам миграции
Главного управления МВД России
по городу Санкт-Петербургу
и Ленинградской области

Pirozhnikov Alexander Nikolaevich,

head of the department of deportation
and readmission of foreign citizens
of the migration control department
of the migration department
of the Main directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
for the city of Saint Petersburg
and the Leningrad Region

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.8

doi: 10.25724/VAMVD.A115

**ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ,
ВЫПОЛНЯЮЩИЕ ФУНКЦИИ
ПО ИСПОЛНЕНИЮ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ,
КАК ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН
В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Сергей Владимирович Поникаров, Владимир Анатольевич Поникаров

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, Рязань, Россия, minrs@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли подразделений специального назначения в учреждениях, выполняющих функции по исполнению уголовных наказаний. Основная задача данных подразделений заключается в обеспечении безопасности учреждений и органов пенитенциарной системы России, а также в проведении различного рода режимных, надзорных и других правоохранительных мероприятий. Подразделения специального назначения в учреждениях, выполняющих функции по исполнению уголовных наказаний, реализуют правоохранительные функции в сфере борьбы с преступностью (предотвращение и пресечение любых преступных проявлений и иных правонарушений на пенитенциарных объектах; ликвидация массовых беспорядков; устранение хулиганских противоправных действий; освобождение лиц, захваченных в качестве заложников; участие в контртеррористических операциях). Предлагается классификация видов правоохранительной деятельности подразделений пенитенциарного спецназа. Авторы приходят к выводу о том, что под организацией и тактикой деятельности подразделений пенитенциарного спецназа в спецоперациях, проводимых в исправительных учреждениях и иных местах, следует понимать последовательные, заранее продуманные и спланированные действия оперативно-тактических групп, а также совокупность вариантов, средств и приемов достижения намеченной цели.

В статье освещаются некоторые виды специальных операций, проводимых для пресечения наиболее вероятных преступлений в исправительных учреждениях. Рассматривается организация и тактика деятельности подразделений спецназа при проведении спецопераций по пресечению захвата заложников и массовых беспорядков. Сформулированы конкретные меры, направленные на совершенствование правоохранительной деятельности исследуемых подразделений.

Ключевые слова: правоохранительный орган, борьба с преступностью, меры безопасности, специальная операция, спецназ ФСИН России, осужденные, уголовно-исполнительная система

Для цитирования: Поникаров С. В., Поникаров В. А. Подразделения специального назначения, выполняющие функции по исполнению уголовных наказаний, как правоохранительный орган в сфере борьбы с преступностью // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 42—46. doi: 10.25724/VAMVD.A115

**SPECIAL PURPOSE UNITS THAT PERFORM FUNCTIONS
FOR THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES,
AS A LAW ENFORCEMENT AGENCY
IN THE FIELD OF COMBATING CRIME**

Sergey Vladimirovich Ponikarov, Vladimir Anatolievich Ponikarov

the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, minrs@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of special purpose units in institutions performing the functions of executing criminal penalties. The main task of these units is to ensure the security of institutions and bodies of the penitentiary system of Russia, as well as to carry out various kinds of regime, supervisory and other law enforcement measures. Special purpose units in institutions performing the functions of executing criminal punishments implement law enforcement functions in the field of combating crime (prevention and sup-

pression of any criminal manifestations and other offenses at penitentiary facilities; elimination of mass riots; elimination of hooligan illegal actions; the release of persons taken as hostages; participation in counter-terrorism operations). It is proposed to classify the types of law enforcement activities of units of the penitentiary special forces. The authors conclude that the organization and tactics of the activities of penitentiary special forces units in special operations carried out in correctional institutions and other places should be understood as consistent, well-thought-out and planned actions of operational-tactical groups, as well as a set of options, means and techniques for achieving the intended goal.

The article covers some types of special operations carried out to curb the most likely crimes in correctional institutions. The organization and tactics of the activities of special forces units during special operations to suppress hostage-taking and riots are being considered. Specific measures are formulated aimed at improving the law enforcement activities of the units under study.

Keywords: law enforcement agency, fight against crime, security measures, special operation, special forces of the Federal Penitentiary Service of Russia, convicts; penal enforcement system

For citation: Ponikarov S. V., Ponikarov V. A. Special purpose units that perform functions for the execution of criminal penalties, as a law enforcement agency in the field of combating crime. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 42—46, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A115

В настоящее время ситуация в пенитенциарной системе России непростая. Специальный контингент, который пополняется и периодически возвращается в исправительные учреждения, является крайне сложным по своим основным характеристикам. В некоторых колониях сложилась негативная обстановка, в которой осужденные, прислушиваясь к неформальным лидерам («ворам в законе», «смотрящим», «авторитетам»), чаще других нарушают правила режима содержания [1]: организовано отказываются от работы, от приема пищи, объявляют голодовки, проводят не согласованные с администрацией собрания («сходки»), митинги, совершают групповые неповиновения. Более того, подобные акции могут перерасти в нападения на сотрудников ФСИН России, а также в массовые беспорядки. Соответственно, роль подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы (далее — спецназ) заключается в обеспечении безопасности учреждений и органов пенитенциарной системы России, а также в проведении различного рода режимных, надзорных и других правоохранительных мероприятий (специальных операций) [2], таких как предотвращение и пресечение любых преступных проявлений и иных правонарушений на пенитенциарных объектах; ликвидация массовых беспорядков; устранение хулиганских противоправных действий; освобождение лиц, захваченных в качестве заложников; участие в контртеррористических операциях.

В зависимости от *системы и характера* предназначения все виды правоохранительной деятельности осуществляются:

- 1) подразделениями пенитенциарного спецназа;
- 2) «тюремным» спецназом совместно с другими подразделениями уголовно-исполнительной системы;

3) отделами специального назначения с родственными (схожими) структурами — органами Росгвардии и МВД России.

В научной литературе специальным операциям в целом посвящено достаточно большое количество публикаций. Особый интерес представляют работы таких известных ученых, как А. А. Жижко, А. А. Баев, С. А. Старостин, В. Г. Громов, И. Н. Нуштин. Однако в них преимущественно рассматривается тактика проведения спецопераций вне исправительных учреждений [3]. Вместе с тем тактика деятельности подразделений специального назначения по пресечению чрезвычайных ситуаций внутри исправительных колоний практически никем не исследована. Разберем основные направления по совершенствованию организации и тактики деятельности подразделений специального назначения непосредственно внутри исправительных колоний. Они являются универсальными, так как подходят для реализации многих видов правоохранительной деятельности, осуществляемых спецназом.

Под организацией и тактикой деятельности подразделений пенитенциарного спецназа в спецоперациях, проводимых в исправительных учреждениях и иных местах, следует понимать:

- последовательные, заранее продуманные и спланированные действия оперативно-тактических групп;
- совокупность вариантов, средств и приемов достижения намеченной цели.

Каждая спецоперация отличается способами, приемами, методами, временем и местом ее проведения. Рассмотрим конкретную деятельность подразделений спецназа при пресечении захвата заложников в исправительном учреждении.

На организацию и тактику деятельности подразделений спецназа при проведении спецоперации по пресечению захвата заложников в испра-

вительном учреждении влияет ряд условий:

- место проведения операции (санитарная часть, штрафной изолятор, общежитие, жилая или производственная зона);
- личность заложника (пол, возраст);
- количество заложников;
- личность преступника (пол, возраст, судимость, психическое состояние);
- количество преступников и их вооружение;
- требования, выдвигаемые преступниками;
- время и объем информации о местонахождении заложников и преступников;
- поведение родителей и родственников заложника (их готовность оказать помощь или наоборот — препятствовать проводимым мероприятиям);
- время действий (день, ночь), погодные условия;
- подготовленность личного состава к решительным действиям в соответствии со сложившейся ситуацией; и др.

Изучение перечисленных условий показывает, что операциям, связанным с пресечением захвата заложников, штурмом помещений или отдельных зданий, необходимо уделять самое пристальное внимание. При этом следует:

- хорошо организовать штурм (дисциплина среди бойцов должна быть настолько высокой, чтобы исключить любые необдуманные действия, малодушие);
- тщательно продумать необходимость применения слезоточивого газа, его воздействие на окружающих;
- во избежание перекрестного огня определить сектор обстрела;
- экипировать бойцов оперативно-тактических групп в соответствующее снаряжение для выполнения поставленной задачи в зависимости от времени года, погоды, времени суток, отдаленности объекта штурма;
- изучить планы (схемы) местности, объектов жилой и производственной зон.

Нужно внимательно исследовать:

- а) *внутренние и внешние планы объектов, с помощью которых определить:*
 - подходы к объекту и выходы из него;
 - пожарные лестницы, вентиляционные шахты, расположение дверей, окон;
 - подходы к объекту по крышам соседних зданий или через подвальные, канализационные сооружения;
- б) *конструкции и особенности объекта, определить:*
 - является ли объект пуленепробиваемым;
 - защищены ли окна решетками;
 - имеется ли в здании (помещении) дневальный;

- как укреплена входная дверь и насколько сложна система замка;
 - в какую сторону открываются окна и двери;
 - имеется ли сигнализация;
 - какова схема внутренних коммуникаций;
 - имеется ли телефонная связь, электричество, место нахождения приборов для отключения всех видов коммунального снабжения;
 - в) *наличие иных особенностей объекта:*
 - имеются ли собаки или другие животные;
 - какова степень опасности для посторонних граждан, проживающих в зоне проведения операции и прилегающей к ней территории;
 - какова возможная реакция средств массовой информации и граждан на деятельность спецназа.
- Наряду с перечисленными условиями, влияющими на организацию и тактику деятельности спецназа уголовно-исполнительной системы, следует учитывать:

- к какой категории относятся преступники и их преступная деятельность в прошлом, судимы ли были они ранее и за какие преступления;
- есть ли сведения о том, что преступники ранее нападали на сотрудников правоохранительных органов (являлись ли боевиками, террористами);
- имеются ли сведения о том, что преступники ранее применяли или носили при себе оружие;
- имеют ли они опыт применения взрывчатых и химических веществ.

Очень важно подготовить приспособления и снаряжение для спецопераций, включая:

- аптечки для оказания первой медицинской помощи;
- сигнальные или карманные фонари;
- защитное снаряжение (бронежилеты, каски, защитные козырьки или очки, перчатки, противогазы).

Рассмотрим примерную модель по *реализации* правоохранительной деятельности, связанной с освобождением заложников.

Практика показывает, что захват заложников в исправительном учреждении является крайне опасным преступлением и требует особой выучки от спецподразделений, проводящих спецоперацию. В связи с этим до выхода на исходные позиции групп боевого порядка руководитель операции должен лично проинструктировать группы захвата и прикрытия.

Кроме того, необходимо проинструктировать группу, на которую возложено устранение препятствий для проникновения к преступникам, применение светошумовых гранат и слезоточивого газа. Сотрудники этих групп должны уяснить главные задачи:

— сохранить жизнь и здоровье заложников, освободить их от преступников;

— задержать преступников с минимальным причинением им вреда, если вообще такое возможно;

— обеспечить сохранность материальных ценностей;

— не допустить потерь среди личного состава.

Если было принято решение о захвате преступников не внутри помещений (в камере штрафного изолятора, служебном кабинете, медицинской части и т. д.), а при посадке их в автомобиль, то особо тщательный инструктаж должен быть проведен с группами снайперов, преследования, блокирования, захвата, прикрытия.

Более того, инструктаж нужно провести и с теми группами, которые будут находиться в засаде вблизи ворот, дорог, железнодорожных переездов, лесных участков, в других местах на возможных маршрутах следования преступников. Особое внимание при этом обращается на координацию действий групп по слежению и контролю за передвижением преступников.

Перед началом операции по захвату преступников и освобождению заложников в помещении учреждения целесообразно усилить активность ведения переговоров, оперативной игры с целью усыпить бдительность преступников и добиться максимальной внезапности действий, прежде всего группы захвата. И наоборот, когда преступники с заложниками выходят из помещения, чтобы сесть в автомобиль или другие транспортные средства, в том числе авиационные (например, вертолет), то проводить какие-либо мероприятия, которые могут спровоцировать их на уничтожение заложников, недопустимо.

На момент пресечения захвата заложников определяется численность групп блокирования, ведения переговоров, захвата, прикрытия и применения спецсредств, эвакуации, оцепления.

К сожалению, в федеральных законах не указывается, каким образом следует проводить спецоперации. Нормативные правовые акты (например, Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ; Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1 и др.), регламентирующие деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, не отражают тактических аспектов, процедуры деятельности отрядов специального назначения в специальной операции по пресечению захвата заложников. Следовательно, сотрудники спецназа нуждаются не только в планировании

деятельности при чрезвычайных ситуациях, но и в документах, определяющих их организацию и тактику при проведении специальных операций в исправительных учреждениях [4, с. 28].

Рассмотрев организацию и тактику деятельности отрядов специального назначения в специальной операции по пресечению захвата заложников, остановимся и на организации и деятельности указанных подразделений при пресечении массовых беспорядков. Заметим, что в данном случае должна быть защищена специальными приспособлениями еще и техника, чтобы разъяренная толпа осужденных не могла взобраться на пожарные машины и бронетранспортеры (БТР), которые должны двигаться впереди колон, чтобы никто не воспрепятствовал их продвижению. Так, в следственном изоляторе г. Сухуми (август 1990 г.) при ликвидации массовых беспорядков осужденные взобрались на БТР и накрыли его одеялами. Бронетранспортер вследствие этого не выполнил свою задачу, а проводимая спецоперация не дала сразу ощутимого результата. Чтобы подобное не происходило, целесообразно на автотранспорт прикреплять маскировочную сетку (в натянутом состоянии) либо другие приспособления, желательно при этом применять светозумовые гранаты, стрельбу холостыми патронами.

Анализ механизмов проведения спецопераций, а также деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы при пресечении массовых беспорядков говорит о том, что боевой порядок построения сил и средств должен отрабатываться заблаговременно на оперативно-тактических учениях совместно с другими специальными подразделениями из различных правоохранительных подразделений и органов.

Таким образом, организация и тактика деятельности отрядов специального назначения уголовно-исполнительной системы в спецоперациях представляет собой последовательные, заранее спланированные действия оперативно-тактических групп, которые в результате исполнения совокупности вариантов средств и приемов достигают поставленных целей.

Подводя итог деятельности отрядов специального назначения в специальной операции по пресечению захвата заложников, массовых беспорядков в исправительных учреждениях, необходимо выделить следующие меры по совершенствованию правоохранительной деятельности исследуемых подразделений:

1) заранее планировать действия оперативно-тактических групп с учетом всех перечисленных условий;

2) использовать средства, приемы и методы для достижения поставленной задачи на основе реально складывающейся обстановки;

3) уделить особое внимание тем условиям, которые возникают в процессе проведения спецоперации, связанной со штурмом.

Подробный анализ всех условий проведения спецопераций, а также проработка механизмов,

тактики деятельности отрядов специального назначения уголовно-исполнительной системы в спецоперациях позволят наиболее эффективно решать поставленные задачи по противодействию криминальным проявлениям со стороны специального контингента, отбывающего наказание в пенитенциарных учреждениях России.

1. Громов В. Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. 50 с.

2. Поникаров В. А., Поникаров С. В. Эволюция публично-правового надзора за осужденными // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 3 (46). С. 65—72.

3. Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях (правовые и организационные аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2000. 32 с.

4. Шалыгин В. В. Организация и функционирование подразделений специального назначения // Вопросы организации управления. Уфа: Уфимский юрид. ин-т МВД России, 2011.

1. Gromov V. G. Criminogenicity of places of deprivation of liberty and its neutralization. Abstract of the dissertation of doctor of juridical sciences. Tambov; 2009: 50. (In Russ.).

2. Ponikarov V. A., Ponikarov S. V. Evolution of public-legal supervision of convicts. Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 65—72, 2022. (In Russ.).

3. Starostin S. A. Management of internal affairs bodies in emergency situations (legal and organizational aspects). Abstract of the dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2000: 32. (In Russ.).

4. Shalygin V. V. Organization and functioning of special purpose units. Questions of management organization. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2011. (In Russ.).

Поникаров Сергей Владимирович,
преподаватель кафедры
организации режима и надзора в УИС
Академии права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний России;
minrs@yandex.ru

Ponikarov Sergey Vladimirovich,
lecturer at the department
of regime organization and supervision in the PES
of the Academy of the FPS of Russia;
minrs@yandex.ru

Поникаров Владимир Анатольевич,
профессор кафедры административного
и финансового права
Академии права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний России,
доктор юридических наук, доцент;
minrs@yandex.ru

Ponikarov Vladimir Anatolievich,
professor at the department
of administrative and financial law
of the Academy of the FPS of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
minrs@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.91

doi: 10.25724/VAMVD.A111

**ЛИЧНОСТЬ ВООРУЖЕННОГО ПРЕСТУПНИКА,
СОВЕРШИВШЕГО НАПАДЕНИЕ
НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ В РОССИИ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Елена Анатольевна Раненкова**, *Ильяс Хамзатович Касаев**

* Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, alena_ranenkova@ramler.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, ilyas.kasaev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются свойства и качества личности вооруженного преступника, совершившего нападение на образовательную организацию в России (колумбайнера), на основе данных средств массовой информации, научных публикаций ученых и экспертов. Проведен всесторонний анализ резонансных случаев нападения вооруженных преступников на образовательные организации в России с 2014 по 2022 г., о которых упоминается в открытых источниках. В результате составлены усредненный портрет и криминологическая модель такого преступника. Авторами предложены собственная классификация и типологии личности колумбайнеров.

В рамках противодействия данному виду преступности разработаны определенного рода маркеры поведения подростков, сигнализирующие об их вовлеченности в деструктивную деятельность, подразделяющиеся на явные и неявные. Руководствуясь данными маркерами, окружающие и близкие потенциального колумбайнера, а также сотрудники органов внутренних дел смогут оказать превентивное воздействие на него и не допустить противоправной деятельности вероятных преступников.

Ключевые слова: личность преступника, вооруженное нападение, образовательная организация, субкультура «Колумбайн», колумбайнер

Для цитирования: Раненкова Е. А., Касаев И. Х. Личность вооруженного преступника, совершившего нападение на образовательную организацию в России: криминологический аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 47—57. doi: 10.25724/VAMVD.A111

**PERSONALITY OF AN ARMED CRIMINAL,
WHO MADE AN ATTACK ON AN EDUCATIONAL ORGANIZATION IN RUSSIA:
CRIMINOLOGICAL ASPECT**

Elena Anatolievna Ranenkova**, *Ilyas Khamzatovich Kasayev**

* Moscow Regional Branch of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, alena_ranenkova@ramler.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, ilyas.kasaev@yandex.ru

Abstract. The article presents properties and traits of the personality of an armed criminal, who made an attack on an educational organization in Russia (so-called "columbiner") based on the data from mass media, scientific papers of scientists and experts. All high-profile cases of armed criminals attacking educational organizations in Russia from 2014 to 2022, information about which is mentioned in open sources, have been thoroughly analysed. Based on the obtained results, an average portrait and a criminological model of such criminals were created. The authors propose their own classification and typologies of the personality of columbiners.

Within prevention of this type of crime, certain markers of adolescent behavior have been developed, signaling their involvement in destructive activities, which are divided into explicit and non-explicit. Based on these markers, surrounding people and family members of the potential columbiner, as well as internal affairs officers will be able to have a proactive preventive effect on him and prevent the illegal activities of potential criminals.

Keywords: personality of a criminal, armed attack, educational organization, "Columbine" subculture, columbiner

For citation: Ranenkova E. A., Kasayev I. Kh. Personality of an armed criminal, who made an attack on an educational organization in Russia: criminological aspect. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 47—57, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A111

Преступность затрагивает практически все сферы жизнедеятельности человека. Преступность как социальное негативное явление существует только в обществе, и преступление может совершить только человек. Данное обстоятельство и привлекает исследователей к проблеме изучения личности преступника, поскольку в современных реалиях очевидна необходимость установления причин и условий совершаемых деяний, а также всех юридически значимых обстоятельств их совершения в целях оптимизации превентивного воздействия на потенциально возможное противоправное поведение [1, с. 55; 2, с. 104].

Тенденцией последнего времени стали изменения, произошедшие в структуре преступности. Так, некоторые виды уличных преступлений существенно сократились в общей статистике фиксируемых деяний, тогда как значительный рост преступлений был замечен в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Вместе с тем стали появляться новые виды преступлений, ранее неизвестные, совершение которых привело к широкому общественному резонансу. Одним из таких преступлений является вооруженное нападение преступника на образовательную организацию, характеризующееся высокой степенью общественной опасности, привлекающее особое внимание населения.

Происхождение и развитие преступности, связанной с вооруженным нападением на образовательные организации, в мире принято ассоциировать с «Колумбайном» (от англ. Columbine) — школой, в которую 20 апреля 1999 г. ворвались Э. Харрис и Д. Клиболд, имея при себе большое количество оружия и самодельных взрывчатых устройств. В итоге нападения 36 человек получили ранения, 13 из которых оказались смертельными. Э. Харрис и Д. Клиболд в народе получили прозвище «колумбайнеры», которое позже стало именем нарицательным, обозначающим вооруженного преступника, совершившего нападение на образовательную организацию. В современном мире к числу колумбайнеров принято относить подростков, интересующихся массовыми убийствами, как в американской школе Columbine, так и другими подобными нападениями, и являющихся поклонниками тех, кто совершил эти преступления¹.

¹ Тупо колумбайнер. Как подростки делают культ из американских стрелков // РИА-новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20170909/1502116828.html> (дата обращения: 01.03.2023).

В целях изучения личности колумбайнера нами был проведен анализ резонансных случаев нападения на образовательные организации в России с 2014 г. и по настоящее время, описанных в открытых источниках сети Интернет, а также в опубликованных работах Н. Ю. Завьяловой [3, с. 117], В. О. Карпова [4, с. 442], Е. В. Михайловой [5, с. 20], А. В. Пучнина [6, с. 38] и многих других. Мы солидарны с точкой зрения профессора М. С. Колосович, которая отмечает «важность незамедлительного доведения до общественности информации о самом факте совершения преступления, позволяющей населению адекватно оценить сложившуюся ситуацию и риски» [7, с. 166]. Однако, вопреки данному мнению, опубликованных приговоров по рассматриваемым преступлениям найти в открытом доступе нам не удалось.

Итак, с января 2014 по декабрь 2022 г. было зафиксировано 26 преступлений изучаемой нами категории, получивших широкую огласку в средствах массовой информации. В общей сложности от них пострадало по меньшей мере 314 человек (рис. 1).

Наибольшее число преступлений было совершено в 2018 г. — 7 (123 пострадавших); 2021 г. — 5 (109 пострадавших); 2017 г. — 4 (9 пострадавших); 2022 г. — 3 (46 пострадавших); 2019 г. — 3 (19 пострадавших); 2014 г. — 3 (6 пострадавших); 2015 г. — 1 (2 пострадавших). Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на отсутствие данных официальной статистики, «Колумбайн» представляет существенную угрозу общественной безопасности и общественному порядку: не зря Верховный Суд Российской Федерации в феврале 2022 г. признал его террористической организацией.

К сожалению, до настоящего времени не проводилось ни одного фундаментального комплексного исследования личности колумбайнера. Чаще всего в научном сообществе поднимаются вопросы относительно особенностей идеологии субкультуры «Колумбайн» [6, с. 38], причин возникновения этой субкультуры [4, с. 443], рассматриваются некоторые аспекты криминологической характеристики вооруженных нападений [5, с. 21], а также изучается влияние сети Интернет на формирование преступного поведения подростков [8, с. 11]. Исследование же личности колумбайнера предполагает изучение процесса становления человека, причин и условий, способствующих формированию у него антисоциальных установок,

влияющих на деформацию уже сложившихся моральных ценностей, его мотивов, целей. Это необходимо для того, чтобы выработать эффективную стратегию предупреждения данных

преступлений, а также спрогнозировать и оказать превентивное воздействие на будущих «подражателей».

Рис. 1. Количество вооруженных нападений на образовательные организации и количество пострадавших от колумбайнеров в 2014—2022 гг. в России

Результаты исследования показали, что из всех изученных нами колумбайнеров 8 своим поведением подражали американцам Э. Харрису и Д. Клибурту (С. Гордеев, нападение 03.02.2014; М. Пивнев, нападение 05.09.2017; Л. Биджаков и А. Буслидзе, нападение 15.01.2018; А. Бичивин, нападение 19.01.2018; В. Росляков, нападение 17.10.2018; И. Галявиев, нападение 11.05.2021; Т. Бекмансуров, нападение 20.09.2021), а также В. Рослякову (Д. Пулькин, нападение 08.05.2019). Для этого преступники использовали соответствующую атрибутику в одежде (черные штаны и кофты, темные очки, длинные черные кожаные плащи), о чем они сами неоднократно заявляли в соцсетях на своих страницах. Так, семиклассник Д. Пулькин перед нападением на школу в Саратовской области (28.05.2019) написал на своей странице в социальной сети: «Спасибо Влад [Росляков] за идею!»¹.

Многие колумбайнеры вели дневники, куда вписывали имена тех, кто их обижал (например, М. Пивнев, нападение 05.09.2017; А. Тагиров, нападение 18.04.2018 и др.).

¹ В вольской школе подросток напал с топором на шестиклассницу // МК в Саратове: сетевое издание. URL: <https://saratov.mk.ru/incident/2019/05/28/v-volskoy-shkole-podrostok-napal-s-toporom-na-shestiklassnicu.html> (дата обращения: 30.01.2023).

Полагаем, что изучение структуры личности колумбайнера следует осуществлять с учетом традиционно сложившихся групп свойств и качеств, к которым могут быть отнесены социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые и социально значимые биофизиологические признаки [2, с. 105; 8, с. 27]. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Социально-демографические признаки

Пол. Среди выявленных в России колумбайнеров преобладают мужчины. В 24 случаях (из них два групповых) из 26 нападающими были лица мужского пола (92,4 % — мальчики и 7,6 % — девочки).

Возрастная характеристика преступников позволяет судить о степени интенсивности вовлечения молодежи в криминальную субкультуру «Колумбайн». В частности, определяя возрастные характеристики колумбайнера, важно отметить, что всплеск деструктивной активности наблюдается в следующем возрасте: в 15 лет совершено 6 преступлений, в 16 лет — 5, в 18 лет — 4, в 13 лет — 4, в 17 лет — 3, в 19 лет — 3, в 14 лет — 1, в 12 лет — 1, в 26 лет — 1 и в 34 года — 1 (рис. 2).

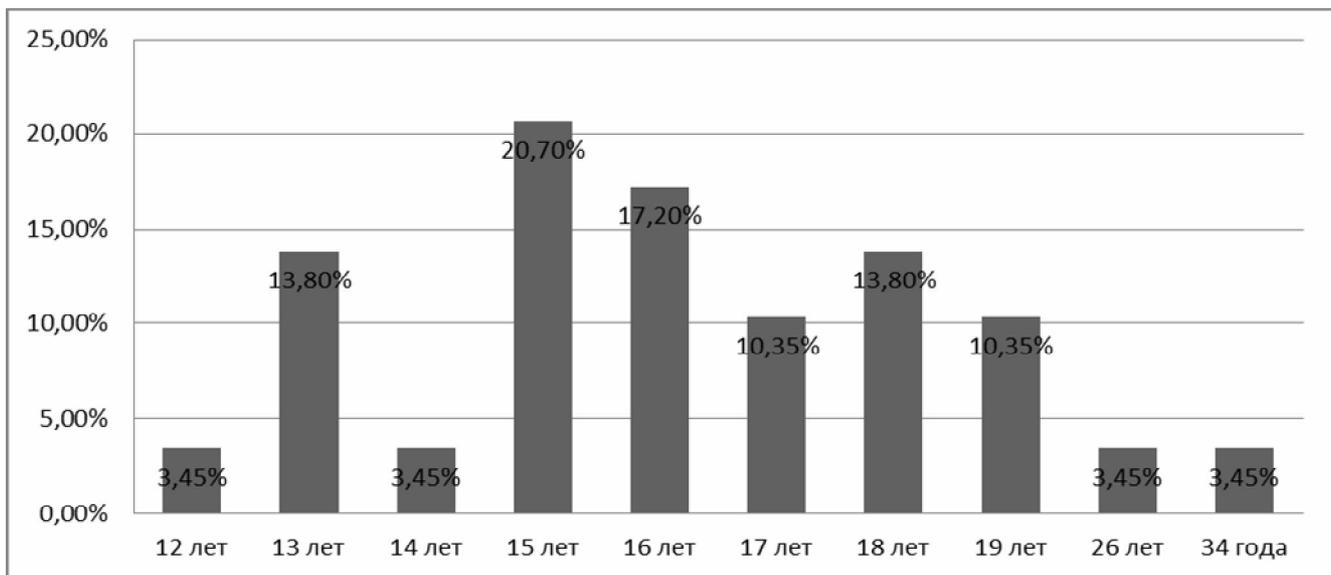

Рис. 2. Возраст колумбайнеров в России

Таким образом, большинство нападений совершено в возрасте 15—16 лет — 11 человек, затем в возрасте 17—19 лет — 10 человек, а в возрасте 12—14 лет рассматриваемые преступления совершены пятью лицами. В пяти случаях преступники избежали ответственности, так как не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности (12—13 лет). Наименьшее число нападений совершено в возрасте 26—34 лет — 2 человека.

Гражданство. Абсолютно все стрелки являются гражданами Российской Федерации. География вооруженных нападений на образовательные организации обширна, всего ими было охвачено 17 регионов нашей страны. По субъектам Российской Федерации вышеуказанные преступления распределились следующим образом:

- Пермский край — 4 нападения;
- Республика Татарстан — 3;
- Московская область — 3;
- Томская область — 2;
- Республика Крым — 2.

По одному преступлению было совершено в Красноярском и Хабаровском краях, в республиках Башкортостан, Бурятия, Коми и Удмуртия, в Ульяновской, Курганской, Новосибирской, Саратовской и Амурской областях, в городе Москве.

По уровню образования чаще всего вооруженные нападения совершались:

- а) учащимися общеобразовательных организаций (гимназии, лицеи, школы) — 18 человек, из них учениками 9 класса — 7 человек, 10 класса — 5, 7 класса — 4, 6 класса — 1; 8 класса — 1 человек.

Четыре преступника, по данным исследования, относились к следующим категориям:

- лица, ранее обучавшиеся, но отчисленные из образовательной организации (А. Буслидзе, групповое нападение 15.01.2018);

- бывшие выпускники, которые вернулись в свою школу в целях вооруженного нападения (И. Галявиев, нападение 11.05.2021, А. Казанцев, нападение 26.09.2022);

- б) обучающимися средних профессиональных образовательных организаций (колледжи, техникумы) — 3 человека (И. Иванистов, нападение 10.05.2018; В. Росляков, нападение 17.10.2018; Д. Засорин, нападение 14.11.2019);

- в) студентами образовательной организации высшего образования (университет) — 1 человек (Т. Бекмансуров, нападение 20.09.2021).

Таким образом, наибольшее число нападавших проходили обучение в 9—10 классах — 12 человек.

Социальное положение, род занятий. Давно известен — и в нашем случае также нашел подтверждение — факт, что наиболее криминогенной социальной группой являются лица, не занятые общественно полезным трудом. Абсолютно все колумбайнеры не были вовлечены в коллективную деятельность обучающихся (не посещали секции, кружки) и, соответственно, не участвовали в общественной жизни класса, школы, общественных организаций. Рассматриваемые лица часто пропускали школьные занятия, зафиксированы случаи перехода на домашнее обучение в силу имеющихся проблем в общении с одноклассниками, учителями, сверстниками, родителями (например, Д. Пулькин, нападение 28.05.2019).

Как правило, колумбайнеры имели ограниченный круг интересов. Лишь в одном случае было установлено позитивное хобби подростка — читал книги, писал стихи, бегал, рисовал (Р. Долбеев, нападение от 21.05.2021), и в одном случае преступник учился на «отлично», претендуя на окончание школы с золотой медалью (С. Гордеев, нападение 03.02.2014).

Кроме того, абсолютно все фигуранты не имели постоянного источника дохода и находились на иждивении у близких родственников. В первую очередь это объясняется возрастом колумбайнеров на момент совершения преступления (от 15 до 17 лет). Вопреки общему убеждению, лишь четверо из нападавших увлекались видеоиграми, в числе которых «шутеры» с проявлениями жестокости по аналогии с Rainkiller (А. Бичивин, нападение 19.01.2018; Д. Пулькин, нападение 08.05.2019; Т. Бекмансуров, нападение 20.09.2021 и др.).

Семейное положение. Не замужем и не женаты абсолютно все фигуранты. Девять нападавших воспитывались в неполных семьях, родители были в разводе (Л. Биджаков, групповое нападение 15.01.2018; А. Бичивин, нападение 19.01.2018; А. Рыбина, нападение 21.03.2018; В. Росляков, нападение 17.10.2018; Д. Засорин, нападение 14.11.2019; Т. Бекмансуров, нападение 20.09.2021; Д. Губаев, нападение 18.10.2021; В. Струженков, нападение 13.12.2021; А. Казанцев, нападение 26.09.2022) или отец умер (Д. Пулькин, нападение 28.05.2019). Воспитанием занимались мамы и бабушки. Шестеро из них не общались с отцом, двое воспитывались отчимом, один из которых позволил купить ружье, чтобы вместе ходить на охоту (Д. Засорин, нападение 14.11.2019). Два отца, чтобы компенсировать отсутствие полноценного воспитания и общения из-за развода, поощряли и оплачивали увлечение сына и дочери охотой и тиром, не зная об истинных целях, и даже сами обучили их стрельбе (Т. Бекмансуров, нападение 20.09.2021; А. Рыбина, нападение 21.03.2018).

В пяти случаях семья у нападавших была полная, характеризовалась как благополучная (С. Гордеев, нападение 03.02.2014; М. Пивнев, нападение 05.09.2017; А. Тагиров, нападение 18.04.2018; И. Иванистов, нападение 10.05.2018; И. Галявиев, нападение 11.05.2021). В двух случаях семья была полная, но неблагополучная, родители или только отец злоупотребляли алкоголем (С. Кучина, она же П. Дворкина, нападение 28.03.2022; Р. Ахтямов, нападение 26.04.2022).

В структуре личности преступника важное место принадлежит его *нравственно-психологической характеристике*. Именно эти признаки позволяют глубже познать внутреннее содержание личности.

Определенная специфика характеризует мотивационную сферу колумбайнеров, которая как раз и является инструментом девиантного поведения. Д. Каллен в своей книге «Колумбайн» рассматривает психологическую подавленность подростков как одну из важнейших причин, которая подталкивает к совершению массовых убийств [9, с. 2]. Действительно, для большей части стрелков были характерны отчаяние и подавленность. Подобные психические состояния сформировали импульсивную эмоциональную реакцию, способную перерастать в агрессию с оружием в руках.

«Обычно романтизируют идеи массового убийства подростки, имеющие определенные психологические расстройства и расстройства поведения, жертвы насилия, изгои общества, те, кто подвергался буллингу, бойкоту или издевательствам одноклассников», — утверждает руководитель челябинского Центра мониторинга социальных сетей Е. Щетинина¹. Например, по данным средств массовой информации, московский стрелок М. Пивнев подвергался буллингу со стороны одноклассников. Руководство школы знало об этом, но никак не реагировало. Между тем сам М. Пивнев не отличался замкнутостью, имел друзей и «ничто не предвещало» инцидента, так как он всегда умел давать отпор обидчикам самостоятельно.

В России за 2020 г. как минимум каждый третий ребенок страдал от действий ровесников и на глазах у каждого десятого издевались над другими [10, с. 29], а уже в 2021 г. более 55 % стали жертвами буллинга [11, с. 51]. Важно успеть вовремя распознать подростка, находящегося в подобном положении, помочь ему, предотвратив тем самым потенциальные убийства.

И. С. Кон отмечает, что буллинг — чисто мужское явление, в котором главные роли отведены парням (они выступают и как жертвы, и как агрессоры). Наверное, поэтому большинство (24 из 26) известных случаев «Колумбайна» были совершены именно мальчиками. Тревожный, чувствительный и скромный юноша — типичный образ жертвы травли. «Социально изолированные, выключенные из коллективных связей дети становятся жертвами, потому что не могут адекватно ответить на провокации, без которых не обходится никакое детское, особенно мальчишеское, сообщество» [12, с. 31].

Месть — вот что движет колумбайнерами, при этом им не важно, кого убивать (они стреляют во

¹ В школах стреляют изгои? Челябинский эксперт о скулшутинге и детской травле // АиФ: сетевое издание. URL: https://chel.aif.ru/society/v_shkolah_strelyayut_izgoi_chelyabinskiy_ekspert_o_skulshutinge_i_detskoy_travle (дата обращения: 01.03.2023).

всех, кто попадает на пути). «Вы надо мной смеялись, теперь я над вами посмеюсь», — с этими словами 10 мая 2018 г. студент Новосибирского колледжа И. Иванистов вошел в учебное заведение с ружьем¹. Нами было установлено, что абсолютно все колумбайнеры так или иначе страдали от буллинга со стороны сверстников и решились на преступления, чтобы отомстить своим обидчикам.

Существенное значение при определении личности колумбайнера также имеют его психофизические свойства. Некоторые из будущих стрелков состояли на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних или внутришкольном учете в связи с попытками суицида (М. Пивнев, нападение 05.09.2017; Л. Биджаков, групповое нападение 15.01.2018 и др.) или за драку (А. Буслидзе, групповое нападение 15.01.2018).

Из 26 нападавших 5 человек совершили самоубийство (застрелились) после совершения нападения (И. Иванистов, нападение 10.05.2018; В. Росляков, нападение 17.10.2018; Д. Засорин, нападение 14.11.2019; Р. Ахтямов, нападение 26.04.2022; А. Казанцев, нападение 26.09.2022). Четверо совершили попытку самоубийства (нанесли удары ножом в грудь), но их удалось спасти (Л. Биджаков и А. Буслидзе, нападение 15.01.2018; А. Бичивин, нападение 19.01.2018; А. Тагиров, нападение 18.04.2018). Ни у кого из них не было страха наказания, так как свое наказание они определили себе сами. Как правило, подростки шли умирать и планировали совершить суицид (С. Гордеев, нападение 03.02.2014; Д. Пулькин, нападение 28.05.2019; Т. Бекмансуров, нападение 20.09.2021 и др.) после осуществления акта возмездия: «Я пришел сюда сдохнуть!» — выкрикнул М. Пивнев перед тем, как выстрелить, а накануне обновил статус на своей странице, написав «deletemylife 05.09.17» («удалить мою жизнь 05.09.17»)².

Из оставшихся 21 человека 6 нападавших были признаны невменяемыми или страдающими различными психологическими расстройствами, в связи с чем направлены на принудительное лечение (С. Гордеев, нападение 03.02.2014; А. Бичивин, нападение 19.01.2018; А. Тагиров, нападение

18.04.2018; И. Халфин, нападение 13.05.2019; Р. Долбеев, нападение 21.05.2021 и др.). В пяти случаях преступники избежали ответственности, так как не достигли возраста уголовной ответственности (12—13 лет) (18.01.2018 нападение ученика 7 класса, имя которого не раскрывается; А. Рыбина с сестрой, нападение 21.03.2018; Д. Губаев, нападение 18.10.2021 и др.).

Уголовно-правовая характеристика

Квалификация преступлений. В основном все преступления были отнесены к тяжким и особо тяжким категориям и квалифицированы по статьям 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) — 14 эпизодов, 213 УК РФ — 3, 167 УК РФ — 2, 222.1 УК РФ — 2, 223.1 УК РФ — 2, ст. 111 УК РФ — 1, и др.

Повторных преступлений (рецидива) не было выявлено. В первую очередь, это вызвано тем, что субъекты после совершения преступления стремились покончить жизнь самоубийством. Если самоубийство удалось предотвратить, то преступникам были назначены внушительные размеры наказания, чаще всего пожизненное лишение свободы. Справедливости ради отметим, что повторность выявлена единожды. А. Тагиров (нападение 18.04.2018) еще за два года до состоявшегося нападения в 2016 г. приходил в школу с коктейлем Молотова, собираясь устроить поджог, но его обезвредили. С ним работала полиция и психологи³.

Рассматривая *социально значимые биофизиологические признаки*, согласимся с мнением профессора Н. И. Дорохова, отмечающего, что в качестве причин «инакомыслия» могут выступать такие подсознательные импульсы, как комплекс неполноценности и психологические фрустрации [13, с. 20], что непосредственно усиливает ненависть к окружающим. Полагаем, данный довод справедлив и по отношению к колумбайнерам в связи с тем, что абсолютно все подвергались буллингу (травле) со стороны окружающих. В большинстве случаев причинами травли служили какие-то внешние особенности развития: нарушения слуха (А. Тагиров, нападение 18.04.2018), заикание, зрение, ожирение и прочее (В. Струженков, нападение 13.12.2021). Подростки имели проблемы со здоровьем:

— испытывал сильные головные боли (И. Галявиев, нападение 11.05.2021);

— слышал шумы в голове или голоса (Т. Бекмансуров, нападение 20.09.2021);

— перенес операцию (В. Струженков, нападение 13.12.2021);

³ Тагиров А. Нападение на школу № 1 в Стерлитамаке // Маньяки мира: страница в социальной сети VK. URL: https://vk.com/wall-166343595_38903 (дата обращения: 30.01.2023).

¹ Природа скулшутинга: почему происходят массовые расстрелы в школах и как их предотвратить // Форбс.ру: сайт. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/429493-priroda-skulshutinga-pochemu-proishodyat-massovye-rasstrely-v-shkolah-i-kak-ih> (дата обращения: 30.01.2023).

² Школьник из Подмосковья устроил стрельбу в классе. Есть пострадавшие. URL: <https://www.ugrapro.ru/2017/09/05/shkolnik-iz-podmoskovya-ustroil-strelbu-v-klasse-est-postradavshie/> (дата обращения: 30.01.2023).

— имел заболевание, влияющее на гормональный фон (например, рак, при котором была удалена щитовидная железа — В. Струженков, нападение 13.12.2021);

— употребляли медицинские препараты, влияющие на психику: гормоны (В. Струженков, нападение 13.12.2021), антидепрессанты (Т. Бекмансуров, нападение 20.09.2021; В. Струженков, нападение 13.12.2021 и др.).

Как мы уже говорили ранее, многие, так или иначе, состояли на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, наблюдались у психиатра или проходили лечение в психоневрологическом диспансере (Д. Пулькин, нападение 28.05.2019; Р. Ахтямов, нападение 26.04.2022; А. Казанцев, нападение 26.09.2022, и др.), имели определенные заболевания, такие, как параноидная шизофрения (С. Гордеев, нападение 03.02.2014; А. Казанцев, нападение 26.09.2022), временное помешательство (А. Тагиров, нападение 18.04.2018), энцефалопатия (И. Галявиев, нападение 11.05.2021), иные болезненные состояния психики, эмоциональные расстройства (Р. Долбеев, нападение от 21.05.2021; Д. Губаев, нападение 18.10.2021). По меньшей мере двое употребляли наркотики или алкоголь (Л. Биджаков и А. Буслидзе, групповое нападение 15.01.2018).

Исходя из изложенного, **усредненный портрет колумбайнера** выглядит следующим образом: *это преимущественно мальчики в возрасте 15—16 лет, граждане Российской Федерации, учащиеся общеобразовательных организаций (гимназии, лицеи, школы), имеющие ограниченный круг интересов, в силу возраста не женатые и не имеющие постоянного источника дохода, находящиеся на иждивении у близких родственников, совершившие преступление, руководствуясь мотивом мести за то, что ранее подвергались буллингу (травле) со стороны окружающих, находящиеся в момент совершения преступления в состоянии отчаяния и подавленности, которые сформировали импульсивную эмоциональную реакцию, способную перерасти в агрессию с оружием в руках, совершившие преимущественно убийства, квалифицированные по ст. 105 УК РФ, вменяемые, не имевшие рецидива преступной деятельности.*

Если усредненный портрет колумбайнера строится на признаках, отраженных в структуре личности преступника, то криминологическую модель можно составить, руководствуясь *типологией личности колумбайнеров*. В данном исследовании мы сочли возможным разделить всех преступников на группы по различным основаниям. Несмотря на частые упоминания в средствах массовой информации

о «профиле» школьных стрелков, собрать известные детали личности в единый образ пока никому не удалось. Однако, основываясь на наших результатах, предлагаем следующие типологии личностей колумбайнеров:

По степени уравновешенности личности преступника

1. Шизоидный тип личности характеризуется склонностью стрелка самоутверждаться за счет других, сознательно манипулировать людьми. Чаще всего это самовлюбленные, лишенные сочувствия лица, иногда демонстрирующие садистские наклонности. Так, Пермский стрелок Т. Бекмансуров имел тягу к безмерной власти и отсутствие эмпатии к окружающим.

2. Аффективный тип личности — это лица в целом уравновешенные, совершившие преступление под воздействием внезапно возникших сильных душевных волнений, как, например, Р. Долбеев (нападение от 21.05.2021) или С. Гордеев (нападение 03.02.2014).

По глубине расстройства личности

1. Невротический тип личности — лица, которых характеризует эмоциональная нестабильность с доминирующей «негативной» окраской. Обычное состояние — неуверенность в себе и своих силах, переживания, страхи, недоверие к людям, а в результате этого — заикленность на себе и склонность то к обвинениям, то к самообвинениям. Например, Д. Пулькин (нападение 28.05.2019).

2. Психотический тип личности — лица, у которых были диагностированы заболевания, сопровождающиеся изменением сознания, отсутствием критики к себе или к окружающему, с сочетанием психотических симптомов (галлюцинаций, бреда, неорганизованных мыслей и поведения). Например, психиатры отмечали у И. Галявиева — девятнадцатилетнего стрелка из Казани — наличие такого расстройства личности.

По степени благополучия семейно-бытовых взаимоотношений

1. Благополучный тип личности — лица, которые выросли без психотравмирующих ситуаций в семье (С. Гордеев, нападение 03.02.2014; М. Пивнев, нападение 05.09.2017; А. Тагиров, нападение 18.04.2018; И. Иванистов, нападение 10.05.2018; И. Галявиев, нападение 11.05.2021).

2. Травмированный тип личности — лица, которые выросли в хронически неблагополучных семьях, характеризующихся, например, злоупотреблением родителями психоактивных веществ, насилием в семье, физическим, а иногда и сексуальным насилием, частыми переездами и сменой опекунов (С. Кучина, она же П. Дворкина, нападение 28.03.2022; Р. Ахтямов, нападение 26.04.2022).

По степени оригинальности поведения преступника

1. Креативный тип личности — лица, совершившие преступление, руководствуясь собственными соображениями и представлениями о том, как оно должно состояться (например, И. Галявиев).

2. Подражающий тип личности — лица, копирующие поведение своих кумиров, которых можно разделить:

1) на подражателей исключительно американским убийцам из школы Columbine (нападение от 20.04.1999) Э. Харриса (9 апреля 1981 г. р.) и Д. Клиболда (11 сентября 1981 г. р.) (С. Гордеев, нападение 03.02.2014; М. Пивнев, нападение 05.09.2017; Л. Биджаков и А. Буслидзе, нападение 15.01.2018; А. Бичивин, нападение 19.01.2018; В. Росляков, нападение 17.10.2018; И. Галявиев, нападение 11.05.2021; Т. Бекмансуров, нападение 20.09.2021), которые:

— активно интересовались массовым убийством в школе «Колумбайн», размещали тематическую информацию на своих страницах в социальных сетях, состояли в соответствующих социальных группах;

— монтировали собственные видеосюжеты в аналогичных позах, одежде, использовали аналогичную атрибутику и т. д.;

— подражали стилю одежды, во время нападения были одеты в длинный черный плащ, футболку с эмблемой «KMFDM» (такую же, как у колумбайнеров), у других стрелков была надета футболка с надписью «Ненависть», как у В. Рослякова;

2) подражателей, сочетающих тематику субкультуры «Колумбайн» с субкультурой экстремизма и терроризма (фашизма, национализма) (например, А. Казанцев, нападение 26.09.2022). Эти подражатели:

— чаще всего использовали символику Третьего Рейха и т. д., соответствующие слова и выражения, например «Хайль Гитлер»;

— надевали одежду, имеющую нацистскую символику, ботинки с высокими берцами, балаклаву и т. д.;

— состояли в социальных сетях в социальных группах поклонников «Колумбайна» и Третьего Рейха, таких как «Эрик Рейх», «Дилан Гимлер», «Клиборд Гесс» и т. д.;

— вели странички в социальных сетях под собственными именами и псевдонимами, копирующими известные имена фашистов.

Исходя из результатов нашего исследования, можно сделать вывод, что **криминологическая модель колумбайнера** выглядит следующим образом: это чаще всего *стрелок, характеризующийся склонностью к подражанию, а также к самоутверждению за счет других, сознательному манипулированию людьми, у которого были диагностированы заболевания, сопровождающиеся изменением сознания, отсутствием критики к себе или окружающим с сочетанием психических симптомов, выросший в неблагополучной семье.*

Необходимо подчеркнуть, что степень уверенности, с которой любого стрелка можно отнести к нашим группировкам признаков, сильно варьируется. Представленные нами собирательные образы характеризуют абстрактного нарушителя закона, тот контингент, на который должны быть направлены превентивные меры. Соответственно, выявить лиц, склонных к проявлению подобной агрессии, возможно при должном уровне наблюдательности со стороны членов семьи, сверстников, знакомых и работников школы (колледжа, университета).

Проведенное нами исследование позволяет выделить и классифицировать маркеры поведения подростка, сигнализирующие о вовлеченности в деструктивную деятельность. В зависимости от характера и степени их вовлеченности мы разделяем их на «неявные» и «явные». Явные, в свою очередь, также определяются по двум показателям: по характеру поведения и по стилю в одежде.

**Маркеры поведения подростка,
сигнализирующие о вовлеченности в деструктивную деятельность**

Неявные	Явные	
	В характере и поведении	В стиле одежды и интересах
<p>— очень тихий, спокойный замкнутый подросток;</p> <p>— имеет ограниченный круг интересов;</p> <p>— не удовлетворен правилами и установленным порядком;</p> <p>— не вовлечен в коллективную деятельность обучающихся (не посещает секции, кружки), соответственно, не участвует в общественной жизни класса, школы, общественных организаций;</p> <p>— не удовлетворен общением с одноклассниками, учителями, сверстниками, родителями, «обижен на всех»;</p> <p>— пропускает школьные занятия или переходит на домашнее обучение;</p> <p>— смерть близких</p>	<p>— испытывает проблемы со здоровьем (сильные головные боли, слышит шум в голове или голоса, перенес операцию, болен заболеванием, влияющим на гормональный фон (например, рак, удалена щитовидная железа)), употребляет медицинские препараты, влияющие на психику (принимает гормоны, антидепрессанты);</p> <p>— имеет заболевание или особенности развития, которые могут послужить поводом для насмешек и буллинга (заикание, ношение слухового аппарата и прочее);</p> <p>— жалуется на проблемы в школе, травлю, из-за которой отказывается посещать учебное заведение;</p> <p>— появилась апатия, отказ от жизни и прежних увлечений, часто посещают суицидальные мысли;</p> <p>— состоит на учете в психоневрологическом диспансере в связи с попытками суицида, наблюдается у психиатра, так как неоднократно говорил о суициде, или в психоневрологическом диспансере, имеет определенные заболевания (шизофрения).</p> <p>— начинает вести дневник, куда может записывать имена тех, кто его обижал, рисует символические рисунки;</p> <p>— перестает жаловаться на конфликты, травлю</p>	<p>— увлекся субкультурой «Колумбайн», просматривает видео, читает статьи о расстрелах школ, размещает фото и посты по указанной тематике, состоит в группах и сообществах и т. д.);</p> <p>— удаляет свою страницу в социальных сетях или переименовывает, называя себя именем популярных колумбайнеров, фашистов и т. д. (MikeKlebold, Константин Родзаевский — основоположник русского фашизма), местом рождения выбирает Штат «Колумбайн» или Берлин, например;</p> <p>— в гардеробе появляется одежда в стиле «Колумбайн»: милитари, черный плащ с длинными полами, ботинки с высокими берцами, черные брюки, сумка военного образца, футболка с эмблемой KMFDM или различными символическими надписями или рисунками, как и у других нападавших колумбайнеров;</p> <p>— увлекся видеоиграми, в особенности Painkiller;</p> <p>— увлекся стрелковым оружием, охотой, изготовлением взрывчатых веществ, проходит курсы по стрельбе, получает лицензию;</p> <p>— начинает активно делиться своими планами задолго до трагедии, сообщает в социальных сетях о том, что ненавидит всех, ведет себя агрессивно</p>

Руководствуясь представленными специфическими маркерами поведения подростка, сигнализирующими о его вовлеченности в деструктивную деятельность, а также характеристиками, отраженными нами в усредненном портрете и криминологической модели преступника, субъекты пре-

дупреждения преступности, в том числе окружающие и близкие вероятного колумбайнера, могут оказать своевременное превентивное воздействие на него и остановить его потенциально возможную противоправную деятельность на как можно более ранней стадии.

1. Алдохина В. В. Субъект в преступлениях экстремистской направленности и криминологические признаки личности преступника, совершающего эти деяния // Юрист-Правоведъ. 2017. № 1 (80). С. 54—58.

2. Петрянин А. В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 104—109.

3. Завьялова Н. Ю., Лункашу Ю. В. Скулшутинг как нравственная и юридическая проблема в российском обществе // Общество и право. 2021. № 3 (77). С. 117—122.

4. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 4. С. 442—446.

5. Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации (schoolshooting) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 1 (80). С. 20—25.

6. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 38—43.

7. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 536 с.

8. Алексеева А. П. Криминология. Общая часть: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 80 с.

9. Каллен Д. Колумбайн / пер. с англ. А. Андреева, Е. Татищевой. Москва: LikeBook, 2019. 608 с.

10. Квашиш В. Е., Ильницкий А. С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 26—31.

11. Агапов П. В., Смылова В. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 6. С. 855—871.

12. Кон И. С. Мальчик — отец мужчины. Москва: Время, 2010. 704 с.

13. Дорохов Н. И. Портрет современного террориста: нравственно-психологические и личностные аспекты // Военно-юридический журнал. 2006. № 5. С. 18—24.

1. Aldokhina V. V. The subject in extremist crimes and criminological signs of the identity of the criminal who commits these acts. Yurist-Pravoved, 54—58, 2017. (In Russ.).

2. Petryanin A. V. The personality of an extremist: criminological aspect. Legal Science and Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 104—109, 2012. (In Russ.).

3. Zavyalova N. Yu., Lunkashu Yu. V. School shooting as a moral and legal problem in Russian society. Obshchestvo i pravo, 117—122, 2021. (In Russ.).

4. Karpov V. O. Kult of Columbine: main reasons for school shooting. Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, 442—446, 2018. (In Russ.).

5. Mikhailova E. V. Crimonological characterization of armed attacks in educational institutions of the Russian Federation (schoolshooting). Scientific Bulletin of the Omsk Institute of the MIA of Russia, 20—25, 2021. (In Russ.).

6. Puchnin A. V., Puchnina M. Yu. The ideology of columbine as an extremist and terrorist threat to the national security of the Russian Federation. Obshchestvo i pravo, 38—43, 2021. (In Russ.).

7. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundations. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Volgograd, 2019: 536. (In Russ.).

8. Alekseeva A. P. Criminology. General part. Textbook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 80. (In Russ.).

9. Kallen D. Columbine. Translated from eng. by A. Andreev, E. Tatishcheva. Moscow: LikeBook; 2019: 608. (In Russ.).

10. Kvashis V. E., Il'nitskii A. S. Modern forms of criminal ideology on the Internet. Scientific portal of the MIA of Russia, 26—31, 2021. (In Russ.).

11. Agapov P. V., Smyslova V. N. Prosecutor's supervision over law enforcement in countering extremism in the conditions of radicalization and growth of the protest activity of population: issues of theory and practice. Russian Journal of Criminology, 855—871, 2020. (In Russ.).

12. Kon I. S. The boy is the father of a man. Moscow: Vremya; 2010: 704. (In Russ.).

13. Dorokhov N. I. Portrait of a modern terrorist: moral, psychological and personal aspects. Military Law Journal, 18—24, 2006. (In Russ.).

Раненкова Елена Анатольевна,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;
alena_ranenkova@ramler.ru

Касаев Ильяс Хамзатович,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
ilyas.kasaev@yandex.ru

Ranenkova Elena Anatolievna,
associate professor at the department
of criminal law and criminology
of the Moscow Regional Branch
of the Moscow University of the MIA of Russia
named after V. Ya. Kikot,
candidate of juridical sciences;
alena_ranenkova@ramler.ru

Kasayev Ilyas Khamzatovich,
associate professor
at the criminal law department
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
ilyas.kasaev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.2(09)
doi: 10.25724/VAMVD.A116

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ «ХУЛИГАНСКОГО МОТИВА»
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Олег Валентинович Стрилец*, **Султан Назирович Нанаев****

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* oleg-strilez@rambler.ru

** sultannanaev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты формирования хулиганских побуждений как мотива преступного поведения в законодательстве России. В частности, проводится анализ отечественных памятников законодательства на предмет наличия указанного субъективного признака состава преступления. Рассматриваются уголовно наказуемые деяния, сходные по своей сути и содержанию с хулиганством. Относительно дореволюционного периода, исследуются такие источники права, как Соборное уложение 1969 г., Воинский Артикул 1715 г., Устав благочиния или полицейский 1782 г., Уголовное уложение 1903 г. и др. В работе излагаются основные элементы хулиганских побуждений в современном их понимании, обнаруженные в составах уголовно наказуемых деяний, закрепленных в указанных нормативных актах.

Кроме того, в статье проводится исследование советского и современного уголовного законодательства в части, касающейся хулиганского мотива преступлений. Анализируются соответствующие акты толкования Верховного Суда СССР и России. По результатам изучения делаются выводы, которые будут способствовать правильному подходу к исследованию действующего законодательства и эффективному решению проблем теории и практики в части, касающейся хулиганских побуждений как мотива преступного поведения.

Ключевые слова: законодательство, мотив, нормативный акт, общественный порядок, хулиганство, хулиганские побуждения, общество

Для цитирования: Стрилец О. В., Нанаев С. Н. Историко-правовые аспекты формирования «хулиганского мотива» в российском законодательстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 58—64. doi: 10.25724/VAMVD.A116

**HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF FORMATION
OF "HOOLIGAN MOTIVE" IN RUSSIAN LEGISLATION**

Oleg Valentinovich Strilets**, **Sultan Nazirovich Nanaev****

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* oleg-strilez@rambler.ru

** sultannanaev@gmail.com

Abstract. The article examines the historical aspects of the formation of hooligan motives as a motive for criminal behavior in the legislation of Russia. In particular, the analysis of domestic monuments of legislation is carried out for the presence of this subjective attribute of the corpus delicti. Criminally punishable acts similar in their essence and content to hooliganism are considered. Regarding the pre-revolutionary period, such sources of law as the Cathedral Code of 1969, the Military Article of 1715, the Charter of the deanery or the Policeman of 1782, the Criminal Code of 1903 and others are being investigated. The article outlines the main elements of hooligan motives in its modern sense, found in the compositions of criminally punishable acts enshrined in these regulations.

In addition, the article analyzes the Soviet and modern criminal legislation in terms of the hooligan motive of crimes. The corresponding acts of interpretation of the Supreme Court of the USSR and Russia are analyzed. Based on the results of the study, conclusions are drawn that will contribute to the correct approach in the study of current legislation and the effective solution of problems of theory and practice in terms of hooligan motives as a motive for criminal behavior.

Keywords: legislation, motive, regulatory act, public order, hooliganism, *hooligan motives*, society

For citation: Strilets O. V., Nanaev S. N. Historical and legal aspects of formation of "hooligan motive" in Russian legislation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 58—64, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A116

История является одним из основных и первоначальных источников знания о любом явлении, объекте и событии, в том числе законодательстве, а также его отдельных нормах. Н. С. Таганцев полагал, что правильное восприятие того или иного юридического института в конкретном историческом периоде нужно начинать с исследования его истории, в частности причин появления и соответствующих изменений, внесенных законодателем по ходу его развития [1, с. 21]. Исходя из этого, исследование хулиганских побуждений как мотива преступного поведения необходимо и целесообразно начать с ретроспективного анализа отечественного законодательства.

Нормативные правовые акты российского законодательства дореволюционного периода, регламентировавшие отношения, связанные с совершением преступлений, не содержали таких понятий, как «мотив», «хулиганство» и «хулиганские побуждения». Тем не менее общественный порядок являлся объектом охраны уголовного закона со времен его возникновения, и, несмотря на отсутствие определенных современных понятий, их суть все же находила отражение в указанных источниках права начиная с Русской Правды. Данное суждение подтверждается научными трудами, в том числе дореволюционной эпохи. В частности, Н. Н. Ланге указывал, что мотив совершения побоев, повлекших вред здоровью, оказывал влияние на размер ответственности, и когда они нанесены без какой-либо провокации и без всякого основания, то наказание значительно увеличивалось. Размер санкций при этом в случае совершения противоправных деяний «без раздражения», т. е. без определенной причины, был выше, чем когда эти же деяния были совершены в момент раздражения (драка, ссора) [2, с. 150]. М. А. Агаджанян справедливо отмечает, что в данном случае речь идет не о нарушениях общественного порядка, а о значимости мотива, лежащего в основе поведения нарушителя, для соответствующей правовой оценки его действий [3, с. 17]. Таким образом, отечественное уголовное законодательство с момента издания его первоначального — и для своего времени основного — источника (Русской правды) фактически закрепило положение о повышенной общественной опасности деяния при его совершении из хулиганских побуждений.

При анализе крупнейших памятников отечественного законодательства, изданных в период

древней и средневековой Руси вплоть до середины XVII в., нельзя найти положений, непосредственно регулирующих общественные отношения, возникающие при нарушении общественного порядка, или же хоть как-то их касающихся.

Запрет нарушения общественного порядка нормативно был закреплен в более поздних законодательных нормах, изданных в период начала становления буржуазного общества и окончательного формирования и развития абсолютизма. Можно проследить важную особенность данных норм, а именно то, что действие запрета нарушения общественного спокойствия распространялось на конкретные места, определенные в законе. В частности, совершенно очевидно, что общественный порядок охранялся при нарушении правил поведения в церкви.

При исследовании Соборного уложения царя Алексея Михайловича, принятого в 1649 г., отметим, что преступления против общественного порядка в церквях посвящена отдельная глава, которая предусматривала ответственность «богохульников и церковных мятежников». Принимая во внимание незыблемый авторитет, который имела церковь в глазах народа на описываемый нами период, нельзя не согласиться с тем, что данные преступления можно вполне расценить как совершенные из явного неуважения к обществу. Кроме того, считаем необходимым уделить особое внимание ст. 17 гл. XXII представленного источника права. Законодатель закрепляет следующее выражение: «с похвальбы... наскочет на лошади». Упомянутую в цитируемой норме формулировку «с похвальбы» можно расценить как мотив совершения преступных действий и сопоставить с исследуемыми нами хулиганскими побуждениями совершения преступлений¹.

Некое правовое явление, которое можно в современной законодательной интерпретации расценить в качестве хулиганских побуждений, встречается и в Воинском артикуле 1715 г., принятом в период правления Петра I. Законодатель осознал, что преступления, совершенные без существенного повода, т. е. без причины, представляют повышенную общественную опасность. В связи с этим проявления насильственных действий,

¹ Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. Москва: Юрид. лит., 1985. С. 85—86.

совершенных из злости, «в сердцах», влекли применение к виновным лицам более строгого наказания¹.

Устав благочиния или полицейский 1782 г. также регламентировал обеспечение общественного порядка при конкретно закрепленных законом обстоятельствах. В частности, ст. 261 указанного нормативного правового акта закрепляла норму, касающуюся преступлений, совершенных «во время народной игры или забавы, а также театрального представления». В данном же контексте нельзя однозначно расценивать специфику указанных норм как нечто схожее с хулиганскими побуждениями в современном понимании. Все же исследуемый признак состава преступления в науке уголовного права относится к числу субъективных. Вместе с тем к преступлениям, совершенным из хулиганских побуждений, не следует приравнивать те, которые совершены в церкви или против церковных обычаев. С учетом места их совершения, нельзя ставить в один ряд церковь (которая в мышлении людей априори практически всегда воспринималась как нечто святое, сокровенное) и места народных гуляний².

Свод законов Российской империи 1833 г. прямо не закреплял хулиганские побуждения как мотив какого-либо конкретного преступления или же как обстоятельство, отягчающее наказание. Однако ответственность за само хулиганство, в нынешнем его понимании, в указанном законодательном акте была предусмотрена в томе XV гл. 3 «О проступках против благочиния, порядка и спокойствия», где была установлена ответственность за такие деяния, как «нарушение порядка в публичных собраниях, или во время общенародных увеселений, театральных представлений», «появление в публичном месте в состоянии явного опьянения, угрожающего безопасности, спокойствию или благочинию», «ссоры, драки, кулачный бой, или другого рода буйство в публичных местах, и вообще за нарушение общественной тишины»³.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. сохранило положения вышеуказанного свода законов в части наказуемости нарушений порядка в общественных местах, но вместе с тем и впервые закрепило такое понятие, как «явное к сему месту неуважение», что сходно с ныне действующим признаком хулиганства и хули-

ганских побуждений — «явное неуважение к обществу»⁴. Указанные категории в понимании законодателя XIX в. и в трактовке законодателя XXI в. в части уголовной ответственности за хулиганство идентичны и представляют собой пренебрежительное отношение к лицам, находящимся в момент совершения деяния в зоне досягаемости его неблагоприятных последствий.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. аналогично предыдущим исследованным источникам права закреплял ответственность за нарушение общественного порядка, заключавшееся в буйствах, кулачных боях и ссорах в общественных местах и других нарушениях публичной тишины, а также за нарушения порядка во время увеселительных и театральных мероприятий. Здесь стоит обратить внимание на ст. 134, где закреплена ответственность за «нанесение обиды без всякого повода со стороны обиженного». Данное преступление можно условно отнести к числу совершаемых с хулиганским мотивом, так как его субъективная сторона содержит один из основных элементов хулиганских побуждений в современном его понимании, когда деяние совершается без повода или с использованием незначительного повода. В то же время прослеживается ужесточение позиции законодателя касательно ответственности за такое «бесповодное» преступление, в частности это же деяние, при наличии причины его совершения, вызванного потерпевшим, наказывалось в два раза мягче (вместо месячного ареста пятнадцатидневным сроком)⁵.

Следующим отечественным источником уголовного права, подлежащим изучению, выступает Уголовное уложение 1903 г. В исследуемом уложении уголовная ответственность за хулиганство в современном его понимании была установлена в ст. 262, которая содержала уголовно-правовой запрет на «шумные бесчинства» в общественных местах. Наряду с этим в ст. 263 уложение криминализировало «причинение общественной тревоги, без всякого к тому основания ударом в набат или иным способом»⁶. Данное деяние можно также

¹ Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. Москва: Юрид. лит., 1986. С. 353.

² Свод законов Российской империи: в 16 т. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Свод законов Российской империи: в 16 т.

⁴ Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. Москва: Юрид. лит., 1988. С. 247.

⁵ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: с дополнениями по 1 января 1879 г.: с прил. мотивов и извлечений из решений Уголовного кассационного департамента Сената / сост. Н. С. Таганцевым. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1879. VIII, 332 с.

⁶ Новое Уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. Неофиц. изд. Санкт-Петербург: Кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. 254 с.

отнести к числу преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, в связи с тем, что в его мотивации явно прослеживается и неуважение к обществу, и отсутствие повода к его совершению.

Впервые термин «хулиганство», хотя и не в официальных нормативных актах, стал употребляться в дореволюционной России после мятежа 1905 г. В. И. Громов отмечал, что «модное нынче хулиганство» возникло внезапно и распространяется с огромной скоростью [4, с. 56]. Представители российской уголовно-правовой доктрины расходились во мнениях относительно состава указанного преступления. В частности, А. Н. Трайнин считал, что как таковой необходимости выделения хулиганства как отдельного состава преступления нет, в связи с тем что признаки данного деяния и так закреплены в различных нормах закона¹.

Первое официальное упоминание хулиганства, хотя, скорее, в большей степени не как преступления против общественного порядка в привычном нам понимании, а преступления политической направленности, цель которого — дезорганизация советской власти, встречается в Декрете СНК РСФСР «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. [5, с. 37]

В УК РСФСР, принятом в 1922 г., закреплена ст. 176 «Хулиганство». Указанная статья была отнесена к преступлениям против личности и помещена в соответствующую главу. Данное законодательное решение объяснялось тем, что большинство случаев хулиганства сопряжено с посягательствами на личность. Официальное закрепление новой, еще не в полной мере разработанной нормы закономерно вызвал немалый интерес правоведов, шли споры относительно его перспективности и целесообразности. В большей степени представители научных кругов сомневались относительно достаточности отражения признаков хулиганства.

В октябре 1924 г. законодатель переоценил степень общественной опасности хулиганства, совершенного впервые, закрепив такой же состав и в числе административных деликтов. Следует отметить, что значительные изменения коснулись и определения понятия упомянутого нами состава преступления, из которого были исключены признаки бесцельности и проявления неуважения к конкретной личности. В связи с этим совершенно закономерно в 1926 г. данная статья была помещена в иную главу УК РСФСР, которая содержала преступления против порядка управления. В. Д. Меньшагин весьма положительно отреагиро-

вал на данные изменения, поскольку разделял позицию, согласно которой видовым объектом хулиганства являются «социалистический правопорядок и правила социалистического общежития» [6, с. 410].

Как выше упоминалось, состав хулиганства был закреплён и в качестве преступления, и в качестве административного правонарушения, что, в свою очередь, является весьма прогрессивным решением, делающим инструментарий противодействия преступности разнообразным и вариативным, исходя из обстоятельств совершения деяния и степени его общественной опасности. Однако первоначально отсутствовали четкие критерии, руководствуясь которыми правоприменители должны были отнести совершенное деяние к административному деликту или уголовно наказуемому деянию, что, конечно же, вызывало немалый интерес среди ученых.

Деятели отечественной уголовно-правовой науки советского периода по отношению к субъективной стороне хулиганства исходили из классического подхода, основанного на главенстве мотива виновника. Данного подхода придерживался В. С. Утевский, который полагал, что мотив озорства и попытка показать прямое неуважение к обществу являются необходимыми признаками для квалификации тех или иных деяний, будь то нанесение оскорблений, побоев или вреда здоровью или хулиганство [7, с. 390].

М. А. Агаджанян справедливо отметил, что понятие «хулиганские побуждения» еще до его законодательного закрепления уже получило внедрение в практику правоприменителями [3]. В частности, Пленум Верховного Суда РСФСР в своем акте толкования от 16 марта 1925 г. относит к числу «других низменных побуждений» убийства его совершение из хулиганских побуждений².

Прямое закрепление понятия «хулиганские побуждения» в уголовном законе произошло в 1960 г. с принятием нового УК РСФСР, в котором в п. «б» ст. 102 законодатель установил уголовную ответственность за «Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах: из хулиганских побуждений». Разъяснение сути и содержания данного понятия появилось только в 1975 г., когда было издано Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 4, которое дало толкование указанному мотиву, охарактеризовав его такими признаками, как «явное неуважение к обществу, пренебрежение к правилам общежития и нормам социалистической морали, отсутствие повода для убийства

¹ Отчет X общего собрания русской группы Международного союза криминалистов. 13—16 февраля 1914 г. в Петрограде. Петроград, 1916. С. 103—104.

² Разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР. Из протокола № 4 от 16.03.1925 // Ежегодник советской юстиции. 1925. № 13. С. 350.

или стремление использовать незначительный повод как предлог для его совершения»¹. В данной трактовке «хулиганских побуждений» прослеживается свойственный законодательной и правоприменительной традиции советской эпохи политический контекст, в том смысле, что даже такой регулятор общественных отношений, как мораль, к нормам которой выражается пренебрежение действиями виновника, является «социалистической». Одновременно в этом же документе Пленум Верховного Суда СССР вне зависимости от места совершения преступления запретил применять пункт «из хулиганских побуждений» при квалификации убийств, совершенных исходя из любых личных отношений виновного и потерпевшего.

Иных составов преступлений, в которых в качестве обязательного признака субъективной стороны выступали хулиганские побуждения, УК РСФСР 1960 г. не содержал. Вместе с тем для полного и всестороннего изучения «хулиганского мотива» следует обратить внимание непосредственно на само хулиганство как уголовно наказуемое деяние, поскольку его специфика в тот исторический период отражает содержание «хулиганских побуждений» в понимании советского законодателя. В статье 206 УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена уголовная ответственность за хулиганство и за злостное хулиганство. И в первом и во втором случае оно заключалось в умышленном действии, грубо нарушающем общественный порядок и выражающем явное неуважение к обществу. Однако при злостном хулиганстве содержание таких действий характеризовалось исключительным цинизмом либо особой дерзостью или же было связано с оказанием сопротивления представителям власти, общественности, стражам порядка или усмирителям самого хулигана. В то же время лицо, ранее судимое за преступление, предусмотренное ст. 206 УК РСФСР 1960 г., при повторном его совершении подлежало уголовной ответственности именно за злостное хулиганство, даже при отсутствии указанных квалифицирующих признаков.

П. Гришаев и Л. Блинова отмечали, что исключительный цинизм в данном случае мог заключаться в отталкивающих действиях виновника, носящих пошлый и бесстыдный характер, а особая дерзость могла быть выражена в наглых и возмутительных действиях, которые могли быть связаны с издевательством, глумлением и физическим насилием, уничтожением имущества, срывом публичных мероприятий [8, с. 7—8].

¹ О судебной практике по делам об умышленном убийстве: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует обратить внимание, что, несмотря на прямое наличие в УК РСФСР 1960 г. хулиганских побуждений как мотива преступного поведения только лишь для убийства, оно нередко выступало детерминирующим фактором совершения многих других уголовно наказуемых деяний. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 апреля 1974 г. № 4 «О применении судами Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. „О судебной практике по делам о хулиганстве“» акцентирует внимание судов советских республик «на необходимость неослабной борьбы с хулиганством, имея в виду, что оно является наиболее распространенным правонарушением, на почве которого совершаются другие более тяжкие преступления»². Отметим, что сам факт принятия соответствующего акта толкования и последующее дублирование и активизация судебной системы вышеуказанным «контрольным» постановлением Пленума Верховного Суда СССР указывает на особую значимость противодействия преступному поведению, основанному на хулиганстве и хулиганских побуждениях. В связи с этим безусловным упущением советского законодателя является отсутствие «хулиганского мотива» в квалифицированных составах преступлений против здоровья и собственности или же в качестве обстоятельства, отягчающего наказание в нормах Общей части уголовного закона.

С принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 г. (далее — УК РФ) законодатель справедливо усилил правовые меры борьбы с хулиганскими проявлениями в обществе, закрепив исследуемый мотив в квалифицированных составах трех преступлений, в числе которых убийство и умышленные причинения вреда здоровью всех степеней тяжести (ст. 105, 111, 112 УК РФ). Кроме того, хулиганские побуждения впервые были закреплены одним из мотивов жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ).

По ходу становления и развития отечественного уголовного законодательства «хулиганский мотив» начал нормативно закрепляться и в иных составах преступлений.

Для единообразного и правильного применения норм об уголовной ответственности за преступления, мотивом которых выступили хулиганские побуждения, в 2007 г. Пленум Верховного Суда России вынес соответствующее постановление

² О применении судами Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве»: постановление Пленума Верховного суда СССР от 19 апреля 1974 г. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ние, подробно истолковав правоприменителям содержание данного мотива преступления. Так, под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода.

Для правильного установления указанных побуждений в случае совершения виновным насильственных действий в ходе ссоры либо драки судам необходимо выяснять, кто явился их инициатором, не был ли конфликт спровоцирован для использования его в качестве повода к совершению противоправных действий¹. Данное толкование является неполным, поскольку направленность действий виновника ограничена только лишь личностью или его имуществом, в то время как хулиганские побуждения, даже на момент принятия указанного постановления, уже были закреплены в ст. 215.2, 215.3 и 245 УК РФ, объектом охраны которых выступают общественная безопасность и нравственность.

Вместе с тем результаты проведенного ретроспективного анализа хулиганского мотива в отечественном законодательстве показывают исторические аспекты его возникновения и специфику отражения в источниках права разных периодов. Так, отечественное уголовное законодательство с момента издания его первоначального и для своего времени основного источника (Русской правды) фактически закрепило положение о повышенной общественной опасности деяния при его совершении из хулиганских побуждений.

Уголовное законодательство Российской Империи прямо не содержало хулиганского мотива в качестве обязательно субъективного признака преступления, однако его суть и содержание находили

в них отражение под другими наименованиями, будь то «явное к сему месту неуважение» или «нанесение обиды без всякого повода».

Советское уголовное законодательство уже включало в себя исследуемый мотив преступления, сначала косвенно в виде «других низменных побуждений», являвшийся признаком квалифицированного убийства в УК РСФСР 1922 г., а в последующем уже и прямо «из хулиганских побуждений» в том же деянии в УК РСФСР 1960 г. Данный признак в тот период в официальных актах толкования имел такие признаки, как явное неуважение к обществу, пренебрежение к правилам общежития и нормам социалистической морали, отсутствие повода для убийства или стремление использовать незначительный повод как предлог для его совершения.

С принятием российского уголовного закона в 1996 г. законодатель справедливо усилил правовые меры борьбы с хулиганскими проявлениями в обществе, закрепив исследуемый мотив в составе ряда упомянутых нами выше преступлений. Кроме того, с начала XXI в. в уголовный закон были внесены изменения в части, касающейся исследуемого мотива, путем увеличения количества уголовно наказуемых деяний, где хулиганские побуждения являются одним из квалифицирующих признаков.

Данные выводы будут способствовать правильному подходу к исследованию действующего законодательства и эффективному решению проблем теории и практики в части, касающейся хулиганских побуждений как мотива преступного поведения.

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

1. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1: Учение о преступлении. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1874. 284 с.

2. Ланге Н. Н. Исследования об уголовном праве Русской Правды. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд-ния С. Е. И. В. канцелярии, 1860. 290 с.

3. Агаджанян М. А. Уголовно-правовые, криминологические меры противодействия преступлениям, совершаемым из хулиганских побуждений: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 227 с.

4. Громов В. И. Безмотивное преступление // Журнал министерства юстиции. 1913. № 5. С. 50—79.

5. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917—1952 гг. / сост. проф. А. А. Герцензон; под ред. [и с предисл.] проф. И. Т. Голякова. Москва: Госюриздат, 1953. 464 с.

6. Уголовное право. Особенная часть: учебник / А. А. Герцензон, Н. Д. Дурманов, М. М. Исаев, В. Д. Меньшагин [и др.]; под ред. А. А. Герцензона, А. А. Пионтковского. 2-е изд., перераб. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 527 с.

7. Советское уголовное право. Часть Особенная: [учеб. для юрид. вузов] Москва: Госюриздат, 1951. 432 с.

8. Гришаев П., Блинова Л. Признаки особо дерзкого хулиганства // Советская юстиция. 1968. № 6. С. 7—8.

Стрилец Олег Валентинович,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
oleg-strilez@rambler.ru

Нанаев Султан Назирович,

адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
sultannanaev@gmail.com

1. Tagantsev N. S. Russian Criminal law course. General part. Book 1. The Doctrine of crime. Saint-Petersburg: Printing House of M. Stasulevich; 1874: 284. (In Russ.).

2. Lange N.N. Research on the criminal law of Russian Truth. Saint Petersburg: Printing House 2 of Her Imperial Majesty's Office; 1860: 290. (In Russ.).

3. Agadzhanyan M. A. Criminal law, criminological measures to counteract crimes committed out of hooligan motives. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2017: 227. (In Russ.).

4. Gromov V. I. Motiveless crime. Journal of the Ministry of Justice, 50—79, 1913. (In Russ.).

5. Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR, 1917—1952. Comp. prof. A. A. Gerzenzon; ed. [and with a preface.] prof. I. T. Golyakov. Moscow: Gosjurizdat; 1953: 464. (In Russ.).

6. Gerzenzon A. A., Durmanov N. D., Isaev M. M., Menshagin V. D. (et al.) Criminal law. Special part. Tutorial. Eds. A. A. Gertsenzon, A. A. Piontkovsky. 2nd ed, rev. Moscow: Legal Publishing House of NSU of USSR; 1939: 527. (In Russ.).

7. Soviet criminal law. Part Special. [Textbook for law schools]. Moscow: Gosjurizdat; 1951: 432. (In Russ.).

8. Grishaev P., Blinova L. Signs of especially daring hooliganism. Soviet justice, 7—8, 1968. (In Russ.).

Strilets Oleg Valentinovich,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
oleg-strilez@rambler.ru

Nanaev Sultan Nazirovich,

associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
sultannanaev@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 14.04.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.123+342.7

doi: 10.25724/VAMVD.A117

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**Елена Вильгельмовна Вологина***, **Эйда Владимировна Голоманчук****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vologina-e@mail.ru

** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, golomachuk-ev@ranepa.ru

Аннотация. Конституция Российской Федерации, выступая не просто базовым и основополагающим законом, а своеобразным мерилom справедливости и возможного, устанавливает перед всей системой российского законодательства абсолютный приоритет прав и свобод личности и таким образом наделяет отрасли необходимостью создания эффективных механизмов защиты этих прав и свобод. В уголовном процессе упомянутый и иные конституционные принципы имеют ведущее значение уже в силу судьбоносности приговора и самого процесса привлечения лица к уголовной ответственности. Уголовное судопроизводство сформировано из системных взаимосвязанных и взаимозаменяемых стадий, и на каждой из них конституционные принципы являются не только системообразующими и базовыми, но и нуждающимися в особой правовой охране и защите.

В настоящей статье авторами исследуются отдельные особенности обеспечения конституционных прав и свобод человека на первичной для уголовного процесса стадии — возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, гарантированность конституционных принципов в уголовном процессе, возбуждение уголовного дела

Для цитирования: Вологина Е. В., Голоманчук Э. В. Отдельные особенности обеспечения конституционных прав и свобод личности на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 65—69. doi: 10.25724/VAMVD.A117

CERTAIN PECULIARITIES OF ENSURING CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS AT THE INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS**Elena Vilgelmovna Vologina***, **Ada Vladimirovna Golomanchuk****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vologina-e@mail.ru

** Volgograd Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia, golomachuk-ev@ranepa.ru

Abstract. The Constitution of the Russian Federation, serving not only as a basic and fundamental law, but also as a kind of measure of justice and the possible, sets before the entire system of Russian legislation the absolute priority of human rights and freedoms and thus empowers branches to create effective ways to protect the rights and freedoms. In criminal proceedings, this and other constitutional principles play a leading role because of crucial importance of the sentence and the process of criminal prosecution itself. Criminal proceedings consist of systemic interrelated and interchangeable stages, and in each of them constitutional principles are not only systemic and basic, but also need special legal protection and defense.

In this article the authors study some peculiarities of ensuring constitutional human rights and freedoms at the primary stage of criminal proceedings — initiation of criminal proceedings.

Keywords: constitutional rights and freedoms, guaranteeing constitutional principles in criminal proceedings, initiation of criminal proceedings

For citation: Vologina E. V., Golomanchuk A. V. Certain peculiarities of ensuring constitutional human rights and freedoms at the initiation of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 65—69, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A117

Конституция нашей страны прописывает в качестве одной из обязанностей государства борьбу с преступностью. Деятельность эта комплексная и многоаспектная, ее системообразующим звеном выступают нормы Основного Закона, находящие свою текстуальную детализацию в массиве уголовно-процессуального законодательства, нормах уголовного права, положениях Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и т. д.

Положения Конституции Российской Федерации, устанавливающие эти основы, обладают не только прямым действием, но и высшей юридической силой и закреплены в различных статьях, начиная с преамбулы, которая фиксирует этические и морально-нравственные общепологающие базисные аспекты: «...утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия, общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов; сохранение исторически сложившегося государственного единства; уважение памяти предков, передавших любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость; возрождение суверенной государственности России; утверждение незыблемости ее демократической основы; стремление обеспечить благополучие и процветание страны, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями; осознание себя частью мирового сообщества...»¹.

Фактически мы можем систематизировать конституционные нормы, регулирующие уголовный процесс, по нескольким группам, к первой из которых отнесем положения Конституции Российской Федерации, регулирующие общую систему прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 19, 23, 25, 26). Выделяется также группа, регулирующая общие начала судопроизводства, доступ к нему и важнейшие принципы (ст. 45, 48, 49 и некоторые другие). В силу своей значимости Конституция Российской Федерации регулирует и начала осуществления правосудия только судом (ст. 47, 118, 120, 123 и т. д.). Безусловно, есть в ней и специфично отраслевые нормы (в частности, ст. 22, 50, 51), основополагающие для уголовного процесса, собственно характеризующие положения, устанавливающие, регулирующие, изменяющие и отменяющие нормы, направленные на нормализацию общественных отношений.

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=@nd=102027595> (дата обращения: 30.01.2023).

Ни для кого не секрет, что стадия возбуждения уголовного дела является одним из самых спорных и противоречивых правовых институтов отечественного уголовного судопроизводства. Наряду с непрекращающейся дискуссией о роли, правовой природе, сущности, путях реформирования первоначального этапа досудебного расследования в рамках существующей концепции отечественного досудебного производства, в научной среде все чаще озвучивают идеи о перекраивании досудебного расследования по «казахстанскому» варианту, или же на «западный» манер со свойственным ему слиянием оперативно-розыскной, административной и процессуальной деятельности, или же по компромиссному пути, с перениманием «лучшего понемногу» [1, с. 7].

Ясно одно: единства во взглядах быть не может ввиду различного понимания специфических задач, стоящих перед правоохранительным органом на первоначальном этапе расследования.

Так, по мнению исследователей и практиков советских времен (когда, собственно, институт формировался и формализовался), начальный этап досудебного производства был призван решать следующие задачи:

1) прием и рассмотрение сообщения о преступлении; «установление законности» подозрения и достаточности его оснований, пресечение правонарушений и закрепление их следов. Отдельные процессуалисты видели главное предназначение стадии исключительно в установлении правового основания для расследования уголовного дела;

2) быстрое обнаружение совершенных преступлений, установление обстоятельств, содержащих либо не содержащих признаки противоправного деяния, предупреждение и пресечение уголовных преступлений, обеспечение законности и его правильное применение к обстоятельствам, обеспечение формирования в обществе положительной установки на уважение к нормам права и побуждение к их соблюдению.

Мы считаем, что возбуждение уголовного дела — это не только вынесение постановления об этой процедуре, но и комплекс необходимых процессуальных действий, которые обусловлены действующим законодательством и сущностью данной стадии уголовного судопроизводства.

С принятием УПК РФ цель и задачи уголовного процесса отчасти нашли нормативное закрепление в нем в ст. 6, в которой идет речь о назначении уголовного судопроизводства. Распространяя легальную формулировку при определении значения начальной стадии уголовного процесса, справедливо говорить о двуединой задаче начальной стадии уголовного судопроизводства: с одной сто-

роны, об установлении факта наличия либо отсутствия условий (поводов и оснований), достаточных для возбуждения уголовного дела, с другой — о необходимости системного отграничения иных стадий судопроизводства от рассмотрения деяний, не являющихся преступлением.

В настоящее время сущность и значение предварительной проверки в российском уголовном судопроизводстве выступают предметом дискуссий. Анализ научной литературы по данному вопросу показывает, к сожалению, отсутствие единого подхода к рассматриваемой проблеме.

Задачу по приему, регистрации и разрешению сообщений о преступлениях представляется справедливым соотносить с задачей своевременного обеспечения пострадавшему лицу (при наличии) доступа к правосудию, в связи с чем встал вопрос о характерном для рассматриваемой стадии необоснованном сужении процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов потерпевшего.

Исходя из анализа положений ст. 5 УПК РФ, содержащей базовые понятия, используемые в действующем кодексе, а также на основании изложенного, считаем необходимым внести соответствующие изменения в указанную норму уголовно-процессуального закона. Это обусловлено тем, что предварительная проверка является очень важным и сильным институтом уголовного судопроизводства, конкретизация требуется для единообразного понимания его сущности и реализации правоприменителями.

Задачу закрепления следов преступления следует конкретизировать и вести речь о закреплении необходимых сведений о признаках преступления, облаченных в форму уголовно-процессуальных доказательств, поскольку законодатель с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ закрепил возможность использования сведений, полученных в ходе доследственной проверки, в качестве доказательств при условии соблюдения предъявляемых к ним требований. Правоприменителю при этом важно корректно определять предмет и пределы доказывания по каждому проверяемому поводу, не допуская его произвольного расширения. Среди сопутствующих задач стадии следует также упомянуть квалификацию деяния и определение подследственности.

Выявление в деянии признаков преступления требует обоснованности, справедливости и законности со стороны государственных органов и уполномоченных лиц.

Таким образом, можно было бы дополнить положения ст. 5 УПК РФ определением предварительной проверки, что позволит повысить качество юридической техники действующего уголовно-

процессуального законодательства: юридической науке необходима легальная дефиниция проверки для соблюдения конституционных прав и свобод человека на стадии возбуждения уголовного дела.

Согласно ст. 45 Конституции Российской Федерации каждый имеет право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Статья 48 Конституции Российской Федерации также предусматривает право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной (в случаях, предусмотренных законом), и право каждого задержанного, обвиняемого в совершении преступления, на помощь адвоката с момента ареста, содержания под стражей или предъявления обвинения¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ адвокаты допускаются в качестве защитников. Согласно решению суда один из близких родственников обвиняемого или другое лицо могут быть допущены наряду с адвокатом к участию в судебном разбирательстве, а при производстве у мирового судьи — вместо адвоката. На практике нередки случаи, когда суды отказывают обвиняемому в допущении в качестве защитника другого лица (без юридического статуса) по нескольким причинам. Но насколько это правильно?

В этом контексте интересно использовать акты Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам. В одном из своих апелляционных решений он подтвердил законность решения суда низшей инстанции об отказе в допуске другого лица в качестве адвоката, поскольку ему не хватает юридической подготовки, а также соответствующих навыков и опыта в качестве защитника по делам. В то же время суд заявил следующее: «Отказ в предоставлении возможности отдельному лицу участвовать в уголовном процессе в качестве защитника за несоблюдение его требований законодательства не может рассматриваться как нарушение Конституции Российской Федерации, гарантированное ст. 45 (ч. 2) и 48 (ч. 2) Конституции Российской Федерации»². Однако закон не содержит каких-либо требований к этим категориям защитников. Поэтому не совсем понятно, что имел в виду Верховный Суд Российской Федерации.

¹ Москалькова Т. Адвокаты прокомментировали важнейшие положения доклада Татьяны Москальковой за 2019 г. // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-prokommentirovali-vazhneyshie-polozheniya-doklada-tatyany-moskalkovoy-za-2019-g/> (дата обращения: 18.03.2023).

² О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума ВС РФ от 30 июня 2015 г. № 29. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898 (дата обращения: 12.03.2023).

В другом апелляционном решении Верховного Суда Российской Федерации говорится: «Отклоняя ходатайство Арутюнян о допуске другого лица, сестры ответчика, к участию в деле А., суд обоснованно постановил, что Арутюнян не предоставил информацию, которая указала бы, что у него навыки, необходимые для защитника по уголовным делам (он работал в коммерции, бухгалтером и воспитателем в детском саду). Он также не привел обоснованных аргументов в пользу того, что участие его сестры в качестве защитника и адвоката, безусловно, будет способствовать эффективности его работы. Кроме того, суд пришел к выводу, что сестра ответчика живет в <...> и занимается воспитанием малолетнего ребенка. Информация о том, что А. может участвовать в судебных заседаниях, не была представлена защитой». Важно, что Верховный Суд Российской Федерации возложил на сторону защиты бремя доказывания того, что:

1) сестра ответчика сможет эффективно содействовать ее защите;

2) она предстанет перед судом.

Неясно, как именно защита должна доказать эти факты (с некоторой иронией предположим, что сестра ответчика сдает экзамен и представляет доказательство участия няни).

Как отмечает Л. Н. Масленникова, ключевым моментом в трансформации досудебного производства должно стать электронное взаимодействие государства и общества (населения) в новой цифровой реальности. Появляются принципиально новые возможности участия в уголовном судопроизводстве (в том числе в удаленном доступе) и возможности влияния на принятие решений и контроль за принятием решений [2, с. 141]. Процесс доказывания, безусловно, будет упрощен в разы, что не только сэкономит время и создаст гарантии для реализации конституционных прав участников уголовного судопроизводства, но и существенно облегчит работу следственных органов и суда.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2005 г. гласит, что приглашение по просьбе обвиняемого для участия в судебном заседании в качестве адвоката одного из своих близких родственников или кого-либо закреплено в уголовно-процессуальном законе как один из методов защиты. Поскольку этот способ защиты не только не запрещен, но и прямо установлен законом, отказ суда предоставить обвиняемому возможность использовать его возникает

только тогда, когда для этого существуют значительные препятствия, в том числе обстоятельства, предусмотренные законом.

В любом случае решение о допуске в качестве адвоката одного из близких родственников обвиняемого или другого лица вместе с адвокатом, запрошенным обвиняемым, не может быть произвольным без учета требований закона, обстоятельств конкретного дела и личности человека, приглашенного в качестве адвоката. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что определение критериев, соблюдение которых будет свидетельствовать о соответствующем уровне квалификации лиц, уполномоченных оказывать юридическую помощь по уголовным делам в качестве защитников подозреваемых и обвиняемых, является обязанностью федерального законодателя. Аналогичным образом федеральный законодатель имеет право установить, что осуществление такого допуска — право суда, поскольку именно этот суд обеспечивает условия для права обвиняемого использовать помощь адвоката и защищать себя [3, с. 431].

Когда список причин, в той или иной форме препятствующих допуску лица в статусе защитника по уголовному делу, является открытым, мы получаем проблемную ситуацию, которая нарушает конституционные принципы, реализуемые в рамках уголовного процесса. Помимо того, данная ситуация прямо противоречит положениям ст. 49 и 72 УПК РФ соответственно, согласно которым каждый имеет полное право на защиту от любого лица.

Отдельные исследователи вполне правомерно отмечают, что позиция Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу явно расплывчата и не способствует единообразию судебной практики и защите законных прав и интересов человека в уголовном процессе [4, с. 157].

Таким образом, мы видим несколько проблемных аспектов в реализации конституционных принципов на стадии возбуждения уголовного дела — стадии первоначальной и обязательной. От правильности принятых решений на этом начальном этапе буквально зависят весь ход уголовного дела, судьба лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и если здесь будут допущены малейшие нарушения прав и свобод человека и гражданина, то в идущих следом стадиях данное положение лишь усугубится и неизбежно причинит вред общественным отношениям.

1. Логунов О. В., Умнов С. П., Кутуев Э. К. О необходимости упразднения современной стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 7—10.

2. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 137—146.

3. Портнова Е. В. Защита основных прав и свобод человека и гражданина посредством конституционного правосудия // Вопросы науки и образования: теоретические и практические аспекты: материалы Междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. И. Вострецова. Нефтекамск: Мир науки, 2017. С. 430—435.

4. Спирин А. В. В поисках выхода из лабиринтов и тупиков стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 155—161.

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vologina-e@mail.ru

Голоманчук Эйда Владимировна,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
golomachuk-ev@ranepa.ru

1. Logunov O. V., Umnov S. P., Kutuev E. K. On the need to abolish the modern stage of criminal proceedings. Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7—10, 2019. (In Russ.).

2. Maslennikova L. N. Transformation of pre-trial proceedings in the initial stage of criminal proceedings, providing access to justice in the era of Industry 4.0. Current issues of Russian law, 137—146, 2019. (In Russ.).

3. Portnova E. V. Protection of the fundamental human and citizen rights and freedoms by means of constitutional justice. In: Issues of science and education: theoretical and practical aspects. Proceedings of the international (correspondence) scientific-practical conference. Ed. by A. I. Vostretsov. Neftekamsk: The World of Science; 2017: 430—435. (In Russ.).

4. Spirin A. V. In search of a way out of the labyrinths and deadlocks of the stage of institution of criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 155—161, 2019. (In Russ.).

Vologina Elena Vilgelmovna,
associate professor
at the criminal procedure department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vologina-e@mail.ru

Golomanchuk Ada Vladimirovna,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of the Russian Academy
of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation,
candidate of juridical sciences;
golomachuk-ev@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.132

doi: 10.25724/VAMVD.A118

**УГОЛОВНОЕ ДЕЛО КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АКТ
И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПЕРЕВОДА
В ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОРМАТ**

Ирина Нурфаязовна Гимазетдинова

Уфимский юридический институт МВД России, Россия, Уфа, yamaltdinova_irina@mail.ru

Аннотация. Принимаемые решения и проводимые процессуальные и следственные действия сотрудников правоохранительных органов в обязательном порядке должны иметь правовую и материальную форму, именуемую процессуальным актом или документом. Как правило, эти процессуальные документы составляются в бумажном варианте, формируются и систематизируются в установленном порядке и образуют так называемое уголовное дело. Правовая категория уголовного дела представляет самостоятельный теоретический и практический интерес, поскольку действующее законодательство Российской Федерации не содержит легального определения, а установленные правила его формирования не имеют системного характера и в своем большинстве заимствованы из действовавших источников уголовно-процессуального права советского периода, что не отвечает современным цифровым реалиям.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальный документ, уголовное дело, электронное производство, доказательство, процессуальная деятельность

Для цитирования: Гимазетдинова И. Н. Уголовное дело как комплексный процессуальный акт и возможность его перевода в электронный формат // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 70—75. doi: 10.25724/VAMVD.A118

**CRIMINAL CASE AS A COMPLEX PROCEDURAL ACT
AND THE POSSIBILITY OF ITS TRANSLATION
INTO ELECTRONIC FORMAT**

Irina Nurfayazovna Gimazetdinova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Ufa, yamaltdinova_irina@mail.ru

Abstract. The decisions taken and the procedural and investigative actions carried out by law enforcement officers must necessarily have a legal and material form, referred to as a procedural act or document. As a rule, these procedural documents are drawn up in paper form, are formed and systematized in accordance with the established procedure and form a so-called "criminal case". The legal category of a criminal case is of independent theoretical and practical interest, since the current legislation of the Russian Federation does not contain a legal definition, and the established rules for its formation are not of a systemic nature and are mostly borrowed from existing sources of criminal procedural law of the Soviet period, which does not meet modern digital realities.

Keywords: criminal procedure, procedural document, criminal case, electronic production, evidence, procedural activity

For citation: Gimazetdinova I. N. Criminal case as a complex procedural act and the possibility of its translation into electronic format. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 70—75, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A118

Уголовно-процессуальную деятельность, являющуюся обязательным элементом в общем механизме государственного управления, сложно представить без процесса документирования. Необходимость оформления получаемой в ходе производства по уголовным делам значимой информации на материальных носителях обусловлена многовековой практикой расследования. Важно отметить, что этот процесс напрямую зависит от развития научно-технического прогресса. Способы фиксации значимой информации крайне разнообразны. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) следственные действия, проводимые в ходе расследования, должны быть запротоколированы, кроме того, могут быть применены стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Большинство предложенных законодателем способов фиксации хода проводимого следственного действия применялись в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. и не являются популярными в настоящее время (стенографирование, фотографирование, киносъемка [1]). Важно отметить при этом, что каждое принимаемое уполномоченным должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование, процессуальное решение и его реализация должны найти отражение в материальном мире в виде соответствующего процессуального документа.

В доктрине уголовно-процессуального права существует множество подходов к определению понятия уголовно-процессуального акта. Нам импонирует позиция А. В. Миликовой, которая под уголовно-процессуальными актами, формируемыми в том числе органами предварительного следствия, предлагает понимать внешнюю процессуальную форму выражения принимаемых решений и совершаемых действий уполномоченных должностных лиц [2]. В связи с этим законодатель уделяет достаточно пристальное внимание их структуре и содержанию, поскольку они, в свою очередь, образуют самостоятельный вид доказательства — протоколы следственных и судебных действий (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). В данном ключе примечателен тот факт, что законодатель структурирует отдельные виды документов, выделяя в них вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части (ст. 351 УПК РФ), при этом каждая из них должна содержать необходимые реквизиты.

К формируемым в процессе осуществления уголовного судопроизводства документам предъявляются универсальные требования (законность, обоснованность, мотивированность), отраженные в ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Вместе с тем встречаются ис-

следования отдельных авторов, которые полагают, что процессуальный документ также должен быть логичным, определенным, полным и выполнять воспитательную функцию [3]. Не вдаваясь в детальный анализ предложенных критериев, позволим себе отметить, что они в своем большинстве имеют сугубо оценочный характер, а элемент воспитания при всем желании порой сложно отыскать в отдельных решениях должностных лиц, например постановлении о передаче сообщения по подследственности (ст. 145 УПК РФ).

К контексте проводимого исследования отметим, что формируемые в процессе расследования уголовных дел процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом (ч. 2 ст. 474 УПК РФ). Допущенная законодателем возможность подготовки документов электронным способом закладывает серьезный правовой фундамент для обеспечения перевода материалов уголовного дела в наглядно-образную или электронную форму, под которой предложено понимать совокупность информации, созданной без предварительного документирования на бумажном носителе, представленной в электронной (цифровой) форме.

Для определения перспектив такого перевода нужно определиться с самим понятием уголовного дела как правовой категорией.

Совокупность собранной в процессе расследования преступного деяния доказательственной информации, содержащей сведения, которые имеют отношение к предмету доказывания, образует уголовное дело.

Примечательно, что действующее уголовно-процессуальное законодательство России не содержит легального определения уголовно-процессуальной категории «уголовное дело», но при этом неоднократно ее не только употребляет, но и дифференцирует по категориям сложности.

Однако анализ уголовно-процессуального законодательства отдельных стран постсоветского пространства позволил выявить наличие таких определений, а в отдельных из них — и законодательно установленную возможность электронного уголовного производства и формирования электронного уголовного дела. Так, согласно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения 2021 г. под уголовным делом следует понимать материалы производства, переданные в суд и составленные в суде. Кроме того, указанный нормативный акт содержит самостоятельную норму, которая регламентирует порядок фиксирования уголовного производства. В данной норме законодатель определил, что «материалы уголовного производства, зафиксированные электронным

способом, хранятся в электронной системе (электронное уголовное производство или электронное уголовное дело), а документы, подготовленные компьютерным или рукописным способом, — также в бумажной версии» (ч. 7 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения). Полагаем, что наличие предусмотренной законом возможности формирования электронного уголовного дела крайне прогрессивно и может быть взято за основу для самостоятельного изучения и последующего внедрения в российском уголовном судопроизводстве.

В отличие от Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения, в котором уголовное дело представлено в качестве материалов производства, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан уголовное дело рассматривается в качестве обособленного производства. Так, согласно п. 27 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан под уголовным делом понимается обособленное производство, которое ведет орган уголовного преследования и (или) суд по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений.

Выявленные подходы позволили нам сформулировать авторскую трактовку термина «уголовное дело», которое рекомендуем рассматривать в качестве: 1) вида государственной деятельности; 2) технической процедуры. В первом случае под уголовным делом понимается установленная законом деятельность компетентных государственных органов, направленная на расследование совершенного или готовящегося к совершению запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния (нескольких деяний), выражающееся в досудебном расследовании и судебном разбирательстве, производстве процессуальных действий. Во втором случае уголовное дело представляет собой структурированную совокупность оформленных в соответствии с действующим законодательством материалов проверки сообщения о совершенном преступлении (преступлениях), принимаемых процессуальных решений, результатов проведенных следственных действий, заявленных жалоб, ходатайств и иных приобщенных материалов, имеющих отношение к расследуемому факту совершенного или готовящегося к совершению противоправного деяния [4].

Возможность перевода материалов уголовного дела в электронный формат уже не представляется столь футуристичной. Подготовленный в 2021 г. авторским коллективом Воронежского института МВД России и Казанского юридического института МВД России аналитический обзор, посвященный изучению зарубежного опыта формирования мас-

сива статистической информации из материалов электронных образов уголовных дел, позволяет утверждать, что досудебное производство в электронном формате предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством в США, Канаде, Эстонии, Швеции, Дании, Нидерландах, Сингапуре, Южной Корее, Италии, Испании и других странах. Отдельные перспективы применения электронного уголовного дела в уголовном судопроизводстве рассматривались нами ранее [5]. Этот вопрос становится актуальным, поскольку имеет практическую значимость и позволяет решить достаточно большой объем важнейших с точки зрения организации производства предварительного расследования вопросов.

Позитивными тенденциями перевода материалов уголовного дела на цифровую платформу, на наш взгляд, являются:

1) обеспечение реализации принципа публичности. Предоставленная соответствующей программой, в которой формируется электронный образ материалов уголовного дела, участникам уголовного судопроизводства возможность ознакомления с ходом производства предварительного расследования (в объемах, допускаемых действующим процессуальным законодательством), сохранение и систематизация электронных копий процессуальных документов, в которых участник уголовного судопроизводства принимал непосредственное участие, а также возможность отслеживания сроков и видов принимаемых решений на заявленные ходатайства и жалобы позволят сделать любую стадию уголовного судопроизводства доступной и «прозрачной» для заинтересованных участников уголовного судопроизводства с целью полноценного обеспечения реализации прав и законных интересов;

2) автоматизированная систематизация материалов уголовного дела в зависимости от видов формируемых процессуальных актов и вариативная возможность видоизменения способов группирования электронных образов процессуальных документов. Другими словами, пользователь, вне зависимости от его процессуального статуса, допущенный должностным лицом (следователем, дознавателем, прокурором или судом (судьей)) к электронным материалам уголовного дела, должен иметь возможность перевода режима систематизации материалов дела (по хронологии, по эпизодам, по видам подготовленных документов и пр.) в зависимости от личных предпочтений. Кроме того, полагаем, что систематизация процессуальных актов по хронологии позволит как системе, так и контрольно-надзорным органам своевременно выявить «временные наслоения», т. е. процессу-

альные документы, в которых допущены ошибки в дате или времени их составления;

3) оптимизация продолжительности осуществления предварительного расследования, которой способствует предусмотренная возможность ознакомления с материалами электронного образа уголовного дела, позволяющая проводить данную процедуру одновременно с несколькими участниками уголовного судопроизводства. Применяв метод моделирования, позволим себе пояснить, как может быть реализована данная процедура. Так, завершив предварительное расследование, должностное лицо обязано ознакомить с его результатами заинтересованных лиц в рамках ст. 216, 217 УПК РФ. Далее, например, следователь, имея право модератора, которым наделено лицо, проводящее расследование, руководитель следственного органа, начальник органа дознания и курирующий прокурор открывает доступ участнику уголовного судопроизводства к ознакомлению с материалами уголовного дела в том объеме, в котором это позволяет законодательство (гражданский истец и гражданский ответчик в соответствии с ч. 1 ст. 216 УПК РФ знакомятся только с той частью, которая относится к гражданскому иску). Преимуществом является возможность одновременного ознакомления с электронным образом материалов уголовного дела обвиняемого и его защитника. Если это не вызывает сложностей по одноэпизодным уголовным делам, то такое решение вопроса видится крайне необходимым в случае расследования сложного, многоэпизодного уголовного дела, по которому привлекаются к ответственности члены организованных групп. Возможность ознакомления должна быть обеспечена технически, в связи с чем предлагаем рассмотреть отнесение к процессуальным издержкам приобретение технических устройств для чтения, в которых не установлено программное обеспечение, позволяющее вносить изменения в исходный электронный образ процессуального документа. Это исключит необходимость тиражирования многотомных обвинительных заключений каждому обвиняемому, что, на наш взгляд, в современной цифровой действительности является устаревшей процедурой. Кроме того, в качестве положительного момента отметим возможность соблюдения санитарных норм при ознакомлении с электронными материалами уголовного дела, что в современных реалиях оказания противодействия распространению новой коронавирусной инфекции COVID-19 представляется немаловажным. Дистанционная реализация указанной процедуры обеспечит взаимную сохранность здоровья не только участников уголовного судопроизводства,

но и должностных лиц контрольно-надзорных органов;

4) возможность одновременного привлечения лиц, обладающих специальными знаниями в интересующих следствие областях для оказания необходимого содействия (например, в процессе производства судебных экспертиз). В настоящее время уголовные дела могут длительное время находиться в учреждениях, проводящих судебно-психиатрическую экспертизу;

5) обеспечение сохранности результатов расследования уголовных дел от порчи, утери и уничтожения. Отсутствие непосредственного контакта с материальными носителями информации в виде процессуальных документов исключит желание, а главное возможность, участников уголовного судопроизводства уничтожить их. Важно при этом разработать электронную систему хранения электронной информации, содержащей образ материалов уголовного дела, с соблюдением мер безопасности, выражающейся в защите от несанкционированного доступа, порчи или уничтожения путем внесения вредоносных программ в информационную среду, в которой находятся результаты расследования;

6) обеспечение постоянного полного доступа ко всем материалам электронного уголовного дела контрольно-надзорных органов, которые больше не будут истребовать уголовные дела для принятия законного и обоснованного решения по поступившим жалобам. Им достаточно будет ознакомиться с необходимыми документами по конкретному уголовному делу на соответствующей цифровой платформе, где отражены лицо, осуществляющее предварительное расследование, его руководитель, даты и виды принятых решений, а также структура и содержание каждого подготовленного процессуального документа.

Однако рассмотрение указанного вопроса будет неполным, если мы не затронем сложности, с которыми столкнутся правоприменители и участники уголовного судопроизводства на первоначальном этапе перевода материалов уголовного дела в электронную образную форму. Данные сложности условно разделяются на две группы (процессуального и организационного характера). К первой относится отсутствие необходимых уголовно-процессуальных норм, регламентирующих возможность перевода материалов уголовного дела в полном объеме в электронно-образную форму. Полагаем, законодательно следует предусмотреть в ч. 6 «Электронные документы и бланки процессуальных документов» УПК РФ самостоятельную главу 58 «Формирование электронного уголовного дела». В структуру указанной главы должны войти нормы,

последовательно раскрывающие процедуру формирования уголовного дела в цифровом формате как на досудебных, так и на последующих стадиях уголовного процесса. Законодатель при этом должен отразить в ст. 5 УПК РФ отсутствующие и недостающие понятия, в числе которых цифровая информация, электронное уголовное дело, цифровая подпись и пр. Во второй группе выделяются сложности материально-технического и индивидуально-пользовательского характера.

Безусловно, для полноценной реализации указанного цифрового проекта перевода уголовного дела в электронно-образную форму необходимо достойное техническое оснащение правоприменителей: вычислительная техника, копирующие устройства и пр. Помимо приобретения, а в отдельных случаях обновления техники, нужно предусмотреть безопасную телекоммуникационную систему, позволяющую проводить дистанционные следственные и иные процессуальные действия. Применяемая в настоящее время Единая информационно-телекоммуникационная система МВД России может вполне быть пригодна для реализации указанного проекта. Данная система должна обеспечивать межведомственный документооборот и межведомственное взаимодействие в вопросах уголовного судопроизводства.

Кроме того, требуется предусмотреть надежную систему киберзащиты электронной информации, не допускающую возможность несанкционированного доступа к ней в целях внесения изменений или удаления необходимых электронных процессуальных документов.

Обеспечив достойное техническое оснащение, выделив каналы связи и разработав систему защиты, нужно будет подготовить места хранения электронных образов материалов уголовных дел. Архивы электронных документов подлежат хранению в электронных системах хранения (серверах),

расположенных в специализированных помещениях. Следует предусмотреть повышенные требования безопасности, предъявляемые к помещениям данного вида, исключающие доступ к ним заинтересованных участников уголовного судопроизводства либо посткриминальное воздействие в целях внесения изменений в имеющуюся электронную базу.

Применительно к проблемам индивидуально-пользовательского характера важно отметить вопросы личностного предпочтения отдельных сотрудников осуществлять расследование уголовных дел «по старинке», на бумажных носителях, что объяснимо недоверием к существующим техническим возможностям, низкой пользовательской грамотностью. В целях разрешения выделенных проблем важно обеспечить поэтапный переход от бумажного варианта расследования уголовных дел к электронно-образным. На первоначальных этапах для лица, проводящего расследование, допускается самостоятельный выбор способа формирования материалов уголовного дела. В качестве пилотного проекта возможно внедрение указанного способа расследования либо по отдельным взятым категориям уголовных дел, либо в отдельном взятом регионе страны.

Подчеркнем, что не следует абсолютизировать перевод процессуальных документов в электронно-образную форму. Мы не исключаем необходимости подготовки отдельных первоначальных процессуальных документов в классическом бумажном варианте: протоколы осмотра места происшествия, обыска, выемки, задержания и др. Составленные бумажные варианты подлежат оцифровке и последующему хранению в подшитом варианте в соответствующих архивах, а изъятые вещественные доказательства — хранению в соответствии с установленными уголовно-процессуальным законодательством требованиями.

1. Латыпов В. С. Киносъемка лицами, оказывающими содействие правосудию, как способ фиксации доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (39). С. 113—118.

2. Миликова А. В. Требования, предъявляемые к уголовно-процессуальным актам резолютивного характера органов предварительного следствия // Юрист-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 78—82.

3. Загорский Г. И., Качалов В. И. Процессуальные (судебные) акты в уголовном процессе: учебное пособие для вузов. Москва: Российская академия правосудия, 2014. 191 с.

1. Latypov V. S. Filming by persons assisting justice as a way of fixing evidence in modern criminal proceedings in Russia. Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 113—118, 2020. (In Russ.).

2. Milikova A. V. Requirements for criminal procedural acts of the resolutive nature of the preliminary investigation bodies. Yurist-Pravoved, 78—82, 2019. (In Russ.).

3. Zagorsky G. I., Kachalov V. I. Procedural (judicial) acts in criminal proceedings. Textbook for universities. Moscow: Russian Academy of Justice; 2014: 191. (In Russ.).

4. Gimazetdinova I. N. On the question of the definition of "criminal case". Altai Legal Bulletin, 102—106, 2022. (In Russ.).

4. Гимазетдинова И. Н. К вопросу о дефиниции «уголовное дело» // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1 (37). С. 102—106.

5. Гимазетдинова И. Н. Перспективы применения электронного уголовного дела в уголовном судопроизводстве: основные тенденции и перспективы применения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 3 (93). С. 62—67.

5. Gimazetdinova I. N. Prospects for the use of electronic criminal proceedings in criminal proceedings: main trends and prospects for application. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 62—67, 2021. (In Russ.).

Гимазетдинова Ирина Нурфаязовна,

заместитель начальника
научно-исследовательского отдела
Уфимского юридического института
МВД России;
yamaltdinova_irina@mail.ru

Gimazetdinova Irina Nurfayazovna,

deputy head of the research department
of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
yamaltdinova_irina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.132
doi: 10.25724/VAMVD.A119

**НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ:
КРИЗИС УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА**

Илья Степанович Дикарев

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, iliadikarev@volsu.ru

Аннотация. В действующем уголовно-процессуальном законе деятельность органов дознания по уголовным делам, по которым обязательно производство предварительного следствия, получила название «неотложные следственные действия». В теории уголовного процесса такой подход был расценен как отказ от признания законодателем такой деятельности дознанием. С учетом того, что неотложные следственные действия могут проводить не только органы дознания, но также следователи и дознаватели, границы деятельности, именованной прежде как «дознание по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия», начали размываться. Наблюдается смешение неотложных следственных действий, производимых в порядке ст. 157 и ч. 5 ст. 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что имеет ряд негативных последствий, выражающихся в предложениях, с одной стороны, наделить следователей и дознавателей полномочиями по возбуждению уголовных дел «чужой» подследственности, а с другой — предоставить органам дознания возможность производства любых процессуальных действий. Для преодоления этих тенденций предлагается вернуться к названию «деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно» и исключить из закона определение неотложных следственных действий.

Ключевые слова: орган дознания, дознаватель, дознания, неотложные следственные действия, предварительное расследование

Для цитирования: Дикарев И. С. Неотложные следственные действия: кризис уголовно-процессуального института // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 76—83. doi: 10.25724/VAMVD.A119

**URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS:
THE CRISIS OF THE CRIMINAL PROCEDURE INSTITUTE**

Ilya Stepanovich Dikarev

Volgograd State University, Volgograd, Russia, iliadikarev@volsu.ru

Abstract. In the current Criminal Procedure Law the activity of the bodies of preliminary investigation in criminal cases, for which preliminary investigation is mandatory, is called "urgent investigative actions". In the theory of criminal procedure this approach was regarded as a legislator refusal to recognize such an activity as an inquiry. Taking into account the fact that urgent investigative actions can be carried out not only by the bodies of preliminary investigation, but also by investigators and inquirers, the boundaries of the activity previously referred to as "inquiry into cases in which preliminary investigation is mandatory" have begun to blur. There is a confusion of urgent investigative actions carried out in accordance with Article 157 and Part 5 of Article 152 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which has a number of negative consequences, expressed in proposals, on the one hand, to empower investigators and interrogators with the authority to initiate criminal cases of "some other" jurisdiction, and on the other hand, to provide the bodies of preliminary investigation with the opportunity to produce any procedural actions. To overcome these trends, it is proposed to return to the title "the activity of the bodies of preliminary investigation in cases in which the preliminary investigation is mandatory", and exclude from the law the definition of urgent investigative actions.

Keywords: preliminary investigation bodies, inquiry officer, preliminary inquiry, urgent investigative actions, preliminary investigation

For citation: Dikarev I. S. Urgent investigative actions: the crisis of the criminal procedure institute. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 76—83, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A119

Вряд ли разработчики Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) 2001 г., отказываясь от устоявшегося названия «деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно» в пользу термина «неотложные следственные действия», предполагали, что этот терминологический маневр запустит в теории уголовного судопроизводства такую реакцию, что само существование обозначаемого этим термином правового института окажется под угрозой.

Начнем с того, что изменение наименования рассматриваемой процессуальной деятельности органа дознания навело целый ряд ученых на мысль о том, что производство неотложных следственных действий более не является разновидностью дознания [1, с. 143; 2, с. 158; 3, с. 11]. Впрочем, споры относительно правовой природы деятельности органа дознания по уголовным делам, относящимся к подследственности следователей, ведутся с тех самых пор, когда эта деятельность впервые получила свое закрепление в уголовно-процессуальном законе.

Напомним, что производство полицией не терпящих отлагательства следственных действий до прибытия на место происшествия судебного следователя допускал уже Устав уголовного судопроизводства (УУС) 1864 г. (ст. 258), обязывая при этом полицию соблюдать правила, постановленные для предварительного следствия (ст. 259).

А. А. Квачевский полагал, что, выполняя следственные действия, полиция производила уже не дознание, а действовала в качестве следователя, становилась на его место [4, с. 68, 125]. В советской юридической литературе схожего взгляда придерживались составители и комментаторы восьмого тома сборника «Российское законодательство X—XX веков», рассматривавшие совершение отдельных следственных действий в порядке ст. 258 УУС в качестве отдельной от дознания формы участия полиции в предварительном расследовании [5, с. 285].

Иначе этот вопрос решал М. В. Духовской, полагавший, что, действуя негласно (путем расспросов, негласного наблюдения), полиция производила розыск, а вот производство полицейскими чинами следственных действий, входящих в компетенцию следователя, составляло как раз дознание [6, с. 274]. Подтверждением правильности именно этой точки зрения служит то обстоятельство, что возможность призыва экспертов и производства следственных действий полицией в тех случаях, когда имелись основания опасаться уничтожения доказательств, изначально была предусмотрена Наказом полиции от 8 июня 1860 г. «О производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступле-

ние или проступок» [7]. Из самого названия данного нормативного акта следовало, что вся регламентированная им деятельность (включая производство следственных действий, не терпящих отлагательства) рассматривалась законодателем как дознание. Следуя этой традиции, в советский период закон говорил о «деятельности органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно» (ст. 119 УПК РСФСР), а ученые-процессуалисты единодушно рассматривали такую деятельность как разновидность дознания [8, с. 70; 9, с. 30].

Конечно, идея о том, что с принятием УПК РФ 2001 г. деятельность органов дознания по делам, по которым обязательно предварительное следствие, перестала быть дознанием, разделяется далеко не всеми учеными. Многие продолжают считать, что уголовно-процессуальный закон по-прежнему предусматривает два вида дознания, одним из которых является процессуальная деятельность, предусмотренная ст. 157 УПК РФ [10, с. 67; 11, с. 282]. Действительно, само по себе изменение используемой в законе терминологии никак не меняет правовой природы рассматриваемой деятельности, ведь порядок ее осуществления остался прежним, а в ст. 157 УПК РФ четко обозначен субъект ее осуществления — орган дознания. Следовательно, каких-либо оснований для утверждений, что предусмотренная ст. 157 УПК РФ деятельность более не является дознанием, нет.

Однако проблему порождает не только переименование, но и само название, которое законодатель использовал для обозначения деятельности органов дознания по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия. Речь идет о словосочетании «неотложные следственные действия». Дело в том, что ч. 5 ст. 152 УПК РФ наделяет полномочием производить неотложные следственные действия также следователя и дознавателя в тех ситуациях, когда появляются основания для изменения подследственности находящегося в их производстве уголовного дела, после чего следователь передает его руководителю следственного органа, а дознаватель — прокурору для направления по подследственности.

Такая регламентация привела к тому, что в теории уголовного судопроизводства стали предприниматься попытки сконструировать новую модель института неотложных следственных действий, имеющую мало общего с конструкцией дознания по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия. Принципиальное отличие этой конструкции заключается в расширении субъектного состава участников уголовного процесса, уполномоченных на производство неотложных

следственных действий. В юридической литературе все чаще встречаются утверждения о том, что неотложные следственные действия более не являются «эксклюзивным достоянием» органов дознания [12, с. 329—330], что они перестали быть «прерогативой», классической формой деятельности органа дознания [2, с. 160].

Как следствие, уголовно-процессуальная теория начинает наполнять процедуру, именуемую «неотложные следственные действия», новым — более объемным — содержанием. Отмечается, что ее основным признаком является уже не субъект процессуальной деятельности, а необходимость незамедлительного проведения следственных действий [1, с. 147] вкупе с неподследственностью уголовного дела субъекту, их производящему [2, с. 159]. На этом основании в науке уголовного процесса предлагаются новые определения неотложных следственных действий как деятельности органов дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также следователя в ходе расследования уголовного дела после установления обстоятельств, указывающих на подследственность данного дела другому следователю [13, с. 102; 14, с. 229]. Своеобразной кульминацией процессов, протекающих в теории уголовного судопроизводства, стало утверждение П. В. Вдовцева о том, что ситуации, связанные с необходимостью производства предварительного расследования по уголовному делу тем субъектом, компетенция которого не распространяется на его осуществление по данному делу, образуют «самостоятельное явление уголовного процесса» [15, с. 19].

Закономерным следствием смешения процессуальной деятельности органа дознания, предусмотренной ст. 157 УПК РФ, с реализацией указанных в ч. 5 ст. 152 УПК РФ полномочий следователя, дознавателя стали попытки перенести черты первой на вторую. Проявляется это в предложениях предусмотреть в законе право следователей [13, с. 101—102], или даже как следователей, так и дознавателей [15, с. 17; 2, с. 161], действовать в обстоятельствах, не терпящих отлагательства, так же, как действуют органы дознания: возбуждать любые уголовные дела «чужой» подследственности и проводить по ним неотложные следственные действия. Некоторые авторы полагают, что это возможно и без внесения изменений в закон, поскольку «прямо вытекает не только из общетеоретических положений уголовного процесса (публично-правовая обязанность каждого органа расследования реагировать на любые нарушения уголовного закона, к чьей компетенции они бы ни относились), но и из содержания ч. 5 ст. 152 УПК РФ» [16, с. 671].

Однако такой подход сводит на нет значение подследственности как инструмента, с помощью которого законодатель определяет компетенцию органов предварительного расследования [17, с. 114]. В основе распределения компетенции лежит специализация органов расследования, обеспечивающая наиболее качественный уровень производства предварительного следствия. Отказ от признания в качестве общего правила требования возбуждения уголовных дел только теми органами расследования, которым они подследственны, не только приведет к утрате важных доказательств и созданию дополнительных, порой непреодолимых трудностей в изобличении виновного — неизбежного следствия неквалифицированного проведения первоначальных следственных действий [18, с. 255], но и чревато массовыми злоупотреблениями. Производство органами дознания неотложных следственных действий — это вынужденное отступление от правил подследственности, оправдываемое лишь тем, что промедление в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности способно оказаться препятствием для реализации назначения уголовного судопроизводства. Превращать такой порядок в общее правило недопустимо. Не случайно законодатель четко определяет компетенцию органов дознания по производству неотложных следственных действий (ч. 2 ст. 157 УПК РФ). В связи с этим заслуживает поддержки идея о том, что такая компетенция должна определяться еще более четко: если в системе федерального органа исполнительной власти предусмотрены и орган дознания, и следователи, то орган дознания должен иметь право возбуждать только те уголовные дела, которые подследственны следователям данного федерального органа исполнительной власти [19, с. 36].

Одной из предпосылок наблюдаемого ныне смешения процессуальной деятельности органа дознания, предусмотренной ст. 157 УПК РФ, с реализацией указанных в ч. 5 ст. 152 УПК РФ полномочий следователя, дознавателя выступила идея о том, что орган дознания, производя неотложные следственные действия, осуществляет не что иное, как предварительное следствие [20, с. 87; 21, с. 470]. И если говорить о сущности производимых органом дознания действий, то они действительно ничем не отличаются от того, чем занимается на первоначальном этапе расследования следователь. Но развитие этой идеи в науке имело далекоидущие последствия, вылившиеся в предложения на законодательном уровне признать производство неотложных следственных действий частью предварительного следствия. Как пишет С. В. Супрун, «основное понятие УПК „неотложные следственные

действия“... переходит в другое более емкое понятие „производство неотложного следствия органом дознания“» [22, с. 98]. Причем данный вывод имеет совершенно четкую практическую направленность: обосновать расширение полномочий органов дознания по производству неотложных следственных действий, «увидеть, что нормы, регламентирующие деятельность органа дознания... не должны ограничивать его полномочия» [22, с. 98]. И здесь уже отчетливо наблюдается перенесение теорией уголовного судопроизводства черт следственной деятельности (не ограниченной каким-то конкретным перечнем допустимых процессуальных действий) на действия органов дознания по уголовным делам, по которым обязательно производство предварительного следствия.

В свое время ученые-процессуалисты критиковали подход законодателя, реализованный в ст. 157 УПК РФ, выразившийся в отказе от перечисления следственных действий, которые вправе производить органы дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно. «Такое решение, — писали А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева и Н. А. Власова, — нельзя признать удачным, поскольку размывается грань между неотложными следственными действиями, которые правомочен производить орган дознания... и иными следственными действиями, которые предпочтительнее проводить самому следователю... При таком положении институт неотложных следственных действий утрачивает свое первоначальное назначение» [23, с. 25].

Теперь же, наоборот, все чаще высказывается идея о том, что органы дознания, возбуждая подследственные органам предварительного следствия уголовные дела, не должны ограничиваться производством только следственных действий (в узком понимании данного термина), но должны также обладать полномочиями применять меры процессуального принуждения, выполнять другие процессуальные действия. В связи с этим предлагается именовать соответствующую процессуальную деятельность «неотложными следственными и другими (иными) процессуальными действиями» [15, с. 8; 24, с. 94].

Вполне отдавая себе отчет в том, что, замещая следователя, орган дознания, по сути, производит предварительное следствие, законодатель всегда сознательно ограничивал полномочия этого субъекта, с одной стороны, не имеющего необходимой подготовки для осуществления следственной деятельности, а с другой — привыкшего работать в условиях, далеких от процессуальных форм¹.

¹ Так, ст. 258 УУС, допуская случаи, когда полиция могла заменить следователя во всех не терпящих отлага-

Эти соображения не утратили своей актуальности и в наше время. Однако для того, чтобы четко определить компетенцию органов дознания по уголовным делам, по которым обязательно производство предварительного следствия, их деятельность должна быть четко демаркирована и не может смешиваться с деятельностью следователей.

Но задача разграничения деятельности органов дознания по производству неотложных следственных действий от регламентированной ч. 5 ст. 152 УПК РФ деятельности следователя и дознавателя осложняется неточностью определения, которое дано в п. 19 ст. 5 УПК РФ. По буквальному смыслу легальной дефиниции понятием «неотложные следственные действия» охватываются лишь те действия, которые осуществляются органом дознания «после возбуждения уголовного дела». И здесь параллели с действиями следователя или дознавателя по уголовному делу, подлежащему направлению по подследственности, напрашиваются сами собой.

Между тем деятельность органов дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, включает в себя не только производство следственных действий, но и предшествующую ему деятельность в стадии возбуждения уголовного дела.

Суть дознания по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия, всегда сводилась к тому, чтобы орган дознания начал расследование вместо следователя, который по тем или иным причинам не может сделать этого сам. Как верно отмечает В. Ю. Стельмах, орган дознания действует по принципу «„больше некому“, поскольку специальные правоохранительные органы по месту совершения преступления отсутствуют» [25, с. 132]. Однако чтобы начать предварительное следствие, необходимо в первую очередь возбудить уголовное дело. В связи с этим деятельность в стадии возбуждения уголовного дела, в той же мере, что и производство следственных действий, выходящая за пределы компетенции органов дознания, должна непременно включаться в содержание определяемой деятельности органа дознания, рассматриваться как единая процедура.

Мы не разделяем при этом мнения о том, что деятельность органов дознания образует «особую, исключительную» [1, с. 145—146] или «самостоятельную, факультативную» [2, с. 159] стадию уголовного процесса. Совершенно очевидно, что замена

тельства следственных действиях, прямо запрещала производство полицией формальных допросов, за исключением ситуаций, когда подлежащее допросу лицо оказывалось «тяжко больным и представилось опасение, что оно умрет до прибытия следователя».

субъекта процессуальной деятельности никак не отражается на стадийной организации уголовного процесса. Однако данное обстоятельство не отменяет того факта, что у деятельности органа дознания по возбуждению уголовного дела и производству неотложных следственных действий есть общая и весьма значимая черта, требующая для этой деятельности специального терминологического обозначения. Эта особенность заключается в том, что ее осуществление возлагается на лицо или орган, которые при иных обстоятельствах вообще не обладают компетенцией на ведение уголовного процесса. Особенно отчетливо эта характеристика проявляется в тех случаях, когда соответствующие полномочия возлагаются на указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ лиц, которых М. М. Сеидов метко называет органами дознания «эпизодической компетенции» [12, с. 329].

Для решения задач уголовного судопроизводства эти лица, как и другие органы дознания, наделяются процессуальными полномочиями по принятию сообщения о преступлении, его предварительной проверке, принятию решения о возбуждении уголовного дела и производству неотложных следственных действий. *Все эти полномочия в своей совокупности образуют неделимый комплекс, определяющий процессуальный статус органов дознания, что и дает основания рассматривать группу норм, регламентирующих деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, как отдельный институт уголовно-процессуального права, а практическую реализацию этих полномочий — как единую процедуру.* Именно своим объемом регламентированная ст. 157 УПК РФ деятельность отличается от производства следователем или дознавателем неотложных следственных действий по уголовному делу, подлежащему направлению по подследственности (ч. 5 ст. 152 УПК РФ). Орган дознания наделяется выходящими за пределы его компетенции полномочиями не только провести неотложные следственные действия, но и разрешить перед этим вопрос о возбуждении уголовного дела.

Изложенное приводит к выводу, что изменение наименования порядка действий органа дознания по делам, относящимся к подследственности органов предварительного следствия, негативно сказалось на развитии теории уголовного судопроизводства. Во-первых, под сомнение была поставлена ранее незыблемая идея о том, что такая деятельность представляет собой вид дознания. Между тем для таких сомнений нет никаких оснований: сопоставляя современную регламентацию с той, которая содержалась в Уставе уголовного судопроизводства 1854 г., трудно не заметить, что порядок деятельности полицейских органов по началу расследования уголовных дел за прошедшие полтора столетия практически не изменился. И если такая процессуальная деятельность именовалась дознанием в законодательстве периода Судебной реформы 1864 г., то почему она перестала быть таковой теперь? Во-вторых, использование для обозначения рассматриваемой процессуальной деятельности словосочетания «неотложные следственные действия» повлекло за собой возникновение тенденции к смешению этого порядка с производством неотложных следственных действий в других ситуациях (например, указанных в ч. 5 ст. 152 УПК РФ). Не выдерживает критики и легальная дефиниция неотложных следственных действий, содержащаяся в п. 19 ст. 5 УПК РФ, поскольку она не включает в определяемое понятие деятельность органа дознания в стадии возбуждения уголовного дела. По большому счету, это определение вообще излишне — суть деятельности органов дознания как прежде (ст. 119 УПК РСФСР), так и теперь (ст. 157 УПК РФ) отчетливо раскрывается в законодательной регламентации порядка ее производства.

Во избежание дальнейших дискуссий в этом проблемном поле, которые, как было показано выше, ведут к размыванию четких границ рассматриваемого уголовно-процессуального института, ему следовало бы вернуть прежнее наименование — «деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно». Именно так должна быть, по нашему мнению, озаглавлена ст. 157 УПК РФ.

1. Александрова О. П. Институт неотложных следственных действий в уголовном судопроизводстве России // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика. Право. Управление». 2016. № 3. С. 141—149.

2. Гриценко Т. В. Проблемы определения сущности и места неотложных следственных действий в структуре уголовно-процессуальной деятель-

1. Alexandrova O. P. Institute of urgent investigative actions in the criminal trial of Russia. Bulletin of Pskov state university. Series "Economy. Law. Control", 141—149, 2016. (In Russ.).

2. Gritsenko T. V. Problems of determining the nature and place of urgent investigative actions in the structure of criminal procedure in accordance with the Code of criminal procedure of the Rus-

ности в соответствии с УПК РФ // Юристы-Правоведь. 2018. № 4. С. 157—162.

3. Морозкина И. А. Роль совершенствования института дознания в концепции совершенствования досудебного производства по уголовным делам // Российский следователь. 2006. № 6. С. 11—12.

4. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Часть вторая. Санкт-Петербург: Тип. Ф. С. Сущинского, 1867. 371 с.

5. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / отв. ред. тома Б. В. Виленский. Москва: Юрид. лит., 1991. 496 с.

6. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. Москва: Тип. А. П. Поплавского, 1908. 464 с.

7. Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок // Журнал Министерства юстиции. 1860. Т. V, кн. 7. С. 49—54.

8. Галкин Б. А., Калашникова Н. Я. Уголовный процесс. Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 228 с.

9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. II. Москва: Наука, 1970. 516 с.

10. Чабукиани О. А. Ускоренное (упрощенное) расследование: «за» и «против» // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 67—69.

11. Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие). Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. 297 с.

12. Сеидов М. М. О сущности неотложных следственных действий // Актуальные проблемы предварительного расследования: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (26—27 окт. 2017 г.), Всерос. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты расследования дорожно-транспортных преступлений» (26 апр. 2018 г.) / сост. С. А. Янин. Волгоград: Бланк, 2018. С. 326—331.

13. Балакшин В. С., Григорьев А. И. Неотложные следственные действия: понятие и перспективы правового регулирования // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 98—104.

14. Долгаев В. В., Порфинюк А. П. О некоторых процессуальных особенностях производства неотложных следственных действий // Криминалистика — прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы

sian Federation. Jurist-Pravoved, 157—162, 2018. (In Russ.).

3. Morozkina I. A. The role of improving the institution of inquiry in the concept of improving pre-trial criminal proceedings. Russian investigator, 11—12, 2006. (In Russ.).

4. Kvachevsky A. About criminal prosecution, inquiry and preliminary study of crimes under the Judicial statutes of 1864. Theoretical and practical guidance. Part two. Saint Petersburg: Publishing house of F. S. Suschinsky; 1867: 371. (In Russ.).

5. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 8. Judicial reform. General ed. B. V. Vilensky. Moscow: Legal literature; 1991: 496. (In Russ.).

6. Dukhovskoy M. V. Russian criminal proceeding. Moscow: Publishing house of A. P. Poplavsky; 1908: 464. (In Russ.).

7. Order of the police on the investigation of incidents that may include a crime or a misdemeanor. Journal of the Ministry of justice, 49—54, 1860. (In Russ.).

8. Galkin B. A., Kalashnikova N. Ya. Criminal proceeding. Moscow: State publishing house of legal literature; 1949: 228. (In Russ.).

9. Strogovich M. S. Course of the soviet criminal process. Moscow: Science; 1970: 516. (In Russ.).

10. Chabukiani O. A. Accelerated (simplified) investigation: "for" and "against". Russian justice, 67—69, 2012. (In Russ.).

11. Yakimovich Yu. K., Pan T. D. Pre-trial proceedings under the Code of criminal procedure of the Russian Federation (participants in pre-trial proceedings, evidence and proving, initiating a criminal case, inquiry and preliminary investigation). Saint Petersburg: Legal center Press; 2003: 297. (In Russ.).

12. Seidov M. M. On the essence of urgent investigative actions. In: Actual problems of the preliminary investigation. A collection of articles of the International scientific and practical conference. 26—27 October 2017; All-Russian scientific and practical conference "Criminal procedure, forensic and organizational aspects of the investigation of road traffic crimes". 26 April 2018. Comp. S. A. Yanin. Volgograd: Blanc; 2018: 326—331. (In Russ.).

13. Balakshin V. S., Grigoriev A. I. Urgent investigative actions: concept and prospects of legal regulation. Electronic supplement to the Russian legal journal, 98—104, 2017. (In Russ.).

14. Dolgaev V. V., Porfinyuk A. P. About some procedural features of the proceeding urgent investigative actions. In: Criminalistics — past, present, future: achievement and development prospects. Materials of the International scientific and practical

Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 окт. 2019 г.) / под общ. ред. А. М. Багмета. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 227—229.

15. Вдовцев П. В. Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе: вопросы теории, практики и законодательного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 28 с.

16. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. Москва: Статут, 2016. 1278 с.

17. Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 113—125.

18. Маркелов А. Г. Вопросы законодательного совершенствования института неотложных следственных действий при расследовании преступлений // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.). В 3 ч. Ч. 1 (теоретические предпосылки). Москва: Ин-т повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. С. 254—258.

19. Валов С. В. Правовые и организационные проблемы производства органами внутренних дел неотложных следственных действий // Актуальные проблемы совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства России: материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола (Москва, 29 мая 2019 г.) / под общ. ред. А. М. Багмета. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 33—39.

20. Кругликов А. П. Начало предварительного следствия органом дознания как форма его взаимодействия со следователем // Уголовное право. 2005. № 3. С. 86—88.

21. Кругликов А. П. Орган дознания производит предварительное следствие // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 27—28 янв. 2005 г.): в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 469—472.

22. Супрун С. Производство неотложных следственных действий — часть предварительного следствия // Уголовное право. 2009. № 3. С. 95—98.

23. Соловьев А. Б., Токарева М. Е., Власова Н. А. Общие условия предварительного расследования. Москва: Юрлитинформ, 2005. 144 с.

24. Кругликов А. Неотложные следственные действия // Уголовное право. 2004. № 3. С. 93—94.

conference. Moscow, 17 October 2019. General ed. by A. M. Bagmet. Moscow: Moscow academy of the investigative committee of the Russian Federation; 2019: 227—229. (In Russ.).

15. Vdovtsev P. V. Urgent investigative actions in the Russian criminal process: issues of theory, practice and legislative regulation. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2011: 28. (In Russ.).

16. Criminal Trial Course. Ed. by doctor of juridical sciences, professor L. V. Golovko. Moscow: Statute; 2016: 1278. (In Russ.).

17. Dikarev I. S. Jurisdiction in criminal proceeding: issues of theory and legislative regulation. Journal of Russian law, 113—125, 2020. (In Russ.).

18. Markelov A. G. Issues of legislative improvement of the institution of urgent investigative actions in the investigation of crimes. In: Constitution of the Russian Federation as a guarantor of human and civil rights and freedoms in the investigation of crimes. Materials of the International scientific and practical conference. Moscow, 14 November 2013. Moscow. In 3 parts. Part 1. Moscow: Institute of advanced studies of the Investigative committee of the Russian Federation; 2013: 254—258. (In Russ.).

19. Valov S. V. Legal and organizational problems of the proceeding of urgent investigative actions by the internal affairs bodies. In: Actual problems of improving the criminal and criminal procedural legislation of Russia. Materials of the International scientific and practical round table. Moscow, 29 May 2019. General ed. by A. M. Bagmet. Moscow: Moscow academy of the investigative committee of the Russian Federation; 2019: 33—39. (In Russian).

20. Kruglikov A. P. The beginning of the preliminary investigation by the inquiry body as a form of its interaction with the investigator. Criminal law, 86—88, 2005. (In Russ.).

21. Kruglikov A. P. The inquiry body carries out a preliminary investigation. In: Fifty years of the department of criminal proceeding of the Ural state law academy. Materials of the international scientific-practical conference. Yekaterinburg, 27—28 January 2005. In 2 parts. Part 1. Yekaterinburg; 2005: 469—472. (In Russ.).

22. Suprun S. Proceeding urgent investigative actions as a part of the preliminary investigation. Criminal law, 95—98, 2009. (In Russ.).

23. Soloviev A. B., Tokareva M. E., Vlasova N. A. General conditions of preliminary investigation. Moscow: Yurilitinform; 2005: 144. (In Russ.).

24. Kruglikov A. Urgent investigative actions. Criminal law, 93—94, 2004. (In Russ.).

25. Stelmakh V. Yu. Features of the criminal procedural activities at the sea, on the territory of the

25. Стельмах В. Ю. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в дальнем плавании, на территории экспедиций и зимовок, в Антарктике, на территории дипломатических и консульских представительств Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 125—133.

Дикарев Илья Степанович,

директор института права
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент;
iliadikarev@volsu.ru

expeditions and wintering in Antarctica, on the territory of diplomatic and consular missions of the Russian Federation. Journal of Russian law, 125—133, 2017. (In Russ.).

Dikarev Ilya Stepanovich,

director of the institute of law
of Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, docent;
iliadikarev@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.121
doi: 10.25724/VAMVD.A120

**СКОЛЬКО ЗАЩИТНИКОВ МОЖЕТ БЫТЬ
У ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО)
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?**

Анастасия Александровна Кичук

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, safonova-nasta@mail.ru

Аннотация. Защита прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, является неотъемлемым элементом его правового статуса. Несмотря на довольно подробную регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве права на квалифицированную юридическую помощь, порядок его реализации до сих пор вызывает проблемные ситуации. В статье рассматриваются следующие актуальные вопросы: сколько защитников по соглашению, по назначению может быть у обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе; как отграничить добросовестную деятельность адвоката по защите прав лица от злоупотребления данным правом, исходя из количества защитников и частоты их замены; каков процессуальный порядок замены защитника и в каких случаях требуется ее производить. В работе также анализируются случаи прекращения защитником оказания квалифицированной юридической помощи, а на основе этого анализа предлагается классификация указанных оснований. Обосновывается позиция о достаточности наличия у обвиняемого (подозреваемого) одного защитника в уголовном деле в целях оказания квалифицированной юридической помощи, независимо от того, будет ли это защитник по соглашению или же по назначению.

Ключевые слова: адвокат, замена защитника, защитник, злоупотребление правом на защиту, оказание квалифицированной юридической помощи, обвиняемый, отвод, подозреваемый, предварительное расследование

Для цитирования: Кичук А. А. Сколько защитников может быть у обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 84—91. doi: 10.25724/VAMVD.A120

**HOW MANY DEFENDERS CAN AN ACCUSED (SUSPECT)
HAVE IN CRIMINAL PROCEDURAL LAW?**

Anastasia Alexandrovna Kichuk

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, safonova-nasta@mail.ru

Abstract. Protection of the rights of a person against whom criminal prosecution is carried out is an integral element of his legal status. Despite the rather detailed regulation in the criminal procedure legislation of the right to qualified legal assistance, the procedure for its implementation causes problematic situations to this day. The article deals with such topical issues: how many defenders, by agreement, by appointment, the accused (suspect) can have in a criminal process; how to delimit the conscientious activity of a lawyer in protecting the rights of a person from the abuse of this right, based on the number of defenders and the frequency of their replacement; what is the procedural order for replacing a defense counsel and in what cases is it required? The paper also analyzes cases of termination by the defender of the provision of qualified legal assistance, and on their basis a classification of these grounds is proposed. The position is substantiated on the sufficiency of the participation of one defender in a criminal case for the accused (suspected) in order to provide qualified legal assistance, regardless of whether it is a defender by agreement or by appointment.

Keywords: lawyer, replacement of a defender, defender; abuse of the right to defense, provision of qualified legal assistance, accused, recusal, suspect, preliminary investigation

For citation: Kichuk A. A. How many defenders can an accused (suspect) have in criminal procedural law? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 84—91, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A120

Защита прав лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, является важнейшим элементом уголовно-процессуальной деятельности. Несмотря на высокую значимость и конституционный характер права на защиту (ст. 48 Конституции Российской Федерации), в подразделениях следственных органов возникает много еще не до конца урегулированных вопросов, касающихся обеспечения права обвиняемого (подозреваемого) на квалифицированную юридическую помощь. В части 1 ст. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) говорится, что обвиняемый (подозреваемый) вправе пригласить несколько защитников. Уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует, какое максимальное количество защитников по назначению и по соглашению может быть у одного лица.

Если обвиняемый (подозреваемый) добивается того, чтобы несколько защитников оказывали ему юридическую помощь, то нередко это делается с намерением затянуть предварительное расследование, добиться истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности либо дожидаться предельных сроков содержания под стражей для отмены или изменения меры пресечения.

Как правило, обвиняемые (подозреваемые) в совершении преступления придерживаются такой позиции, что наличие у них нескольких адвокатов — защитников по делу способствует повышению качества оказания квалифицированной юридической помощи, выстраиванию прочной защитной линии по делу и сбору наибольшего объема доказательств, подтверждающих невиновность или непричастность лица к расследуемому событию. Встречаются случаи, когда сторона защиты своими действиями пытается воздействовать на органы предварительного расследования в целях исключения из объема обвинения какого-либо эпизода.

На наш взгляд, для оказания квалифицированной юридической помощи достаточно одного адвоката-защитника. Иными словами, участие в деле одного защитника позволяет обеспечить в полном объеме право на получение квалифицированной юридической помощи. К тому же присутствие нескольких защитников в уголовном деле вызывает затруднения в работе подразделений дознания, предварительного следствия.

Во-первых, участие нескольких защитников приводит чаще всего к затягиванию сроков расследования уголовных дел. Следователю (дознавателю) приходится подбирать наиболее оптимальное время для производства процессуальных действий с обвиняемым (подозреваемым), заранее уведомлять всех имеющихся защитников, чтобы они смогли

принять участие в производстве следственного действия и оказать квалифицированную юридическую помощь. При неявке одного из защитников нужно будет переносить время производства следственного действия на более удобное. В результате, пока следователь решает избыточные организационные вопросы, расследование уголовного дела затягивается в связи с невозможностью осуществления иных процессуальных действий до того момента, пока не будут реализованы ранее запланированные мероприятия.

Во-вторых, довольно часто на практике следователи сталкиваются с такой ситуацией, что финансовые подразделения ОВД не принимают постановления об оплате труда адвоката, если защиту одного обвиняемого (подозреваемого) осуществляли два или даже три защитника по назначению. В результате необходимости оплаты труда нескольких защитников из бюджета федеральных органов государство несет большие расходы, неоправданные и излишние, которых можно было бы избежать, если разумно подойти к данному вопросу [1, с. 86]. Финансово-экономическая служба основывает свою позицию на том, что и один адвокат способен оказать квалифицированную юридическую помощь качественно и в полном объеме. Уголовно-процессуальное законодательство подробно не регламентирует вопросы оказания юридической помощи несколькими защитниками, подразумевая тем самым, что один адвокат в силах квалифицированно осуществлять защиту прав обвиняемого (подозреваемого).

Мы придерживаемся схожей точки зрения и считаем, что качество квалифицированной юридической помощи зависит не от количества защитников, а от уровня оказания юридической помощи и ответственного подхода к своей работе. Тем более что не каждый юрист может получить статус адвоката, для этого необходимо соответствовать ряду критериев (наличие высшего юридического образования, стаж работы по юридической специальности не менее двух лет и самое непростое — сдача квалификационного экзамена квалификационной комиссии адвокатской палаты, которая в последующем заслуженно присваивает указанный статус). Наличие у защитника статуса адвоката гарантирует оказание им именно квалифицированной юридической помощи.

Можно выделить три основания прекращения оказания защитником юридической помощи своему доверителю: 1) отказ от защиты в целом; 2) отказ от защитника (конкретного адвоката); 3) временный отказ от защитника. Рассмотрим их более подробно.

Первое основание прекращения оказания защитником юридической помощи состоит в нежелании лица пользоваться услугами адвоката в целом: ни по соглашению, ни по назначению. Исключение составляют случаи обязательного участия защитника в уголовном деле в соответствии со ст. 51 УПК РФ: по данным основаниям защитник должен участвовать, несмотря на отказ обвиняемого (подозреваемого) от реализации своего права на получение квалифицированной юридической помощи.

Статья 52 УПК РФ посвящена отказу обвиняемого (подозреваемого) от защитника и защиты в целом. Такой отказ облачается в письменную форму, при этом, если защитник уже был ранее назначен и участвовал в каких-либо процессуальных действиях, его присутствие во время отказа доверителя не обязательно, подпись самого защитника в заявлении об отказе не ставится. Но не стоит забывать, что в дальнейшем лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, вновь может заявить ходатайство об участии защитника в уголовном деле.

Значительный интерес в науке уголовного процесса вызывает положение о необязательности отказа лица от защитника для следователя, дознавателя, суда. Эта норма реализуется в двух направлениях. Первое мы уже частично затронули — это отказ обвиняемого (подозреваемого) от защитника в случаях, когда участие защитника в деле является обязательным по закону и мнение органов предварительного расследования в этом вопросе однозначно будет отрицательным. Второе является оценочным, и к единому мнению здесь сложно прийти. Оно касается случаев, когда в деле участвуют два защитника: один по соглашению и другой по назначению, и обвиняемый (подозреваемый) хочет отказаться от последнего. Но следователь (дознаватель) не поддерживает такое ходатайство и отказывает в его удовлетворении, поскольку защитник по соглашению всячески препятствует расследованию уголовного дела, злоупотребляет правом на защиту, не с первого раза является на производство следственных действий по вызову следователя и т. д. [2, с. 52] В таком случае, чтобы обеспечить более быстрое и качественное расследование, следователь оставляет в деле обоих защитников для дальнейшего участия.

Так мы постепенно перешли ко второму основанию прекращения оказания защитником юридической помощи — отказу обвиняемого (подозреваемого) от одного из защитников. В органах предварительного расследования сложилась такая практика, что одно лицо одновременно не могут защищать приглашенный защитник и защитник по назначению, если лицо отказывается от помощи государ-

ственного защитника. Это не означает, что обвиняемый (подозреваемый) отказывается от помощи защитника в целом¹, поскольку его права продолжит защищать приглашенный защитник, которому лицо действительно доверяет.

В 2013 г. в адвокатском сообществе велась активная дискуссия о злоупотреблении судами правом на защиту подсудимого. У подсудимого имеется защитник по соглашению, при этом суды назначают дополнительного защитника, даже если подсудимые отказываются от защитника-дублера, назначаемого судом. Суды аргументировали свою позицию необходимостью обеспечения непрерывности судебного разбирательства, ссылаясь на то, что защитники по соглашению намеренно затягивают рассмотрение уголовных дел, не являются в судебное заседание без уважительных причин. Но основная проблема заключалась в том, что эта позиция суда реализовывалась не применительно к конкретному уголовному делу, а ко всем делам, поступающим в суд. То есть суд не разбирался в каждой ситуации отдельно, не оценивал поведение и характер деятельности конкретного приглашенного защитника, а просто обеспечивал участие еще одного защитника — только по назначению. В целях разрешения данного спора Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации вынес решение о том, что адвокаты не должны принимать поручение на защиту в случае категорического несогласия с таким решением подсудимого при наличии в процессе защитника, осуществляющего защиту лица по соглашению². Данное решение является полностью обоснованным и справедливым, поскольку оно поддерживается определением Конституционного Суда Российской Федерации, которое гласит, что лицо может отказаться от защитника на любой стадии уголовного процесса, а принуждение лица к реализации его права недопустимо³.

По мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, непринятие судом отказа подсудимого от назна-

¹ Рыжаков А. П. Начало участия и замена защитника, а равно оплата труда защитника по назначению. Комментарий к статье 50 УПК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О двойной защите: решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. URL: <http://fparf.ru> (дата обращения: 10.09.2022).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Побережьева А. В. на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 части 1 статьи 51 и части 1 статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 г. № 424-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ченных защитников и одновременное участие в деле приглашенных и назначенных защитников могут быть, с учетом конкретных обстоятельств, характеризующих поведение обвиняемого и защитников, признаны не противоречащими закону и не нарушающими право на защиту. К таким обстоятельствам могут относиться: затягивание разумных сроков производства по уголовному делу как защитником, так и его подзащитным; неоднократная неявка защитника к лицу, осуществляющему предварительное расследование, без уважительных причин; неоднократные заявления лица о замене защитника без значимых причин¹. Все эти случаи, исходя из конкретной ситуации, можно расценивать как злоупотребление правом на защиту.

Таким образом, в каждом случае отказа лица от конкретного защитника следует разбираться отдельно, учитывая все обстоятельства по делу, поведение обоих защитников и качество осуществления их деятельности, чтобы впоследствии эти факторы не оказывали негативного влияния на порядок производства по делу.

В подразделениях предварительного следствия и дознания сформировалась такая практика: подозреваемый (обвиняемый) составляет ходатайство или заявление, в котором указывает, что он отказывается от услуг одного защитника и просит проводить все следственные действия по уголовному делу с участием нового защитника (чаще всего такая ситуация возникает при наличии серьезных противоречий между защитником и доверителем), либо подзащитный не отказывается от своего основного защитника, а ходатайствует о его замене на неопределенный срок в связи с тем, что последний не может участвовать в уголовном деле по уважительным причинам (отпуск, больничный) — а это уже следующий случай.

Третье основание — временный отказ от защитника. В практической деятельности довольно часто встречаются ситуации, когда защитник по соглашению не может принять участие в одном или нескольких следственных действиях по объективным уважительным причинам. На момент своего отсутствия защитник предлагает своему доверителю заключить соглашение с новым защитником для участия в производстве одного или нескольких следственных действий, при этом обвиняемому не нужно отказываться от первого защитника.

¹ По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 28-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приведем практический пример из архива Заводского районного суда г. Орла. У обвиняемого К. был свой защитник по соглашению З., который должен был присутствовать при производстве всех следственных и процессуальных действий, производимых с участием обвиняемого К. Защитнику З. пришлось уехать на определенное время в другой город для участия в судебном заседании и представления интересов другого доверителя. На этот период защитник З. посоветовал обвиняемому К. своего знакомого, проверенного защитника М., для участия в производстве одного следственного действия. В результате обвиняемый К. заключил соглашение с защитником М. только для участия в проведении очной ставки².

В целом мы считаем, что участие приглашенного защитника только в одном следственном действии возможно по обоюдному согласию обвиняемого и защитника и только в случаях, вызванных объективными причинами.

Законом не запрещается участие конкретного защитника по назначению для проведения следственного или процессуального действия с участием подозреваемого разово, т. е. закон предоставляет возможность защитнику по назначению оказывать юридическую помощь обвиняемому (подозреваемому) только на время производства одного следственного действия. Вместе с тем в последующих процессуальных действиях участие уже нового защитника по назначению не порождает обязанности по вынесению следователем (дознавателем) постановления об отстранении адвоката, который был ранее назначен для участия в уголовном деле.

Что же касается разового осуществления своих полномочий в одном следственном либо процессуальном действии приглашенным защитником, то здесь вопрос ставится довольно остро. Законом конкретно не запрещено оказывать «однодневную» защиту прав лица, подвергающегося уголовному преследованию. В то же время в некоторых субъектах Российской Федерации предпринимаются попытки радикально разрешить это противоречие на уровне локальных нормативных актов. Так, Адвокатская палата г. Москвы решила урегулировать данную проблему, исходя из самой сущности адвокатской деятельности, т. е. необходимости оказания лицу квалифицированной юридической помощи на протяжении всей уголовно-процессуальной деятельности, а не на отдельных ее стадиях. В частности, в отношении адвоката К. поступила жалоба от гражданина Л., что адвокат-защитник отказывается

² См.: Уголовное дело № 122015400010000158 // Архив Заводского районного суда г. Орла.

осуществлять дальнейшую защиту прав доверителя при производстве других следственных действий, ссылаясь на тот факт, что между защитником и доверителем было заключено соглашение только на один день и указано, для участия в каких конкретно следственных действиях. Адвокат К. был привлечен к дисциплинарной ответственности Советом Адвокатской палаты г. Москвы. В принятии своего решения Адвокатская палата сослалась на то, что круг полномочий защитника устанавливается УПК РФ и они не могут быть ограничены соглашением об оказании юридической помощи, составленным только на основе положений ГПК РФ [3, с. 25].

В таком случае возникает коллизия: защитник по назначению может участвовать при проведении только одного следственного действия, а защитник по соглашению уже не может. На наш взгляд, подобная несправедливость возникает, в первую очередь, из-за наличия между приглашенным защитником и доверителем соглашения, в котором прописаны все условия осуществления защиты, в отличие от защиты по назначению, где никакие договоры и соглашения не составляются и в деле нигде не отражается, что данный защитник по назначению будет участвовать лишь единожды. К тому же участие государственного защитника в полной мере контролируется лицом, осуществляющим предварительное расследование: его назначение, вступление в дело, приглашение и замена, т. е. следователь (дознатель) знает обо всех действиях защитника по назначению, а вот защитник по соглашению в этом плане более сепарирован от контроля следователя.

Вступление в уголовное дело нового защитника по назначению происходит в том же порядке. Более того, в материалах дела также должны оставаться все приобщенные ордера, предъявляемые предыдущими адвокатами, участвующими в качестве защитников в данном уголовном деле. Частая смена адвокатов у одного обвиняемого (подозреваемого), как правило, обуславливается тем, что защитники по назначению заступают на дежурство по установленному графику. Следственные и процессуальные действия с подозреваемым (обвиняемым) могут производиться в любой день, который устанавливает должностное лицо органа предварительного расследования. Адвокатская коллегия может назначить любого адвоката для защиты прав конкретного лица, учитывая, кто из адвокатов дежурит в этот день. Более того, первый адвокат, который ранее участвовал в качестве защитника конкретного лица только в одном следственном действии, может также беспрепятственно защищать права и законные интересы этого же лица через одно или не-

сколько следственных действий. Если после ранее участвующего адвоката в уголовном процессе принимал участие иной адвокат, то при повторном вступлении предыдущего адвоката-защитника в дело он обязан вновь предоставить все необходимые документы для повторного участия.

В перечисленных выше основаниях представлен именно отказ доверителя от защиты либо защитника, а не отказ самого адвоката оказывать юридическую помощь своему подзащитному [4, с. 31]. Адвокат по собственному желанию отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого (подозреваемого) не может, что указано в ч. 7 ст. 49 УПК РФ. Этот запрет начинает действовать после принятия на себя защиты обвиняемого (подозреваемого), а пока эта договоренность не достигнута, у адвоката есть право выбора — оказывать юридическую помощь конкретному лицу либо нет. В большей мере эта возможность касается защитника по соглашению, но также и перед вступлением в дело защитника по назначению обвиняемому (подозреваемому) предоставляется с ним свидание для решения вопроса об осуществлении совместной деятельности по выстраиванию защитной позиции по делу, либо обвиняемый (подозреваемый) отказывается от услуг защитника.

Рассмотрим несколько случаев, когда в деле появляются несколько защитников у обвиняемого (подозреваемого).

Первый случай самый простой и наиболее частый: лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, самостоятельно приглашает двух защитников по соглашению и оплачивает их услуги из своих средств. В сложившейся ситуации следователь после проверки ордера и адвокатского удостоверения обязан обеспечить участие обоих защитников. Если же обвиняемый изначально ходатайствует о предоставлении ему двух защитников по назначению, то в удовлетворении такого ходатайства ему будет отказано, поскольку и один государственный защитник вполне может достойно обеспечить реализацию права на юридическую помощь обвиняемому.

Вторая ситуация возникает при соединении двух дел в одно производство. Например, когда по одному уголовному делу у подозреваемого К. защитник С., а по другому уголовному делу, возбужденному в отношении подозреваемого К., юридическую помощь оказывает защитник Н. Такая ситуация, как правило, имеет место, когда преступления расследуются в разных по территориальности отделах, а впоследствии дела соединяются в одно производство. После соединения дел решается вопрос, участие одного или двух защитников следует обеспечить следователю (дознателью).

На практике решение данной проблемы возможно двумя способами. Первое решение следует из ходатайства подозреваемого, поскольку в нем лицо заявляет, желает ли оно воспользоваться помощью двух защитников либо отказывается от одного из них или даже от обоих. И тогда уже лицо, производящее расследование, действует по ситуации. Но органы предварительного расследования все же советуют оставлять одного из защитников по назначению. Так, у дознавателей в МО МВД России «Серовский» сложилась следующая практика: в случае допроса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, по разным уголовным делам (т. е. по нескольким эпизодам преступной деятельности) с участием разных защитников по назначению, в связи с невозможностью участия по всем эпизодам одного и того же защитника, при соединении дел в одно производство органы предварительного расследования предоставляют обвиняемому (подозреваемому) выбор, с каким из ранее участвующих защитников он хотел бы продолжить взаимодействие.

Некоторые авторы [1, с. 87; 5, с. 11] считают, что предоставление такого выбора не совсем допустимо в связи с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где сказано, что закон не предусматривает права обвиняемого выбирать конкретного адвоката по назначению¹. В то же время мы считаем, что данное положение не должно распространяться на этот конкретный случай, поскольку здесь идет речь не о выборе защитника впервые, которого никогда не видел обвиняемый (подозреваемый), а о продолжении осуществления юридической помощи, которая по своей сути непрерывна. Следует учитывать предпочтения доверителя в выборе того адвоката, с кем бы он пожелал продолжить работу на основании ранее возникших доверительных отношений в целях согласования дальнейшей стратегии защиты².

Второй вариант решения подобных проблем — продолжить работу с тем адвокатом-защитником, который участвовал в уголовном деле чаще других

защитников. При соединении нескольких дел в одно производство предпочтение отдается тому адвокату, который участвовал в деле с наибольшим сроком расследования, либо же адвокату, который принимал участие по нескольким уголовным делам, так как он знает наиболее полную картину расследуемого события и может осуществлять свои полномочия более качественно и с экономией времени на введение в курс дела по иным эпизодам преступной деятельности доверителя. Как правило, в таких случаях выбирают защитника, который был назначен первым, поскольку следователи стараются в дальнейшем вызывать именно этого адвоката-защитника для работы с его подзащитным и по другим эпизодам.

Позиция, представленная во втором варианте, активно применяется в межмуниципальном отделе МВД России «Нижевартковский». Так, дознаватель при расследовании уголовного дела³, состоящего из семи эпизодов в результате присоединения к нему шести уголовных дел, оставляет того защитника по назначению, который осуществлял защиту лица чаще других (конкретно в этом случае один защитник участвовал по четырем из эпизодов). Данный адвокат дольше всех осуществлял защиту лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело, и уже в большей части введен в курс произошедших событий.

Нередки довольно ошибочные ситуации, когда уголовное дело возбуждено в отношении одного лица и в ходе расследования становится известно об иных эпизодах его преступной деятельности. При возбуждении каждого последующего уголовного дела дознаватель вызывал нового адвоката по назначению, что совсем нецелесообразно. Такое дело было выявлено в подразделении дознания МО МВД России «Березовский»⁴, возбужденное по ч. 1 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации и состоящее из трех эпизодов. Так, по каждому из эпизодов дознаватель назначал нового государственного защитника, хотя у первого защитника была возможность продолжить участие при производстве следственных действий уже по другому делу, возбужденному также в отношении его подзащитного.

Третий случай появления нескольких защитников у обвиняемого (подозреваемого) возникает при невозможности ранее назначенного или приглашенного защитника по уважительной причине участвовать при производстве следственных действий с подзащитным в течение пяти суток, тогда следо-

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 г. № 20-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовное дело № 12101711080005197 // Архив Нижневартковского районного суда ХМАО-Югры.

⁴ Уголовное дело № 12101650008000569 // Архив Березовского городского суда Свердловской области.

вателю (дознавателю) не остается ничего другого, как предложить лицу самому пригласить нового защитника либо обеспечить участие защитника по назначению. В последующем при производстве других следственных действий, как правило, участвует первый защитник, если у него вновь появилась такая возможность. Но также обвиняемый может заявить ходатайство, что ему необходимо обеспечить участие обоих защитников, тогда следователь (дознаватель) будет уведомлять и первого, и второго защитника о производстве следственных действий.

Четвертая ситуация возникает намного реже: при возобновлении производства по уголовному делу не всегда получается обеспечить обвиняемому (подозреваемому) именно того защитника, который ранее участвовал в следственных действиях с лицом, в отношении которого расследовалось дело. А поскольку срок расследования по возобновленному делу небольшой, то следователь обеспечивает участие нового защитника, чтобы уложиться в назначенные сроки, т. е. производит вынужденную замену защитника.

Таким образом, следует подвести итог в вопросе, касающемся прерывности оказания защитником квалифицированной юридической помощи на время одного следственного, процессуального действия. По совокупности вышеназванных аргументов мы пришли к выводу, что защитник по назначению может принимать участие только в одном следственном действии в связи с осуществлением своих полномочий в ходе дежурства, а защитник, приглашенный обвиняемым (подозреваемым), данной возможности лишен. Если подзащитный желает

продолжить взаимодействие с адвокатом, который ранее уже защищал его права, то при отсутствии уважительных причин отказа в участии определенного защитника следует обеспечить его участие в деле.

Каждое повторное вступление защитника в уголовное дело обязывает его предоставлять удостоверение и ордер, чтобы субъект, осуществляющий предварительное расследование, мог убедиться в наличии компетенции и полномочий у вновь прибывшего защитника.

Качество квалифицированной юридической помощи не должно зависеть от количества защитников в уголовном деле, один защитник вполне способен оказать квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе. В случае отказа лица от участия защитника в уголовном деле следует рассматривать каждый конкретный случай в отдельности, учитывать основания и причины такого отказа. В случае если следователь удовлетворит отказ обвиняемого (подозреваемого) от защитника, то такой отказ облекается в процессуальную форму и закрепляется в материалах дела. Лицо, осуществляющее расследование по делу, не может самостоятельно отстранить защитника от участия в деле — таким правом обладает лишь подзащитный, ходатайствуя об отказе. Поэтому в случае оказания намеренного противодействия защитником, его злоупотребления правом целесообразно было бы рассмотреть возможность предоставления следователю (дознавателю) полномочия на отстранение недобросовестного адвоката от участия в уголовном деле, а обвиняемому — нового квалифицированного адвоката-защитника.

1. Грачев С. А. Можно ли «сократить» защитников по назначению, если их несколько // Уголовный процесс. 2022. № 5. С. 85—89.

2. Гордейчик С. А. Новеллы уголовно-процессуального законодательства, расширяющие права адвокатов // Законность. 2017. № 8. С. 51—52.

3. Адвокат понес наказание за «однодневную» защиту по уголовному делу. URL: <https://www.ugpr.ru/news/4783-advokat-pones-nakazanie-za> (дата обращения: 23.04.2023).

4. Постанюк В. Д. Отказ от адвоката (защитника) в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2021. № 21. С. 29—32.

5. Калиновский К. Б. Замену адвоката проверит суд // Уголовный процесс. 2022. № 5 (209). С. 11.

1. Grachev S. A. Is it possible to "reduce" defenders by appointment, if there are several of them. Criminal process, 85—89, 2022. (In Russ.).

2. Gordeychik S. A. Novelties of criminal procedural legislation, expanding the rights of lawyers. Legality, 51—52, 2017. (In Russ.).

3. The lawyer was punished for a "one-day" defense in a criminal case. URL: <https://www.ugpr.ru/news/4783-advokat-pones-nakazanie-za>. Accessed: 23 April 2023. (In Russ.).

4. Postanyuk V. D. Refusal of a lawyer (defender) in a criminal trial. Lawyer's practice, 29—32, 2021. (In Russ.).

5. Kalinovskiy K. B. The court will check the replacement of the lawyer. Criminal trial, 11, 2022. (In Russ.).

Кичук Анастасия Александровна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России;
safonova-nasta@mail.ru

Kichuk Anastasia Alexandrovna,
lecturer at the department of criminal procedure
of the Ural Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
safonova-nasta@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A121

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(ЧАСТЬ 2)**

Марина Сергеевна Колосович*, **Анна Павловна Алексеева****, **Василий Герасимович Глебов*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 270619@mail.ru

** Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, alexeeva.va-mvd@mail.ru

*** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, vasilygleb@yandex.ru

Аннотация. Статья состоит из двух частей. В первой части анализируются данные статистики, свидетельствующие о значительном количестве регистрируемых в России преступлений (в том числе рецидивных) против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Подвергнуты исследованию законодательные инициативы, поступившие в Государственную Думу Российской Федерации за последнее десятилетие, предлагающие новые меры предупреждения преступлений указанной направленности, в том числе ужесточение уголовной ответственности лиц, их совершивших. Приводятся данные об эффективности мер предупреждения рецидива преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в Германии, США, Чехии и Швеции посредством применения к осужденным радикальных мер медицинского характера в виде антиандрогенной терапии и хирургического вмешательства. Обращено внимание на периодически возникающие общественные инициативы населения, сигнализирующего государству о недостаточно (по его мнению) эффективной деятельности правоохранительных органов по предупреждению совершения (особенно повторно) рассматриваемых преступлений и требующего применения к виновным лицам как радикальных мер медицинского характера, так и смертной казни.

Во второй части статьи авторы рассматривают вопросы целесообразности появления некоторых мер предупреждения преступлений, предусмотренных гл. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации, обоснуют невозможность применения радикальных мер медицинского характера в качестве государственно-властного воздействия на преступника в условиях неисчерпанности всего потенциала мер государственного реагирования.

Ключевые слова: меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних; публичный реестр лиц, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних; принудительные меры медицинского характера в виде антиандрогенной терапии и хирургического вмешательства; смертная казнь

Для цитирования: Колосович М. С., Алексеева А. П., Глебов В. Г. Современные меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (часть 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 92—102. doi: 10.25724/VAMVD.A121

**CURRENT MEASURES TO PREVENT CRIMES
AGAINST SEXUAL INVIOABILITY
AND SEXUAL FREEDOM OF MINORS
(PART 2)**

Marina Sergeevna Kolosovich*, **Anna Pavlovna Alexeeva****, **Vasily Gerasimovich Glebov*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 270619@mail.ru

** Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia, alexeeva.va-mvd@mail.ru

*** Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, vasilygleb@yandex.ru

Abstract. The article consists of two parts. The first part analyzes statistical data that provide evidence of a significant number of crimes (including recidivism) against the sexual inviolability and sexual freedom of minors registered in Russia. The legislative initiatives that have been submitted to the State Duma of the Russian Federation over the past decade, offering new measures to prevent crimes of this direction, including the tightening of criminal liability for perpetrators of crime, are subjected to research. Data are given on the effectiveness of measures to prevent the recurrence of crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors in Germany, the USA, the Czech Republic and Sweden through the application of radical medical measures to convicts, in the form of anti-androgens therapy and surgical intervention. Attention is drawn to the periodically arising public initiatives, signaling to the state about the insufficiently (in their opinion) effective activities of law enforcement agencies to prevent the commission (especially repeatedly) of the crimes under consideration and requiring the application of both radical medical measures and the death penalty to the perpetrators. In the second part of the article, the authors consider the advisability of the appearance of some measures to prevent crimes, provided for in Article 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, justify the impossibility of applying radical medical measures as a governmental influence on a criminal in the conditions of not exhausting the entire potential of state response measures.

Keywords: measures to prevent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors; public register of persons convicted of crimes against the sexual inviolability and sexual freedom of minors; compulsory medical measures, in the form of anti-androgens therapy and surgical intervention; death penalty

Для цитирования: Kolosovich M. S., Alexeeva A. P., Glebov V. G. Current measures to prevent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors (part 2). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 92—102, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A121

В первой части исследования нами было указано¹, что на фоне снижения в России уровня общей преступности отмечен стабильный рост преступности против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. В целях преодоления сложившейся ситуации наиболее активная и небезразличная часть граждан обратилась к Президенту России с петициями о необходимости применения к виновным следующих предупредительных мер:

— введения пожизненного административного надзора за вышедшими на свободу педофилами и обязательного ношения GPS-браслетов с функцией отслеживания геолокации;

— введения безальтернативного наказания в виде пожизненного лишения свободы за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)²;

— отмены возможности условно-досрочного освобождения педофила из мест лишения свободы;

— отмены моратория на смертную казнь для возможности ее применения в отношении педофилов;

— создания публичного реестра лиц, осужденных за сексуализированные насильственные преступления в отношении малолетних;

— применения к педофилам химической или хирургической кастрации.

В своих требованиях названные граждане оказались неодинокими. О необходимости нормативного закрепления, по сути, тех же мер (за исключением смертной казни и хирургической кастрации) еще в 2011 г. заявил председатель Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкин. Кроме того, им было предложено создание анонимных центров помощи лицам, нуждающимся в устранении сексуальной дисгармонии, в том числе с использованием химических препаратов.

О необходимости ведения анонимной работы психиатра с лицами, беспокоенными имеющимся у них расстройством сексуального предпочтения в виде педофилии, указывали также председатель добровольческого поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт» и директор АНО «Центр поиска пропавших людей» Г. Б. Сергеев³.

Ведущие российские криминологи не остались в стороне от возникшей дискуссии относительно ужесточения уголовной ответственности педофилов. По мнению Ю. М. Антоняна, применение пожизненного лишения свободы способно оградить детей от уже осужденного, т. е. выявленного, педофила, но не от других, еще не установленных лиц, страдающих названным психическим расстройством [1].

Приведенные статистические данные не способны в полной мере отразить действительное

¹ Колосович М. С., Алексеева А. П., Глебов В. Г. Современные меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1. С. 22—38.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Поисковый отряд ЛизаАлерт Питер: группа ВКонтакте. 2019. 11 окт. // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-41515336_64739 (дата обращения: 29.05.2023).

положение дел. Сексуализированные насильственные преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, обоснованно считаются особо латентными. Этому способствуют как минимум четыре обстоятельства.

Во-первых, в силу возраста пострадавший часто не имеет возможности или боится обратиться в правоохранительные органы за защитой либо не понимает неправомерного характера совершаемых в отношении него действий.

Во-вторых, некоторые родители, опасаясь огласки и повышенного внимания со стороны прессы и общества, стремятся скрыть факт совершения неправомерных действий в отношении своих детей. Нередки случаи, когда нежелательная публичность оборачивалась для ребенка репутационными потерями и / или причинением еще большей психотравмы.

В-третьих, родители недооценивают общественную опасность совершения некоторых сексуализированных действий в отношении их детей (например, в случаях демонстрации несовершеннолетнему или самим несовершеннолетним традиционно скрываемых частей тела или пересылки их изображений по каналам связи).

В-четвертых, нередко виновными лицами являются родители или знакомые потерпевшего. Из общего числа выявленных педофилов 73 % входили в круг общения несовершеннолетнего.

В этой ситуации считаем обоснованным предложение Ю. М. Антоняна о проведении научных исследований в целях определения природы подобного отклонения для лечебного и криминологического предупредительного вмешательства, а также о стимулировании активности граждан к сообщению о совершаемых или выявленных преступлениях, разработке системы контроля, ограничений и запретов доступа несовершеннолетних к ресурсам в сети Интернет, где активизировались педофилы, использующие современные технические возможности манипуляции сознанием и поведением подростков в Сети [1]. Напомним, что о неисследованности феномена «педофилия» заявили и общественные активисты А. О. Левченко¹ и Г. Б. Сергеев².

¹ «Разговоры на педофила не повлияют». Как борются с педофилами в РФ и почему эти меры не работают // Мел: сайт. URL: <https://mel.fm/zhizn/razbor/1463578-kak-dolzhen-izmenitsya-rossysky-zakon-chtoby-zhertv-pedofilov-stalo-menshe> (дата обращения: 27.01.2023).

² Корг А. «Детям мало говорят о безопасности и учат молчать»: [интервью с председателем поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт» Григорием Сергеевым] // Правмир. 2021. 12 сент. URL: <https://www.pravmir.ru/detyam-malo-govoryat-o-bezopasnosti-i-uchat-molchat-grigorij-sergeev-zhertvah-pedofilov/> (дата обращения: 04.02.2023).

Из сказанного очевидно редкое единодушие, солидарность общественных активистов и граждан, ученых-криминологов, руководства правоохранительных органов и представителей законодательной власти, предлагающих введение новых мер государственного воздействия.

Отметим, что большинство из предложенных мер уже получили свою реализацию в России. В феврале 2012 г.³ появилось нормативное закрепление:

— применения принудительных мер медицинского характера к осужденным за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания (п. «д» ч. 1 ст. 97 и ч. 2.1 ст. 102 УК РФ, ст. 16, 18, 175 и 180 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ)⁴);

— уголовной ответственности лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, уклоняющегося после отбытия наказания от применения к нему принудительных мер медицинского характера (ч. 3 ст. 314 УК РФ);

— обязанности производства экспертизы в целях установления психического состояния совершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления против половой неприкосновенности малолетнего, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) (п. 3.1 ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)⁵).

В мае 2014 г.⁶ обозначенные изменения получили новое развитие. При решении вопроса об

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: федер. закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 104-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

условно-досрочном освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием суд обязан учитывать применение к осужденному принудительных мер медицинского характера, а также его отношение к лечению и результаты судебно-психиатрической экспертизы (ч. 4.1 ст. 79, ч. 4 ст. 80 УК РФ). Напомним, что назначение указанной экспертизы безальтернативно и обязательно даже в условиях предварительно принятого решения о прекращении применения к осужденному педофилу принудительных мер медицинского характера и независимо от даты проведения последнего освидетельствования (ч. 2.1 ст. 102 УК РФ).

Ранее нами указывалось, что приведенные положения не декларативны и получили свою реализацию. За два года антиандрогенная терапия была применена к 77 осужденным, страдающим педофилией. В подавляющем большинстве случаев (76 %) названные меры применялись принудительно¹.

В январе 2022 г.² законодатель реализовал и другие заявленные инициативы:

1) разрешил применение пожизненного лишения свободы за совершение особо тяжкого преступления, посягающего на половую неприкосновенность несовершеннолетнего любого возраста (а не только лица, не достигшего четырнадцатилетия);

2) повысил уголовную ответственность за изнасилование двух и более несовершеннолетних;

3) повысил уголовную ответственность лица, имеющего судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего за понуждение к действиям сексуального характера, совершенное в отношении несовершеннолетнего;

4) признал отягчающим обстоятельством совершение рассматриваемых преступлений:

— лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего;

— лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним;

— работником образовательной или медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги или осуществляющей надзор

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2020 г. // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/April2022/2trXBG8IQIpdS75uKzUR.pdf> (дата обращения: 04.06.2023).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

за несовершеннолетним, иную трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства.

В декабре 2022 г.³ было реализовано требование о контроле за информационно-телекоммуникационными сетями и праве на блокировку сайтов, содержащих запрещенную информацию, в том числе пропагандирующих педофилию (подп. «и» п. 5 ст. 10.6 и подп. «л» п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ).

Разрабатываются меры дополнительного воздействия на лиц, уже отбывших наказание за совершение рассматриваемого вида преступлений. Так, МВД России инициировало законопроект, запрещающий лицам, имеющим непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, покидать установленные судом пределы территории, посещать места, связанные с посещением несовершеннолетними (места учебы, отдыха, оздоровления, спортивных и игровых площадок детей и др.)⁴.

К сожалению, столь долгожданная инициатива, на наш взгляд, имеет два глобальных недостатка. Во-первых, доказанная приговором суда общественная опасность педофила в ряде случаев фактически неустранима. По мнению врачей, разделяющих механизмы совершения рассматриваемых преступлений на ситуационно спровоцированные и инициативные, возможность рецидива составляет от 8,7 до 91,3 % [2, с. 18, 19].

С возрастом общественная опасность педофилов, возможно, и снижается, но не устраняется полностью, поскольку без андрогенной терапии противоправный интерес к детям во многих случаях сохраняется. В первой части исследования нами были приведены данные, свидетельствующие о том, что рассматриваемые преступления совершаются лицами разных возрастных групп, в том числе в возрасте 50 лет и старше. Более того, за последние пять лет отмечается стабильный рост выяв-

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 5 декабря 2022 г. № 478-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁴ О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: проект федер. закона // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=134849> (дата обращения: 14.06.2023).

ления виновных лиц указанной группы (рис. 1). Независимо от того, в каком возрасте педофил освобожден из мест лишения свободы и сколько

времени прошло с момента совершения им последнего преступления, его общественная опасность не только сохраняется, но и может усилиться.

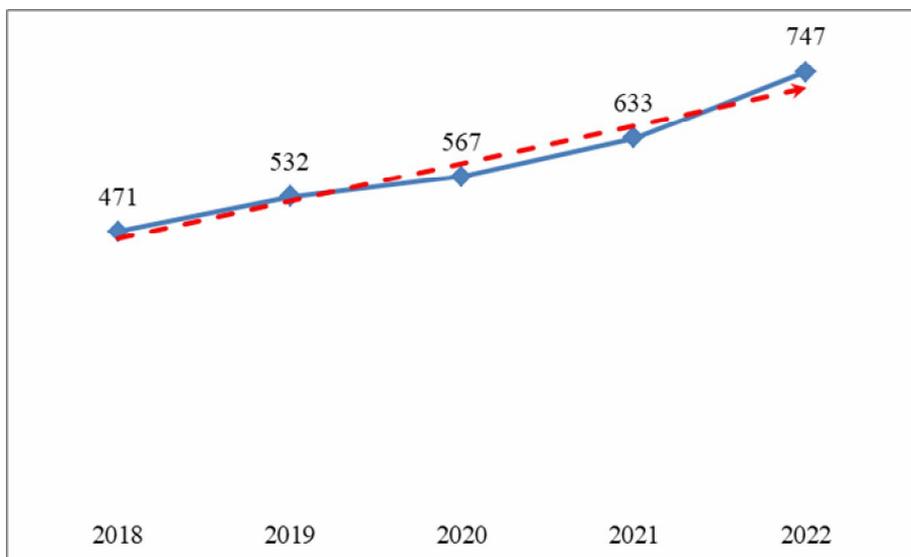

Рис. 1. Динамика выявления лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, в возрасте 50 лет и старше (2018—2022 гг.)

К сожалению, наши выводы подтверждаются данными статистики (рис. 2—5) и периодически (если не систематически) появляющимися в средствах массовой информации сообщениями о со-

вершении повторных преступлений рассматриваемой категории, как правило, с летальным исходом для детей.

Рис. 2. Динамика выявления лиц, на момент совершения преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего состоявших под административным надзором или находившихся под следствием с мерой пресечения, не связанной с арестом (2018—2022 гг.)

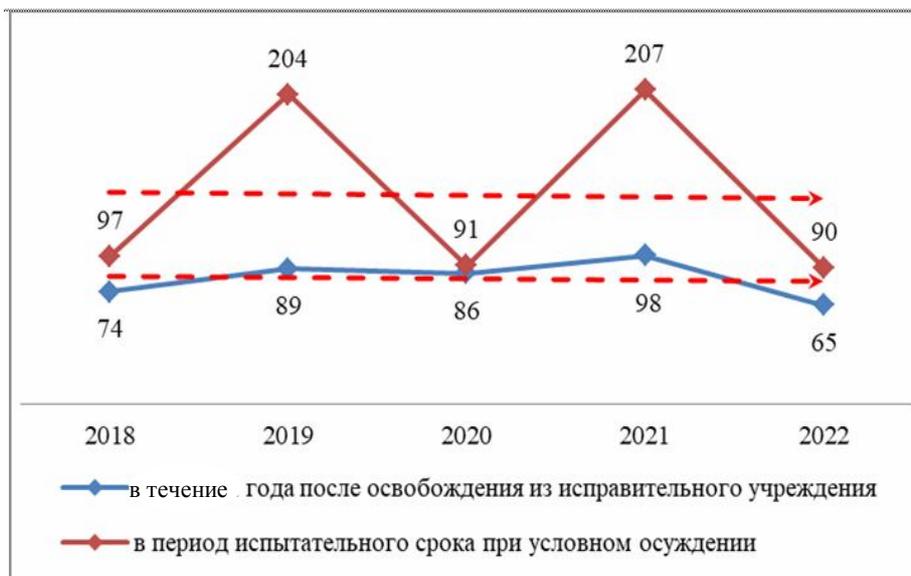

Рис. 3. Динамика выявления лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего в течение года после освобождения из исправительного учреждения или в период испытательного срока при условном осуждении (2018—2022 гг.)

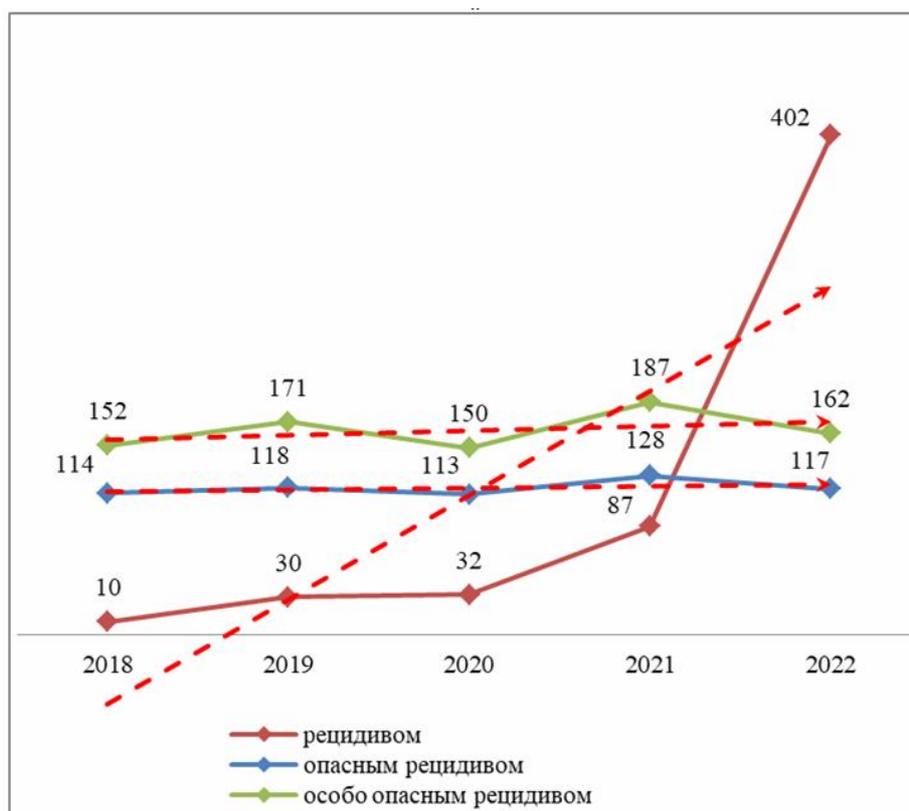

Рис. 4. Динамика выявления лиц, совершивших преступление, предусмотренное гл. 18 УК РФ, ранее совершивших преступления, признанные рецидивом, опасным рецидивом или особо опасным рецидивом (2018—2022 гг.)

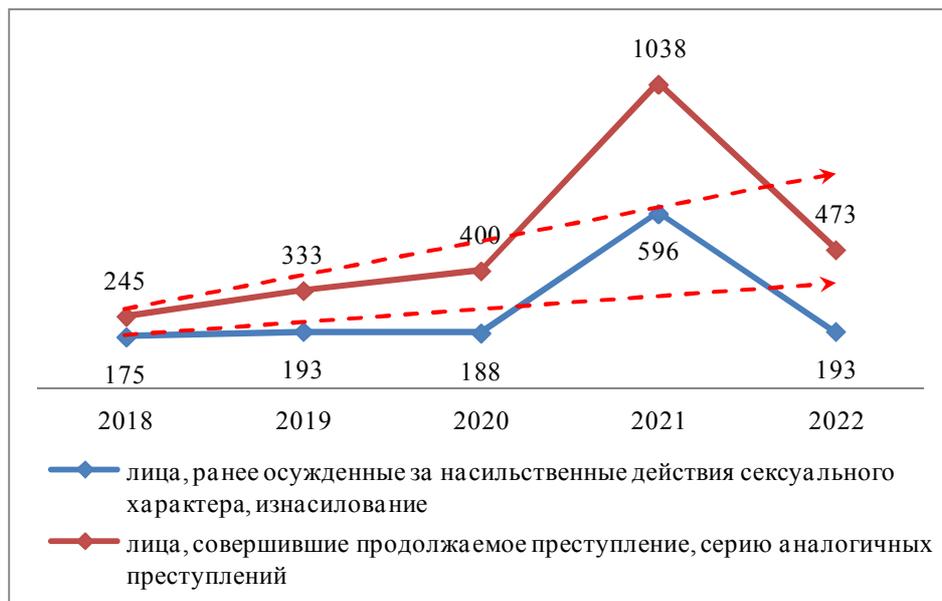

Рис. 5. Динамика выявления лиц, совершивших продолжаемое преступление, серию аналогичных преступлений, предусмотренных гл. 18 УК РФ, или ранее осужденных за насильственные действия сексуального характера, изнасилование (2018—2022 гг.)

В связи с этим считаем, что лица, страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией), представляют повышенную опасность для детей на протяжении всей своей жизни. И даже если риски совершения ими повторного преступления были бы равны 1 %, этого уже достаточно для того, чтобы правоохранительные органы уделили особое внимание личности, признанной общественно опасной.

Из сказанного очевидно, что как рассматриваемая, так и другие меры административного надзора за лицами, осужденными за педофилию, не могут быть ограничены временными рамками и должны применяться пожизненно. В данных обстоятельствах представляется целесообразным исключить из законопроекта упоминание о непогашенной либо неснятой судимости поднадзорного лица.

Во-вторых, мы не поддерживаем предусмотренное проектом исключение, ограничивающее распространение запретов в связи «с исполнением поднадзорным лицом обязанностей законного представителя несовершеннолетнего по его обучению и воспитанию». Безусловно, поднадзорное лицо хотя и совершило беспрецедентное по своей жестокости преступление, может быть законным представителем несовершеннолетнего, в связи с этим нуждающимся в систематическом посещении запрещаемых в законопроекте мест. Между тем разве возможно игнорирование данных статистики,

указывающих на положительную динамику выявления знакомых, членов семьи, родственников или родителей несовершеннолетнего, совершивших в отношении него преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (рис. 6)?

Учитывая, что лицо, страдающее расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не всегда способно справиться со своим противоправным интересом к детям, возникает вопрос о том, вправе ли мы игнорировать приведенные факты и рисковать здоровьем и даже жизнью детей, посещающих эти же места. Не вызывает сомнений, что в случае проведения опроса мнения родителей о возможности посещения детских садов, школ и иных мест пользования их детьми лицами, осужденными за педофилию, они были бы категорически против.

Высказывания некоторых правозащитников о равенстве прав и свобод или об искуплении вины педофилом в местах лишения свободы, на наш взгляд, не выдерживают никакой критики по вышеуказанным причинам. И дети (потенциальные жертвы), и их родители вправе рассчитывать на гарантированное Конституцией Российской Федерации равенство прав и свобод человека и гражданина, а также на право каждого на жизнь и на выполнение государством взятых на себя обязательств относительно обеспечения безопасности населения от преступных посягательств.

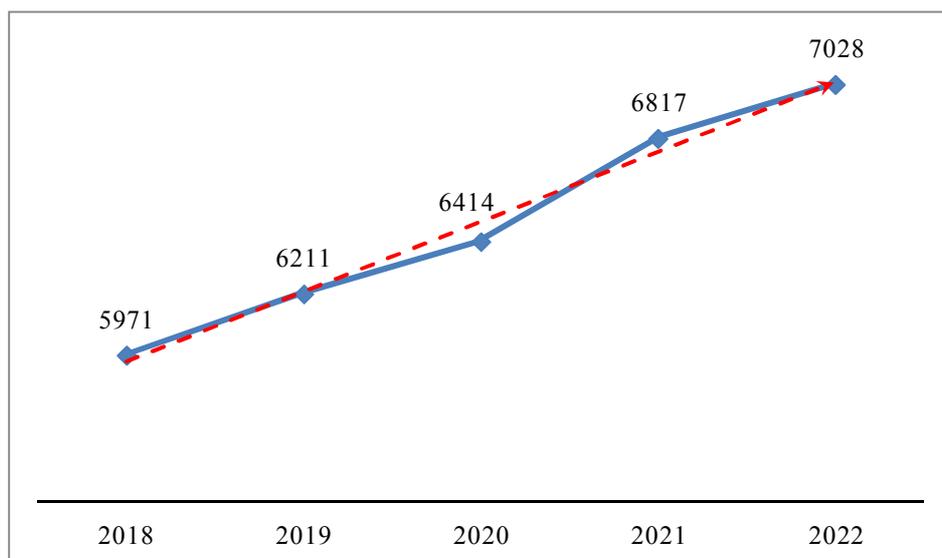

Рис. 6. Динамика выявления знакомых, членов семьи, родственников или родителей несовершеннолетнего, совершивших в отношении него преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (2018—2022 гг.)

Отметим, что для всех очевидна противоправность деяний, совершение которых влечет ответственность, предусмотренную гл. 18 УК РФ. Без сомнения, неправомочность своих действий очевидна и для самого преступника, что позволяет исключить их случайность. В связи с этим трудно не согласиться с Г. В. Ф. Гегелем, указавшим, что лицо, ясно представляющее неправомочность и наказуемость своего поступка, ясно прогнозирует последствия его совершения [3, с. 174]. Из сказанного следует, что лицо, страдающее расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, совершая преступление, осознавало его противоправный характер, понимало последствия его совершения в виде уголовной ответственности, прогнозировало негодование населения, однако намеренно игнорировало названные обстоятельства. В этих условиях государство вправе интересы поднадзорного лица «отодвинуть на второй план», акцентируя свое внимание на обеспечении безопасности детей от преступных посягательств.

Одним из способов разрешения сложившейся ситуации мы видим создание публичных реестров лиц, осужденных за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Отсутствие такой информации связано с риском для населения стать жертвами лиц с доказанной склонностью к совершению рассматриваемого преступления. Ранее нами уже указывалось [4], что, несмотря на то что указанная публичность создает другой риск — стигматизацию осужденного, она является

важным элементом индивидуальной и общественной безопасности, мерой профилактики совершения рассматриваемого вида преступлений. Владение информацией о нахождении поблизости потенциально опасного лица позволит осведомленным родителям самостоятельно предпринять законные меры, направленные на защиту своих детей от возможного преступления.

Остался неразрешенным и вопрос о возможности применения смертной казни. Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. Матвиенко высказалась против такого нововведения¹. Противоположное мнение высказал министр МВД России В. Колокольцев. Комментируя в СМИ смерть в Иркутской области Ульяны Алексеевой (11 лет) и в Набережных Челнах Василисы Галициной (8 лет), он поддержал возвращение смертной казни для лиц, совершивших бесчеловечные и зверские преступления в отношении детей².

Несколько позже за отмену моратория на смертную казнь высказался Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкин, добавив, что «зло должно быть наказуемо. Забрал

¹ Стенограмма заседания Совета Федерации РФ от 26 января 2022 г. № 516 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/132817/transcript/> (дата обращения: 10.05.2023).

² Частное лицо Колокольцев — за возврат смертной казни: эксклюзивное интервью министра внутренних дел // НТВ. 2013. 10 февр. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/459279/> (дата обращения: 14.06.2023).

чужую жизнь, тем более жизнь ребенка, — заплатишь своей», тем самым фактически поддержав реализацию в современных условиях принципа талиона («око за око, зуб за зуб»)¹.

Аналогичную позицию заняли и некоторые представители духовенства².

Напомним, что Организация Объединенных Наций (ООН) отмену смертной казни во всех странах мира обозначила в качестве своей цели. По заявлению Верховного комиссара ООН по правам человека Н. Пиллэй, уже 150 стран упразднили смертную казнь, а другие государства значительно сократили количество казней или количество преступлений, совершение которых в итоге могут привести к ее применению. В качестве аргументов своей правоты Верховный комиссар указала на следующие нарушения, допускаемые при применении рассматриваемой меры наказания:

— нарушение правозащитных норм и стандартов в ходе уголовного судопроизводства;

— применение смертной казни за преступления, не отвечающие критерию «наиболее тяжких преступлений» (т. е. не за убийства);

— применение смертной казни к лицам, впоследствии оказавшимся невиновными;

— преувеличение значимости превентивного воздействия на преступников возможности применения казни;

— дискриминационный характер смертной казни, чаще всего применяемой к «нищим и лишенным власти, а также к лицам, отнесенным к меньшинствам»³.

16 апреля 1997 г. Российская Федерация подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴, приняв обязательства по неприменению высшей меры уголовного наказания. Несмотря на действующий мораторий, председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин не исключил возможности возвращения к рассматриваемой мере наказания в будущем в случае совершения умышленного убийства [5, с. 68, 80, 81].

¹ Бастрыкин высказался за отмену моратория на смертную казнь // Интерфакс. 2015. 9 дек. URL: <https://www.interfax.ru/russia/484004> (дата обращения: 14.06.2023).

² Верховный муфтий РФ поддержал введение смертной казни для террористов // Интерфакс. 2015. 20 нояб. URL: <https://www.interfax.ru/russia/480540> (дата обращения: 14.06.2023).

³ Заявление Верховного комиссара ООН по правам человека Нави Пиллэй на церемонии закрытия 5-го Всемирного конгресса против смертной казни в Мадриде (Испания). 2013. 15 июня. URL: <https://www.ohchr.org/ru/statements/2013/06/statement-un-high-commissioner-human-rights-navi-pillay-closing-ceremony-5th> (дата обращения: 16.01.2023).

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представляется, что вступление 11 марта 2023 г. в силу закона о прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы⁵ (к которым отнесена и Конвенция о защите прав человека и основных свобод) стало первым шагом к сказанному, обусловив обращение к Официальному представителю Президента Российской Федерации в Государственной Думе Российской Федерации Г. В. Минху с вопросом об актуальности дальнейшей работы по законопроекту об отмене смертной казни⁶.

Поскольку в сознании россиян преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего рассматривается в качестве равнозначного умышленному убийству или как более тяжкое преступление, в ближайшее время споры относительно отмены моратория возобновятся с новой силой.

В первой части исследования нами уже указывалось, что, учитывая характер совершенного преступления, а также сохранение высокого уровня опасности осужденного для окружающих, государство не вправе подвергать риску здоровье и жизнь детей, освобождая из мест лишения свободы потенциальных агрессоров, не контролирующих свои преступные желания. Применяя к осужденным педофилам суровые меры превентивного воздействия, государство, по сути, действует в состоянии крайней необходимости, обеспечивая безопасность его потенциальных жертв. При названных обстоятельствах интересы педофила обоснованно «отходят на второй план».

Данная позиция в целом коррелирует с мнением ООН, которая, несмотря на крайне отрицательное отношение к высшей мере уголовного наказания, указала, что лишение жизни в правоохранительных целях является крайней мерой, допускаемой только в том случае, если это абсолютно необходимо для защиты жизни от неминуемой, разумно предсказуемой угрозы (ст. 12, 21 Замечания общего характера № 36 Комитета ООН по правам человека CCPR/C/GC/36 от 3 сентября 2019 г.⁷).

⁵ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: федер. закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О ратификации Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Относительно отмены смертной казни от 28 апреля 1983 года): законопроект от 6 августа 1999 г. № 99077740-2 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99077740-2> (дата обращения: 12.05.2023).

⁷ Замечание общего характера № 36 Комитета ООН по правам человека к статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. CCPR/C/GC/36 от 3 сентября 2019 г. URL: <http://docstore.ohchr.org> (дата обращения: 12.02.2023).

В связи со сказанным мы допускаем возможность физического устранения педофила (в соответствии с вступившим в законную силу приговором), однако только в целях сохранения жизни и здоровья детей — потенциальных жертв преступления *и лишь в условиях доказанности неэффективности уже примененных мер предупредительного воздействия или невозможности их*

применения. Данное право у государства образуется на основании обязательств (закрепленных, например, в ст. 20, ч. 1 ст. 38, ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) по защите детей от разумно предсказуемых угроз совершения в отношении них наиболее отвратительных и осуждаемых населением преступлений.

1. Антонян Ю. М. Педофилия и ее причины // Научный портал МВД России. 2022. № 3 (59). С. 48—56.

2. Басинская И. А. Комплексное принудительное лечение и оценка общественной опасности психически больных, совершивших сексуальные правонарушения: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Москва: Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В. П. Сербского МЗ РФ, 2012. 23 с.

3. Гегель Г. В. Ф. Философия права / авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. Москва: Мысль, 1990. 524 с.

4. Колосович М. С. Современные аспекты гласности стадии исполнения приговора // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 83—90.

5. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. Санкт-Петербург: Конституционный Суд Российской Федерации, 2021. 154 с.

1. Antonyan Yu. M. Pedophilia and its causes. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 48—56, 2022. (In Russ.).

2. Basinskaya I. A. Comprehensive compulsory treatment and social danger assessment of sexual offenders with mental illness. Abstract of the dissertation of the candidate of medical sciences. Moscow: The Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry of the Ministry of Health of the Russian Federation; 2012: 23 (In Russ.).

3. Hegel G. W. F. Philosophy of law. Author of introductory article and notes V. S. Nersesyants. Moscow: Mysl; 1990: 524. (In Russ.).

4. Kolosovich M. S. Modern aspects of publicity at the stage of execution of a sentence. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 83—90, 2017. (In Russ.).

5. Zorkin V. D. Constitutional justice: procedure and meaning. Saint Petersburg: Constitutional Court of the Russian Federation; 2021: 154. (In Russ.).

Колосович Марина Сергеевна,

профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент; 270619@mail.ru

Алексеева Анна Павловна,

профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент; alexeeva.va-mvd@mail.ru

Kolosovich Marina Sergeevna,

professor at the department of criminal law of educational and scientific complex for preliminary investigation in law-enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent; 270619@mail.ru

Alexeeva Anna Pavlovna,

professor at the department of criminal law, criminology and penitentiary law of the Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, docent; alexeeva.va-mvd@mail.ru

Глебов Василий Герасимович,
заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, профессор;
vasilygleb@yandex.ru

Glebov Vasily Gerasimovich,
head of the department of criminal law,
criminal procedure and criminalistics
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of the Russian Academy
of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation,
candidate of juridical sciences, professor;
vasilygleb@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A122

**ПОРУЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОРГАНУ ДОЗНАНИЯ
О ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В КОНТЕКСТЕ НЕДОПУСТИМОСТИ ПОДМЕНЫ ИМИ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ирина Васильевна Ларичева

Следственная часть Следственного управления УВД по г. Сочи ГУ МВД России по Краснодарскому краю, Сочи, Россия, baup23@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности поручений следователя о проведении оперативно-разыскным органом оперативно-разыскных мероприятий, обращается внимание на отсутствие у оперативных работников, исполняющих такие поручения, полномочий на производство следственных действий в исключительных случаях. Особо отмечается, что определенное сходство уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности не означает, что закон допускает проведение следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий на условиях их взаимозаменяемости. Высказывается мнение, что проведение следственных действий для получения сведений, изъятия материальных объектов, могущих иметь доказательственное значение по уголовному делу, нецелесообразно, когда с высокой степенью вероятности можно полагать, что они не дадут искомого результата. В подобных случаях рекомендуется обсуждать вопрос о возможности направления следователем в оперативно-разыскной орган поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий. В целях сдерживания практики подмены следственных действий оперативно-разыскными мероприятиями предлагается предусмотреть возможность дачи следователем единого или комплексного поручения оперативно-разыскным органам о проведении оперативно-разыскных мероприятий и неотложных следственных действий. В статье на примере конкретных норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации показывается несогласованность уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства, в котором как самостоятельные или равнозначные используются такие понятия, как «орган дознания», «орган дознания, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность», «орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность».

Ключевые слова: следователь, дознаватель, орган дознания, поручение, оперативно-разыскные мероприятия, следственные действия, доказательства

Для цитирования: Ларичева И. В. Поручение следователя органу дознания о проведении оперативно-разыскных мероприятий в контексте недопустимости подмены ими процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 103—110. doi: 10.25724/VAMVD.A122

**INVESTIGATOR'S INSTRUCTION TO THE BODY OF INQUIRY
TO CONDUCT OPERATIVE-INVESTIGATIVE MEASURES
IN THE CONTEXT OF INADMISSIBILITY OF SUBSTITUTION
OF PROCEDURAL ACTIONS
PROVIDED BY THE CRIMINAL PROCEDURAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Irina Vasilievna Laricheva

Investigative Unit of the Criminal Investigation Department of the Directorate of Internal Affairs in Sochi of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Krasnodar territory, Sochi, Russia, baup23@rambler.ru

Annotation. The features of the investigator's instructions on the conduct of the operational-investigative body of the operational search measures are considered, attention is drawn to the lack of operational workers executing such orders, the authority to conduct investigative actions in exceptional cases. It is particularly noted that a certain

similarity of criminal procedural and operational investigative activities does not mean that the law allows conducting investigative actions and operational search measures on the terms of their interchangeability. The opinion is expressed that conducting investigative actions to obtain information, seizure of material objects that may have evidentiary value in a criminal case, is impractical when it can be assumed with a high degree of probability that they will not give the desired result. In such cases, it is recommended to discuss the possibility of sending the investigator to the operational search authority of an order to conduct operational search measures. In order to curb the practice of substituting investigative actions of the operational search measures, it is proposed to provide for the possibility of the investigator giving a single or complex instruction to the operational search authorities to conduct the operational search measures and urgent investigative actions. Using the example of specific norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the article shows the inconsistency of criminal procedural and operational-search legislation, in which such concepts as "body of inquiry", "body of inquiry carrying out operational-search activities", "body carrying out operational-search activities" are used as independent or equivalent.

Keywords: investigator, inquirer, body of inquiry, assignment, operational search measures, investigative actions, evidence

For citation: Laricheva I. V. Investigator's instruction to the body of inquiry to conduct operative-investigative measures in the context of inadmissibility of substitution of procedural actions provided by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 103—110, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A122

Взаимодействуя с органами предварительного следствия, оперативные службы инициативно или по поручению следователя проводят по уголовному делу оперативно-разыскные мероприятия (ОРМ), что позволяет существенно повысить эффективность расследования преступлений. В связи с этим институт поручений следователя органу дознания является крайне востребованным в правоприменении. Что касается теории уголовного процесса, то дискуссии по принципиальным вопросам, возникающим при исполнении различных видов поручений, находятся в активной фазе. Во многом это объясняется следующим.

Во-первых, исполняя поручение следователя, данное им в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), работники органа дознания оказывают разностороннюю реальную помощь следствию. Следователь, в зависимости от складывающейся ситуации по делу, вправе поручить органу дознания проведение не только ОРМ, но и отдельных следственных, процессуальных, розыскных действий.

Во-вторых, поручение следователя ставит орган дознания в положение надлежащего субъекта сбора доказательств по уголовному делу, не находящемуся в производстве у органа дознания. Поручение следователя с позиций допустимости доказательств, полученных органом дознания, имеет процессуальное значение [1, с. 5—7; 2, с. 86].

В-третьих, институт поручений рассматривается специалистами как центральное звено, связующее процессуальные формы взаимодействия следователя и органа дознания.

В рамках проблематики поручения следователя особое внимание привлекают доктринальные

и правовые позиции, относящиеся к поручениям о проведении ОРМ. Наиболее рельефно здесь проявляется проблема подмены процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, проведением ОРМ. Рассмотрение ее представляется целесообразным предварить уточнением понятия указанных в законе адресатов поручений следователя.

В законе используются как самостоятельные понятия «орган дознания», «орган дознания, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность», «орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность». В этой части уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство недостаточно согласованы. В литературе встречается и выражение «оперативно-розыскной орган» [3, с. 103].

Орган дознания не является субъектом оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и не вправе проводить ОРМ. Орган дознания — субъект уголовно-процессуальной деятельности. В МВД России к органам дознания относятся органы внутренних дел и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения) полиции (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Вытекающее из содержания УПК РФ (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 144) понимание органа дознания не только в процессуальном, но и в ином смысле — как органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять ОРД, указывает на допущенные законодателем неточности. Термин «орган дознания» ассоциируется с определенным статусом, совокупностью полномочий, реализуемых строго в уголовно-процессуальной форме [4, с. 106—107]. В дальнейшем термин «оперативно-розыскные мероприятия» употребляется нами не вкуче с «органом дознания», а наряду с термином «оперативно-розыскной орган».

Возвращаясь к теме статьи, отметим, что при оперативном сопровождении расследования уголовного дела случаи подмены следственных действий ОРМ не единичны. Скорее наоборот, они настолько распространены, что со временем проявился их «накопительный эффект», спровоцировавший поток конституционных жалоб, поводом для которых стало ограничение прав и свобод граждан при проведении оперативными работниками по поручению следователя ОРМ взамен следственных действий [5, с. 4].

Объективности ради укажем на некоторые сложившиеся предпосылки для подмены процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, оперативно-разыскными мероприятиями. Предварительное расследование и ОРД имеют ряд общих признаков. Во многом совпадают решаемые ими задачи, подчиненные раскрытию преступлений [6, с. 6—52; 7, с. 26—33]. «Задача оперативно-разыскной деятельности по выявлению преступления и лица, его совершившего, — пишет Н. А. Аменицкая, — соотносится с одной из задач уголовно-процессуальной деятельности, что позволяет говорить о системной взаимосвязи оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса и объективной необходимости взаимодействия субъекта расследования, действующего в строгой процессуальной форме, и субъекта, осуществляющего деятельность по выявлению преступления средствами оперативно-разыскной деятельности» [8, с. 10].

Отдельные ОРМ по форме и содержанию схожи со следственными действиями (опрос и допрос; обследование помещений, зданий и осмотр; прослушивание телефонных переговоров и контроль, запись переговоров). Сведения, полученные в результате ОРМ, допускаются в качестве оснований для производства следственных действий. Поэтому сходство расследования по уголовному делу и ОРД, заданное непосредственно профильными законами (УПК РФ и Закон об ОРД), выступает одним из объективных факторов, сближающих указанные виды деятельности специальных государственных органов и обуславливающих необходимость их взаимодействия, включая делегирование следователем части своих полномочий органу дознания [9, с. 16—20].

Близость уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности подчеркивается и Конституционным Судом Российской Федерации, отмечающим, что поскольку проведение ОРМ закон увязывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного преследования, то общность

публично-правовых отношений по поводу проверки информации о подготавливаемом или совершенном преступлении, которые подпадают под действие как УПК РФ, так и Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (Закон об ОРД), предполагает и общность процедур судебного контроля за действиями органов, осуществляющих такую проверку¹.

Однако определенное сходство уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности не означает, что закон допускает проведение следственных действий и ОРМ на условиях их взаимозаменяемости. Следственные действия для получения сведений, изъятия материальных объектов, могущих иметь доказательственное значение по уголовному делу, бессмысленны, когда с высокой степенью вероятности можно полагать, что они не дадут искомого результата. В этом случае следователь вправе реализовать свое полномочие поручить оперативно-разыскному органу провести ОРМ, указав направления и цели деятельности оперативных работников.

Исполняя поручение следователя о проведении ОРМ, оперативные работники действуют самостоятельно, прибегая не только к гласным, но и негласным, а нередко — исключительно к негласным действиям. Следователь не может в поручении переступить «красную черту» и касаться конкретных ОРМ, необходимых, по мнению автора поручения, для его выполнения. Если он нарушил это условие, то оперативно-разыскной орган обязан реагировать «направлением следователю письма с указанием того, что определение подлежащих проведению ОРМ входит в компетенцию исключительно оперативно-разыскного органа» [3, с. 104].

В процессуальной литературе также обсуждается вариант дачи следователем органу дознания комплексного поручения: о проведении ОРМ для установления места нахождения похищенного имущества, орудий преступления и осмотра обнаруженных предметов, документов, их изъятии в ходе осмотра. Прогнозируя возникновение таких ситуаций при исполнении поручения о проведении ОРМ, А. В. Ендольцева видит следующий алгоритм их разрешения: а) обнаруженные предметы и документы оперативные работники могут изъять на основании ст. 15 Закона об ОРД и предоставить их в дальнейшем следователю как результаты ОРД; б) следователь может в поручении дать *указание* о проведении осмотра обнаруженных предметов и документов и их изъятии в ходе данного следственного действия [10, с. 93].

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2011 г. № 12-П. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 01.05.2023).

Соглашаясь с автором в том, что в рамках выполнения поручения следователя о проведении ОРМ проблема процессуализации обнаруживаемых оперативными работниками предметов и документов становится системной, требующей соответствующего решения, в целом поддержать данную точку зрения мы не можем. При таком подходе поручение о проведении ОРМ как автономный вид поручений следователя, если в качестве критерия их дифференциации рассматривать содержание и объем поручения, смешивается с другими видами поручений, утрачивает свою индивидуальность. Оперирование терминами «поручение» и «указание» (от последнего законодатель отказался при принятии УПК РФ) усложняет механизм реализации поручения о проведении ОРМ. Становится непонятным, почему при осуществлении ОРМ, действуя строго в пределах поручения следователя, оперативные работники также производят следственные действия.

В. В. Николюк полагает, что для обеспечения законности и обоснованности принимаемых органом дознания процессуальных решений о производстве неотложных следственных действий по результатам проведения ОРМ целесообразно направлять в оперативно-разыскной орган единое поручение о проведении ОРМ и следственных действий, что вытекает из содержания п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ [11, с. 28]. Представляется, что приведенная позиция более интересна и реально учитывает возникающие на практике ситуации, хотя и нуждается в дополнительном обсуждении в связи с отстаиваемой отдельными правоведами точкой зрения об отсутствии у органа дознания полномочий на самостоятельное принятие процессуальных решений о производстве следственных действий, кроме указанных в поручении следователя [1, с. 6; 2, с. 87; 12, с. 106].

По мнению П. В. Седельникова, изъятие предметов и документов в рамках ОРД, когда такое изъятие проводится по поручению следователя, возможно при соблюдении ряда условий (изъятие должно осуществляться в рамках проведения гласного оперативного мероприятия; об изъятии предметов и документов составляется протокол в соответствии с требованиями УПК РФ; изъятие предметов и документов не предполагает применения принуждения со стороны оперативных работников; в ходе изъятия предметов и документов необходимо принять меры к максимальному обеспечению прав лица с ориентированием на аналогичные уголовно-процессуальные гарантии; непринятие мер к немедленному изъятию предметов и документов может привести к их утрате, сокрытию или уничтожению; в отношении предметов и документов

отсутствует привилегированный (по судебному решению) способ их изъятия) [13, с. 26]. Если выполнять указанные условия, то риск утраты предметов и документов, могущих иметь доказательственное значение по делу, очень высок.

Например, достаточно лицу, у которого предположительно находятся предметы и документы, подлежащие изъятию, отказаться выдать их добровольно, оперативный работник не может произвести их выемку принудительно. Нетрудно заметить, что большинство оговоренных П. В. Седельниковым условий изъятия предметов, документов, материалов касаются принятия оперативными работниками мер к максимальному обеспечению прав лица, предоставляемых УПК РФ. Правовая природа подобных изъятий не может быть признана в чистом виде уголовно-процессуальной или оперативно-разыскной. Фактически в данном случае следственные действия «обыск» и «выемка» подменяются процедурой изъятия предметов, документов и материалов, представляющей собой «скрытую» выемку.

При исполнении поручения следователя о проведении ОРМ возникают проблемы, связанные с задержанием с поличным в процессе ОРД лиц, проверяемых на причастность к совершению преступления. Задержание как мера принуждения, обеспечения подготовки и проведения ОРМ или достижения каких-либо целей ОРД Законом об ОРД не предусмотрено. Как высказался Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 28 января 2016 г. № 73-О, оно может иметь место в порядке и по основаниям, установленным Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 27.3 и 27.4) или Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 91 и 92). Поскольку законодатель в сфере ОРД не допускает задержания и досмотра, такие действия допустимы лишь в процессе административной или уголовно-процессуальной деятельности, которые имеют свои цели и задачи, отличные от ОРД, оперативные работники при выполнении поручения следователя о проведении ОРМ не вправе задерживать и досматривать лиц, в отношении которых проверяется оперативная информация о причастности их к совершению преступлений, с составлением протокола личного досмотра и изъятия со ссылкой на перечисленные выше статьи административного законодательства. В то же время часто оперативные работники уже располагают достоверными фактами причастности заподозренного к преступлению, что обязывает их в соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ возбудить уголовное дело и задержать подозреваемого в уголовно-процессуальном порядке [14, с. 67—69].

Следует согласиться с В. А. Гусевым, отмечаящим, что отсутствие в оперативно-разыскном законодательстве упоминания о таком оперативно-разыскном действии, как задержание, не устраняет проблемных ситуаций, когда имеется необходимость решения задач предупреждения, пресечения и раскрытия преступления, а оснований для применения административно-правового и уголовно-процессуального задержания нет. Это является одной из причин подмены одного вида задержания другим, сопровождаемого еще и доставлением [15, с. 17].

Проблема подмены следственных действий ОРМ, в частности обыска, выемки, получения образцов для сравнительного исследования, неоднократно становилась и предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, констатируя по результатам анализа конституционных жалоб широкий спектр нарушений конституционных прав владельцев обследуемых помещений (п. 8 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД), А. Е. Четин, И. Д. Шатохин, А. А. Шмидт обращают внимание на необоснованное изъятие имущества физических и юридических лиц в процессе проведения гласных обследований и его удержания без принятия процессуального решения о признании вещественным доказательством. «Одним из наиболее распространенных поводов для жалоб на проводимые обследования, — отмечают названные авторы, — является подмена процессуальных способов собирания доказательств проведением ОРМ до возбуждения дела, когда под видом гласного обследования проводится фактический обыск с целью получения доказательств вины проверяемого лица» [5, с. 111].

В контексте анализа вопросов, возникающих при исполнении поручений следователя о проведении органом дознания ОРМ, принципиальное значение приобрела правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой, во-первых, осуществление ОРМ в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу не может подменять процессуальные действия, проводимые в рамках специально установленной уголовно-процессуальным законом процедуры, а во-вторых, результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем.

В теории ОРД также аргументируется точка зрения о необходимости дополнения ст. 15 Закона об ОРД нормами, дающими право органам, осуществляющим ОРД, применять при реализации

ОРМ различные меры принуждения (вхождение в жилые и иные помещения, на участки местности, проникновение в транспортные средства, прерывание услуг связи, оперативная блокировка банковских счетов (вкладов) и электронных средств платежа, ограничение на сделки с имуществом), в том числе оперативное задержание, оперативный досмотр с изъятием документов, предметов, материалов и сообщений [16, с. 53]. Если принять во внимание «общую сумму» принудительных мер, которыми предлагается модифицировать порядок проведения ОРМ, то создается устойчивое впечатление, что оперативно-разыскное принуждение в перспективе вытеснит уголовно-процессуальное и заменит его. При такой траектории развития законодательства произойдет не только подмена отдельных следственных действий оперативно-разыскными мероприятиями. Обесценится в целом уголовно-процессуальная деятельность, в рамках которой формируются доказательства по уголовному делу, тогда как результаты оперативно-разыскной деятельности, хотя и используются в доказывании, сами по себе доказательствами не являются. Подобный сценарий развития законодательства, действующего в области уголовного судопроизводства и ОРД, маловероятен.

В теории ОРД обосновывается перспективная, как представляется, точка зрения о целесообразности детальной регламентации в оперативно-разыском законодательстве процедур применения мер принуждения, чтобы исключить необоснованное и унижающее человеческое достоинство ограничение конституционных прав и свобод [17, с. 54—59; 18].

Изложенное позволяет сформулировать несколько выводов, отражающих проблемные аспекты исполнения поручений следователя оперативно-разыским органам о проведении ОРМ, когда они противопоставляются следственным действиям.

1. Институт поручений, обеспечивающий участие оперативных работников в реализации следователем возложенных на него законом процессуальных функций расследования преступлений, обвинения и разрешения уголовного дела, является потенциально эффективным инструментом в конфигурации современного уголовного досудебного производства. Оперативные службы, выполняя порученные им следователем ОРМ, косвенно, опосредованно формируют доказательственную базу по уголовным делам. Результаты ОРМ предreshают появление полноценных доказательств в большинстве уголовных дел. Обвинительные доказательства, фигурирующие в приговорах по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, имеют, по общему правилу, оперативно-разыскное происхождение. За последние годы число судебных

разрешений на проведение ОРМ, способствующих получению сведений, трансформируемых в рамках уголовного процесса в доказательства, выросло более чем в три раза, ежегодно достигая отметки 800—900 тыс.

2. Сходство уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности при значительно больших возможностях оперативных служб в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, детерминируют противопоставление ОРМ следственным действиям. При таком подходе результаты ОРМ ошибочно считаются доказательствами до закрепления их надлежащим процессуальным путем. Подобная практика распространена повсеместно, носит устойчивый характер, ограничивает конституционные права граждан, порождает многочисленные конфликты и создает повод для жалоб в различные контрольно-надзорные учреждения, в том числе в Конституционный Суд Российской Федерации.

3. Подмена следственных действий ОРМ происходит, как правило, при исполнении соответствующего поручения следователя оперативно-разыскным органам. Во многом она обусловлена отсутствием у оперативных работников полномочий самим принимать процессуальные решения о производстве следственных действий, неотложность которых диктуется результатами осуществления ОРМ.

4. Острота проблемы подмены следственных действий ОРМ может быть снята приданием поручению следователя нового качественного содержания, трансформации его в единое или комплексное поручение оперативно-разыскному органу о проведении ОРМ и неотложных следственных действий, что не противоречит положениям п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и закрепит сложившуюся в этой части региональную практику.

5. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по затронутым в статье вопросам ориентируют на недопустимость подмены процессуальных способов собирания доказательств проведением ОРМ, их противопоставления. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации исходит из единой правовой природы публично-правовых отношений по поводу проверки информации о подготавливаемом или совершенном преступлении, регулируемых взаимосвязанными нормами УПК РФ и Закона об ОРД. Делегирование оперативно-разыскным органам полномочий на производство неотложных следственных действий в рамках исполнения поручения следователя о проведении ОРМ полностью укладывается в логику функциональных связей уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности в досудебном уголовном производстве.

1. Есина А. С. Каким должно быть содержание отдельного поручения следователя? // Российский следователь. 2002. № 2. С. 5—8.

2. Жидкова Е. Л. Производство по уголовному делу // Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд. Москва: Статут, 2021. С. 72—101.

3. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы поручения следователем следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 4 (40). Ноябрь — декабрь, 2020. С. 96—105.

4. Россинский С. Б. Орган дознания как объект уголовно-процессуального регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 101—109.

5. Чечетин А. Е., Шатохин И. Д., Шмидт А. А. Оперативно-разыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: науч.-практ. пособие. Барнаул: Барнаульск. юрид. ин-т МВД России, 2022. 136 с.

6. Судницын А. Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 176 с.

1. Esina A. S. What should be the content of a separate order of the investigator? Russian investigator, 5—8, 2002. (In Russ.).

2. Zhidkova E. L. Proceedings in a criminal case. In: Course of the criminal process. Ed. L. V. Golovko. 3rd ed. Moscow: Statut; 2021: 72—101. (In Russ.).

3. Stelmakh V. Yu. Some problems of assignment by the investigator of investigative actions and operational-search measures. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 96—105, 2020. (In Russ.).

4. Rossinsky S. B. Body of inquiry as an object of criminal procedure regulation. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 101—109, 2022. (In Russ.).

5. Chechetin A. E., Shatokhin I. D., Schmidt A. A. Operational-search activity in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Scientific and practical guide. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs; 2022: 136. (In Russ.).

6. Sudnitsyn A. B. Tasks of preliminary investigation: legal nature, system, problems of implementation and ways of improvement. Monograph. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2019. 176. (In Russ.).

7. Николюк В. В. Раскрытие преступления как уголовно-процессуальная категория // Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики: избр. ст. В 2 ч. Ч. 1. Москва: Юрлитинформ, 2021. С. 26—33.

8. Аменицкая Н. А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 32 с.

9. Судницын А. Б. Негласное получение биологических образцов для сравнительного исследования при производстве по уголовному делу: альтернатива процессуальному действию или подмена оперативно-розыскным мероприятием // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 16—20.

10. Ендольцева А. В. Поручения следователя органу дознания: проблемные вопросы в теории и практике // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 91—96.

11. Николюк В. В. Орган дознания как исполнитель поручения следователя: пределы компетенции в контексте парадигмы запрета делегирования ему полномочий по принятию процессуальных решений // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Международ. науч.-практ. конф. (Орел, 6—7 окт. 2022 г.): к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г.; 20-летию принятия УПК РФ. В 2 ч. Ч. 2. Орел: ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2022. С. 28.

12. Паутова Т. А., Верхотурова С. В. Вопросы правовой регламентации поручений следователя, дознавателя в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2018. № 2 (44). С. 101—107.

13. Седельников П. В. Поручение следователя органу дознания // Законодательство и практика. 2017. № 1. С. 24—28.

14. Чечетин А. Е., Шатохин И. Д. Допустимы ли административные задержание и досмотр в оперативно-розыскной деятельности // Алтайский юридический Вестник. 2020. № 4 (32). С. 65—71.

15. Гусев В. А. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории и практики. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2011. 84 с.

16. Дорош Е. Ю. Принуждение при проведении оперативно-розыскных мероприятий и проблема соблюдения конституционных прав граждан // Конституционализация оперативно-розыскной

7. Nikolyuk V. V. Disclosure of a crime as a category of criminal procedure. In: Criminal process: problems of theory, legislation and practice. Selected articles. In 2 parts. Part 1. Moscow: Yurlitinform; 2021: 26—33. (In Russ.).

8. Amenitskaya N. A. Interaction between the investigator and the bodies carrying out operational-search activities in the detection and investigation of crimes (in the Department of Internal Affairs). Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2006: 32. (In Russ.).

9. Sudnitsyn A. B. Secret obtaining of biological samples for comparative research during criminal proceedings: an alternative to procedural action or substitution by an operational-search measure. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 16—20, 2019. (In Russ.).

10. Endoltseva A. V. Orders of the investigator to the body of inquiry: problematic issues in theory and practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 91—96, 2020. (In Russ.).

11. Nikolyuk V. V. The body of inquiry as an executor of the investigator's instructions: the limits of competence in the context of the paradigm of the prohibition of delegating to it the powers to make procedural decisions. In: Modern Criminal Procedure Law — lessons of history and problems of further reforming. Collection of materials of International scientific and practical conference. Orel, 6—7 October 2022). To the 100th anniversary of the adoption of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1922; 20th anniversary of the adoption of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In 2 parts. Part 2. Orel: Orel Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova; 2022: 28. (In Russ.).

12. Pautova T. A., Verkhoturova S. V. Issues of legal regulation of the instructions of the investigator, interrogating officer in criminal proceedings. Legal science and law enforcement practice, 101—107, 2018. (In Russ.).

13. Sedelnikov P. V. Instruction of the investigator to the body of inquiry. Legislation and practice, 24—28, 2017. (In Russ.).

14. Chechetin A. E., Shatokhin I. D. Are administrative detentions and searches permissible in the operational-search activity. Altai legal bulletin, 65—71, 2020. (In Russ.).

15. Gusev V. A. Observance of the rights and freedoms of a person and a citizen in the implementation of operational-search activities: questions of theory and practice. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs; 2011: 84. (In Russ.).

деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск: Омская акад. МВД России, 2022. С. 52—53.

17. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юрид. акад., 2014. 94 с.

18. Гусев В. А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник. Сыщик. 2015. № 3 (44). С. 40—45.

16. Dorosh E. Yu. Coercion during the conduct of operational-search activities and the problem of observance of the constitutional rights of citizens. In: Constitutionalization of operational-search activities. Materials of the International scientific-practical conference. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022: 52—53. (In Russ.).

17. Lugovik V. F. Operational and Investigative Code of the Russian Federation. Author's project. Omsk: Omsk Law Academy; 2014: 94. (In Russ.).

18. Gusev V. A. "Parallel reality" of coercion in the operational-search activity. Operative. Detective, 40—45, 2015. (In Russ.).

Ларичева Ирина Васильевна,

старший следователь
Следственной части
Следственного управления
УВД по г. Сочи ГУ МВД России
по Краснодарскому краю;
baup23@rambler.ru

Laricheva Irina Vasilievna,

senior investigator of the Investigative
Unit of the Criminal Investigation Department
of the Directorate of Internal Affairs
in Sochi of the Main Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in Krasnodar territory;
baup23@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.137.5
doi: 10.25724/VAMVD.A123

РОЛЬ МЕХАНИЗМОВ СОГЛАСОВАНИЯ В ЗАЩИТЕ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Александр Александрович Насонов

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, tribalcrest@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы согласования, возникающие в ходе участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Дан их правовой анализ. Аргументируется, что существующая система уголовно-процессуальных гарантий в основном надежно защищает интересы несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Показано, что важное место в указанной системе занимают различные виды согласия, призванные учесть интересы ребенка. Обосновывается, что право дачи согласия относится к числу необходимых составляющих процессуального статуса несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Приводятся доводы в пользу расширения сферы согласования в уголовном судопроизводстве. Данная мера предполагает надлежащее процессуальное закрепление права на дачу согласия со стороны несовершеннолетнего и лица, которому он отдается под присмотр; медиативной процедуры, базирующейся на категории «согласие». В статье делается вывод о том, что в сфере согласования в уголовно-процессуальном пространстве имеется еще достаточно много неиспользованных резервов. Грамотное их использование будет способствовать не только реализации уголовно-процессуальных интересов отдельных участников уголовного судопроизводства, но и достижению уголовным судопроизводством цели, поставленной перед ним.

Ключевые слова: несовершеннолетние участники уголовного процесса, согласование, уголовно-процессуальные гарантии, медиативные процедуры, прокурорский надзор, подозреваемый, обвиняемый, защитник

Для цитирования: Насонов А. А. Роль механизмов согласования в защите и обеспечении интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 111—115. doi: 10.25724/VAMVD.A123

THE ROLE OF COORDINATION MECHANISMS IN PROTECTING AND ENSURING THE INTERESTS OF JUVENILE PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alexander Alexandrovich Nasonov

Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, tribalcrest@yandex.ru

Abstract. The article examines the issues of coordination arising during the participation of minors in criminal proceedings. Their legal analysis is given. It is argued that the existing system of criminal procedural guarantees mainly reliably protects the interests of minor participants in criminal proceedings. It is shown that an important place in this system is occupied by various types of consent designed to take into account the interests of the child. It is proved that the right to consent is one of the necessary components of the procedural status of a minor participant in criminal proceedings. Arguments are given in favor of the need to expand the scope of coordination in criminal proceedings. This measure presupposes the proper procedural consolidation of the right to consent on the part of the minor and the person to whom he is placed under supervision; a mediation procedure based on the category of "consent". The author comes to the conclusion that there are still quite a lot of unused reserves in the area of coordination in the criminal procedure space. Their proper use will allow not only to realize individual participants' criminal procedural interests in criminal proceedings, but also to contribute to the achievement of the goal being set for criminal proceedings.

Keywords: minor participants in criminal proceedings, coordination, criminal procedural guarantees, mediation procedures, prosecutor's supervision, suspect, accused, defender

For citation: Nasonov A. A. The role of coordination mechanisms in protecting and ensuring the interests of juvenile participants in criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 111—115, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A123

Действующее уголовно-процессуальное законодательство распространяется как на совершеннолетних, так и на несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. К несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства относятся лица, не достигшие совершеннолетия. Такие лица подпадают под используемое международными документами понятие «ребенок», распространяющееся на лиц, не достигших 18 лет [1, с. 33].

Почему данной категории участников законодатель уделяет так много внимания? В отличие от взрослых субъектов несовершеннолетние участники являются более уязвимыми в силу присущих им возрастных, психических особенностей, незавершенности образования, недостатка жизненного опыта. Данное обстоятельство уже освещалось в литературе [2, с. 121; 3, с. 343—344; 4]. Именно оно служит причиной создания в уголовном судопроизводстве ряда гарантий, которые в определенной мере могли бы компенсировать неудобства, обусловленные издержками возраста. Законодатель позаботился об этом. Существующая система уголовно-процессуальных гарантий в основном надежно защищает интересы несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Важное место в ней занимают различные виды согласия, призванные учесть интересы ребенка. Право дачи согласия относится к числу необходимых составляющих процессуального статуса несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Этим правом наделяется как сам несовершеннолетний, так и участники уголовного судопроизводства, в чьи задачи входит защитить его интересы: защитник, представитель, законный представитель. Так, на разглашение данных о частной жизни требуется согласие потерпевшего, достигшего возраста четырнадцати лет, а если несовершеннолетний потерпевший не достиг указанного возраста, то необходимо получить согласие законного представителя данного участника (чч. 2, 5 ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). Приглашение защитника несовершеннолетнему подозреваемому и обвиняемому осуществляется не только им самим или его законным представителем. Такое приглашение могут осуществлять и другие лица при условии, что получено согласие подозреваемого, обвиняемого (ч. 1 ст. 50 УПК РФ). Наконец, согласие законного представителя несовершеннолетнего участника из числа свидетелей требуется и на производство

в отношении его доверителя судебной экспертизы (ч. 4 ст. 195 УПК РФ).

Ряд гарантий реализуется властными субъектами, призванными обеспечить права несовершеннолетнего лица. Их можно назвать обеспечительными гарантиями. К ним относятся:

— разрешение следователя законному представителю на участие в иных, кроме допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, следственных действиях, производимых с его участием и участием защитника (п. 3 ч. 2 ст. 426 УПК РФ);

— разрешение следователя, дознавателя педагогу или психологу задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому (ч. 5 ст. 425 УПК РФ);

— согласие руководителя следственного органа следователю, а также согласие прокурора дознавателю на прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования и возбуждение перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ);

— разрешение председательствующего педагогу задавать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему, свидетелю (ч. 3 ст. 280 УПК РФ);

— разрешение председательствующего законному представителю несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля задавать вопросы допрашиваемому (ч. 4 ст. 280 УПК РФ).

В связи со сказанным возникают вопросы: достаточно ли перечисленных видов согласия для гарантирования защиты прав и интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса? Следует ли дальше расширять систему соответствующих гарантий? На данные вопросы в науке уголовного процесса нет однозначных ответов. Некоторые авторы, исследуя те или иные уголовно-процессуальные институты, невольно обращаются к проблеме расширения процессуальных возможностей несовершеннолетнего и его законного представителя. Особенно хорошо эта тенденция прослеживается по отношению к договорным уголовно-процессуальным формам, опирающимся на категорию «согласие». Например, отдельные авторы, отстаивающие идею распространения действия гл. 40.1 УПК РФ на несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых [5, с. 16], вынуждены признавать, что в этой ситуации возникает потребность в получении у несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого согласия на переход к процедуре,

предусмотренной гл. 40.1 УПК РФ. А поскольку на его стороне участвует защитник, законный представитель, то и их согласие для перехода к соответствующей процедуре, на наш взгляд, также является необходимым. Ведь в этой ситуации сторонами досудебного соглашения о сотрудничестве будут прокурор, несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый, его законный представитель и защитник.

Однако, как нам представляется, это не единственная проблема в сфере согласования, требующая участия в нем несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Было бы вполне логичным расширить действие согласительных технологий при избрании к несовершеннолетнему такой меры пресечения, как присмотр за ним со стороны родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц. Письменные обязательства, которые отбираются у последних, предполагают дачу ими согласия на применение данной меры пресечения. Недаром, согласно ч. 2 ст. 105 УПК РФ, лицо, осуществляющее производство по делу, обязано разъяснить указанным лицам существо подозрения, обвинения, их ответственность, связанную с обязанностями по присмотру. К сожалению, право на согласие родителей несовершеннолетних и других лиц четко не прописано в ст. 105 УПК РФ, что нельзя признать правильным. Вывод о необходимости получения такого согласия можно сделать, лишь анализируя содержание указанной статьи. В то же время согласительный механизм другой меры пресечения — личного поручительства — достаточно четко прописан в ст. 103 УПК РФ «Личное поручительство». В частности, из ее содержания следует, что лицо ручается за выполнение подозреваемым и обвиняемым обязательств, предусмотренных пп. 2 и 3 ст. 102 УПК РФ, и в связи с этим он заявляет соответствующее ходатайство. Последнее не может возникнуть без добровольного согласия его поручителя. Говорится в ст. 103 УПК РФ и о другом виде согласия — согласии лица, в отношении которого дается поручительство (подозреваемого, обвиняемого). Данный подход законодателя является вполне обоснованным, поскольку при отсутствии такого согласия могут возникнуть проблемы с достижением поставленной перед рассматриваемой мерой пресечения (личным поручительством) цели. Подобная проблема может возникнуть и при реализации назначения другой схожей с личным поручительством меры пресечения — присмотра за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым. Это связано с тем, что законодатель не закрепляет права несовершеннолетнего на дачу согласия для применения к нему присмотра. Иными словами,

закон прямо не требует выяснять отношение несовершеннолетнего к применению ему указанной меры. Между тем цель присмотра за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, впрочем как и цель личного поручительства, может быть достигнута лишь при достижении согласия как лица, присматривающего за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, так и самого несовершеннолетнего. Одного лишь согласия присматривающего явно недостаточно для гарантирования надлежащего поведения несовершеннолетнего, тем более что ранее родитель, опекун и прочие не смогли упредить преступные действия несовершеннолетнего, он их совершил. Это в некотором роде может говорить о том, что указанные лица, отвечающие за воспитание несовершеннолетнего, не пользуются у него особым авторитетом. На данное обстоятельство уже обращалось внимание в литературе. И. А. Насонова пишет: «Как родители, опекуны, попечители, должностные лица специализированного детского учреждения, в котором находился несовершеннолетний, могут гарантировать его надлежащее поведение, не обеспечив это однажды?» [6, с. 58]. Поэтому воли только одного присматривающего недостаточно, важно еще и желание несовершеннолетнего.

Кроме того, согласие несовершеннолетнего позволит не усугубить создавшуюся ситуацию на случай, если потенциальный присматривающий пагубно действует на несовершеннолетнего. Об особенностях отношений между несовершеннолетним и присматривающим за ним лицом как раз можно будет узнать, выяснив отношение несовершеннолетнего к применению в отношении него меры пресечения, предусмотренной ст. 105 УПК РФ. Такие знания возможно получить в ходе согласования применения указанной меры пресечения с несовершеннолетним. В связи с этим считаем не лишним закрепить в ст. 105 УПК РФ необходимость получения согласия несовершеннолетнего на избрание в отношении него меры пресечения, предусмотренной ст. 105 УПК РФ.

Более того, законодателю следует наконец определиться, к кому применяется данная мера пресечения: к подозреваемому, обвиняемому или и к тому и другому? Данная проблема обусловлена различными подходами законодателя к регламентации круга несовершеннолетних участников, к которым применяется присмотр. Так, в ст. 105 УПК РФ говорится о несовершеннолетнем подозреваемом и обвиняемом, а в ст. 98 УПК РФ, посвященной существующей в российском уголовном процессе системе мер пресечения, упоминается лишь присмотр за несовершеннолетним обвиняемым. Предполагаем, что более широкое толкование круга

несовершеннолетних лиц, к которым возможно применение меры пресечения, предусмотренной ст. 105 УПК РФ, является предпочтительным.

Надеемся, что предлагаемые нами варианты коррекции правовой регламентации меры пресечения, предусмотренной ст. 105 УПК РФ, позволят не только надлежащим образом обеспечить интересы несовершеннолетнего, но и достичь цели, для которой она применяется.

Однако на этом применение согласительных технологий в уголовно-процессуальных отношениях с участием несовершеннолетних не должно заканчиваться. Есть еще одна сфера, в которой согласие несовершеннолетнего, его законного представителя и защитника, должно иметь важное значение. Речь идет о применении в отношении несовершеннолетнего медиативных процедур. К сожалению, указанная сфера не нашла своей регламентации в действующем УПК РФ. Между тем польза медиации для защиты и обеспечения прав несовершеннолетних является очевидной, что успешно доказывает в своем исследовании Н. В. Спесивов [1].

Медиативные процедуры позволяют не только примирить стороны, что полезно и для потерпевшего, и для подозреваемого, обвиняемого. Применение указанных процедур создает предпосылки для перевоспитания несовершеннолетнего, помогает ему в дальнейшем избежать противоправных поступков. Несомненно, для запуска медиативных процедур в уголовно-процессуальном пространстве необходима их надлежащая регламентация. Последняя предполагает закрепление в УПК РФ не только последовательности выполнения соответствующих процессуальных действий в рамках медиативной процедуры, но и введение в уголовно-процессуальную сферу нового участника уголовного судопроизводства — медиатора. Последний должен играть роль посредника между сторонами, организовывать их примирение. Безусловно, ре-

ализация данной деятельности должна контролироваться как властными субъектами, так и участниками, не обладающими властными полномочиями. Особенно актуально указанный тезис звучит в ситуации, когда производство по уголовному делу осуществляется в отношении несовершеннолетнего. Очевидно, что подобный контроль должен принимать следующие формы: прокурорский надзор за медиативной процедурой; контроль со стороны лиц, призванных защищать интересы потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. К соответствующему кругу невластных субъектов относятся: защитник подозреваемого и обвиняемого; законный представитель указанных участников, не достигших совершеннолетия; представитель потерпевшего и его законный представитель, если потерпевший является несовершеннолетним. Важным средством процессуального контроля за медиативной процедурой представляется согласие упомянутых участников уголовного судопроизводства, поэтому перечисленные лица должны быть наделены правом дачи согласия на переход к медиативной процедуре, и это право необходимо предусмотреть в УПК РФ. Согласование соответствующей процедуры с лицами, заинтересованными в исходе дела, и участниками, призванными отстаивать их интересы, позволит не только предотвратить ошибки медиации, но и надлежащим образом защитить, обеспечить интересы сторон, что имеет особенно большое значение для несовершеннолетних участников.

В заключение следует отметить, что в сфере согласования в уголовно-процессуальном пространстве еще достаточно много неиспользованных резервов. Грамотное их применение будет способствовать не только реализации уголовно-процессуальных интересов отдельных участников уголовного судопроизводства, но и достижению уголовным судопроизводством цели, поставленной перед ним.

1. Спесивов Н. В. Реализация международных стандартов уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в современной России: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. 160 с.

2. Насонова И. А. О правовом статусе несовершеннолетнего в уголовно-процессуальных отношениях // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2016. № 1 (3). С. 120—130.

3. Марковичева Е. В., Смирнова И. Г. Борьба с преступностью и назначение уголовного судопроизводства: критерии разработки оптималь-

1. Spesivov N. V. Implementation of international standards of criminal proceedings against minors in modern Russia. Monograph. Moscow: YurLitinform; 2018: 160. (In Russ.).

2. Nasonova I. A. On the legal status of a minor in criminal procedural relations. Criminal procedural protection of the rights and legitimate interests of minors, 120—130, 2016. (In Russ.).

3. Markovicheva E. V., Smirnova I. G. The fight against crime and the purpose of criminal proceedings: criteria for the development of an optimal criminal procedural strategy for minors. All-Russian journal of criminology, 339—348, 2016. (In Russ.).

ной уголовно-процессуальной стратегии в отношении несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 2. С. 339—348.

4. Колосович М. С., Грабовец Е. Е. Обеспечение тайны при производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетнего: учеб. пособие. Волгоград: Сфера, 2015. 80 с.

5. Апостолова Н. Н. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо совершенствовать // Российский судья. 2010. № 1. С. 14—17.

6. Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними: учеб. пособие / Н. С. Пономарева, И. А. Насонова [и др.]. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2015. 118 с.

4. Kolosovich M. S., Grabovets E. E. Ensuring secrecy in criminal proceedings involving a minor. Training manual. Volgograd: Sphere; 2015: 80. (In Russ.).

5. Apostolova N. N. The special procedure for making a court decision when concluding a pre-trial cooperation agreement must be improved. Russian judge, 14—17, 2010. (In Russ.).

6. Ponomareva N. S., Nasonova I. A. (et al.) Investigation of crimes committed by minors. Training manual. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2015: 118. (In Russ.).

Насонов Александр Александрович,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук;
tribalcrest@yandex.ru

Nasonov Alexander Alexandrovich,

senior lecturer at the chair of criminal procedure
of the Voronezh Institute
of the Ministry of internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
tribalcrest@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.1

doi: 10.25724/VAMVD.A124

**ДИАЛЕКТИКА, СИСТЕМА, ИСТИНА, КРИТЕРИЙ ПРАКТИКИ
И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

Геннадий Алексеевич Печников, Астамур Романович Кварчия

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

astikkvarcia@gmail.com

Аннотация. Авторы статьи — приверженцы материалистической диалектики как всеобщей закономерности и подлинно научного метода познания в любой отрасли знания, включая уголовный процесс. Ядро диалектики составляет известный универсальный закон единства и борьбы противоположностей, при этом важен научный системный подход, основанный на парных диалектических противоположностях (понятиях): «материальное и духовное», «цель и средства», «внутреннее убеждение и критерий практики», «форма и содержание», «субъективное и объективное», «относительное и абсолютное», «публичное и частное» и т. п.

В статье проводится мысль, что современный состязательный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не соблюдает правил диалектики и научного системного подхода. В нем состязательность самодостаточна и отрицает объективную истину. По делу устанавливается формально-юридическая истина. В то же время состязательному уголовному процессу (Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации) противопоставляется объективно-истинная модель уголовного судопроизводства как более высокий тип уголовного процесса, учитывающий научные требования диалектики.

По мнению авторов, отказ от научной диалектико-материалистической методологии неизбежно ведет к методологическому хаосу, неопределенности и, как следствие этого, к субъективизму, предвзятости, необъективности, произволу, судебнo-следственным ошибкам в уголовном процессе.

Ключевые слова: материалистическая диалектика, наука, закономерность, единство и борьба противоположностей, система, системный подход, практика — критерий истины, объективная истина, формально-юридическая истина, состязательный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, объективно-истинная модель уголовного процесса, методология, анархизм, плюрализм, софистика, права личности

Для цитирования: Печников Г. А., Кварчия А. Р. Диалектика, система, истина, критерий практики и уголовный процесс // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 116—122. doi: 10.25724/VAMVD.A124

**DIALECTICS, SYSTEM, TRUTH, PRACTICE CRITERION
AND CRIMINAL PROCEDURE**

Gennady Alekseevich Pechnikov, Astamur Romanovich Kvarchia

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

astikkvarcia@gmail.com

Abstract. The author of the article is an adherent of materialistic dialectics as a general regularity and a truly scientific method of inquiry in any branch of knowledge, including the criminal process. The core of dialectics is the well-known universal law of the unity and struggle of opposites. At the same time, a scientific systematic approach based on paired dialectical opposites (concepts) is important: "material and spiritual", "ends and means", "inner conviction and practice criterion", "form and content", "subjective and objective", "relative and absolute", "public and private", etc.

The article suggests that the modern adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not comply with the rules of dialectics and the scientific systematic approach. In it, adversary nature is self-sufficient and denies objective truth. The technical truth is established in the case. At the same time, the objectively true model of criminal proceedings is opposed to the adversarial criminal process (Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), as a higher type of criminal process that takes into account the scientific requirements of dialectics.

According to the author, the rejection of the scientific dialectical-materialistic methodology inevitably leads to methodological chaos, uncertainty and, as a consequence, to subjectivism, bias, preconceptions, arbitrariness, judicial and investigative errors in the criminal process.

Keywords: materialistic dialectics, science, regularity, unity and struggle of opposites, system, systematic approach, practice — truth criterion, objective truth, technical truth, adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, objectively true model of the criminal process, methodology, anarchism, pluralism, sophistry, individual rights

For citation: Pechnikov G. A., Kvarchia A. R. Dialectics, system, truth, practice criterion and criminal procedure. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 116—122, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A124

Мы сторонники материалистической диалектики как подлинно научного метода познания, поскольку диалектика — это объективная и всеобщая закономерность, которая оказывает свое непреложное действие на все и вся. И практика, как критерий истины, прежде всего подтверждает, что окружающий нас мир устроен диалектически — в единстве и борьбе противоположностей как движущего начала всего. Диалектичным должно быть и мышление человека. В этом залог его действительной, а не мнимой научности.

Естественно, диалектику необходимо учитывать и в уголовном процессе. Только тогда он будет по-настоящему объективным и действенным. И наоборот, отказ от материалистической диалектики в уголовном процессе неминуемо ведет к его необъективности, односторонности, субъективизму.

Диалектическая системная взаимосвязь противоположностей образуется, например, между материей и сознанием, гармонией и хаосом, абсолютным и относительным, субъективным и объективным, действием и противодействием, теорией и практикой, истиной и заблуждением, целью и средствами, формой и содержанием, тайным и явным, вероятностью и достоверностью, презумпцией невиновности и презумпцией виновности, неотвратимостью ответственности и безнаказанностью и т. п. Но это не сумма примеров, а закон объективного мира и мышления человека.

И практика подтверждает существование диалектики и всемерность ее действия.

Теоретически и практически важен *системный подход*, когда диалектические противоположности находятся строго на своих местах. Например, в системе «*материальное — духовное*» недопустимо, чтобы материальное захватывало всю сферу духовного: тогда нет борьбы противоположностей, так как все становится заполненным одним материальным, а этические, нравственные ценности обесцениваются. В результате утрачивается жизнеспособность названной системы, и она постепенно деградирует и разрушается.

Возьмем другую систему противоположностей «*цель и средства*». Не диалектично, если средства займут место цели, т. е. станут самоцелью. В результате нарушается необходимый системный подход (подлинно научный подход), например, в уголовном процессе, гарантирующий его действительную эффективность и объективность. Но в том и суть, что в современном либеральном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ), основанном на состязательной концепции судопроизводства, при которой состязательность сторон — а это принцип процесса (т. е. средство) — становится самоцелью всего уголовного судопроизводства, а объективная истина, как необходимая цель уголовного процесса, отвергается как излишняя, поскольку в состязательном процессе все решается самим состязанием сторон — определяется победитель поединка обвинения и защиты. По делу устанавливается «истина победителя состязания сторон» (формально-юридическая истина).

В состязательном процессе и принципы уголовного судопроизводства, и правовые институты (например, прав личности) не направлены на достижение объективно-истинной цели (достоверное раскрытие преступлений — борьба с преступностью), а подчинены и замкнуты на самоценную, самодостаточную состязательность, призванную выяснить, кто сильнее в поединке сторон — государство или личность, а кто сильнее, тот и прав.

Таково, как представляется, концептуальное кредо действующего состязательного УПК РФ. В нем не объективно-истинное отличие виновного от невиновного, а состязательное (выигрышно-проигрышное), когда в действительности виновный может выиграть процесс (дело), а невиновный — проиграть.

Выходит, для состязательного УПК РФ все относительно, условно и абсолютных ценностей не существует, если виновный и невиновный легко могут поменяться своими местами, все зависит от силы сторон, от их умения, искусства одержать победу над своим процессуальным противником. Но если все относительно, релятивно и ничего абсолютного

нет в состязательном процессе, то нет в нем и необходимой диалектической системы «*относительное — абсолютное*». Но тогда не может быть и по-настоящему полноценного, объективного и справедливого уголовного процесса, так как все относительно, включая и правовой институт прав личности. И состязательный УПК РФ, как видится, не в состоянии преодолеть свой релятивизм. С нашей точки зрения, только *объективно-истинная модель* уголовного процесса способна гарантировать системный подход, в котором имеется не только относительное, но и абсолютные ценности, к каким мы относим права человека, материалистическую диалектику и объективную истину.

Возьмем другую систему диалектических противоположностей: «*внутреннее убеждение и критерий практики*». Нередко процессуалисты внутреннее убеждение лиц, ведущих уголовный процесс, рассматривают не только как критерий оценки доказательств, но и как критерий истины. Так, по мнению Ю. В. Кореневского, «опыт убедительно свидетельствует, что критерием истины в правосудии может быть только внутреннее убеждение следователя, прокурора и, главное, судьи» [1, с. 59—60].

Таким образом, исключается практика в качестве критерия истины. В результате диалектический системный подход нарушается. Внутреннее убеждение должностных лиц, осуществляющих процесс, есть критерий оценки доказательств (согласно ст. 17 УПК РФ), но не критерий истины. Критерий истины должен находиться вне сознания субъекта, и таким критерием может быть только практика. Как отметил М. С. Строгович, «нельзя смешивать *критерий оценки доказательств*, при помощи которого устанавливается истина, и *критерий истинности выводов суда*, получаемых при помощи доказательств. Рассматривать же внутреннее убеждение судей как критерий истинности выводов суда — значит подменять объективную истину субъективной уверенностью, которая сама может быть правильной или ошибочной... Практика входит в процесс познания и является критерием истинности полученных знаний, давая возможность отделять истинные правильные суждения и выводы от ложных, ошибочных» [2, с. 339—340].

Далее. Мы нарушаем системную взаимосвязь между такими диалектическими противоположностями, как «*форма и содержание*», если будем исходить из приоритетности формы над фактическим содержанием, а ведь состязательный УПК РФ основан именно на такой приоритетности. «...Приоритетности, — как пишет И. Б. Михайловская, — установленной законом процедуры судопро-

изводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [3, с. 8—9].

Иначе говоря, состязательная форма подчиняет себе, «поглощает» действительное содержание, «осознательствует» его. В результате нет борьбы противоположностей. Диалектическая система нарушается. По делу устанавливается *формально-юридическая истина*. В состязательном процессе форма (процедура) первенствует над объективной истиной, т. е. над тем, что имело место на самом деле (что равно отрицанию объективной истины).

Но, как справедливо заметил известный криминолог В. В. Лунеев, «как бы мы ни относились к процессуальным проблемам, процедура никогда не может быть выше искомой истины по делу» [4, с. 90].

Далее. Диалектика запрещает стирание различий между такими противоположностями, как «*субъективное и объективное*». Так, в основе формально-юридической истины, свойственной состязательному УПК РФ, лежит, с нашей точки зрения, субъективное начало, а в основе объективной истины, воплощением которой может быть лишь объективно-истинная модель уголовного процесса, лежит, соответственно, объективное начало. Поэтому считаем диалектически недопустимым, ненаучным в рамках состязательного УПК РФ пытаться совместить, «примирить» формально-юридическую истину и объективную истину, тем самым стирая принципиальное различие между ними. На такой позиции стоит, например, И. Б. Михайловская, когда утверждает, что «применительно к обвинительному приговору, опровергающему презумпцию невиновности, следует, на наш взгляд, признать сосуществование истины объективной (материальной), т. е. соответствие выводов суда фактам, имевшим место в действительности, и истины юридической (формальной), т. е. соответствия выводов суда сведениям, облеченным в надлежащую процессуальную форму» [3, с. 20].

Но ведь это разные истины, и каждая из них тяготеет только к своему типу (модели) уголовного процесса, соответственно, одна — к состязательному уголовному процессу, другая — к объективно-истинному.

Для нас объективно-истинная модель уголовного судопроизводства — это более высокий, более справедливый тип (вид) уголовного процесса, чем современный состязательный УПК РФ. Мы также считаем, что неприемлемо, недиалектично признавать гармонию самодостаточной состязательности с объективной истиной в состязательном УПК РФ.

Такую позицию можно встретить, например, у А. В. Победкина: «...Установление объективной истины как цель доказывания принципу состяза-

тельности нисколько не противоречит, поскольку состязательность, являясь одновременно гарантией как ее установления, так и защиты прав и законных интересов участников судопроизводства, не исключает активности суда в исследовании обстоятельств по уголовному делу и выступает как средство решения задач и достижения целей уголовного процесса» [5, с. 111].

На наш взгляд, это не так.

Повторимся, самодостаточная состязательность, состязательность как самоцель, какой она в действительности и является в состязательном УПК РФ, не приемлет объективной истины и тем более не может быть гарантией ее установления. Эти категории несовместимы. Системная диалектическая взаимосвязь между ними невозможна. Самоценная состязательность, когда все в состязании и для состязания, сводит диалектическую системность на нет.

Как уже отмечалось, правовую сущность состязательного УПК РФ выражает формально-юридическая истина, точную характеристику которой дает, например, А. В. Победкин: «Суть утверждения о приемлемости в уголовном судопроизводстве лишь процессуальной (формальной, юридической и т. д.) истины заключается в установлении соответствия знания заранее заданным условиям, правилам, а вовсе не объективной действительности. Иначе говоря, за истину принимается любой результат, полученный посредством соблюдения процессуальной формы» [5, с. 111].

Рассмотрим далее такие диалектические противоположности, как «*публичное и частное*».

Как представляется, уголовный процесс по своей природной сущности весь должен быть пронизан принципом публичности (государственный интерес), а частное начало не приемлется, за некоторым исключением.

«Процессуальное выражение принципа публичности заключается в том, что органы следствия, прокуратура и суд сами в силу своего государственного служебного долга обязаны делать все, что нужно, для того, чтобы правильно расследовать и разрешить уголовное дело. Если в этих целях необходимо совершение определенных действий (например, допросить тех или иных свидетелей, выяснить те или иные обстоятельства и т. п.), следователь, прокурор или суд должны эти действия произвести и не могут отказаться от их совершения по тем мотивам, что заинтересованное лицо (потерпевший, обвиняемый) их об этом не просило» [2, с. 136].

Принцип *публичности* — это обязанность устанавливать объективную истину по уголовному делу. Данный принцип защищает интересы не только

государства, но и человека (обвиняемого, потерпевшего и др.).

Системность публично-правового подхода в уголовном процессе проявляется в недопустимости стирать различие между публичным и частным, диспозитивным. Публичность — это обязанность, а не право. Обязанность должностных лиц, ведущих уголовный процесс, — исследовать фактические обстоятельства дела всесторонне, полно и объективно, достоверно раскрывать преступления. В этом залог действительно эффективного, объективного и справедливого уголовного процесса.

Однако состязательный УПК РФ, на наш взгляд, фактически разрушил системный подход, стер различия между *публичным и частным* (диспозитивным). Законодатель не включил публичность в перечень принципов, приведенных в гл. 2 УПК РФ. Как отмечено в юридической литературе, «...сейчас публичность утратила значение формообразующей идеи, каковую она имела для следственного процесса. Вместо этого аналогичное значение для состязательного уголовного процесса теперь имеет *диспозитивность*. Она определяет способ развития состязательного процесса. Под диспозитивностью надо понимать свободу сторон распоряжаться своими правами. Диспозитивность может касаться как самого предмета иска (заявлять или не заявлять иск), так и процессуальных средств, которые стороны могут использовать для обоснования своих требований и возражений» [6, с. 85].

А. Д. Бойков правомерно критикует «новые приоритеты» УПК РФ, в силу которых «чаще приносятся в жертву публичные интересы» [4, с. 32].

Принцип диспозитивности свойственен гражданскому процессу. Но ведь уголовный процесс — не гражданский процесс. Борьба с преступностью должна определяться обязанностью государственных органов, ведущих уголовный процесс, полно и достоверно раскрывать преступления (принцип публичности), а не «свободой сторон распоряжаться своими правами». С нашей точки зрения, в уголовном процессе, не обладающем публичностью и объективной истиной, много субъективного, случайного, предвзятого и необъективного.

Мы также за ясную, определенную, основанную на объективных диалектических закономерностях научную методологию, которая необходима и в уголовном процессе.

Важны правила диалектической логики о том, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна, количество переходит в качество, практика — критерий истины, чтобы действительно знать предмет, надо изучить все его стороны, требование о всесторонности предостережет нас от ошибок и др.

Эти научные правила диалектики важны в процессуальной деятельности следователя, суда, чтобы правильно разобраться в деле и установить объективную истину.

Отказ же от диалектико-материалистической методологии и замена ее иной, неопределенной, неясной, расплывчатой, субъективной методологией, методологическим анархизмом, релятивизмом — это отказ, с нашей точки зрения, от действительно научного подхода и ориентация в методологии на идеализм, субъективизм, релятивизм, софистику, предвзятость и произвол, в том числе в уголовном процессе.

В этом плане мы не можем согласиться, например, с таким воззрением на методологию: «Нет диктату „методологии“. Мы являемся сторонниками гносеологического плюрализма (вплоть до эпистемологического анархизма в духе П. Фейерабенда)... Мы против того, чтобы слепо принимать условности, выдаваемые за объективные закономерности... Новая состязательная теория судебных доказательств — это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации... Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек... Не может быть универсальной рациональности, есть лишь различные *языковые игры*. Правосудие — это игра... Судебная истина является гадательной, вероятным знанием...» [8, с. 9]. Для нас же подобный гносеологический плюрализм неприемлем. Без ясной и правильной теории не может быть и правильной практики.

Следует отметить, что практика подтверждает существование диалектики, правильность и необходимость диалектического системного подхода как критерия действительно научного подхода во всех областях знания.

Вообще сама практика является неотъемлемым элементом системного подхода в познавательной деятельности. Доказательством этому служит диалектический процесс познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и *от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [8, с. 152—153].

Вместе с тем, если подходить научно, т. е. диалектически, процесс движения в уголовном процессе должен осуществляться не в направлении выявления сильнейшего, победителя в правовом споре противоборствующих сторон, как это происходит в ныне действующем состязательном УПК РФ, основанном на таких основополагающих подходах (принципах), как «состязание для состязания» (а это не диалектика, а тавтология) и «сильнейший всегда

прав» (даже если он в действительности не прав), а в направлении выявления объективной истины по делу, путем диалектико-познавательного движения: от незнания к знанию, от тайного к явному, от следствия к причине, от вероятности к достоверности, от версии к истине. Только такой объективно-истинный процесс будет прямо называть вещи своими именами: в действительности виновного — виновным, в действительности невиновного — невиновным, а не ставить вопрос о виновности или невиновности лица в прямую зависимость от силы, ловкости и опытности сторон.

Полагаем также, что уголовный процесс не вправе упускать из виду и такие диалектические противоположности, как «*неотвратимость ответственности и безнаказанность*». Весь уголовный процесс должен быть пронизан идеей о том, что «важна не тяжесть наказания, а его неотвратимость». Известно, что лучшее средство от преступности — это неотвратимость наказания тех, кто преступил закон. В этом непреложная суть бескомпромиссной борьбы с криминалом. Такое понимание сущности уголовного процесса (если он действительно основан на неотвратимости наказания) уже само по себе способствует снижению преступности в стране. Однако состязательный уголовный процесс, в котором каждая из сторон стремится выиграть процесс (дело) в свою пользу (поскольку кто не выигрывает, тот проигрывает), как представляется, неминуемо отходит от принципа неотвратимости ответственности виновных, без чего неизбежно торжествует безнаказанность. С нашей точки зрения, это прямое следствие самой состязательной (выигрышно-проигрышной) конструкции действующего УПК РФ, позволяющей в действительности виновному (преступнику) в случае победы над своим процессуальным противником уйти от ответственности, нередко используя юридическую помощь многоопытных адвокатов. Ведь для состязательного УПК РФ главное — выигрыш / проигрыш дела стороной, а не объективная истина. В нем фактически действует «право сильного».

Выходит, либеральный УПК РФ, в силу своей чистой состязательности, объективно не в состоянии по-настоящему воспринимать сентенцию: «Давно замечено, что есть два способа разложить нацию: наказывать невиновных и не наказывать виновных. К сожалению, у нас встречается и то и другое, что деформирует правосознание граждан, подрывает нравственно-правовые основы общества» [9, с. 460].

Материалистическая диалектика требует строго оттенять полярные противоположности (например, как отмечено, между неотвратимостью и безнаказанностью), а не стирать их, отходя от диалектически-системного подхода. Но именно состязательному

УПК РФ (в отличие от объективно-истинной модели уголовного процесса), на наш взгляд, свойственно стирание различий между диалектическими противоположностями, что явно не научно и, что неизбежно, негативно отражается на правоприменительной уголовно-процессуальной практике.

Важны и такие противоположности, как *теория и практика*, их диалектическая взаимосвязь. В этом также проявляется диалектическая методология, как подлинно научная и объективно необходимая.

Действительно, теория должна быть практичной, а практика — пронизана теорией. Нельзя теорию отрывать от практики, ведь практика без теории слепа, а теория без практики беспредметна. Теоретическое познание не может охватить объективную истину в отрыве от практики — критерия истинности знания: «...Практикой своей доказывает человек объективную правильность своих идей, знаний, науки» [8, с. 173].

Таким образом, именно практика призвана и указывать нам на подлинно научную теорию, и выступать критерием ее действительной правильности, истинности.

Практика, как критерий истины, фактически подтверждает, что уголовно-процессуальная теория без объективной истины не есть подлинно научная теория, поскольку это диалектически не выдержанная теория, как и сам уголовный процесс, основанный

на такой неистинной теории, где вместо достижения объективно-истинной цели уголовного судопроизводства реализуется подход «кто сильнее в состязательной конкуренции сторон, тот и прав».

Есть *истинное и ложное* знание. Но если мы в теории, праве отказываемся от понятия «истина», т. е. не приемлем и понятие «зablуждение» как противоположное по смыслу, следовательно, стираем всякое различие между истиной и заблуждением. Однако если в своих теоретических, правовых или практических подходах мы не исходим из названных противоположных начал, которые дают нам диалектическое правило: «чем меньше мера истины, тем больше мера заблуждения» и наоборот, то тем самым обрекаем себя на нечто неопределенное, иррациональное, вседозволенное, граничащее с субъективным произволом, недialeктическое. Тогда мы неизбежно теряем объективно необходимый научный ориентир в своем мышлении и деятельности и не можем четко определить, где совершили фактическую ошибку; или будем подходить так, что с ошибками вовсе не следует считаться и что вообще допустимо само «право на ошибку», и т. п.

Однако, как представляется, нигилизм по отношению к истине ущербен, это регресс теоретической и правовой мысли.

1. Кореневский Ю. В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1999. № 2. С. 55—62.

2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 470 с.

3. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. Москва: ТК Велби: Проспект, 2006. 192 с.

4. Лунев В. В. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 90—98.

5. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 248 с.

6. Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Томин. Москва: Юрайт-Издат, 2003. 821 с.

7. Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 8—13.

1. Korenevsky Yu. V. Actual problems of proof in criminal proceedings. State and law, 55—62, 1999. (In Russ.).

2. Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal process. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1968: 470. (In Russ.).

3. Mikhailovskaya I. B. Handbook of a judge on evidence in criminal proceedings. Moscow: TC Velby; Prospekt; 2006: 192 (In Russ.).

4. Luneev V. V. Research-to-practice conference "Legal and criminological assessment of the new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. State and law, 90—98, 2002. (In Russ.).

5. Pobedkin A. V. Criminal procedure: status outside the law. Monograph. Moscow: Yurilitinform; 2013: 248. (In Russ.).

6. Alexandrov A. S., Kovtun N. N., Polyakov M. P., Serebrov S. P. Criminal process in Russia. Textbook. Scientific ed. V. T. Tomin. Moscow: Yurayt-Izdat; 2003: 821. (In Russ.).

7. Aleksandrov A. S., Terekhin V. V. Five theses from the manifesto of critical legal studies of Russian criminal procedure law. Bulletin of the Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence, 8—13, 2015. (In Russ.).

8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29: Философские тетради. 5-е изд. Москва: Госполитиздат, 1963. 783 с.

9. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Дело: РАНХиГС, 2013. 528 с.

8. Lenin V. I. Complete works. Vol. 29. Philosophical notebooks. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat; 1963: 783. (In Russ.).

9. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law. Textbook. 4th ed., rev. and add. Moscow: Delo: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2013: 528. (In Russ.).

Печников Геннадий Алексеевич,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
astikkvarcia@gmail.com

Pechnikov Gennady Alekseevich,

professor at the department of criminal procedure
of the training and scientific complex
for preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical science, professor;
astikkvarcia@gmail.com

Кварчия Астамур Романович,

адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии
МВД России
astikkvarcia@gmail.com

Kvarchia Astamur Romanovich,

associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
astikkvarcia@gmail.com

Статья поступила в редакцию 21.03.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 21.03.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.139
doi: 10.25724/VAMVD.A125

О СУДЬБЕ ОДНОЙ ГАРАНТИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Александр Алексеевич Тарасов

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, aatar@mail.ru

Аннотация. Положение ч. 4 ст. 271 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации об обязательности удовлетворения судом ходатайства стороны о допросе в качестве специалиста лица, явившегося в суд по инициативе любой из сторон, всегда считалось важной гарантией состязательности в процедурах использования специальных знаний, причем не только в судебном производстве по уголовному делу, но и в досудебном. В статье критически оценивается решение Кассационного военного суда 2019 г., основанное на прямо противоположном толковании названной нормы закона со ссылкой на п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» от 19 декабря 2017 г. № 51, в котором якобы указано, что суд не вправе отказать стороне в допросе только того специалиста, который ранее уже привлекался к производству по данному уголовному делу. Автор статьи утверждает, что в анализируемом кассационном определении неверно истолковано положение ч. 4 ст. 271 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, искажен смысл п. 17 названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, и делает вывод о недопустимости распространения судебной практики, прямо нацеленной на ограничение состязательности судебного следствия и использования специальных знаний в уголовном процессе.

Ключевые слова: специальные знания, специалист, эксперт, допрос специалиста, ходатайства сторон, судебно-экспертная деятельность, судебное следствие, судебное заседание, состязательность сторон

Для цитирования: Тарасов А. А. О судьбе одной гарантии состязательности в использовании специальных знаний в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 123—128. doi: 10.25724/VAMVD.A125

ON THE FATE OF ONE GUARANTEE OF COMPETITIVENESS IN THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alexander Alexeyevich Tarasov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, aatar@mail.ru

Abstract. The provision of Part 4 of Article 271 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the obligation of satisfaction by the court of a party's request for interrogation as a specialist of a person who appeared in court on the initiative of either party has always been considered an important guarantee of adversarial procedures in the use of special knowledge, and not only in criminal proceedings, but also in pre-trial. The article critically assesses the decision of the Military Court of Cassation in 2019, based on a directly opposite interpretation of the said rule of law with reference to paragraph 17 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2017 No. 51 "On the practice of applying legislation when considering criminal cases in the court of first instance (general procedure of legal proceedings)", which allegedly states that the court does not have the right to refuse to interrogate only the specialist who has previously been involved in the proceedings in this criminal case as a specialist. The author of the article claims that the provision of Part 4 of Article 271 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is misinterpreted in the analyzed cassation definition., the meaning of paragraph 17 of the said resolution of the Plenum of the Supreme

Court of the Russian Federation is distorted and the conclusion is made about the inadmissibility of the dissemination of judicial practice directly aimed at limiting the adversarial nature of judicial investigation and procedures for the use of special knowledge in criminal proceedings.

Keywords: special knowledge, specialist, expert, interrogation of a specialist, petitions of the parties, forensic expert activity, judicial investigation, court session, adversarial nature of the parties

For citation: Tarasov A. A. On the fate of one guarantee of competitiveness in the use of special knowledge in criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 123—128, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A125

Поводом для написания настоящей статьи послужило судебное решение, поставившее под сомнение одну из наиболее действенных гарантий обеспечения состязательности в процедурах использования специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании. В части 4 ст. 271 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), посвященной рассмотрению и разрешению судом ходатайств в подготовительной части судебного заседания, сказано, что суд не вправе отказать в допросе в качестве свидетеля или специалиста лица, явившегося в суд по инициативе сторон. О значении этого правила для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, не наделенных властными полномочиями, скажем позже. А сначала приведем дословно фрагмент Кассационного определения Кассационного военного суда (город Новосибирск) от 3 августа 2021 г. по делу № 77-241/2021, содержащий следующий довод жалобы осужденного Шевченко (защитник — адвокат Мытник): «Судами первой и второй инстанции стороне защиты было необоснованно отказано в удовлетворении ходатайств о допросе специалиста, явившегося в суд по инициативе защиты».

Отклонение судом кассационной жалобы в этой части мотивировано в определении следующим образом: «Эта позиция кассатора основана на неверной трактовке им положений ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ и не учитывает п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 „О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)“, согласно которому суд в подобной ситуации не вправе отказать в допросе такого лица в качестве специалиста *только в том случае* (курсив наш. — А. Т.), если это лицо ранее привлекалось к расследованию или судебному рассмотрению дела в качестве специалиста, что, однако, по настоящему уголовному делу не имело место»¹.

¹ Кассационное определение Кассационного военного суда (город Новосибирск) от 3 августа 2021 г. по делу № 77-241/2021. URL: http://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=150655&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 01.02.2023).

Полагаем необходимым привести дословно и п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» от 19 декабря 2017 г. № 51, на который имеется ссылка в процитированном кассационном определении:

«Специалист, принимавший участие в производстве следственного действия либо представивший свое заключение, приобщенное к делу в качестве доказательства, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах производства следственного действия по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, а также для разъяснения выраженного им суждения по этим вопросам. Такой допрос проводится по правилам допроса свидетеля с разъяснением специалисту его прав и ответственности, предусмотренных ст. 58 УПК РФ.

По смыслу положений ч. 4 ст. 271, ч. 1 ст. 58 и ч. 4 ст. 80 УПК РФ в их взаимосвязи суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе лица, ранее привлекавшегося к расследованию или судебному рассмотрению дела в качестве специалиста и явившегося в судебное заседание по инициативе любой из сторон»².

В приведенном выше определении Кассационного военного суда содержится искаженная трактовка процитированного пункта постановления Пленума, в котором Верховный Суд Российской Федерации вовсе не ставит под сомнение предусмотренное в ч. 4 ст. 271 УПК РФ правило об обязанности суда удовлетворить ходатайство стороны о допросе *любого лица в качестве специалиста*, а лишь дополнительно разъясняет судам, что и то лицо, которое уже участвовало в качестве специалиста по этому уголовному делу, должно быть допрошено в таком же качестве, если об этом ходатайствует любая из сторон. В самой ч. 4 ст. 271 УПК РФ не содержится указания на привязку подлежащего допросу в качестве спе-

² Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

циалиста по ходатайству стороны лица к его предыдущему процессуальному статусу. Напротив, формулировка «допрос лица в качестве специалиста» отнюдь не тождественна формулировке «допрос специалиста». Она как раз предполагает приобретение статуса специалиста уже в момент допроса, что, впрочем, не исключает и возможности допроса в качестве специалиста носителя специальных знаний, который уже участвовал в этом же деле в качестве специалиста.

Если довести до абсурда очевидно ошибочное утверждение из процитированного кассационного определения, распространив его и на свидетеля (также названного в ч. 4 ст. 271 УПК РФ на равных со специалистом основаниях), то получится, что и в качестве свидетеля в суде по ходатайству стороны можно допросить только того, кто свидетелем по этому делу уже был ранее. Аналогия грубая, однако она прямо напрашивается, если следовать логике анализируемого решения суда кассационной инстанции.

До принятия УПК РФ 2001 г. возможность обращения к специалисту в целях использования его специальных знаний для оспаривания заключений экспертов, или для обоснования ходатайств о назначении экспертиз, или еще в каких-то иных правоохранительных целях не рассматривалось в числе способов адвокатской деятельности в суде даже в трудах, посвященных проблемам этой деятельности. Все практические рекомендации, связанные с использованием специальных знаний в доказывании, касались только исследования заключений эксперта [1]. Не могли проблемы допроса специалиста рассматриваться и в научных работах по вопросам судебного следствия, поскольку специалист в соответствии со ст. 133.1 УПК РСФСР 1960 г. в суде традиционно воспринимался исключительно как носитель специальных знаний, оказывающий содействие суду в производстве «действий следственного характера» [2]. Ни о каких допросах специалиста, а значит, и о его показаниях, которые могли бы иметь доказательственное значение, в те годы речи вообще не велось.

Появление в УПК РФ 2001 г. правила ч. 4 ст. 271 УПК РФ с самого начала было воспринято как долгожданная возможность как-то преодолеть фактическую монополию государственных органов, отнесенных законодателем к стороне обвинения, на судебно-экспертную деятельность, довести до суда альтернативное мнение других сведущих лиц, приглашенных по инициативе стороны защиты или потерпевшего или его представителя [3]. Такое же отношение к названной норме сохраняется и в специальной литературе последних лет

издания [4]. В отличие от эфемерного «собрания доказательств защитником» (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), справедливо не воспринятого всерьез даже исследователями — представителями адвокатского сообщества [5], правило ч. 4 ст. 271 с самых первых лет действия УПК РФ 2001 г. стало оказывать влияние не только на собственно судебное следствие, для которого было прямо предусмотрено. Это правило способствовало усилению позиций защиты и в досудебном производстве, поскольку сама потенциальная возможность появления неведомого пока альтернативного профессионального мнения специалиста уже после передачи уголовного дела в суд заставляла наиболее профессиональную часть следственного аппарата не «отмахиваться» от контраргументов защиты, пытаться прислушаться к ним и благодаря этому предотвратить будущее эффективное оспаривание экспертных заключений, полученных до суда. По этой же причине, к слову, следователи постепенно перестали отказывать в удовлетворении адвокатских ходатайств о допросах свидетелей: лучше допросить этого свидетеля сейчас, нежели дожидаться, что он когда-нибудь придет в суд и скажет нечто совсем уж неожиданное и опасное для доказанности обвинения. Это стало возможным тоже в силу правила ч. 4 ст. 271 УПК РФ об обязательности удовлетворения ходатайства о допросе в качестве свидетеля лица, явившегося в суд по инициативе ходатая.

Важно отметить, что судебная практика за все годы действия УПК РФ 2001 г. не давала сколько-нибудь заметных оснований усомниться в действительности гарантии, предусмотренной в ч. 4 ст. 271. Представляемые адвокатами *заключения специалистов*, норма о которых появилась в законе одновременно с нормой об их *показаниях* — в июле 2003 г. (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), суды не стали учитывать наравне с заключениями экспертов, особенно в случаях расхождения их содержания с содержанием экспертных заключений. Причина этой неравноценности виделась главным образом в том, что для заключений специалистов не предусмотрено никакой процессуальной формы получения [6]. Однако *показания сведущего лица*, данные в процедуре судебного следствия с участием всех заинтересованных лиц, — дело иное: процессуальная форма получения показаний любых лиц была всегда. Отказывать в допросе специалиста в судебном заседании по ходатайству стороны, по общему правилу, было не принято. Прямое указание в п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ на заключения и показания специалиста как на самостоятельные

доказательства в совокупности с правилом ч. 4 ст. 271 УПК РФ позволило расценивать отказ суда в удовлетворении ходатайства любой из сторон в допросе специалиста как нарушение правил справедливой процедуры судебного разбирательства и существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Относительно заключений специалиста столь же однозначного требования в законе не появилось, хотя нельзя не отметить, что случаи успешного использования и заключений специалистов для опровержения выводов экспертов в современной адвокатской практике тоже случаются [7]. Использовались они и автором настоящей статьи. Однако возьмем на себя смелость утверждать, что слишком заметная процедурная ущербность такого доказательства, как заключение специалиста (ввиду отсутствия какой бы то ни было процессуальной регламентации его собирания), эффективнее всего компенсируется именно допросом специалиста в суде — с удостоверением его личности, проверкой компетентности и предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Сочетание письменной формы изложения профессиональных суждений специалиста в заключении, прилагаемом к материалам уголовного дела, с устной формой представления суду этих же суждений в состязательной процедуре судебного следствия — оптимальный вариант отстаивания позиции защиты в этой части. Правоприменение в целом есть разновидность правовой технологии [8], и задачей адвоката-защитника, по определению не имеющего властных полномочий нигде в мире, а потому не осуществляющего правоприменительную деятельность, является вовсе не навязывание властвующим субъектам придуманных им «технологических решений», а гибкое приспособление собственных действий к имеющимся процедурам правоприменения. Такое приспособление возможно и успешно используется многими представителями адвокатского сообщества.

Конечно, никто не вправе обязать суд принять на веру показания специалиста, согласиться с ними, чего бы они ни касались. Не важно, пытается ли специалист отвечать по-другому на те же вопросы, на которые отвечал эксперт (что само по себе малоэффективно), оценивает ли специалист правильность применения экспертом принятых методик экспертных исследований либо просто ставит под сомнение обоснованность выводов эксперта. Пусть выбор тактики профессионального поведения останется за самим специалистом и теми, кто его пригласил. Но отказать в допросе в качестве специа-

листа лица, явившегося в суд по инициативе стороны, если он подтвердит документально свою компетентность в обозначенной сфере специальных знаний и если отсутствуют иные основания его отвода, предусмотренные в ст. 71 УПК РФ, суд не вправе. Именно благодаря этому у суда появляется принципиальная возможность выслушать с участием всех заинтересованных лиц альтернативное профессиональное мнение, сопоставить и оценить несколько таких мнений, а на основе этих оценок выработать собственную позицию по вопросам, ответы на которые требуют специальных знаний. Проблема приспособления ходатайств участников процесса и разных вариантов их сочетаний к имеющимся процедурным механизмам правоприменения характерна для всех отраслей правосудия [9]. Едва ли суд, рассматривающий уголовное дело, может позволить себе настолько быть связанным позицией одной из сторон, чтобы признать специалистом только того носителя специальных знаний, который ранее был привлечен к участию в деле органом уголовного преследования, т. е. стороной обвинения.

Толкование судами проверочных инстанций положения ч. 4 ст. 271 УПК РФ так, как оно было истолковано в анализируемом выше кассационном определении, чревато формированием опасной тенденции в судебной практике — устранения из судебно-экспертной деятельности по уголовным делам всякой конкуренции профессиональных мнений. Возможность не считать нарушением закона отказ суда в удовлетворении ходатайства, которое по закону подлежит обязательному удовлетворению, неизбежно повлечет цепную реакцию: идея существенного упрощения собственной работы за счет отказа в удовлетворении столь значительной части ходатайств участников судебного разбирательства может оказаться слишком соблазнительной для действительно загруженных работой судов первой инстанции. Если согласиться с предложенным Кассационным военным судом толкованием требований закона и рекомендаций Верховного Суда Российской Федерации, то от судей трудно будет даже требовать иного подхода к применению правила ч. 4 ст. 271 УПК РФ.

Сформулируем итоговый вывод.

Судебная практика, основанная на толковании положения ч. 4 ст. 271 УПК РФ об обязательности удовлетворения ходатайства стороны о допросе в качестве специалиста лица, явившегося в суд по инициативе ходатай, как об обязательности допроса только того специалиста, который уже был привлечен в этом качестве к производству

по уголовному делу, прямо противоречит закону, не соответствует официальному толкованию этой нормы Верховным Судом Российской Федерации,

а потому должна быть как можно скорее официально пресечена высшим органом судебной власти России.

1. Бернам У., Решетникова И. В., Прошляков А. Д. Судебная адвокатура. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 196 с.

2. Бозров В. М., Кобяков В. М. Судебное следствие. Вопросы теории и практики. Екатеринбург: Каменный пояс, 1992. 144 с.

3. Кудрявцева А. В., Попов В. С. Участие адвоката-защитника на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции: монография. Челябинск: Полиграф-мастер, 2006. 202 с.

4. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: монография / под ред. В. Н. Григорьева. Москва: Юрлитинформ, 2022. 448 с.

5. Костанов Ю. А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: проблемы регламентации и реализации // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола (Москва, 13 нояб. 2003 г.) / отв. ред. И. Ф. Демидов. Москва: ТК Велби: Проспект, 2004. С. 50—56.

6. Кудрявцева А. В., Морозова Ю. А. Процессуальный статус эксперта и специалиста: общее и особенное // Дифференциация уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: сб. науч. ст. Челябинск: Цицеро, 2015. С. 38—40.

7. Соловьев С. А. Пределы судебного усмотрения при оценке заключения эксперта и мнения специалиста: гносеологический аспект // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 17—22.

8. Шабуров А. С. Правоприменение как специфический вид правовой технологии // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 25—27.

9. Шарипова А. Р. Место ходатайств в уголовном и цивилистическом судопроизводствах: сопоставление // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1 (71). С. 51—55.

1. Burnam W., Reshetnikova I. V., Proshlyakov A. D. Judicial Advocacy. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press; 1996: 196. (In Russ.).

2. Bozrov V. M., Kobayakov V. M. Judicial investigation. Questions of theory and practice. Yekaterinburg: Stone belt; 1992: 144. (In Russ.).

3. Kudryavtseva A. V., Popov V. S. Participation of a defense lawyer at the stage of preliminary investigation and in the court of first instance. Monograph. Chelyabinsk: Polygraph-master Publishing House; 2006: 202. (In Russ.).

4. Maksimov O. A. Petitions and complaints as a form of expressing the appointment of criminal proceedings. Monograph. Ed. by V. N. Grigoriev. Moscow: YurLitinform; 2022: 448. (In Russ.).

5. Kostanov Yu. A. Competitiveness and equality of the parties in criminal proceedings: problems of regulation and implementation. In: New Criminal Procedure Code of Russia in action. Materials of the round table, 13 November 2003, Moscow. Ed. by I. F. Demidov. Moscow: TK Welby; Prospect Publishing House; 2004: 50—56. (In Russ.).

6. Kudryavtseva A. V., Morozova Yu. A. Procedural status of an expert and a specialist: general and special. In: Differentiation of criminal proceedings as a guarantee of ensuring the rights of participants in criminal proceedings. A collection of scientific articles. Chelyabinsk: Cicero; 2015: 38—40. (In Russ.).

7. Soloviev S. A. The limits of judicial discretion in evaluating the expert's opinion and the opinion of a specialist: epistemological aspect. Advocate practice, 17—22, 2017. (In Russ.).

8. Shaburov A. S. Law enforcement as a specific type of legal technology. Legal state: theory and practice, 25—27, 2022. (In Russ.).

9. Sharipova A. R. Place of petitions in criminal and civil proceedings: comparison. Legal state: theory and practice, 51—55, 2023. (In Russ.).

Тарасов Александр Алексеевич,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
Уфимского университета
науки и технологий,
доктор юридических наук, профессор;
aatar@mail.ru

Tarasov Alexander Alexeyevich,
head of the department of criminal law
and procedure
of the Ufa University of Science and Technology,
doctor of juridical sciences, professor;
aatar@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.13
doi: 10.25724/VAMVD.A127

**ЧАСТНОЕ НАЧАЛО
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ПРОЯВЛЕНИЕ ДИСПОЗИТИВНОСТИ ИЛИ АНАХРОНИЗМ?**

Юлия Сергеевна Митькова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
romanovka297676133@rambler.ru

Аннотация. В статье исследовано соотношение частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве. Автором выявлены отдельные проблемы правообеспечения законных интересов потерпевшего и обвиняемого при реализации норм действующего института частного обвинения в отечественном уголовном судопроизводстве, всесторонне проанализированы точки зрения сторонников и противников жизнеспособности и необходимости данного института в условиях публичного уголовного процесса. На основе результатов изучения норм отечественного и зарубежного уголовно-процессуального права, научных воззрений, судебной практики частного уголовного преследования автором определено его современное состояние и возможные тенденции дальнейшего развития. Констатировано, что общество нуждается в действующем институте частного уголовного преследования как способе достижения баланса частного и публичного в уголовном судопроизводстве. За потерпевшей стороной должно оставаться диспозитивное право принимать решение о начале уголовного преследования, если последствия общественно опасного деяния не выходят за границы личного интереса.

Ключевые слова: частное обвинение, уголовное преследование, публичность, диспозитивность, частный обвинитель

Для цитирования: Митькова Ю. С. Частное начало в современном уголовном судопроизводстве: проявление диспозитивности или анахронизм? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 129—135. doi: 10.25724/VAMVD.A127

**PRIVATE PRINCIPLE IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS:
PHENOMENON OF DISPOSITIVITY OR ANACHRONISM?**

Iulia Sergeevna Mitkova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia
romanovka297676133@rambler.ru

Abstract. The article examines the problems of the correlation of private and public principles in criminal proceedings. The author identifies different problems of legal support of the legitimate interests of the victim and the person accused in the implementation of the norms of the current institution of private prosecution in domestic criminal proceedings, comprehensively analyzes the points of view of supporters and opponents of the institution viability and necessity in a public criminal trial. Based on the results of studying the norms of domestic and foreign criminal procedure law, scientific views, judicial practice of private criminal prosecution, the author determines its current state and possible trends of further development. It is stated that society needs a functioning institution of private criminal prosecution as a way to achieve a balance of private and public in criminal proceedings. The affected party should retain the dispositive right to decide on the initiation of criminal prosecution, if the socially dangerous act consequences do not go beyond the boundaries of individual interest.

Keywords: private prosecution, criminal prosecution, publicity, dispositivity, private prosecutor

For citation: Mitkova Iu. S. Private principle in modern criminal proceedings: phenomenon of dispositivity or anachronism? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 129—135, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A127

В сложившемся веками понимании по своей сути уголовно-процессуальное право является отраслью публичного права. В период реформаторских преобразований российской системы судостроительства в 1864 г. наряду с провозглашением прогрессивных идей и принципов построения уголовного судопроизводства (независимость судебной власти, гласность, состязательность, всесословность) введены категории публичного и частного.

Так, в ч. 2 Устава уголовного судопроизводства [1, с. 145—146] (далее — УУС) указывалось, что судебное преследование может возбуждаться как должностными, так и частными лицами.

По общему правилу, закрепленному в ст. 4 УУС, полномочия по обличению обвиняемых возлагались на прокуроров и их товарищей, т. е. на субъектов уголовного преследования в нынешнем понимании. Однако из данного правила «изъёмлялись» уголовные дела, которые могли быть возбуждены исключительно вследствие жалобы потерпевшего, и прекращение производства по ним дозволялось примирением, при этом был введен новый участник — частный обвинитель, выполняющий процессуальную роль «обличителя» обвиняемого перед судом.

В. К. Случевский справедливо отмечал, что контроль потерпевшего в делах частных был более действенным, нежели ведомственный, поскольку его заинтересованность в неотвратимости наказания виновного способствовала обеспечению скорейшего правосудия [2, с. 229].

Советский законодатель, продолжая идею разделения уголовного процесса на частный и публичный, не отказался от института частного обвинения и в ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. закрепил правило о возбуждении судом уголовного дела в исключительном порядке, т. е. по заявлению потерпевшего. Предметом производства в частном порядке были преступления небольшой тяжести, не представляющие особой общественной опасности, а посягающие исключительно на личный (частный) интерес лица. Такие дела могли быть прекращены по согласию сторон в связи с достижением между ними примирения. В случае особой общественной значимости преступления или беспомощного состояния потерпевшего в дело вступал прокурор, и обвинительная деятельность приобретала публичный характер, но в данной ситуации потерпевший утрачивал право инициировать прекращение уголовного преследования, производство по уголовному делу доводилось до логического завершения. Отличительной особенностью исследуемого института в обозначенный период стало отсутствие четкого функционального разделения полномочий субъектов уголовного судопроизводства и официально

закрепленного понятия уголовного преследования, при котором на суд было возложено полномочие по возбуждению уголовного дела. Это нормативное установление просуществовало до 2007 г.

Современное уголовно-процессуальное законодательство конкретизировало отношение государства к реализации публичных и частных интересов. В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) 2001 г. помещена отдельная глава, посвященная видам уголовного преследования: частному, частно-публичному и публичному.

Новый УПК РФ, официально не объявляя принципом уголовного судопроизводства публичность, тем не менее недвусмысленно упоминает о ней в ст. 20.

Подавляющее большинство представителей уголовно-процессуальной науки современного периода, несмотря на данный факт, обоснованно включают публичность в систему принципов уголовного процесса.

М. Т. Аширбекова и Ф. М. Кудин причисляют публичность к принципам уголовного судопроизводства, поскольку к ней «относимы все признаки понятия принципа, выделяемые в науке уголовно-процессуального права» [3, с. 23]. Кроме того, авторы, посвящая данной тематике монографическое исследование, определяют публичность как «совокупность положений, обращаящих к субъектам, ведущим уголовный процесс, требование процессуально-должностной активности, которое в рамках выполняемых ими процессуальных функций состоит в обеспечении быстрого и обязательного разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела в случае обнаружения признаков преступления вне зависимости от усмотрения какого-либо и волеизъявления потерпевших...» [4, с. 122].

«Российский уголовный процесс, — пишет А. С. Барабаш, — должен строиться на публичном начале, которое никоим образом нельзя отождествлять с принципом... Публичность... это квинтэссенция сути общественных отношений, которые сложились в рамках социума под влиянием объективных факторов» [5, с. 9—10].

А. С. Барабаш не отождествляет понимание публичного начала с понятием принципа процесса, придавая ему гораздо более масштабное толкование, отмечая, что «публичность — именно то объективное основание, которое определяет природу российского уголовного процесса. В силу его органы государственной власти должны установить картину прошлого в полном объеме, выявить и защитить законные интересы всех участвующих в уголовном процессе и на основе баланса интересов принять социально значимое решение» [6, с. 133].

Мы же, не акцентируя внимания на сущности данной правовой категории, констатируем, что подобная идея, несомненно, реализуется в отечественном уголовном судопроизводстве как основа его построения, и законодатель свою позицию в этом направлении излагает достаточно ясно: государство принимает на себя обязательства защищать каждого, на чьи интересы посягает общественно опасное деяние, запрещенное нормами уголовного права (ст. 2 Конституции Российской Федерации, чч. 1, 2 ст. 21 УПК РФ).

В то же время, формулируя понятие уголовного преследования и выделяя его виды, действующий уголовно-процессуальный закон предоставляет лицу, чьи частные интересы были нарушены, возможность самостоятельно принять решение о начале уголовного преследования против определенного лица по отдельным составам преступлений. Нормы уголовно-процессуального права, регулирующие данную процедуру, сформированы в самостоятельный уголовно-процессуальный институт. Данный вид обвинительной деятельности в научной доктрине уголовно-процессуального права принято считать частным уголовным преследованием. Частный порядок инициирования преследования является формой реализации диспозитивных прав пострадавшего от преступления. Многие процессуалисты совершенно справедливо представляют его как исключительный из общего порядка уголовного преследования механизм в структуре публичного уголовного судопроизводства [7, с. 26]. Исключительность данного института обусловлена процедурными изъятиями в отношении незначительного перечня преступлений из общего порядка судопроизводства, не несущими большой общественной опасности, а направленными на ущемление частного интереса, а также отсутствием досудебного порядка уголовного разбирательства.

Специфику производства по делам частного обвинения можно охарактеризовать, исходя из двух выделяемых аспектов: уголовно-правового и уголовно-процессуального.

Первый заключается в установлении государством перечня общественно опасных деяний, посягающих на личный интерес потерпевших и нарушающих его. Указанный перечень никогда не был широким по понятным причинам, в настоящее время в него включены всего три состава: ч. 1 ст. 115 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), ч. 1 ст. 116.1 УК РФ и ч. 1 ст. 128 УК РФ — т. е. преступления, не причинившие вреда интересам общества и государства.

Второй аспект определяет следующие процессуальные особенности частного производства по уголовным делам:

— поводом для начала уголовного преследования является заявление потерпевшего или его законного представителя;

— отсутствие заявления потерпевшего влечет отказ от уголовного преследования;

— заявление подается непосредственно в суд (мировому судье);

— возникновение процессуального статуса частного обвинителя;

— частный обвинитель является самостоятельным участником, который вправе определять предмет и пределы доказывания по делу;

— дело подлежит прекращению, если подсудимый и потерпевший достигнут компромисса в решении уголовно-правового конфликта в форме примирения;

— неявка частного обвинителя без уважительной причины в суд влечет прекращение уголовного дела на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, которое влечет реабилитационные последствия для обвиняемого.

Степень правообеспечения интересов потерпевшего при реализации норм института частного обвинения подвергается сомнению многими представителями науки и практики. В последнее десятилетие в юридической литературе, среди практических работников правоохранительной сферы, а также в средствах массовой информации выдвигаются различные идеи дальнейшей судьбы частного начала в уголовном судопроизводстве.

Так, в 2021 г. Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) внес в Государственную Думу Российской Федерации законопроект о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство¹, который вызвал немало противоречивых мнений, горячих споров и достаточно активно обсуждался как в научных кругах, так и правоприменителями.

Указанным проектом закона ВС РФ предлагает ликвидировать институт частного обвинения как не отвечающий потребностям эффективной уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина, его здоровья, чести, достоинства и репутации от соответствующих общественно опасных посягательств, а также не согласующийся с политикой государства в области обеспечения безопасности личности и противодействия преступ-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116-1 и частью первой статьи 128-1 Уголовного кодекса Российской Федерации): законопроект № 1145531-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (дата обращения: 01.04.2023).

ности, акцентируя внимание на делах о «домашнем» насилии. В документе отмечено, что частный порядок производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, должен быть заменен на частно-публичный, при котором изменится процедура прекращения уголовного дела за примирением сторон, т. е. принятие данного решения будет не безусловной обязанностью суда при наличии соответствующего волеизъявления сторон, а его правом, основанным на тщательном исследовании всех обстоятельств события. Кроме этого, упомянутым законопроектом усиление защитного механизма частного обвинения предлагается путем введения предварительного расследования как обязательного звена уголовного производства по данной категории преступлений.

Тем не менее указанный документ по настоящее время не изменил своего статуса, закон не был принят.

Следует констатировать, что к нынешнему моменту проблема не утратила актуальности, но, к сожалению, осталась неразрешенной, поскольку окончательная позиция законодателя по этому вопросу так и не выработана. Вопрос об эффективности данного института и сам факт его существования относятся к числу дискуссионных.

Так, Н. В. Азаренок поддержал позицию ВС РФ, отмечая, что таким образом наконец станет возможным устранение перекоса в соотношении частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве, а из отечественного смешанного уголовного процесса будет устранен чуждый нам элемент англо-саксонской правовой системы [8, с. 20].

Солидарность с уважаемым автором в этом вопросе проявляют И. Г. Смирнова и М. Ю. Шадрин, ратующие за упразднение института частного обвинения как «искусственного», обосновывая обозначенную позицию тем, что любое деяние, запрещенное уголовным законом, независимо от степени тяжести, посягает не только на частный интерес, но и на общественные интересы. Уголовное преследование по таким делам должно сопровождаться обязательным производством дознания [7, с. 27].

Вместе с тем, выражая несогласие с данными взглядами, стоит заметить, что исследуемый правовой институт зародился еще в дореволюционный период и доказывал свою жизнеспособность на протяжении не одного столетия.

Противниками ликвидации механизма частного уголовного преследования приводятся также достаточно весомые аргументы. К примеру, Р. М. Минулин высказывается против устранения частного порядка производства по уголовным делам, а его реформирование видит «в исключении требований к содержанию заявления по делам частного обви-

нения мировому судье и расширении оснований для направления заявления в органы предварительного расследования» [9, с. 15], тем самым не возражая против того, чтобы при необходимости обеспечения надлежащей защиты прав пострадавших от преступления в дело вмешалось государство в лице органов предварительного расследования.

П. М. Титов высказывает мнение о том, что «полная ликвидация частного обвинения будет излишне радикальной мерой, а перевод „частных“ составов преступлений в категорию частно-публичных повлечет невозможность инициативного прекращения уголовного дела за примирением сторон» [10, с. 51].

Думается, что к указанным аргументам противников упразднения частного уголовного преследования необходимо добавить и несовершенство нынешнего правового регулирования процедуры проверки сообщения о преступлении. Введение досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, не будет являться безусловной гарантией обеспечения прав потерпевших хотя бы потому, что сам факт подачи заявления в полицию не влечет обязательного возбуждения уголовного дела со всеми вытекающими правовыми последствиями. Обращение с подобного рода заявлениями требует тщательного исследования всех обстоятельств, которые так же, как и при поступлении заявления к мировому судье, должны быть установлены для принятия законного и обоснованного решения. Ситуация осложняется тем, что большинство таких преступлений совершаются, как указывалось выше, на бытовой почве, в одной семье, когда пострадавший и виновный проживают в той же квартире.

Действующий порядок производства по уголовным делам частного обвинения предусматривает определенные гарантии реализации прав потерпевших, устанавливая обязательность вмешательства государства (дело возбуждается органом предварительного расследования в публичном порядке) в отсутствие заявления лица или его законного представителя при наличии следующих условий (ч. 4 ст. 20 УПК РФ):

— если пострадавшее лицо, в силу зависимости или беспомощного состояния либо по иным причинам, не может защищать свои права и законные интересы;

— если данные о лице, совершившем преступление, неизвестны.

В этом случае в суде обвинение будет поддерживать государственный обвинитель, а прекращение уголовного преследования за примирением допускается лишь в порядке ст. 25 УПК РФ на общих основаниях.

Примером вступления в уголовное дело рассматриваемой категории государственного обвинителя и его роли в защите интересов потерпевшего может служить апелляционное постановление Ярославского областного суда от 17 мая 2022 г. по уголовному делу № 22-958/2022¹ по обвинению А. В. Дьячкова в совершении преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ. Прокурор обратился с апелляционным представлением на постановление Рыбинского городского суда Ярославской области от 9 марта 2022 г., которым уголовное дело было прекращено в связи с примирением сторон. В представлении указал, что судебный акт суда первой инстанции противоречит смыслу ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, в соответствии с которым прекращение уголовного дела должно стимулировать лицо к скорейшему исправлению и устранению негативных последствий своих действий. В данном случае имеет место неоднократное нанесение побоев потерпевшей К., являющейся супругой подсудимого. В течение 2021 г. уголовное дело в отношении него трижды прекращалось в связи с примирением с потерпевшей. Однако последняя в судебном заседании заявила, что добровольно обратилась с ходатайством о примирении с Дьячковым, он принес ей извинения, что она посчитала достаточным для заглаживания причиненного вреда, в настоящее время обвиняемый изменил свое поведение в лучшую сторону. Суд апелляционной инстанции отклонил представление прокурора и оставил решение суда первой инстанции в силе, обосновав его тем, что уголовное дело частного обвинения может быть прекращено за примирением сторон при соблюдении условий, установленных законом, вне зависимости от того, в каком порядке оно возбуждалось.

Приведенный пример из судебной практики подчеркивает важность соблюдения баланса между частным и публичным интересом, а также заинтересованность органа публичной власти, несмотря на частный характер уголовного преследования, в принятии объективного и справедливого решения и обеспечении интересов потерпевшей стороны.

По данным судебной статистики, дела частного обвинения составляют около 1 % среди рассматриваемых судами уголовных дел². Однако

за указанными цифрами стоят судьбы реальных людей. Несмотря на столь незначительный процент уголовных дел частного характера, их статистика на протяжении 2019—2021 гг. находилась примерно на одном уровне, а в 2022 г. наблюдается увеличение их объема в судебной практике мировых судей, что свидетельствует о стабильности и востребованности данного правового института.

Так, в 2019 г. в суды поступило 5 128 уголовных дел указанной категории, в 2020 г. на рассмотрении мировых судей находилось 5 968 уголовных дел, в 2021 г. судами принято к рассмотрению 5 462 заявления от потерпевших в частном порядке, в 2022 — 8 672³.

Безусловно, отсутствие досудебного этапа сказывается определенным негативным образом на эффективности частного порядка уголовного преследования, но вместе с тем решение о переводе таких дел в разряд частно-публичных не способно разом решить данную проблему правообеспечения интересов лиц, пострадавших от преступления.

Представляется, что оптимизация механизма уголовного преследования должна осуществляться не радикальным упразднением частного начала, а путем совершенствования сложившегося порядка производства в реализации частного уголовного преследования. Исключение указанного института из системы действующего правового регулирования уголовно-процессуальной сферы правоотношений повлечет нарушение баланса между частным и публичным интересами в уголовном судопроизводстве. У пострадавшего должно остаться диспозитивное право выбора в пользу начала уголовного преследования либо отказа от него. Проблема «домашнего» насилия же многогранна, и одним лишь реформированием уголовно-процессуального законодательства в этой ситуации ограничиться недопустимо. Необходимо рассматривать и разрешать эту проблему комплексно, опираясь на юридический, социальный, психологический и другие аспекты данного явления.

Изучение норм уголовно-процессуальных законов отдельных государств, имеющих общей правовой фундамент, заложенный во времена существования СССР, показывает, что даже после масштабных преобразований уголовно-процессуальной сферы институт частного обвинения не изжил себя, а является вполне «рабочим».

¹ Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 17 мая 2022 г. по уголовному делу № 22-958/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sC63Ll8OiAdx?regular> (дата обращения: 06.04.2023).

² Верховный Суд РФ предложил защитить жертв домашнего насилия отменой частного обвинения в судах // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/29837/ (дата обращения: 28.03.2023).

³ Отчеты о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019, 2020, 2021, 2022 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 28.03.2023).

Например, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан¹ (далее — УПК РК) насчитывает 10 составов уголовно-правовых правонарушений, возбуждаемых исключительно на основании заявлений потерпевших и подлежащих прекращению за примирением сторон (ч. 2 ст. 32 УПК РК), Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь² (далее — УПК РБ) — 23 состава преступлений, относящихся к категории частных (чч. 2, 3 ст. 26 УПК РБ).

Вопрос защиты и обеспечения прав пострадавших от преступлений, входящих в число преследуемых в частном порядке, разрешен законодателями упомянутых государств следующим образом.

В силу ч. 2 ст. 427 УПК РБ в рамках производства по уголовным делам частного обвинения для получения объяснений, заключений специалистов и иных необходимых сведений суд может направить заявление в орган дознания для проведения проверки, которая должна быть закончена в срок до десяти суток. Иными словами, государство в лице уполномоченных органов обязано «включиться» в механизм уголовного судопроизводства по делам частного характера, если того требуют интересы стороны обвинения или защиты, при этом потерпевший не утрачивает право отказаться от преследования.

Думается, что применение обозначенного порядка вполне допустимо и в отечественном уголовном процессе в рамках судопроизводства частного характера, причем десятисуточный срок на соби́рание доказательств по поручению суда также оптимален и достаточен, поскольку схож со сроком производства неотложных следственных действий. Согласно нормам российского уголовно-процессуального закона (ч. 3 ст. 157 УПК РФ) неотложные следственные действия проводятся после возбуждения уголовного дела. Указанное положение согласуется с ч. 1 ст. 318 УПК РФ, в силу которой дело частного обвинения возбуждается путем подачи заявления потерпевшим в суд, поэтому допустимо, что с момента принятия его к производству мировым судьей возможно проведение следственных и иных действий, направленных на формирование доказательственной базы.

Похожий порядок установлен и уголовно-процессуальным законодательством Казахстана: ч. 5 ст. 32 УПК РК предусматривает возможность после

регистрации сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований проведение неотложных следственных действий по делам частного обвинения и преследования. В уголовном судопроизводстве Казахстана отсутствует стадия проверки сообщения о преступлении, поэтому с момента регистрации заявления уполномоченный публичный орган обязан принять меры к началу уголовного преследования независимо от его характера; если в течение трех суток по такому преступлению заявление от потерпевшего не поступит, дело подлежит прекращению.

В соответствии с ч. 4 ст. 410 УПК РК на судью возложена **обязанность** оказать содействие сторонам в соби́рании доказательств по их ходатайству и вызове указанных ими свидетелей, тогда как ч. 2 ст. 319 УПК РФ содержит указание на **право** суда по ходатайству сторон оказать им содействие в соби́рании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно. Следует отметить, что законодатель Казахстана в большей степени ориентирован на оказание помощи сторонам в соби́рании доказательств при судебном производстве по уголовным делам частного обвинения.

Таким образом, современное состояние российской уголовной политики свидетельствует о том, что общество нуждается в действующем институте частного уголовного преследования как способа достижения баланса частного и публичного в уголовном судопроизводстве. За потерпевшей стороной должно оставаться диспозитивное право принимать решение о начале уголовного преследования, если последствия общественно опасного деяния не выйдут за границы личного интереса.

Резюмируя результаты исследования, проанализировав отдельные аспекты правообеспечительного потенциала института частного обвинения с точки зрения теоретического и практического осмысления, предлагаем внести предложения по корректировке действующего уголовно-процессуального законодательства.

1. Дополнить частью 2.1 статью 319 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «После принятия заявления к своему производству мировой судья для получения объяснений, заключений специалистов и иных необходимых сведений может направить поручение в орган дознания для проведения проверки, которая должна быть закончена в срок до десяти суток, после чего судья продолжает производство по уголовному делу».

2. Часть 2 статьи 319 УПК РФ сформулировать в следующей редакции: «По ходатайству сторон мировой судья оказывает им содействие в соби́рании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно».

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по сост. на 26.03.2023). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002 (дата обращения: 30.03.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 20.07.2021). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2002 (дата обращения: 30.03.2023).

1. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. Б. В. Виленский. Москва: Юрид. лит., 1991. 495 с.

2. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. 792 с.

3. Аширбекова М. Т., Кудин Ф. М. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации): монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 239 с.

4. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. 483 с.

5. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006. 52 с.

6. Барабаш А. С. Место публичности в иерархии основных понятий уголовного процесса // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 4 (33). С. 131—143.

7. См., например: Смирнова И. Г., Шадрин М. Ю. К вопросу об искусственности института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2020. № 2. С. 25—28.

8. Азаренок Н. В. Упразднение дел частного обвинения как проявление поиска баланса публичного и частного интересов в современном отечественном уголовном процессе // Мировой судья. 2022. № 4. С. 20—22.

9. Минулин Р. М. Институт частного обвинения: упразднить нельзя реформировать // Мировой судья. 2022. № 6. С. 14—19.

10. Титов П. М. Частное обвинение: необходимость ликвидации или совершенствования? // Администратор суда. 2021. № 3. С. 49—52.

Митькова Юлия Сергеевна,

доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук; romanovka297676133@rambler.ru

1. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 8. Judicial reform. General ed. by O. I. Chistyakov; executive ed. B. V. Vilensky. Moscow: Juridical literature; 1991: 495. (In Russ.).

2. Sluchevskiy V. K. The Russian criminal process. Textbook. Judiciary. Part 1. Saint Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing house; 1891: 792. (In Russ.).

3. Ashirbekova M. T. The publicity principle in Russian pre-trial proceedings in criminal cases (content and implementation forms). Monography. Volgograd: Printing house of Volgograd State University; 2007: 239. (In Russ.).

4. Ashirbekova M. T., Kudin F. M. The publicity principle of criminal proceedings: concept, content and action limits. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Volgograd; 2009: 483. (In Russ.).

5. Barabash A. S. The public principle of the Russian criminal process. Abstract of the dissertation of the doctor of juridical sciences. Krasnoyarsk; 2006: 52. (In Russ.).

6. Barabash A. S. The publicity position in the hierarchy of the criminal process basic concepts. Bulletin of the Omsk University. The "Law" series, 131—143, 2012. (In Russ.).

7. See, for example: Smirnova I. G., Shadrin M. Yu. On the question of the artificiality of the private prosecution institution in Russian criminal proceedings. Mirovoy sudya, 25—28, 2020. (In Russ.).

8. Azarenok N. V. The abolition of private prosecution cases as a phenomenon of the search for a balance of public and private interests in the modern domestic criminal process. Mirovoy sudya, 20—22, 2022. (In Russ.).

9. Minulin R. M. Institution of private prosecution: abolish not reform. Mirovoy sudya, 14—19, 2022. (In Russ.).

10. Titov P. M. Private accusation: the need for liquidation or improvement. Administrator suda, 49—52, 2021. (In Russ.).

Mitkova Iulia Sergeevna,

associate professor at the chair of criminal procedure of the training and scientific complex of preliminary investigation in law-enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences; romanovka297676133@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 351.773.137
doi: 10.25724/VAMVD.A128

**СФЕРА ОБОРОТА МОЛОКА И МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ
КАК ОБЪЕКТ КОНТРОЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Ирина Николаевна Гулян

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, irinagulyan@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации с дальнейшей конкретизацией объекта исследования на области фальсификации молочной продукции. В рамках анализа использовался ряд методов научного познания (синтез, метод системного и институционального подходов, а также метод восхождения от абстрактного к конкретному), которые позволили определить не только особенности понимания термина «фальсификат молочной продукции», но и актуальность изучения данной проблематики на современном этапе развития общества. Изучение указанного объекта построено на рассмотрении нормативно-правовой базы в данной сфере и определении совокупности институтов органов государственной власти и хозяйствующих субъектов, функционирующих в поле продовольственной безопасности. Результатами исследования стало выявление комплекса проблем в области процессов контроля, создающих потенциальные возможности фальсификации молочной продукции, и определение перечня направлений противодействия преступности в данной сфере.

Ключевые слова: национальная безопасность, продовольственная безопасность, фальсификация, молочная продукция, экономическая безопасность, противодействие коррупции

Для цитирования: Гулян И. Н. Сфера оборота молока и молочной продукции как объект контроля органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 136—141. doi: 10.25724/VAMVD.A128

**THE SPHERE OF TURNOVER OF MILK AND DAIRY PRODUCTS
AS AN OBJECT OF CONTROL
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Irina Nikolaevna Gulyan

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, irinagulyan@bk.ru

Abstract. The article discusses the features of ensuring food security in the Russian Federation with further specification of the object of study in the field of falsification of dairy products. In the analysis, a number of scientific cognition methods were used (synthesis, systemic and institutional approach, as well as rising from the abstract to the concrete), which made it possible not only to determine the peculiarities of understanding the term "counterfeit dairy products", but also to determine the relevance of studying this issue at the present stage of society development. The research of this study object is based on the consideration of the legal framework of this sphere, and relies on the definition of a set of state authority institutions and business entities operating in the field of food security. The research resulted in identification of a set of issues in the field of control processes that create potential opportunities for falsification of dairy products and also to determine a list of areas for combating crime in this sphere.

Keywords: national security, food security, falsification, dairy products, economic security, anti-corruption

For citation: Gulyan I. N. The sphere of turnover of milk and dairy products as an object of control of the Internal Affairs Bodies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 136—141, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A128

В настоящее время проблема обеспечения национальной безопасности России как никогда актуальна. Вместе с тем важно понимание того факта, что, представляя собой состояние защищенности личности, общества и государства как от внешних, так и внутренних угроз, национальная безопасность многогранна. И обеспечивается она не только путем защиты независимости и суверенитета страны, ее государственной и территориальной целостности, но и посредством реализации прав и свобод граждан России, достойного качества и уровня их жизни, а также устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации¹.

Именно по этой причине национальная безопасность фактически выступает объединяющей категорией, включающей в себя различные виды безопасности — военной, экономической, экологической, информационной и т. д. Особое место в этом перечне занимает продовольственная безопасность, что подтверждается наличием отдельной Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной соответствующим указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20². Исходя из ее положений, продовольственная безопасность России — это один из главных показателей социально-экономического развития государства, который выражается не только в самообеспечении нашей страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Значима также гарантия физической и экономической доступности для каждого гражданина пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах, необходимых для активного и здорового образа жизни.

Среди большого разнообразия пищевых продуктов молоко и продукты его переработки (творог, сливки, сметана, кисломолочные продукты, сыры, сливочное масло и т. д.) занимают важное место в питании людей, являясь обязательными для потребления ввиду содержания в них наиболее ценных элементов для жизнедеятельности человека. В силу этого можно утверждать о необходимости предоставления индивидам данного товара в нужном количестве и качестве в рамках национального рынка. Это фактически и отражает одно

из наглядных проявлений обеспечения продовольственной безопасности.

Нужно также понимать, что в систему обеспечения национальной безопасности России и такого ее компонента, как продовольственная безопасность, входят различные субъекты, каждый из которых располагает присущим только для него арсеналом сил, средств и методов. Не ставя задачи рассмотреть все из них (в той или иной мере реализующих государственную политику в сфере обеспечения национальной безопасности и представляющих собой органы публичной власти), отметим, что задача обеспечения продовольственной безопасности отнесена также и к компетенции органов внутренних дел.

Не случайно положения п. 7.16 приложения 2 к приказу МВД России от 1 апреля 2016 г. № 155 к числу основных направлений научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации среди прочего относят проблемы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. Акцент при этом сделан именно на организации и методах противодействия сопутствующих этой сфере преступлений с использованием особого инструментария — сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности, и одним из субъектов, имеющих право на их применение в полном объеме, являются сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК)³.

В значительной мере эффективность оперативно-служебной деятельности сотрудников этих и иных подразделений в органах внутренних дел, а также других заинтересованных субъектов обеспечения национальной безопасности в целом и продовольственной в частности зависит от понимания ими объекта защиты. В нашем случае это общественные отношения, связанные со сферой производства и реализации молока и молочных продуктов, которые в настоящее время нашли достаточно четкую правовую регламентацию.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации (вместе с Руководством по осуществлению научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации, Основными направлениями научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, Положением о Совете МВД России по научно-гуманитарному обеспечению и положительному опыту в органах внутренних дел Российской Федерации): приказ МВД России от 1 апреля 2016 г. № 155 (ред. от 05.08.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Во-первых, отметим, что молоко и молочные продукты входят в качестве базового компонента в потребительскую корзину, представляющую собой набор основных продуктов питания населения любой страны, исходя из потребности человека в основных питательных и энергетических веществах, необходимых для сохранения здоровья и поддержания жизнедеятельности.

Так, согласно действовавшему до 31 декабря 2020 г. Федеральному закону «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ, молоко и молочные продукты должны входить в рацион питания населения. В среднем один человек ежегодно должен иметь возможность приобрести и потреблять молока и молочных продуктов в зависимости от принадлежности к той или иной категории. В частности, для трудоспособного населения это 290 кг в год, для пенсионеров — 257,8 кг, детей — 360,7 кг¹.

Фактически и сегодня постоянный мониторинг таких показателей потребительской корзины предусмотрен положениями распоряжения Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации» от 10 февраля 2021 г. № 296-р².

Во-вторых, в настоящее время приложением к Рекомендациям по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания, утвержденным приказом Минздравсоцразвития России от 19 августа 2016 г. № 614, четко установлены нормы потребления молока и молочных продуктов в перерасчете на молоко. Они должны составлять как минимум 325 кг на 1 человека в год. В том числе сюда должны входить:

- молоко, кефир, йогурт с жирностью от 1,5 до 3,2 % — 50 кг в год;
- молоко, кефир, йогурт с жирностью от 0,5 до 1,5 % — 58 кг соответственно, в том числе витаминизированные — 50 кг;
- сметана, сливки с жирностью от 10 до 15 % — 3 кг;
- масло животное — 2 кг;
- творог с жирностью от 9 до 18 % — 9 кг;

¹ О потребительской корзине в целом по Российской Федерации: федер. закон от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ (ред. от 28.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении перечня показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2021 г. № 296-р (ред. от 11.08.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- творог с жирностью от 0 до 9 % — 10 кг;
- сыр — 7 кг³.

Следует обратить внимание на тот факт, что в настоящее время, по данным службы государственной статистики, уровень обеспеченности указанными товарами находится ниже положенных минимальных значений. Так, если в 2019 г. это было 83,9 % от указанного выше показателя (325 кг в год на 1 человека), то по итогам 2022 г. этот показатель несколько увеличился и составил 84,3 % от требуемой нормы потребления⁴. Следовательно, утверждать о полноценном здоровом питании всего населения страны как минимум преждевременно.

В-третьих, в контексте демографической ситуации в России и ее прогнозов на среднесрочную и долгосрочную перспективу важно обратить внимание на рекомендации НИИ Питания Российской Академии медицинских наук (РАМН), согласно которым молоко и изготавливаемые на его основе творог, сметана, йогурт и другие продукты являются идеальными для питания как беременных женщин, кормящих матерей, так и детей и подростков⁵.

Например, нормой, позволяющей обеспечить необходимые суточные физиологические потребности в пищевых веществах и энергии, а также осуществить профилактику в будущем нутритивной (белково-энергетической) недостаточности у детей, является потребление беременной женщиной или кормящей матерью как минимум 600 г молока, кефира и других кисломолочных продуктов, а также 50 г 9 %-го творога, 15 г сметаны 10 %-й жирности и 25 г сливочного масла⁶.

В то же время, по оценкам специалистов, в 2021 г. 98 % россиян, в том числе школьники, испытывали потребность в нутриентах и витаминах. Хотя для поддержания нормального функционирования организма рацион взрослого человека должен включать 25 % молока и молочных продуктов, детей и подростков — 50 %, детей до года — около 100 %⁷.

³ Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: приказ Минздрава России от 19 августа 2016 г. № 614 (ред. от 01.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ URL: <https://www.agroinvestor.ru/> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ URL: <https://pit-school.srt.eduru.ru/> (дата обращения: 25.02.2023).

⁶ Рекомендуемые наборы продуктов для питания беременных женщин, кормящих матерей и детей в возрасте до трех лет (вместе с «Рекомендуемыми наборами продуктов...», утв. Минздравсоцразвития Российской Федерации 16.05.2006): письмо Минздравсоцразвития Российской Федерации от 15 мая 2006 г. № 15-3/691-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ URL: <https://antonovka.edusite.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).

И сейчас ситуация в этой области далека от даже минимально приемлемого уровня.

В четвертых, для понимания специфики противодействия различным видам нарушений в сфере оборота молока и молочной продукции для сотрудников подразделений ЭБиПК, закрепленных за данной линией работы, равно как и иных субъектов, в той или иной мере принимающих участие в обеспечении продовольственной безопасности, необходимы знания о том, какие требования предъявляются к этому особому продукту питания. Иными словами, важно знать, в каком случае он действительно безопасен для здоровья человека.

Сегодня такие требования четко определены значительным перечнем подзаконных нормативных правовых актов, в том числе международного уровня. К ним относятся:

— Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 021/2011) «О безопасности пищевой продукции», утвержденный решением комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880¹;

— Технический регламент Таможенного союза «О безопасности молока и молочной продукции (ТР ТС 033/2013)», утвержденный решением Совета Евразийской экономической комиссии от 9 октября 2013 г. № 67 (далее — ТР ТС «О безопасности молока и молочной продукции»)²;

— ГОСТ Р 58340-2019. «Национальный стандарт Российской Федерации. Молоко и молочная продукция. Метод отбора проб с торговой полки и доставки проб в лабораторию», утвержденный и введенный в действие Приказом Росстандарта от 16 января 2019 г. № 2-ст³;

— постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации «Об уси-

лении надзора за производством и оборотом пищевых продуктов» от 29 августа 2006 г. № 28⁴; и т. д.

Не ставя задачи детального рассмотрения всех положений обозначенных выше нормативных правовых источников, регламентирующих вопросы соблюдения установленных требований в процессе производства и реализации молока и молочных продуктов, отметим, что существует следующая классификация групп данного товара:

— молоко и сливки (пастеризованные, ультрапастеризованные, стерилизованные);

— кисломолочные продукты (ряженка, кефир, простокваша и т. д.);

— молочные продукты для детского питания (смеси, йогурты, творог, молочные каши и т. д.);

— сыры разной степени твердости;

— сливочное масло, спреды;

— мороженое;

— сухое молоко и др.

Для каждой из этих групп четко определен регламент отбора проб и соответствующих требованиям безопасности критериев. Это позволяет осуществлять контроль за качеством молока и молочных продуктов на всех этапах их производства внутри страны или же при ввозе на территорию России, а также в процессе транспортировки, хранения и реализации конечным потребителям.

Например, согласно положениям ТР ТС «О безопасности молока и молочной продукции» к молоку и молочной продукции, используемым в пищевых целях, установлены следующие обязательные для применения и исполнения на всей территории Таможенного союза требования:

— молоко должно изготавливаться из цельного нормализованного и обезжиренного молока, соответствующего санитарно-гигиеническим требованиям;

— молоко должно быть натуральным, белого или светло-кремового цвета, без осадков и хлопьев. Не допускается содержание антибиотиков, соды, аммиака, дезинфицирующих и моющих средств;

— на упаковке должен быть указан состав, масса нетто (масса брутто на усмотрение изготовителя), объем, дата изготовления и срок годности, условия хранения, номер партии, наименование и место нахождения изготовителя, товарный знак (при наличии);

— наличие единого знака обращения после выпуска молока и молочной продукции на рынок государств — членов Таможенного союза;

¹ О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (вместе с «ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности пищевой продукции»): решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880 (ред. от 14.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О техническом регламенте Таможенного союза «О безопасности молока и молочной продукции» (вместе с «ТР ТС 033/2013. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности молока и молочной продукции»): решение Совета Евразийской экономической комиссии от 9 октября 2013 г. № 67 (ред. от 15.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ ГОСТ Р 58340-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Молоко и молочная продукция. Метод отбора проб с торговой полки и доставки проб в лабораторию: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 16 января 2019 г. № 2-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об усилении надзора за производством и оборотом пищевых продуктов: постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 29 августа 2006 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- массовая доля сырого молока, обезжиренного молока и сливок должна быть не менее 8,2 %;
- кислотность 19—21 °Т;
- плотность не менее 1 024 кг/м;
- группа чистоты не ниже 1;
- температура продукта при выпуске с предприятия 4 ± 2 °С¹.

Как уже отмечалось, молоко и молочные продукты ежедневно потребляются жителями России и входят в приоритетную группу среди различных продовольственных товаров. Кроме того, поставка молока и молочной продукции осуществляется в медицинские, оздоровительные, образовательные и дошкольные, исправительные учреждения, раздаточные пункты и т. д.

Сегодня на рынке представлено большое количество продукции, произведенной фабричным способом, ассортимент которой постоянно обновляется и расширяется. Но среди этого многообразия в процессе оптовой или розничной продажи встречается значительное количество фальсификата, потребление которого может угрожать жизни и здоровью граждан.

Не случайно в связи с расширением ассортимента молока и молочной продукции в торговой сети, а также введением в состав этого продукта питания компонентов растительного происхождения все чаще выявляются факты реализации некачественного товара, даже изготовленного по ГОСТу, в силу допущенных нарушений в процессе его перевозки и хранения. Возросло число случаев частичной или же полной его подделки. Соответственно, часто стоимость такого товара значительно ниже, что используется не только населением, уровень финансового обеспечения которого недостаточно высок, но и преступниками, извлекающими значительные доходы от поставок такого фальсификата на основании заключенных государственных и муниципальных контрактов в детские сады, школы, больницы и т. д.

Так, согласно данным Россельхознадзора, свыше 21 % молочной продукции, реализуемой в торговых сетях в России (без учета поставляемых централизованно в школы, больницы и иные социальные учреждения), фальсифицировано. Иными словами, это практически каждый пятый молочный продукт на полках магазинов. По данным Россельхознадзора, основными причинами отнесения продукции к фальсификату стало наличие консервантов, не заявленных производителем, или их превышение, а также несоответствие массовой доли жира, белка, наличие незаявленных растительных ком-

понентов, несоответствие жирно-кислотного состава продукции².

В связи с этим считаем весьма показательными данные, приведенные специалистами молочной отрасли, согласно которым с 2017 г. по настоящее время себестоимость производства молока и молочных продуктов возрастает в среднем на 20 %.

Вместе с тем, несмотря на постоянное снижение поголовья молочного скота в России в среднем на 1—2 % в год (например, в 2022 г. эта цифра составила 86 тыс. голов), официально растет количество молока и молочных продуктов. Однако они производятся массово с использованием различных заменителей молочного жира, хотя большая часть из них (йогурты, творог и т. п.) отнесены к десертной группе и необходимы в первую очередь для детского питания³.

Соответственно, часто стоимость такого товара значительно ниже, что используется не только населением, уровень финансового обеспечения которого оставляет желать лучшего, но и преступниками, извлекающими значительную выгоду от поставок такого фальсификата на основании заключенных государственных и муниципальных контрактов в детские сады, школы, больницы и т. д.

По всем фактам выявления молочной продукции, не соответствующей требованиям Технического регламента, принимаются меры административного воздействия в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, включая приостановление реализации данной продукции.

Так, в Волгоградской области сотрудники правоохранительных органов совместно с работниками прокуратуры выявили и пресекли деятельность организованной группы, которая занималась на период с 2018 по 2020 г. поставками суррогатной молочной продукции в особо крупном размере. Преступники при этом зарегистрировали на территории Волгограда фирму, арендовали складские помещения для дальнейшей реализации некачественного продукта и легализации полученных от этой незаконной деятельности доходов. В свою очередь поставщик через посредника закупал молочную продукцию на предприятии в Рязанской области, где вместо молока производился продукт (жидкость), который не соответствовал государственному стандарту. После подделки различных документов о производителе и качестве такого товара он под видом сливочного масла высшего сорта, творога

² URL: <https://50.rospotrebnadzor.ru/> (дата обращения: 09.03.2023).

³ Молочная отрасль России в 2022 году в 10 графиках. URL: <https://milknews.ru/longridy/Molochnaja-otrasl-10-grafikah.html> (дата обращения: 15.12.2022).

¹ О техническом регламенте Таможенного союза «О безопасности молока и молочной продукции»...

и сметаны поставлялся в различные медицинские и социальные учреждения, сетевые магазины, заведения общественного питания¹.

Частичным решением существующих проблем в сфере оборота молока и молочных продуктов стало введение с 1 сентября 2021 г. новых правил маркировки и сертификации молочной продукции, обеспечивающих полную дифференциацию натуральных продуктов и продуктов-заменителей. Однако это не оказало никакого влияния на уровень криминализации данной сферы.

¹ Фигурантов дела о суррогатном молоке для волгоградских колоний арестовали // РИА Новости. 12.02.2020. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 15.03.2023).

Гулян Ирина Николаевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
irinagulyan@bk.ru

Соответственно, по-прежнему в целях обеспечения национальной безопасности России, в том числе в таком ее сегменте, как продовольственная безопасность, важно понимание сотрудниками подразделений ЭБиПК того, какими должны быть безопасные для жизни и здоровья молоко и молочные продукты, а также специфики их производства, транспортировки, хранения и реализации. Это в значительной мере не только повысит защищенность права каждого жителя нашей страны на здоровое и безопасное питание, но и будет способствовать укреплению доверия населения к органам государственной власти как основному инструменту обеспечения национальной безопасности России.

Gulyan Irina Nikolaevna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
irinagulyan@bk.ru

Статья поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 05.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.347
doi: 10.25724/VAMVD.A129

**ХАРАКТЕРИСТИКА
СУБЪЕКТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ,
НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ**

Елена Вячеславовна Исаханова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
elenaisakhanova@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается специфика личности субъектов совершения преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности. К таковым следует отнести гендерную принадлежность, уровень образования субъекта противоправной деятельности, а также ряд социально-демографических и социально-ролевых особенностей подозреваемого / обвиняемого, которые в совокупности позволяют создать усредненный криминалистический портрет. Автор приходит к выводу о том, что знание основных криминалистических особенностей субъекта, совершившего преступление в сфере косметологии, способствует выявлению причин образования негативных свойств личности и условий их устойчивости, определению индивидуального преступного поведения лица, совершившего преступление, прогнозированию вероятности совершения этим лицом преступления в будущем с учетом выбора мер реагирования на совершенное преступление. Изучение характерных черт личности субъекта противоправной деятельности дает возможность сотрудникам правоохранительных органов правильно выбрать средства и методы, необходимые для успешного раскрытия и расследования конкретной категории преступлений.

Ключевые слова: косметологические услуги, эстетическая медицина, ятрогенная преступность, криминалистическая характеристика, личность субъекта преступления в сфере оказания косметологических услуг, социально-демографические и социально-ролевые особенности

Для цитирования: Исаханова Е. В. Характеристика субъекта совершения преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 142—147. doi: 10.25724/VAMVD.A129

**CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT COMMITTING CRIMES
IN THE SPHERE RELATED TO PROVIDING
COSMETOLOGY SERVICES
NOT SATISFYING SAFETY REQUIREMENTS**

Yelena Vyacheslavovna Isakhanova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, elenaisakhanova@yandex.ru

Abstract. The given scientific research article deals with personal characteristics proper to the subjects committing crimes in the sphere related to providing cosmetology services not satisfying safety requirements. The latter includes: gender, level of education of the subject of illegal activity as well as a number of social-demographic and social-and-human-role characteristics of the suspect / the accused, which make it possible to develop an average criminalistic image (portrait). The author of the article concludes that knowledge of the main criminalistic features of the subject having committed a crime in the cosmetology sphere helps to identify the causes of formation of negative personal characteristics and the conditions for their stability, to determine the individual criminal behavior of the person having committed a crime as well as to predict the likelihood to commit a crime of the mentioned person in the future taking into account the choice of response measures to this illegal act. Study of the personal characteristics of the subject of illegal activity enables the law enforcement officers to find correct means and methods necessary to solve and investigate a certain category of crimes successfully.

Keywords: cosmetology services, aesthetic medicine, yatrogenic crime, criminological characteristics, the personality of the subject of a crime in the sphere of cosmetology services, social-demographic and social-and-human-role characteristics

For citation: Isakhanova Ye. V. Characteristics of the subject committing crimes in the sphere related to providing cosmetology services not satisfying safety requirements. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 142—147, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A129

В последнее время в юриспруденции все чаще стал использоваться термин «ятрогенная преступность», который подразумевает под собой умышленные или неосторожные противоправные деяния, нарушающие принципы и условия оказания медицинской помощи при исполнении специалистами своих профессиональных обязанностей. Несоблюдение установленных стандартов по оказанию врачебной помощи, допускаемые медицинскими работниками, влечет за собой наступление неблагоприятных последствий, которые подразумевают под собой угрозу жизни, здоровью или иным законным правам и интересам пациентов.

В современной медицине встречаются разнообразные медицинские услуги, оказание любой из которых должно проводиться в соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ¹. В частности, эстетическая медицина регламентируется приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи по профилю „косметология“» от 18 апреля 2012 г. № 381². Необходимо добавить, что косметология является отраслью эстетической медицины, которая подразумевает использование инвазивных и неинвазивных процедур³, направленных на устранение врожденных или приобретенных дефектов человека⁴.

Согласно регламентированным требованиям данные виды косметологических услуг (далее — КУ) должны оказываться лицами, имеющими высшее или среднее специальное медицинское образование, получившими в установленном порядке сертификаты на право оказания конкретных видов услуг, а также применяющими в надлежащих условиях

разрешенные на территории страны препараты, на которые имеются регистрационные паспорта.

Востребованность населением косметологических услуг возрастает с каждым годом, о чем свидетельствуют данные Росстата за последние пять лет⁵. Причинами данного явления выступают как устранение недостатков кожи по медицинским показаниям, так и потребность соответствовать современным тенденциям моды на внешность, а также стремлением продления периода внешней молодости и т. д.

Технологии эстетической медицины позволяют успешно решить многие из перечисленных проблем посредством применения косметологических процедур, требующих от медицинского персонала соответствующего образования, умений и навыков. Халатное отношение лица, оказывающего такие услуги, может повлечь применение в отношении него мер государственного принуждения уголовного или административного характера. Так, лицо, оказывающее КУ ненадлежащего качества, может быть привлечено к уголовной ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) за деяние, выражающееся в противоправной деятельности, осуществляемой при оказании КУ, не отвечающих требованиям безопасности и влекущих причинение тяжкого вреда здоровью или наступление смерти пациента. Однако следует отметить, что если лицо допустило такое нарушение, но его действия повлекли причинение среднего и легкого вреда здоровью, то вышеуказанное деяние не образует состава преступления и предусматривает административную ответственность по ст. 14.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ)⁶.

Анализ следственной практики показал, что у субъектов предварительного расследования достаточно редко встречаются уголовные дела рассматриваемой категории. Во многом это обусловлено проблемами, связанными с получением и оценкой первичных сведений об оказании ненадлежащих КУ, отсутствием необходимой методической

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология»: приказ Минздравсоцразвития России от 18 апреля 2012 г. № 381н (ред. от 21.02.2020) (зарегистрировано в Минюсте России 17.05.2012 № 24196). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Инвазивная процедура — медицинская процедура, связанная с проникновением через естественные внешние барьеры организма (кожа, слизистые оболочки).

Неинвазивная процедура — медицинская процедура, не связанная с разрывом кожи и характеризующаяся отсутствием контакта со слизистой оболочкой кожи.

⁴ Эстетическая медицина. URL: <https://medintercom.ru/> (дата обращения: 26.12.2022).

⁵ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.12.2022).

⁶ О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

базы по раскрытию и расследованию преступлений в рассматриваемой сфере. В связи с этим разработка частной методики расследования такой разновидности ятрогенной преступности, а также детализация наиболее характерных элементов криминалистической характеристики данных видов преступлений должны стать действенным инструментом правоприменителя.

В научной литературе существует достаточное количество определений криминалистической характеристики. По нашему мнению, наиболее удачная дефиниция предусматривает ее рассмотрение в качестве научно-информационной модели преступлений определенных видов, содержащей описание криминалистически значимых признаков противоправного деяния, особенностей способа, механизма и обстановки его совершения, представления типичных моделей личности преступника, способствующих успешному раскрытию и расследованию преступлений [1]. К числу наиболее специфичных для рассматриваемой группы преступлений элементов, составляющих содержание криминалистической характеристики, могут быть отнесены характеристика объекта (предмета) преступного посягательства и средства его совершения, данные о типичных способах и обстановке совершения преступлений, типичных следах преступления, характеристика личности потерпевшего и преступника, взаимосвязь между действиями и наступившими последствиями.

В рамках данного исследования нами будут рассматриваться особенности личности подозреваемого / обвиняемого как ключевого элемента криминалистической характеристики преступлений в сфере КУ. Изучение совокупности данных о личности субъекта противоправной деятельности позволяют определить социальные, психологические и биологические особенности его поведения и мотивации при подготовке, совершении и сокрытии преступления [2]. По мнению Л. В. Алексеевой, в процессе изучения личности лица, совершившего преступление в сфере КУ, происходит сбор первичной информации об отношении субъекта к наступившим последствиям, который в дальнейшем позволяет разработать план расследования преступления, определить способы оказания воспитательного воздействия на преступника, а также выявить причины совершения преступного деяния [3].

В целях выявления наиболее характерных особенностей субъекта противоправной деятельности в сфере оказания КУ нами были проанализированы материалы 50 уголовных дел, возбужденных по фактам оказания КУ, не отвечающих требованиям безопасности, в таких регионах, как Волго-

градская, Архангельская, Челябинская, Вологодская, Ростовская, Кемеровская области, республики Дагестан, Кабардино-Балкария, города Новосибирск, Москва, Санкт-Петербург, Ставрополь и др. Однако изучение статистической отчетности за 2018—2022 гг. позволяют констатировать весьма невысокие количественные показатели уголовных дел, получивших судебное решение. В связи с этим, помимо данных официальной статистики, для получения сведений о субъектах оказания КУ ненадлежащего качества нами была проанализирована информация, размещенная в СМИ, о фактах причинения физического и морального вреда лицам, обратившимся за получением медицинских услуг.

В ходе изучения личностных особенностей подозреваемых / обвиняемых были выделены их социально-демографические и социально-ролевые признаки. По мнению А. А. Котельниковой, к социально-демографическим признакам, характеризующим личность субъекта противоправной деятельности и оказывающим влияние на поведение субъекта при совершении им преступного посягательства, следует отнести пол, возраст, семейное положение, образование, материальное обеспечение [4]. Изучение сведений, нашедших отражение в уголовных делах по фактам оказания КУ, не отвечающих требованиям безопасности, показало, что большинство преступлений совершаются женщинами — 95 %, поскольку принадлежность клиентов к женскому полу обуславливает пол специалистов данной сферы. Однако возрастающая популярность таких видов услуг среди мужского населения за последние пять лет привела к тенденции появления среди специалистов, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение рассматриваемых преступлений, лиц мужского пола.

Еще одной из составляющих социально-демографической характеристики личности является семейное положение лица, оказывающего КУ, не отвечающие требованиям безопасности. Семья — это один из значимых социальных институтов, способных стимулировать положительное поведение индивида, а также формировать его личностные качества¹. Вместе с тем, анализируя семейное положение женщин на момент совершения ими преступлений данной категории, можно сделать вывод о том, что лиц, не состоящих в зарегистрированном браке, намного больше тех, которые в нем состоят (68,8 %).

Важным криминалистическим признаком личности субъекта противоправной деятельности следует считать возраст. С уголовно-правовой точки зрения

¹ Семейное положение. URL: <https://studfile.net/> (дата обращения: 15.01.2023).

под данным признаком следует понимать тот возраст, по достижении которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, способно осознавать происходящее и в соответствии с этим осмысленно действовать. По мнению психологов, возраст является одним из главных признаков личности преступника, так как определяет его внутренние ценностные, профессиональные ориентиры, а также жизненные установки, от которых зависит интенсивность противоправного поведения [5].

Каждый этап развития личности имеет свои возрастные особенности, формирующие личность с ее индивидуальными и психическими закономерностями, которые меняются в процессе прохождения возрастных стадий развития. Комплекс познавательных, интеллектуальных, мотивационных и эмоциональных свойств возрастных особенностей позволяет составить портрет личности преступника, предугадать его преступное поведение, а также разработать план по предотвращению преступлений конкретных возрастных групп [6].

При анализе судебно-следственной практики было установлено, что наиболее криминально активная категория лиц, совершивших преступления в сфере косметологии, — люди в возрасте 22—32 лет (56,8 %). Имеется также довольно высокий удельный вес субъектов противоправной деятельности среди лиц, достигших возраста от 35 до 45 лет (24,2 %). Наименьший процент преступлений в сфере оказания КУ приходится на возрастную группу от 46—55 лет (16,6 %). Лица вышеперечисленных возрастных категорий, как правило, совершают неосторожные преступления в сфере эстетической медицины, используя профессиональные навыки и знания. На долю возрастной группы от 55 лет и старше (3,4 %) по совокупности приходится относительно небольшое количество преступлений, совершаемых по неосторожности.

Субъектами преступлений в сфере оказания КУ, не отвечающих требованиям безопасности, как правило, являются лица, не имеющие высшего или среднего специального медицинского образования, сертификата и лицензии на оказание КУ (60 %). К данной категории субъектов противоправной деятельности относятся лица, осуществляющие управленческие функции в качестве владельца косметологической клиники, обладающей статусом юридического лица, и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в установленном законом порядке и получившие разрешение на осуществление КУ самостоятельно. К остальным 40 %, относятся следующие лица, имеющие медицинское образование и необходимые документы на проведение косметологических процедур:

— врач-косметолог — медицинский специалист, занимающийся лечебно-диагностическими и реабилитационными мероприятиями по сохранению и восстановлению структурной целостности и функциональной активности покровных тканей человеческого организма, а именно кожи лица и ее придатков, подкожной жировой клетчатки и поверхностных мышц, а также занимающийся всеми видами КУ (мануальные, инъекционные, аппаратные), связаных с проникновением в гиподерму лица пациента;

— медицинская сестра по косметологии, осуществляющая аппаратные или мануальные услуги под контролем врача-косметолога (фотоэпиляция, ультразвуковой массаж и пилинг, лазерная эпиляция и шлифовка, вакуумная чистка лица и т. д.);

— технолог-эстет, выполняющий процедуры по уходу за лицом, не нарушающие целостности кожных покровов (депиляция воском или медом, массаж, накладывание масок, скрабирование и обертывание тела (лица), коррективировка бровей и др.).

Интерес при изучении личности подозреваемого / обвиняемого в совершении преступлений в сфере косметологии представляет уровень его образования, так как данный критерий определяет социальный статус лица, жизненные цели и установки, а также способствует развитию интеллектуальных и нравственных навыков. Нередко в научной среде возникают дебаты о том, что образование является гарантом развития у человека интеллектуальных и культурных особенностей, однако в то же время считается, что наличие образования у человека не удержит его от совершения преступления. Большинство субъектов противоправной деятельности халатно относятся к получению высшего или среднего образования, специализации и аккредитации своей медицинской деятельности, так как с каждым годом возрастает уровень доступности получения нелегализованных сертификатов на оказание КУ, которые не требуют больших временных затрат [7].

Изучение документов лиц, привлеченных по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, показало, что наличие у субъекта преступной деятельности диплома о высшем медицинском образовании по специальности «Лечебное дело» или «Педиатрия» с дополнительным образованием по специальности «Косметология» или «Дерматовенерология» составило 3 % от общего числа субъектов преступлений, вошедших в наше исследование. Врачи-косметологи данной категории после получения высшего образования в течение шести месяцев проходят курсы по специальности «Косметолог», по окончании которых получают лицензированный сертификат. На протяжении всей своей трудовой деятельности такой специалист обязан каждые пять лет проходить

аккредитацию и ежегодные курсы по повышению квалификации.

Процент врачей-косметологов, имеющих высшее медицинское образование по специальности «Лечебное дело» или «Педиатрия» с дополнительным образованием по специальности «Дерматовенерология», но не прошедших специализированные курсы по специальности «Косметолог» и не получивших лицензированный сертификат, составил 8 %. Для таких лиц, оказывающих КУ, характерно получение неофициальных краткосрочных сертификатов, выданных специалистами, которые не обладают знаниями в области техники проведения инвазивных процедур по корректировке морфофункциональных нарушений кожных покровов, аппаратного воздействия на них с использованием установленных по ГОСТу изделий и приборов, правил проведения контурных пластических операций лица, а также назначения лекарственных и имплантируемых препаратов.

Подозреваемые / обвиняемые в совершении преступлений в сфере оказания КУ, имеющие среднее специальное медицинское образование, сертификат «Медицинская сестра по косметологии» с дополнительным профессиональным медицинским образованием по специальности «Сестринское дело в косметологии», в том числе документ о прохождении курсов по специальности «Косметолог» и лицензированный сертификат на конкретную услугу, были изблечены в совершении 10,5 % рассматриваемых преступлений. Процент лиц, имеющих среднее специальное образование и дополнительное профессиональное медицинское образование по специальности, но не владеющих лицензированными сертификатами, составил 18,5 %.

Наибольший процент субъектов противоправной деятельности (около 60 %) среди косметологов приходится на категорию лиц, не имеющих высшего или среднего специального медицинского образования, стажа и опыта работы. Ранее нами было установлено, что такие специалисты нередко проходили нелегальные курсы по оказанию мануальных, аппаратных или инъекционных услуг без обязательной процедуры сдачи экзаменов и впоследствии оказывали КУ без контроля врача-косметолога. Эта модель преступного поведения субъектов является наиболее часто встречаемой в связи с тем, что ускоренное получение «лжесертификатов» позволяет субъектам преступного деяния в ускоренном порядке приступить к оказанию КУ для получения быстрого и легкого дохода.

В структуре личности субъекта противоправной деятельности одно из значимых мест принадлежит социально-ролевой характеристике, которая помо-

гает изучить личность подозреваемого / обвиняемого через его социальные роли и статусы, занимаемые им в обществе, в семье, на работе, а также определить его отношение к установленным ценностям и нормам. Как правило, лица рассматриваемой категории состоят в устойчивых семейных (зарегистрированных / незарегистрированных) отношениях, по месту работы и жительства характеризуются положительно, по темпераменту спокойны и бесконфликтны, с легкостью идут на контакт со своими клиентами и коллегами. Однако большинство рекламных объявлений, размещенных в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте»), показало, что у лиц, оказывающих КУ, отсутствует социальная ответственность перед обществом и другими людьми, которая выражается в размещении на личной странице самостоятельно отснятого контента (различные видеоматериалы о проведении косметологических процедур вне клинических условий с нарушением санитарно-эпидемиологических требований), публикации на страницах социальных сетей постов о видах и способах использования незарегистрированных препаратов или косметологического оборудования, а также иной информации о об оказании конкретных услуг с демонстрацией недостоверных документов о высшем или среднем специальном медицинском образовании.

Таким образом, проведенный анализ гендерной принадлежности субъекта противоправной деятельности, уровня образования, социально-демографических и социально-ролевых особенностей позволил составить усредненный криминалистический портрет преступника, причастного к совершению преступлений в сфере оказания КУ, не отвечающих требованиям безопасности. Преимущественно это лицо женского пола, достигшее возраста 22—32 лет, не имеющее высшего медицинского образования, сертификата и лицензии на оказываемую услугу, не состоящее в зарегистрированном браке, ранее не привлекавшееся к уголовной или административной ответственности за аналогичные противоправные действия.

В связи с этим знание субъектом предварительного расследования личностных особенностей и характеристик лиц, совершающих преступления данной категории, в будущем могут дать возможность правильно определить направления поиска подозреваемого / обвиняемого, спрогнозировать его дальнейшие действия, получить надлежащие данные, необходимые для раскрытия, расследования преступлений, а также разработать профилактические мероприятия во избежание совершения преступлений в сфере косметологии.

1. Алиева А. М. Понятие криминалистической характеристики преступлений // Молодой ученый. 2018. № 6 (192). С. 119—121.

2. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 107—112.

3. Алексеева Л. В. Психологическая характеристика субъекта преступления: дис. ... д-ра психол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 450 с.

4. Котельникова А. А. Социально-демографические признаки, влияющие на развитие преступных форм поведения личности // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 302—303.

5. Басаев В. А. Социально-психологические детерминанты женской преступности // Молодой ученый. 2015. № 21 (101). С. 567—570.

6. Касимов В. О. Возраст в характеристике личности преступника: его понятие, особенности и значение // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 268—272.

7. Огнерубов Н. А. Специфика преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности: криминологический анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 2 (130). С. 225—230.

Исаханова Елена Вячеславовна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
elenaisakhanova@yandex.ru

1. Aliyeva A. M. Concept of criminalistic characteristics of crimes. Young scientist, 119—121, 2018. (In Russ.).

2. Eminov V. Ye., Antonyan Yu. M. The Personality of the Offender and its Formation. Current problems of Russian law, 107—112, 2015. (In Russ.).

3. Alekseyeva L. V. Psychological characteristics of the subject committing a crime. Dissertation of the doctor of psychological sciences. Saint Petersburg; 2006: 450. (In Russ.).

4. Kotelnikova A. A. Socio-demographic features influencing the development of criminal forms of personality behavior. Young scientist, 302—303, 2019. (In Russ.).

5. Basayev V. A. Social and psychological determinants of female crime. Young Scientist, 567—570, 2015. (In Russ.).

6. Kasimov V. O. Age in the characteristics of the offender's personality: its concept, features and significance. Gaps in Russian legislation, 268—272, 2016. (In Russ.).

7. Ognrubov N. A. Specifics of crimes committed by medical workers in the sphere of professional activity: criminological analysis. Bulletin of Tambov State University. Series "Humanities", 225—230, 2014. (In Russ.).

Isakhanova Yelena Vyacheslavovna,
associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
elenaisakhanova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 13.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 31.03.2023; approved after reviewing 13.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A130

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Маъруфчони Вайсидин Нурализода

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, marufnuralizoda27@gmail.com

Аннотация. На современном этапе проблема, связанная с финансированием терроризма, находится в центре внимания криминологической науки. Познание причинного комплекса финансирования терроризма позволяет обнаружить природу таких преступлений, установить их спонсоров, а также своевременно реализовать и спрогнозировать мероприятия антитеррористического характера. В статье автор анализирует научные взгляды на причины финансирования терроризма. Высокая степень общественной опасности данной угрозы, в первую очередь, обусловлена масштабностью последствий терроризма и значительным количеством пострадавших в результате совершения терактов. На основе проведенного анализа автором сделаны выводы о том, что важнейшие причины финансирования терроризма коренятся в противоречиях общественного развития. Вместе с тем они могут быть классифицированы как «по вертикали» (с пространственной точки зрения), так и «по горизонтали» (относительно их содержания). С пространственной точки зрения их целесообразно системно анализировать на взаимосвязанных уровнях: глобальном, международном, национальном, региональном и местном. Исходя из содержательного признака, причины финансирования терроризма кроются в усугубляемой излишней информатизацией, существующими в современном обществе системно-организационными, политическими, социально-культурными, религиозными и конкурентно-экономическими противоречиями, основной целью которых является передел экономических ресурсов и захват новых территорий.

Ключевые слова: терроризм, финансирование терроризма, преступления террористического характера, причины финансирования терроризма

Для цитирования: Нурализода М. В. Причинный комплекс финансирования терроризма // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 148—153. doi: 10.25724/VAMVD.A130

CAUSAL COMPLEX OF FINANCING OF TERRORIST CRIMES

Marufchoni Vaisidin Nuralizoda

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia, Saint-Petersburg, Russia, marufnuralizoda27@gmail.com

Abstract. At the present stage, the problem associated with an increase in the number of criminal acts in the form of financing crimes of a terrorist nature is in the center of attention of criminological science. Knowledge of the causal complex of financing terrorism makes it possible to detect the nature of such crimes, identify their sponsors, and also timely implement and predict anti-terrorist measures. In the article, the author analyzes scientific views on the causes of terrorism financing. The high degree of public danger of this threat is primarily due to the magnitude of the consequences of terrorist crimes and the significant number of victims as a result of their commission. The criminal world is developing at a rapid pace, as a result of which more and more new ways are being used to finance terrorism. Based on the analysis, the author concluded that the most important criminogenic factors of financing terrorism are rooted in the contradictions of social development. At the same time, the causes of the analyzed crimes can be classified both "vertically" (from a spatial point of view) and "horizontally" (with respect to their content). On the basis of a substantive sign, the reasons for the financing of terrorism lie in the systemic-organizational, political, socio-cultural, religious and competitive-economic contradictions, which are aggravated by excessive informatization, the main purpose of which is to reallocate economic resources and to seize new territories.

Keywords: terrorism, financing of terrorism, crimes of a terrorist nature, causes of financing of terrorism

For citation: Nuralizoda M. V. Causal complex of financing of terrorist crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 148—153, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A130

Терроризм представляет собой «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Так данное понятие определяет Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Не менее опасным негативным социальным явлением выступает процесс финансирования терроризма — предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений террористического характера (Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ). Наибольший интерес с криминологической точки зрения в этой сфере вызывает комплекс причин, по которым граждане принимают решение участвовать в данных деяниях, а также условия, способствующие такому их поведению.

Причины и условия финансирования терроризма становились предметом исследования многих ученых. Так, С. Ю. Богомолов приходит к выводу о том, что «причины финансирования терроризма обусловлены усугубляемой излишней информатизацией, существующими в российском обществе системно-организационными, политическими, социально-культурными, религиозными и конкурентно-экономическими противоречиями, основной целью которых является передел экономических ресурсов и захват новых территорий» [1, с. 253—254]. А. И. Бельский и В. И. Якимова видят в числе основных детерминантов финансирования терроризма активное развитие в мире информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющих использовать криптовалюту в преступных целях [2, с. 49—50]. Несмотря на пристальное внимание научного сообщества к данной проблеме, вне поля зрения ученых все еще остается широкий круг вопросов, требующих дальнейшего изучения.

В настоящее время одним из основных источников угроз национальной безопасности государства вполне справедливо признается террористическая деятельность. Предупреждение и пресечение террористической деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов терроризма обозначено в числе приоритетных задач обеспечения государственной и общественной безопасности, которые перечислены в п. 7 ст. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской

Федерации № 400 от 2 июля 2021 г. Деструктивные силы — как внешние, так и внутренние — всегда пытались нанести ущерб развитию и интересам государства и общества¹. Столь высокая степень общественной опасности данной угрозы, в первую очередь, обусловлена масштабностью последствий преступлений террористического характера и значительным количеством пострадавших в результате их совершения. Финансирование же терроризма выступает в качестве обеспечивающей деятельности данного вида преступности.

На современном этапе для мирового сообщества проблема, связанная с увеличением числа эпизодов финансирования терроризма, по-прежнему является актуальной. Научно-технический прогресс приводит к появлению новых технологий, которые используются не только в позитивных целях для развития общественных отношений, но и для финансирования терроризма. Например, цифровая валюта, теневые маркетплейсы, максимально анонимизирующие действия и сделки на рынке. Существование этих проблем указывает на недостаточную эффективность тех мер, которые применяются государственными органами для противодействия финансированию терроризма, и свидетельствует о необходимости их совершенствования. Представляется, что среди таких мер особое значение имеют те, которые воздействуют на причинный комплекс финансирования терроризма. Изучение и анализ причин финансирования терроризма позволяет обнаружить его природу, раскрыть истоки совершения терактов, установить спонсоров рассматриваемых преступлений, оперативно осуществить и спланировать антитеррористические мероприятия.

В широком смысле причинами преступности можно считать все те обстоятельства, без которых она не могла бы возникнуть и не может существовать. Как справедливо отмечал М. Д. Шаргородский, причины конкретного преступления — это те активные силы, которые вызывают у субъектов интересы и мотивы для его совершения [3]. Относительно причин финансирования терроризма существуют различные научные взгляды и мнения.

По мнению Ю. М. Антоняна, следует выделять причины экономического, политического, социального, идеологического, географического, сепаратистского, территориального, этнографического, психологического и религиозного характера. В. В. Смирнов относит к причинам этого явления существование

¹ Перенджиев А. Причины и условия для проявлений в мире и в России экстремизма и терроризма // Армейский сборник. 2022. № 12. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/451669/> (дата обращения: 09.01.2023).

антиконституционных, антигуманных, предполагающих применение насилия идей, которых придерживаются те или иные лица, группы лиц [4].

М. У. Медов выделяет в качестве причин соответствующего феномена избыточную либеральность законодательства, наличие в обществе социальных противоречий, связанные с миграцией процессы, в отношении которых не осуществляется должный контроль, конфликты на религиозной и национальной почве [5, с. 98].

Исходя из перечисленных мнений ученых, можно сделать вывод о том, что ключевые причины финансирования терроризма состоят в противоречиях, существующих в сфере управления, культуры, религии и т. д., с которыми сопряжено развитие общества. Наше мнение в определенной степени совпадает с нормами, закрепленными в Декларации ООН 1994 г. о мерах по ликвидации международного терроризма, которые определяют в качестве ведущих причин терроризма и его финансирования отчаяние, нищету, беды и безысходность, обуславливающие возникновение стремления к тому, чтобы добиться существенных изменений за счет принесения в жертву себя и других людей [6].

Развивая мысль, высказанную в Декларации ООН 1994 г., С. А. Денисов и В. С. Харламов предлагают проанализировать факторы, связанные с финансированием терроризма, имеющие криминогенный характер, исходя из выгод, интересов определенных лиц, структур, госорганов, организаций, являющихся негосударственными, а также коалиций отдельных стран [7, с. 148].

Таким образом, финансирование терроризма осуществляется с учетом интересов субъектов, осуществляющих данную деятельность. Причем финансирование терроризма может осуществляться в различной форме, в том числе в форме предоставления средств для нападения на международные организации, для пропаганды террористической идеологии, для убийства высших должностных лиц в целях присвоения имеющихся у них полномочий и др. Причины, по которым происходит финансирование терроризма, могут быть внешними или внутренними по отношению к стране, где реализуется террористическая деятельность. Хотя подобный подход является весьма упрощенным.

Более глубокое понимание причин финансирования терроризма представлено в работе С. А. Денисова и В. С. Харламова, в которой они производят пространственную классификацию, выделяя ряд уровней: *глобальный, международный, национальный, региональный, местный*, исходя из уровней власти: мирового сообщества в целом, международной организации, государства, субъекта Федерации, муниципальной власти.

Изучение причин, связанных с финансированием терроризма, следует проводить применительно к отдельным стадиям — до того, как происходит присвоение публичной власти, и после подобного присвоения, когда цель состоит в том, чтобы удержать власть. Средства, которые реализуются в рамках каждой из соответствующих стадий, различны. В рамках первой стадии определяющее значение принадлежит иностранному капиталу. Во второй стадии используется финансовая система страны, в которой захвачена публичная власть, в третьей — самофинансирование. В ряде государств осуществлялось финансирование отдельных оппозиционеров или оппозиционных сил, например в Венесуэле — Х. Х. Гуайдо Маркес или в Белоруссии — С. Г. Тихановская. В Сирии терроризм финансировался Исламским государством Ирака и Сирии, представляющим собой террористическую организацию, запрещенную в России.

Глобальный уровень связанных с финансированием терроризма причин характеризуется наибольшей значимостью. Финансирование терроризма здесь обусловлено стремлением подчинить себе с военной и экономической точки зрения государства, являющиеся более слабыми, обеспечить возможность их контролировать в политическом и экономическом отношении. Спонсоры терроризма для достижения подобных целей формируют коалиции. Соответствующие коалиции специалисты рассматривают в качестве глобальной олигархической власти, осуществляющей преступную деятельность в планетарных масштабах [8, с. 17].

Для *международного уровня* характерны нападения на лиц, представляющих иностранные государства или международные организации. Так, финансирование убийства посла Российской Федерации в Турции А. Карлова осуществлялось исламистами сирийской группы «Джейш аль-Фатх», которая подобным образом пыталась помешать военной операции, проводимой Россией в Сирии. Соответствующее деяние было признано на международном уровне актом международного терроризма.

Причинами финансирования терроризма *национального уровня* являются обстоятельства, относящиеся к угрозам нарушения целостности государства, его суверенитета.

В отношении *регионального уровня* причины финансирования терроризма определяются стремлением некоторых преступных сообществ и преступных организаций захватить рычаги власти в субъектах Федерации.

Причины финансирования терроризма на *местном уровне* связаны со стремлением местных элит к продвижению собственных интересов и получению

противозаконных политико-экономических выгод от органов, осуществляющих муниципальное самоуправление.

Кроме этого, следует учитывать, что причины финансирования терроризма с течением времени претерпевают внутренние трансформации, непрерывно меняются, поскольку сопутствующая терроризму преступная деятельность носит разноплановый характер и сопровождается постоянным возникновением новых методов, форм противоправной активности. Соответственно, помимо пространственной классификации причин финансирования терроризма, заслуживает внимания их разделение по содержательному признаку, которое, в частности, приводит в своей работе С. Ю. Богомолов [9, с. 151]: *причины системно-организационного характера; социально-политические, культурные и религиозные противоречия; конкурентно-экономические причины; излишняя информатизация общества.*

Причины системно-организационного характера связаны с несогласованностью действий международных правоохранительных органов анти-террористической направленности. Транснациональная организованная преступность демонстрирует на современном этапе стремление к захвату власти, используя террористические методы. В качестве примера приведем организации «Правый сектор», «Исламское государство», «Движение Талибан», «Аль-Каида», «Джамаат-и-Ислами», «ХизбутТахрир аль-Ислами» (запрещены в РФ) и др., ориентированные на достижение желаемых для них политических целей за счет терроризма [10, с. 49]. Противодействие финансированию терроризма в этом отношении характеризуется повышенной значимостью в силу связи между соответствующими террористическими организациями, интеграции ими финансовых ресурсов и повышения интенсивности террористической деятельности в различных точках планеты. Соответствующие средства поступают в том числе в Россию для обеспечения усилий террористов по ослаблению государственной власти, дестабилизации политической сферы. Причем если раньше для финансирования терроризма использовались деньги, полученные, например, от производства и реализации наркотиков, то теперь в этой сфере появились новые варианты. Так, террористы в Сирии освоили незаконную продажу мировых культурных ценностей, а также нефти с месторождений, которые они захватили.

Принимая во внимание, что преступления террористического характера являются разновидностью политической преступности, еще одна категория причин, в том числе финансирования терроризма, представлена противоречиями в *социально-поли-*

тической, культурной и религиозной сферах. Низкий уровень жизни значительной части населения провоцирует недовольство социальной политической власти. Многие социальные проблемы, не решаемые ею десятилетиями, приводят к формированию условий, благоприятствующих распространению идеологии терроризма. Следует отметить, что террористические организации пополняются за счет населения соответствующих регионов, стран, которые не согласны с реализуемой властью политикой, не в состоянии добиться для себя позитивных экономических изменений в будущем. Отсутствие подобных возможностей способствует захвату территорий террористами и совершению терактов, сопровождающихся разграблением. Усугубляют ситуацию неконтролируемые процессы миграции, особенно с территорий бывших советских республик. С одной стороны, въезжающие в Россию мигранты не хотят ассимилироваться, принимать традиции, религию, культуру России. Различия в менталитете местного населения и приезжих провоцируют между ними конфликты, которые используются террористами в своих целях. С другой стороны, средства, направляемые на поддержку мигрантов, нередко расходуются не только на обустройство быта приезжих в стране-реципиенте, но и для вербовки новых кадров в международные террористические организации, а также для финансирования терроризма.

Еще одна категория причин финансирования терроризма представлена *конкурентно-экономическими факторами*, стремлением к переделу экономических ресурсов. Наличие экономической подоплеки характерно практически для всех существующих в мире локальных конфликтов: в Ливии, Ираке, Сирии, ранее — в Чечне. В каждом из данных регионов имеются значительные запасы углеводородного сырья, при этом в них отмечается низкий уровень жизни населения. Соответственно, существуют выраженные предпосылки для возникновения террористической активности. Конфликты в подобных регионах приобретают широкие масштабы, происходит подрыв их экономической безопасности, снижается добыча природных ископаемых, в первую очередь нефти и газа, экспортные поставки которых составляют основу пополнения бюджета государства. Подобная ситуация может иметь два сценария развития. В первом из них террористические организации выступают в роли наемников, дестабилизируя обстановку в стране, нарушая нормальную конкуренцию. Выгоду от этого получают другие государства, которые также добывают и экспортируют углеводороды, поскольку террористическая активность приводит к отказу партнеров от сотрудничества с нестабиль-

ными странами. Террористические организации в обмен на подобные действия обеспечиваются финансовыми ресурсами. Второй сценарий предполагает, что террористы сами захватывают месторождения углеводородов, начинают экспортировать их по низким ценам, при этом происходит как пополнение финансовых средств террористических организаций, так и нарушение основ конкуренции, подрыв экономической безопасности всего мира в целом.

Еще одну категорию образуют причины, связанные с чрезмерно либеральным подходом к *излишней информатизации*. Недостаточный контроль в отношении размещения информации ведет к наличию у террористов возможностей как внедрять террористическую идеологию, так и искать новые источники финансирования. Глобальная сеть является весьма масштабной, доступ в нее сегодня имеется практически у каждого, что затрудняет поиск центров распространения связанных с терроризмом сведений.

Таким образом, можно констатировать, что важнейшие причины финансирования терроризма коренятся в противоречиях общественного развития.

С пространственной точки зрения их целесообразно системно анализировать на взаимосвязанных уровнях: глобальном, международном, национальном, региональном и местном. Исходя из содержательного признака, причины финансирования терроризма кроются в усугубляемых излишней информатизацией, существующих в современном обществе системно-организационных, политических, социально-культурных, религиозных и конкурентно-экономических противоречиях, основной целью которых является передел экономических ресурсов и захват новых территорий.

Подводя итог нашим рассуждениям, стоит отметить, что организация работы по предупреждению финансирования терроризма невозможна без глубокого изучения причин данного вида преступной деятельности. Предупреждение преступности любого вида предполагает воздействие на его причины и условия. Поэтому полученные нами результаты позволяют более полно осмыслить процессы, происходящие в изучаемой сфере, предложить эффективные пути минимизации, нейтрализации, ликвидации детерминантов терроризма.

1. Богомолов С. Ю. Причины финансирования терроризма: криминологическое и социологическое исследование // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 250—254.

2. Бельский А. И., Якимова В. И. Причины международного терроризма как государственно-правовая проблема // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 1. С. 46—51.

3. Шаргородский М. Д. Курс советской криминологии (Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник). Москва: Юрид. лит., 1985. 284 с.

4. Антонян Ю. М., Смирнов В. В. Терроризм сегодня. Москва: ВНИИ МВД России, 2000. 112 с.

5. Медов М. У. Причины и условия распространения терроризма в странах Западной Европы // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 4. С. 96—98.

6. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, одобренная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г. 49/60 // Действующее международное право: сб. Т. 3. Москва: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1995. С. 278—391.

7. Денисов С. А., Харламов В. С. Криминогенные факторы финансирования терроризма // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 147—149.

1. Bogomolov S. Yu. Reasons for financing terrorism: criminological and sociological research. Legal science and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 250—254, 2016. (In Russ.).

2. Belsky A. I., Yakimova V. I. The reasons for international terrorism as a state-legal problem. Law: history and modernity, 46—51, 2022. (In Russ.).

3. Shargorodsky M. D. Course of Soviet criminology (Subject. Methodology. Crime and its causes. Criminal). Moscow: Legal literature; 1985: 284. (In Russ.).

4. Antonyan Yu. M., Smirnov V. V. Terrorism Today. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2000: 112. (In Russ.).

5. Medov M. U. The reasons and conditions for the spread of terrorism in Western Europe. Problems of economics and legal practice, 96—98, 2012. (In Russ.).

6. Declaration on Measures to eliminate International terrorism, approved by a resolution of the UN General Assembly on December 09, 1994 49/60. In: Current International law. Compendium. Vol. 3. Moscow: Moscow Independent Institute of International Law Publishing House; 1995: 278—391. (In Russ.).

7. Denisov S. A., Kharlamov V. S. Criminogenic factors of terrorist financing. Law and the state: theory and practice, 147—149, 2021. (In Russ.).

8. Шестаков Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 13—22.

9. Богомолов С. Ю. Причины финансирования терроризма: криминологическое и социологическое исследование // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (54). С. 250—254.

10. Оськина И. Ю., Лупу А. А. Возникновение и предпосылки распространения терроризма как социально-психологического явления: историко-правовой аспект // История государства и права. 2013. № 8. С. 48—53.

8. Shestakov D. A. Planetary oligarchic criminal activity: the ninth crime level. Criminology: yesterday, today, tomorrow, 13—22, 2012. (In Russ.).

9. Bogomolov S. Yu. Reasons for financing terrorism: criminological and sociological research. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 250—254, 2016. (In Russ.).

10. Oskina I. Yu., Lupu A. A. Emergence and prerequisites for the spread of terrorism as a socio-psychological phenomenon: historical and legal aspect. History of state and law, 48—53, 2013. (In Russ.).

Нурализода Маъруфчони Вайсидин,

адъюнкт кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета
МВД России;
marufnuralizoda27@gmail.com

Nuralizoda Marufchoni Vaisidin,

associate adjunct at the department of criminology
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
marufnuralizoda27@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

* * *

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

23 марта 2023 г. на базе Волгоградской академии МВД России состоялась защита диссертации начальника отдела научно-исследовательской работы и качества образования НЧОУ ВО «Северный институт предпринимательства» **Сергея Викторовича Бурмагина на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств»** по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)¹.

doi: 10.25724/VAMVD.A132

Б. Я. Гаврилов,

профессор кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ОТЗЫВ НАУЧНОГО КОНСУЛЬТАНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ С. В. БУРМАГИНА НА ТЕМУ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЕДИНСТВА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ»

Подготовленная Бурмагиным Сергеем Викторовичем диссертация представляет собой научно-квалифицированную работу на актуальную для науки уголовно-процессуального права тему. В ней на основании выполненных автором исследований разработаны новые теоретические положения и методологические подходы, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области правовых знаний, и изложены научно обоснованные решения теоретических проблем, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие отечественного уголовного правосудия.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современное уголовное правосудие Российской Федерации помимо рассмотрения уголовных дел включает в себя иные виды деятельности суда по рассмотрению большого объема разнохарактерных юридических дел, которые проходят в рамках самостоятельных, процедурно отделенных от уголовного дела судебных производств, многочисленность и разнообразие которых требуют системного исследования их правовой природы, общих закономерностей и особенностей построения и функционирования.

Вместе с тем следует отметить, что в современной доктрине уголовного судопроизводства до настоящего времени остаются дискуссионными и недостаточно проработанными вопросы сущности, содержания и предметной области уголовного правосудия; структурного построения судебного-уголовного производства, а также правовой природы, назначения и функционирования отдельных видов судебных производств; отсутствует единый подход к исследованию и правовому регулированию различных видов (направлений) уголовно-процессуальной деятельности суда; сохраняется догматический взгляд на осуществляемое судом уголовное производство как производство исключительно по уголовному делу, что приводит к принижению роли и ненадлежащей регламентации иной судебной деятельности, непосредственно не касающейся рассмотрения уголовных дел, но осуществляемой в рамках уголовного процесса.

В связи с этим для процессуальной науки, законотворческого процесса и правоприменительной практики особо важным представляется комплексное исследование системы уголовного правосудия, включающее в себя: анализ ее структурно-функционального построения; рассмотрение всех видов и направлений уголовно-процессуальной деятельности суда с точки зрения их общей правовой природы и предметного разнообразия, системного единства и дифференциации; определение места и роли каждого из видов судебных производств в общей системе уголовного правосудия и выявление в них как общих признаков, закономерностей, функциональных связей, так и особых свойств, специфики институционального построения и функционирования.

Представленная С. В. Бурмагиным диссертация является таким комплексным исследованием, в котором успешно решены все поставленные задачи. Автором выдвинута и научно обоснована концепция единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств, которая раскрывает общую природу и системный характер деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия и ее составных компонентов (судебных производств и судебных решений) и в то же время определяет критерии (признаки) самостоятельности судебных производств, устанавливает их типологию, что позволяет в дальнейшем проводить более детальные и глубокие исследования отдельных типов и видов судебных производств в контексте их принадлежности к единой системе уголовного правосудия и взаимосвязи с другими производствами.

К новым научным результатам и теоретическим положениям, представленным и аргументированным в диссертации, следует также отнести: доктринально-правовое обоснование расширенной трактовки уголовного правосудия и его определение через деятельность по рассмотрению не только уголовных дел, но всех иных юридических дел (правовых вопросов), отнесенных уголовно-процессуальным законом к ведению судебной власти; раскрытие содержания и структуры деятельности по осуществлению уголовного правосудия как системного явления; функциональную характеристику уголовного правосудия на основе системного и многоуровневого подходов к определению функций суда в уголовном процессе; суждения о тенденциях построения судебных производств в современных системах правосудия России и зарубежных стран; выводы по исследованию системы судебных решений и проблеме разграничения итоговых

¹ Бурмагин С. В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств. В 2 т.: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Бурмагин Сергей Викторович. Волгоград, 2022. 929 с.: т. 1 (506 с.), т. 2 (423 с.).

© Гаврилов Б. Я., 2023

и промежуточных решений уголовного суда через призму выдвинутой научной концепции; установление соотношения принятия судебного решения с правоприменительным процессом и определение места процедуры принятия решения в структуре судебного производства; выявление и раскрытие специфики состязательного построения судебных производств, ведущихся по поводу не уголовного, а иных судебных дел, рассматриваемых в порядке уголовного судопроизводства, и особенностей познавательного-доказательственной деятельности в этих производствах.

В результате исследования системы уголовного правосудия и подсистемы судебных производств С. В. Бурмагиным в русле выработанных концептуальных положений сформулированы основные направления по совершенствованию правового регулирования судебно-уголовного производства в целом и его отдельных видов.

Диссертационное исследование проведено посредством сочетания различных современных научных методов познания, основано на солидной и обширной правовой, теоретической и эмпирической базе, включающей в себя значительное количество разнообразных правовых источников и большой объем научной литературы (с первой половины XIX в. до наших дней) по различным областям научного знания (в общей сложности 1135 источников), а также материалы судебной практики, официальные статистические данные и результаты собственного социологического опроса (анкетирования) 925 практических работников, что позволило автору представить и проанализировать современные и имевшиеся в прошлом научные взгляды по всем исследуемым вопросам, проследить эволюцию правового регулирования деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия, учесть отечественный и зарубежный опыт построения и практической реализации судебно-уголовных производств.

Разработанные автором теоретические положения и выводы прошли широкую апробацию при обсуждении хода исследования на заседаниях кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета; нашли отражение в 80 публикациях, в том числе двух монографиях, четырех учебных изданиях, 24 статьях в периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, трех статьях в изданиях, индексируемых в базах Scopus и Web of Science; доложены и обсуждены на 31 всероссийской и региональной, а также 36 международных научных и научно-практических конференциях, форумах и круглых столах, прошедших в 17 регионах России и в некоторых зарубежных странах. Итоговые результаты исследования внедрены в учебный процесс и научно-исследовательскую деятельность ряда юридических вузов страны, в практическую деятельность органов судебной власти и адвокатуры.

Изложенное позволяет не сомневаться в достоверности результатов проведенного исследования, в научной состоятельности и обоснованности содержащихся в диссертации выводов и предложений.

Диссертация С. В. Бурмагина написана хорошим литературным языком, выдержана в научном стиле. Структура диссертации соответствует логике исследования, его предмету, целям и задачам. Материал в главах изложен последовательно и логично, сопровождается промежуточными суждениями и окончательными выводами. Отмеченные достоинства работы позволили автору в полной мере раскрыть тему диссертации и способствовали достижению цели исследования.

Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

Таким образом, вышеизложенное позволяет заключить, что диссертация С. В. Бурмагина «Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств» на соискание ученой степени доктора юридических наук является самостоятельной, творческой, завершенной научно-квалифицированной работой, содержит комплекс значимых и отличающихся новизной теоретических положений, обогащающих науку уголовно-процессуального права и задающих новое направление в развитии теории уголовного правосудия, соответствует научной специальности «5.1.4. Уголовно-правовые науки» и отвечает всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 11.09.2021), а ее автор, Бурмагин Сергей Викторович, заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

doi: 10.25724/VAMVD.A133

В. В. Дорошков,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования,
судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке

ОТЗЫВ ПЕРВОГО ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ С. В. БУРМАГИНА НА ТЕМУ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЕДИНСТВА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ»

Актуальность исследования на указанную тему несомненна и предопределена целым рядом объективных причин.

Во-первых, за последние 30 лет в русле навязанной нашей стране англосаксами после развала СССР западной либеральной идеологии, задавшей курс на глобализацию, вхождение во всемирную торговую организацию, на защиту общеевропейских ценностей, на создание буржуазных правовых институтов, активно отстаивающих интересы бизнеса

под лозунгами защиты прав и интересов человека, в стране постепенно развивалась и укреплялась судебная власть, раскрывался ее правозащитный потенциал. В первую очередь стали защищаться интересы отдельных личностей, иногда даже в ущерб общественным и государственным интересам. То есть суды, несмотря на декларируемые реформаторами лозунги, по-прежнему оставаясь государственными органами, не могли не отражать сущности реально существующего в стране государственного строя, его экономической и политической системы, выражая волю господствующего в стране класса (группы). После вынужденного прекращения первоначально избранного экстенсивного пути развития отечественной судебной системы за счет бесконечного увеличения количества судей в XXI столетии был реализован интенсивный путь ее развития, осуществлена модернизация практически всех видов судопроизводства, в том числе уголовного, применена широкая дифференциация судебных производств. С укреплением судебной власти в России существенно расширилась сфера уголовного судопроизводства за счет различных судебных заседаний, в ходе которых стали активно рассматриваться судебные материалы судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса, исполнения приговора, реабилитации жертв правосудия и т. д. То есть уголовный процесс был направлен в большей степени на защиту прав и интересов обвиняемых. Появились даже специальные процедуры уголовного судопроизводства в отношении отдельных представителей современного общества, например предпринимателей. Согласно данным общероссийской судебной статистики «судебные материалы», подлежащие рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства, ныне ежегодно исчисляются уже сотнями тысяч (только в 2021 г. — 1 848 371) и стабильно в 2—2,5 раза превышают количество рассматриваемых судами конкретных уголовных дел. К тому же все они пересматриваются еще в апелляционном и кассационном порядке, что свидетельствует о чрезмерной перегрузке отечественной судебной системы, особенно в сфере уголовного правосудия.

Во-вторых, предыдущее реформирование отечественного уголовного судопроизводства проходило под лозунгами постмодернизма, предпочитающего вместо универсальной истины абсолютный плюрализм. Вследствие такой резкой смены парадигмы, активного отрицания абсолютной истины знания зачастую стали подменяться суррогатом знаний, а модернизация уголовного правосудия осуществлялась без учета духовно-нравственных ценностей россиян. Суть кризиса современной отечественной науки выразилась в том, что поспешно признавались несостоятельными, непригодными базовые понятия, на которых строилась теория, в первую очередь фундаментальные концепты, лежащие в основе понимания познания, права, правосудия. Не создав новой методологии познания, поспешно отвергая созданную в предыдущий период развития нашей страны, отдельные российские ученые, забывая о законах материалистической диалектики, ограничивались ссылками на догмы современного международного права либо на конституционное положение о ценности человеческой личности, приоритете ее прав и свобод. Даже правосудие из вида государственной деятельности, всегда стоящего на защите в первую очередь прав слабых, угнетенных и обиженных, а потому справедливого правосудия, издавна осуществляемого в первую очередь по совести, постепенно превратилось лишь в деятельность по реализации судебной власти, т. е. некое соревнование, где особая роль отводится состязательности формально равноправных, но далеко не равных сторон, но не достижению истины, правды. Именно поэтому теоретическое осмысление и переработка накопленных в новейшее время научных знаний о различных видах и направлениях уголовно-процессуальной деятельности суда требуют взвешенного подхода и рассмотрения в рамках уже появившейся новой парадигмы юридического мышления — метамодерна, чтобы подняться над крайностями модернизма и постмодернизма, исследовав социальные явления в единстве их многообразия и синтеза.

В-третьих, право, мораль, этические нормы, духовные ценности всегда были не только взаимосвязаны, но и основаны на общих принципах, главными из которых признавались соразмерность и справедливость. Именно поэтому Указом Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 г. была утверждена новая «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации». Ее содержание свидетельствует о том, что проблемы нравственного здоровья, культурной самоидентификации, духовной безопасности нашей нации как имманентное условие государственности признаны приоритетными для обеспечения безопасности страны и каждого россиянина. В связи с этим перед современными учеными поставлена задача определения приоритета традиционных духовно-нравственных ценностей россиян, которые станут решающими при определении направлений дальнейшего развития российского общества, в том числе относительно развития теории правосудия и уголовного судопроизводства.

В-четвертых, в период острого противостояния глобализму, неокOLONиализму, русофобии в целях сохранения суверенитета страны и обеспечения безопасности граждан у многих россиян изменились представления о ценностях, человеке, его правах и свободах как высшей ценности для государства. В современном российском обществе, в том числе в научной среде, все чаще стали обращать внимание на то, что человек одновременно является также частью народа, соединенного общей судьбой на своей земле, частью человеческого рода, человечества как цивилизации права. Все это позволило внести изменения в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., обозначив совершенно новый подход к конституционным положениям, в том числе затрагивающим уголовное правосудие.

В-пятых, в отечественном уголовном процессе в последние годы явно наметились тенденции упрощения судебного разбирательства, дифференциации его форм, унификации отдельных видов судопроизводства. Все они требуют своего научного исследования и реализации применительно к уголовному правосудию. Кроме того, в судебной практике обозначился ряд проблем, требующих своего научного исследования и разрешения. Так, до сих пор не утихают научные дискуссии по поводу понятийного аппарата, отличительных особенностей уголовного судопроизводства и уголовного правосудия, уголовного дела и судебных материалов, судебного дела, а также судебного разбирательства и судебного заседания. Особенности рассмотрения различных судебных производств в рамках уголовного процесса также нуждаются в научном осмыслении и обосновании их правовой природы, глубокой теоретической проработке на основе системного подхода и сравнительно-правового анализа присущих им общих закономерностей и особенностей функционирования.

Ознакомление с текстом диссертации позволяет сделать вывод, что цель, поставленная автором, может считаться достигнутой, а задачи исследования успешно решенными. Каждому разделу диссертации в той или иной степени

свойственны элементы научной новизны, глубина научной разработки затронутых вопросов, привлекающие внимание положения и рекомендации по совершенствованию законодательства, посвященного вопросам уголовного судопроизводства.

Структура диссертационного исследования, представленного в двух томах, состоит из введения, пяти глав, включая девятнадцать параграфов, заключения, списка сокращений, списка использованных источников, списка иллюстративного материала и двух приложений. Представленная структура работы вполне соответствует научному замыслу и позволила автору всесторонне раскрыть избранную им тему диссертационного исследования.

Автор удачно сформулировал теоретико-методологическое понятие деятельности по осуществлению уголовного правосудия, представив авторские интерпретации сущности правосудия и понятия уголовного правосудия, обозначил свой подход к определению структурного построения деятельности по осуществлению уголовного правосудия, которая, на его взгляд, состоит из судебных действий и судебных решений (первичные структурные элементы), судебных процедур (вторичные элементы) и судебных производств (конечные элементы).

Любую процессуальную деятельность уголовного суда, направленную на разрешение входящих в его компетенцию юридических дел и спорных (как материальных, так и процессуальных) правовых вопросов, требующих установления фактических обстоятельств и применения к ним норм права, автор признает уголовным правосудием при условии, если она обладает следующими признаками: а) осуществляется судебным органом в установленной законом процессуальной форме; б) предназначена для защиты права; в) по существу представляет собой разрешение социально-правовых конфликтов посредством рассмотрения определенного вида судебных дел; г) имеет правоприменительный характер; д) завершается актом правосудия.

Диссертантом предложена оригинальная классификация деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия по предметному признаку. Он удачно разделил уголовно-процессуальную деятельность суда на виды по следующим направлениям (группам): 1) судебный контроль досудебного производства по уголовному делу; 2) рассмотрение и разрешение уголовных дел; 3) рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора и иных судебных решений; 4) рассмотрение вопросов реабилитации и возмещения вреда, причиненного незаконной процессуальной деятельностью органов уголовной юстиции.

Проанализированные признаки самостоятельности судебного производства позволили автору исследования выделить судебное производство в отдельную организационно оформленную и процессуально обособленную структурную единицу системы уголовного правосудия. К ним относятся: а) наличие специфических целей и задач; б) собственный предмет судебного рассмотрения и соответствующий ему (особенный по содержанию) предмет судебного познания и доказывания; в) процессуальная автономность от других типов производств; г) полистадийность; д) внешняя организационная обособленность и отдельное (от уголовного дела) документальное оформление; е) своеобразная процедура, включающая особые правила подсудности; ж) собственный набор итоговых судебных решений.

Им предложена авторская дефиниция судебного решения как элемента системы уголовного правосудия, согласно которой судебное решение есть вынесенный в установленной законом процессуальной форме правоприменительный акт суда, содержащий основанные на праве и установленных фактических обстоятельствах дела выводы по рассмотренному в порядке уголовного судопроизводства юридическому делу или отдельному правовому вопросу и вытекающие из этих выводов властные волеизъявления суда о действиях, направленных на достижение целей уголовного правосудия.

Заслуживает всяческой поддержки предложенная автором концепция единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств, основанная на доктринальных представлениях и идеях, которая представлена в виде совокупности основных, взаимосвязанных теоретических положений.

Автором проведена систематизация судебных производств, согласно которой основной вид судебных производств — производство в зависимости от характера рассматриваемого дела, определяемого на основании предметного критерия. Он выделил следующие виды: 1) производства по обвинению лица в совершении преступления (главы 33—42, 45.1, 46, 47.1, 48.1 и 49 УПК РФ) — производства с обвинением; 2) производства по ходатайствам о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 433—436 УПК РФ) — производства по применению ПММХ; 3) производства по ходатайствам о применении к несовершеннолетнему лицу принудительных мер воспитательного воздействия (чч. 1—2 ст. 427 УПК РФ) — производства по применению ПМВВ; 4) производства по ходатайствам о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 446.1—446.2 УПК РФ) — производства по назначению судебного штрафа.

Достаточно аргументирован вывод диссертанта о том, что существенные особенности «неосновных» судебных производств связаны со спецификой их состязательной конструкции и проявляются: а) в характере и содержании конфликтного правоотношения, отличного от уголовно-правового отношения, лежащего в основе уголовного дела; б) субъектном составе сторон, не совпадающем с присущим основному производству соотношением «сторона обвинения — сторона защиты»; в) содержании предмета и пределах судебного познания и доказывания; г) своеобразии процесса доказывания и используемых в нем средств доказывания; д) распределении бремени доказывания и степени проявления активности суда; е) привлечении к участию в судебном разбирательстве лиц и органов, не участвующих в основном производстве.

На основании выявленных содержательных особенностей и процедурных недостатков отдельных видов производств по уголовному делу и дополнительных видов судебных производств, в целях приведения их в соответствие с потребностями уголовного правосудия в русле выработанных диссертантом концептуальных положений предложены соответствующие направления по совершенствованию правового регулирования судебных производств.

Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, достоверны и вполне обоснованы. Представленное к защите диссертационное исследование позволяет не только успешно решить научную проблему,

имеющую большое значение для развития теории уголовного процесса, вследствие разработки целостной, теоретически и методологически обоснованной концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств, включающей уголовно-процессуальную деятельность суда по разрешению уголовных дел и всех иных правовых вопросов в единую систему уголовного правосудия с предметно-целевым назначением каждого из производств, но и решает научную проблему, имеющую особое значение для уголовно-правовой науки, а также содержит конкретные предложения по совершенствованию положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующего уголовно-процессуальную деятельность суда.

Достоверность результатов проведенного исследования обеспечена как обширной правовой базой, научно обоснованной методикой исследования, так и использованием разнообразного и качественного научного и эмпирического материала, достаточной апробацией полученных результатов.

Применение в диссертации научной методологии, которая составляет монографические и диссертационные исследования отечественных и зарубежных ученых, научные статьи и научно-практические комментарии по вопросам, относящимся к предмету исследования (900 источников), обуславливают высокую достоверность содержащихся в работе выводов и рекомендаций.

Результаты диссертационного исследования доложены и обсуждены на заседаниях кафедры процессуального права и криминалистики и кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета.

Основные положения, выводы и предложения, содержащиеся в диссертационном исследовании, отражены в 80 публикациях автора (общим объемом 158,5 п. л.), в том числе в 2 монографиях, 73 научных статьях, из них 24 — в периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, а также в 4 учебных изданиях.

Теоретические и эмпирические результаты исследования в течение 2011—2022 гг. были представлены и обсуждены на 31 всероссийской и региональной, а также 36 международных и научных и научно-практических конференциях, форумах и круглых столах, проходивших в ведущих юридических вузах страны, расположенных в 17 регионах России: Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Барнауле, Брянске, Волгограде, Иркутске, Казани, Краснодаре, Курске, Нижнем Новгороде, Омске, Оренбурге, Саратове, Симферополе, Томске, Челябинске, — а также в ряде зарубежных стран: Республике Беларусь (Минск, Гомель), Казахстане (Астана), Таджикистане (Душанбе), Норвегии (Тромсе).

Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность судов Республики Бурятия, Архангельской и Волгоградской областей, Ненецкого автономного округа, в деятельность Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Архангельской области и Ненецком автономном округе, а также Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, апробированы соискателем в ходе занятий с судьями, помощниками судей и секретарями судебных заседаний судебных органов Архангельской области по программам повышения квалификации судей и работников аппаратов судов.

Основные теоретические положения диссертации внедрены в учебный процесс и научно-исследовательскую деятельность высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, института права Волгоградского государственного университета, юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Омской академии МВД России и Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия. Все это свидетельствует о достоверности диссертационного исследования по вышеуказанной теме.

Кроме того, достоверность содержащихся в работе выводов и рекомендаций подтверждена нормативно-правовой базой исследования, которая представлена Конституцией Российской Федерации, международно-правовыми актами, распространяющими свое действие на территорию Российской Федерации, действующим отечественным и зарубежным уголовно-процессуальным законодательством, судебными актами и постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, судебной практикой мировых судей, районных судов, верховных судов республик, краевых, областных судов и приравненных к ним судов, апелляционных и кассационных судов, судебной практикой Судебной коллегии и Президиума Верховного Суда Российской Федерации (231 источник).

Обоснованность сформулированных автором выводов и предложений обусловлена результатами исследования судебной практики и социологических опросов, которые были проанализированы соискателем и нашли свое достойное отражение в тексте диссертационного исследования, послужили основой для формирования выводов соискателя, а также стали критериями проверки выдвинутых им гипотез и сформулированных предложений. Содержащиеся в диссертации выводы, предложения и рекомендации глубоко обоснованы, обусловлены репрезентативностью полученных эмпирических данных, включающих:

— материалы 2 850 уголовных и иных судебных дел (материалов), рассмотренных в порядке уголовного судопроизводства судами общей юрисдикции;

— судебные акты всех инстанций (приговоры, постановления, определения, заключения), вынесенные при отправлении уголовного правосудия судами различных уровней (мировыми судьями, районными, областными и приравненными к ним судами, апелляционными и кассационными судами) из разных регионов Российской Федерации, а также Верховным Судом Российской Федерации, в том числе размещенные в СПС «Консультант-Плюс», на сайтах ГАС РФ «Правосудие» и других информационных ресурсах общим количеством более 4 500;

— общероссийские данные судебной статистики за 2018—2021 гг. и предшествующие периоды (по отчетам Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел и материалов по первой инстанции, а также в апелляционном, кассационном и надзорном порядках);

— результаты проведенного соискателем в 2022 г. социологического опроса посредством анкетирования 925 практических работников (судей, прокуроров, адвокатов), осуществляющих свою деятельность в сфере уголовного судопроизводства в 62 субъектах Российской Федерации;

— опубликованные в научных изданиях эмпирические результаты, полученные другими исследователями; разнообразный личный опыт правоприменительной деятельности на всех стадиях уголовного процесса, приобретенный соискателем в период следственной и судейской работы.

Положительно следует оценить избранную автором методологическую основу диссертационного исследования, включающую в себя как общенаучные методы (логический, методы анализа и синтеза, наблюдения, обобщения, абстрагирования, моделирования, системного и структурно-функционального анализа), так и частнонаучные и специальные юридические методы, такие как логико-юридический и формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой, юридической интерпретации (толкования), статистический, конкретных социологических исследований, правового прогнозирования. Все они позволили обеспечить широту и полноту исследования, обоснованность выводов и достоверность полученных результатов.

Научная новизна диссертационного исследования С. В. Бурмагина в первую очередь заключается в том, что автором разработана совокупность теоретических положений, позволяющих рассматривать всю деятельность суда общей юрисдикции по осуществлению правосудия в качестве самостоятельного системного явления, объединяющего практически все виды уголовно-процессуальной деятельности суда. Впервые в отечественной уголовно-правовой науке, опираясь на сформулированные им положения доктрины единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы, автор с помощью сравнительно-правового анализа выявил основные признаки самостоятельности неосновных, дополнительных судебных производств и разработал критерии их разграничения, на основании чего представил свою систему судебных производств. Им также установлены и выделены в диссертационном исследовании важные факторы общности судебных производств, которые позволяют включать их в единую систему уголовного правосудия.

Полученные в ходе научного исследования результаты позволили автору выдвинуть и обосновать отличающуюся принципиальной новизной концепцию единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств, в рамках которой судебное-уголовное производство представляется не монолитным, линейным и однопредметным производством, а системой разнородных, автономных, но вполне взаимосвязанных судебных производств.

Уголовное правосудие в научном исследовании впервые представлено диссертантом как сложная, интегрированная система с многоуровневой структурой, раскрыты ее цели, задачи и содержание, выделены структурные элементы в их взаимосвязи. Сравнительному анализу подвергнуты одновременно практически все виды (направления) деятельности уголовного суда, и благодаря этому дана функциональная характеристика уголовного правосудия в целом. Автор диссертации достаточно глубоко проработаны такие ключевые для предмета исследования научные категории, как «уголовное правосудие», «судебное производство», «судебное решение», «итоговое судебное решение», «комплекс судебных решений», «механизм принятия судебных решений», «модель принятия решения», им даны оригинальные авторские трактовки.

К вполне новым результатам, обогащающим науку уголовного процесса и теорию правосудия, можно также отнести: 1) выводы по истории эволюции системы судебных производств в процессе развития российского уголовного правосудия и суждения о тенденциях построения судебных производств в современных системах правосудия зарубежных стран; 2) выводы о структуре деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия; 3) рассмотрение системы судебных решений и проблем разграничения итоговых и промежуточных решений уголовного суда через призму выдвинутой диссертантом научной концепции об основах единства уголовного правосудия; 4) интерпретацию свойства правосудности судебного решения и его критериев как качественных характеристик; 5) установление соотношения принятия судебного решения с правоприменительным процессом и определением места процесса принятия решения в структуре судебного производства; 6) выявление и раскрытие специфики и недостатков состязательного построения «неосновных» (дополнительных) судебных производств и связанных с ним особенностей познавательно-доказательственной деятельности; 7) дифференциацию процедуры разрешения вопросов, возникающих при исполнении приговора в зависимости от вида реализуемого контроля, с обозначением надлежащего круга субъектов производства, их процессуальных полномочий, структуры судебного заседания, особенностей доказывания.

Диссертация содержит и ряд других вполне оригинальных и, как представляется, достаточно аргументированных суждений автора, отвечающих требованиям научной новизны.

Анализ текста диссертации убеждает в том, что работа С. В. Бурмагина обладает не только научной новизной, но и оригинальностью. Ведь научное исследование, проведенное автором диссертации, свидетельствует о наличии доктринального подхода к такому правовому явлению, каковым является уголовное правосудие. Выводы сделаны им на основе всестороннего подхода к наличию разработанного комплекса теоретических положений, совокупность которых можно квалифицировать как решение сложной научной проблемы, имеющей особое значение для развития теории и практики уголовного правосудия.

Диссертация написана грамотным юридическим языком, содержащиеся в ней положения и выводы, как правило, изложены четко и ясно, отвечают критериям доказательности, логической стройности, непротиворечивости. Диссертация оформлена в соответствии с требованиями, проиллюстрирована примерами из практики, легко и с интересом читается.

На основании вышеизложенного можно сделать однозначный вывод о том, что диссертация Бурмагина Сергея Викторовича написана самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, соответствует специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Результаты проведенного диссертантом исследования свидетельствуют о его личном вкладе в уголовно-правовые

науки. Научные выводы и результаты диссертационного исследования могут быть использованы в дальнейших теоретических разработках в сфере уголовного правосудия, законотворчестве и правоприменительной практике. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Положения, выносимые на защиту, в тексте диссертации доказаны и аргументированы.

Следовательно, представленная для оппонирования диссертация С. В. Бурмагина на тему «Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств» является научно-квалифицированной работой, позволившей автору на основании выполненных им исследований разработать теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение и решение проблемы, имеющей важное значение для уголовно-правовых наук. Диссертация **соответствует всем установленным для подобного рода работ критериям.**

Однако насыщенность проведенного С. В. Бурмагиным анализа многих теоретических и практических проблем не исключает наличия в работе отдельных недостатков, спорных положений, возможности высказать определенные замечания, отразить дискуссионные вопросы, нуждающиеся в том, чтобы они были затронуты при защите диссертации.

1. Текст диссертации, размещенный в 2 томах на 928 страницах, *явно превышает разумный объем текста такого рода диссертационного исследования, поскольку автор иногда, чрезмерно уделяя внимание отдельным, на мой взгляд, второстепенным вопросам исследования, одновременно оставлял без должного внимания иные достаточно важные проблемы уголовного правосудия.*

Так, ставя перед собой задачи: 1) исследовать в контексте общеисторического развития правосудия генезис судебных производств и отдельных процедур в уголовном судопроизводстве, выявить его закономерности; 2) рассмотреть современные системы уголовного правосудия и судебных производств иностранных государств, выявить их общие черты и тенденции развития (т. 1, с. 16), — диссертант проанализировал судебные производства в историческом и международно-правовом аспектах (т. 1, с. 196—266). Однако по результатам своего научного исследования диссертант сделал лишь выводы, касающиеся периода проведения либеральных реформ в России после развала СССР, повлекших расширение содержания судебной функции по осуществлению правосудия и сложную систему судебных производств (т. 1, с. 232—234), а также обратил внимание на отсутствие в уголовном процессе многих стран четкого размежевания судебных производств по предметно-целевому признаку на производство по уголовному делу и на смежные производства, связанные с основным по иным правовым вопросам, подлежащим рассмотрению уголовным судом (т. 1, с. 264—266).

Между тем рассмотрение уголовного правосудия в историческом аспекте должно было как минимум повлечь установление объективных и субъективных причин столь существенного увеличения количества судебных материалов, рассматриваемых ныне судом в порядке уголовного судопроизводства. Подлежали также исследованию тенденции расширения компетенции суда за счет: 1) принятия еще союзного законодательства о расширении перечня решений и действий должностных лиц, обжалуемых в суд (судебный контроль); 2) передачи полномочий по пересмотру уголовного дела в связи с изменением уголовного закона, улучшающего положение осужденного, от вышестоящих судебных инстанций к федеральному судье по месту отбывания осужденным наказания; 3) введения настолько широкой реабилитации, в том числе частичной, аналогов которой не наблюдалось в других странах мира. Следовательно, автор хоть и рассмотрел проблемы уголовного правосудия в историческом и международно-правовом аспектах, но неверно расставил акценты.

2. *Представляется недостаточно убедительной использованная диссертантом следующая терминология при классификации судебных производств в уголовном процессе.* Например: 1) «*типовые* судебные производства в уголовном процессе» (положение 13.5); 2) «*основной тип* производств по уголовному делу» (положение 15); 3) «*контрольные, исполнительные и реабилитационные типы* судебных производств» (положение 16).

Сама по себе типология близка с такими понятиями, как «классификация», «систематизация» и «периодизация», хотя отличается от них тем, что в качестве основного инструмента познания используется абстрактная модель явления (в данном случае судебного производства). Процесс типологизации представляет собой разбиение рода на виды, понятия — на составляющие его элементы. Иными словами, типологические исследования как бы подводят исследователя к следующему этапу — классификационному, в результате которого рождается классификационная группировка. Кроме того, типизация — целостное рассмотрение признаков как гармоничного целого, образующего сущность вещи. Результатом такого рассмотрения и является выработка типа, т. е. образца, парадигмы. Существование разных подходов к типологии предполагает разную степень абстрагирования, в частности, идеальный подход оперирует максимально упрощенными моделями. Основным же критерием, служащим основанием для разграничения различных моделей, типов и форм судебного производства, служит характер интереса, защита которого осуществляется в процессе судопроизводства. Поэтому возникает необходимость выработки единообразно понимаемых в теоретико-методологическом смысле понятий классификации, систематизации и типологии, учитывая сложившуюся научную практику широкого использования понятия «тип» в уголовном процессе и связанного с ним весьма значительного круга его терминологических фиксаций, например «смешанный тип». Подход же диссертанта к проблеме типа имеет, скорее, характер случайности, в большей степени описателен, а также не отмечен глубиной проработки и выявлением спецификации.

Следовательно, выглядит предпочтительнее выделение не *типов*, а *подвидов* судебных производств или *видов* судебных производств в уголовном судопроизводстве. Тем более что во всех иных видах отечественного судопроизводства (административном, арбитражном, гражданском, конституционном) отечественными учеными принято выделять не типы, а подвиды судебных производств. Хотя и сам диссертант, рассуждая о неосновных судебных производствах в уголовном процессе, фактически уравнивает понятия «тип» и «вид», беря последнее в скобки (т. 1, с. 321).

3. *Вывод автора диссертационного исследования, выносимый на защиту (в положении 4), о том, что любая процессуальная деятельность уголовного суда, направленная на разрешение входящих в его компетенцию юридических дел и спорных вопросов, требующих установления фактических обстоятельств и применения к ним норм права, обладает всеми конструктивными признаками правосудия, является как минимум дискуссионным.*

Перечисляя сформулированный им перечень признаков правосудия, диссертант проигнорировал следующие важные обстоятельства, которые могли повлиять на содержание уголовного правосудия, и не учел следующие важные положения: 1) существуют принципиальные различия в процедурных особенностях между *судебным разбирательством*, проводимым по уголовному делу для разрешения основного вопроса — о виновности либо невиновности подсудимого в соответствии с положениями не только главы 36, но и глав 37, 38, 39 УПК РФ, и *судебным заседанием*, в ходе которого разрешаются неосновные вопросы, обозначенные в главах 13, 14, 16, 17, 18, 47, 54, 55, 55.1 УПК РФ; 2) судебные решения по основному вопросу выносятся от имени Российской Федерации, а иные решения суда не выносятся от имени Российской Федерации; 3) в судебном разбирательстве участвуют стороны, а в судебном заседании — участники судебного процесса; 4) преюдициальное значение имеют судебные решения, выносимые в основном, а не в дополнительных судебных процедурах, и т. п. Хотя судебное заседание и является процессуальной формой осуществления правосудия (п. 50 ст. 5 УПК РФ), едва ли можно назвать осуществлением правосудия (в узком смысле этого слова) судебную процедуру рассмотрения председательствующим замечаний на протокол судебного заседания (ст. 260 УПК РФ), принятия решения о выделении дела (ст. 239.1 УПК РФ) либо о соединении дел в одно производство (ст. 239.2 УПК РФ), об отложении либо приостановлении судебного разбирательства (ст. 253 УПК РФ), о применении мер воздействия на нарушение порядка в судебном заседании (ст. 258 УПК РФ), представления Председателя Верховного Суда Российской Федерации о внесении на рассмотрение в Президиум Верховного Суда Российской Федерации уголовного дела в порядке новых обстоятельств в связи с решениями Конституционного Суда Российской Федерации или ЕСПЧ (ст. 415 УПК РФ) и т. д.

Следовательно, на мой взгляд, выглядит убедительнее и предпочтительнее позиция ученых, которые считают, что не всякая, даже процессуальная, деятельность уголовного суда может признаваться уголовным правосудием (в узком смысле этого слова). Ведь помимо правосудия, уголовный суд, как государственный орган, осуществляет и иные функции государства в рамках уголовного судопроизводства, в том числе функцию судебного контроля. Определенные элементы деятельности суда, присущие осуществлению правосудия в ходе судебного контроля, на досудебных стадиях уголовного процесса присутствуют, даже зачастую обязательны, но не всегда являются основными, определяющими. В связи с этим следует обратить внимание на Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), чья процессуальная деятельность при рассмотрении жалоб граждан без права на установление фактических обстоятельств по делу также едва ли может быть признана осуществлением уголовного правосудия в ходе судебного разбирательства либо судебного заседания.

Поэтому признание любой процессуальной деятельности суда осуществлением уголовного правосудия (в узком смысле) по контрольным, исполнительным, реабилитационным судебным производствам приведет к усложнению уголовного судопроизводства, а не к повышению его эффективности при защите прав и интересов участников уголовного судопроизводства, загрузит суды дополнительной работой, несмотря на чрезмерную перегруженность судов. Тем более что подобные производства вполне могут быть переданы от федеральных судей в компетенцию тех же следственных судей, судебных следователей, пенитенциарных судей, административных судей и т. п., о которых ранее уже упоминалось в отечественной юридической литературе, а также в различных законопроектах.

4. *Анализируя уголовно-процессуальную деятельность судов общей юрисдикции и определяя виды осуществляемых ими судебных производств в уголовном судопроизводстве (т. 2, с. 3—171), С. В. Бурмагин, к сожалению, оставил без соответствующего внимания особенности, предусмотренные при уголовном судопроизводстве у мирового судьи, а также в суде с участием присяжных заседателей.* Так, не учитывалось диссертантом в ходе исследования, что мировые судьи, в отличие от федерального судьи, не наделены полномочиями по осуществлению судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса, в том числе избирать подозреваемому меру пресечения в виде содержания под стражей, давать согласие на производство следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ и т. д. В то же время именно мировые судьи в соответствии с положениями ч. 2 ст. 319 УПК РФ при наличии соответствующего ходатайства должны оказывать сторонам содействие в собирании доказательств. Далеко не все вопросы, возникающие на стадии исполнения приговора, вправе рассматривать мировой судья даже по делам, которые рассмотрены им в суде первой инстанции.

5. *Нельзя согласиться с предложением автора исследования, сформулированным в положении 18 (п. 2), выносимом на защиту, по поводу корректировки правовых понятий итогового и промежуточного судебных решений, закрепленных в п. 53.2 ст. 5 УПК РФ. Диссертант предлагает исключить слово «уголовное» или заменить его на «рассматриваемое» и тем самым распространить понятие итогового судебного решения на все самостоятельные судебные производства в российском уголовном процессе.* Ведь такое уникальное свойство итогового судебного решения, как справедливость, не всегда может содержаться в судебных решениях, выносимых в ходе дополнительных судебных производств, поскольку в этих производствах не решается вопрос о виновности подсудимого и назначении ему наказания. Признание же итоговым судебного решения, выносимого в судебно-контрольном производстве не от имени Российской Федерации, может повлечь дополнительные дискуссии по поводу юридической силы подобных судебных решений и привести к допустимости отмены итогового судебного решения по основному производству на основании судебных решений, вынесенных судами в ходе дополнительных производств.

Однако высказанные выше критические суждения не колеблют общей положительной и достаточно высокой оценки представленной на защиту работы Сергея Викторовича Бурмагина на тему «Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств», представленной на соискание ученой

степени доктора юридических наук. Диссертантом подготовлено актуальное, вполне оригинальное, самостоятельное монографическое исследование, обладающее необходимыми признаками научной новизны, теоретической и практической значимости основных своих положений. Содержание диссертационного исследования может быть использовано как в правотворческом и правоприменительном процессе, так и при разработке учебных курсов по уголовному судопроизводству, в других отраслевых юридических науках.

Заключение: диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области уголовно-правовых наук.

По содержанию и форме диссертация полностью отвечает требованиям пп. 9—10 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор Сергей Викторович Бурмагин заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

doi: 10.25724/VAMVD.A134

В. В. Николук,

главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ОТЗЫВ ВТОРОГО ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ С. В. БУРМАГИНА НА ТЕМУ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЕДИНСТВА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ»

Для дачи заключения о соответствии диссертации С. В. Бурмагина критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, официальный оппонент, изучив представленную для рецензирования работу, а также наиболее значимые труды соискателя по теме диссертации, оценил актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в исследовании, их достоверность и новизну, в результате чего пришел к следующим выводам.

В теории уголовного процесса с определенной периодичностью появляются монографические работы, посвященные феномену «правосудие» и особенностям его проявления (реализации) посредством уголовного судопроизводства. Однако вот уже длительное время доктрина уголовного правосудия (некоторые коллеги не признают самостоятельность понятия «уголовное правосудие») не могла представить фундаментального научного исследования по данной проблематике.

Вместе с тем изменения в законодательстве за последние 10—15 лет серьезно расширили рамки судебной деятельности в уголовном процессе. Первозданный вариант ст. 29 УПК РФ «перекроен» законодателем до неузнаваемости, в нее внесено 9 новых пунктов, возложивших на суд дополнительные полномочия, она стала предусматривать более 21 вида судебных решений. Новые судебные процедуры в досудебных стадиях введены «напрямую», без упоминания о них в ст. 29 УПК РФ. Как небезосновательно в данном отношении заметил А. С. Червоткин, перечислять огромное количество судебных производств даже в исследовательских целях потеряло смысл.

Стало очевидным, что уголовное правосудие как объект научного исследования нуждается в рассмотрении с применением новой, оригинальной методологии. Имеется в виду изучение его как сложной системы с многоуровневой структурой, с доминированием в ней таких элементов, как судебное производство и судебное решение.

Рецензируемый научный труд, выполненный с учетом накопленных десятилетиями научных достижений, результатов целевых социологических замеров, проведенных как лично, так и другими авторами, тщательного анализа многочисленных статистических показателей, в значительной мере устраняет дефицит научных исследований в категории «правосудие в уголовном процессе».

Изданная в 2022 г. монография М. И. Клеандрова «Правосудие и справедливость» не могла восполнить этот дефицит, поскольку в ней акцентированно не рассматривается правосудие в уголовном процессе. Кроме того, монография выполнена больше как научно-популярная работа, основное внимание уделено в ней справедливости правосудия как философской категории.

Ряд интересных статей о правосудии в уголовном процессе был опубликован параллельно с завершением исследования С. В. Бурмагиным (например: Бозров В. М. Сущность, содержание и форма правосудия по уголовным делам в российской правовой науке: общее и частное // *Российский судья*. 2020. № 2. С. 39—50; Ланг П. П. Функции правосудия: прошлое и настоящее // *Российский судья*. 2022. № 12. С. 41—46). Они не только не снизили актуальности указанной тематики, а напротив, поставили перед учеными новые задачи.

С учетом изложенного выбранная С. В. Бурмагиным тема диссертационного исследования является чрезвычайно актуальной.

Стоит сказать, что из внушительного числа исследовательских задач диссертации (во введении обозначено 16), сформулированных на старте ее подготовки, большинство успешно решены к финишу. Целесообразно выделить те результаты исследования, которые особо подчеркивают новизну сформулированных соискателем положений и выводов, их обоснованность, достоверность, теоретическую и практическую значимость.

Исходя из общепризнанного восприятия правосудия как специфической деятельности органов судебной власти по рассмотрению и разрешению правовых споров, сформулировав определение понятия «уголовное правосудие», выделив его основные признаки, соискатель впервые верифицирует посредством этих признаков совокупность всех видов (направлений) уголовно-процессуальной деятельности суда на предмет относимости последних к правосудию и приходит к закономерному выводу о том, что любая процессуальная деятельность уголовного суда, направленная на разрешение входящих в его компетенцию юридических дел и спорных (как материальных, так и процессуальных) правовых вопросов, требующих установления фактических обстоятельств и применения к ним норм права, обладает всеми конструктивными признаками правосудия.

Последующий структурно-функциональный анализ уголовного правосудия, основанный на широком его понимании, позволил диссертанту прийти к заслуживающим внимание и отличающимся новизной выводам и суждениям о системном характере, сложном структурном построении и многофункциональности деятельности суда по осуществлению уголовного правосудия и представить судебное производство в качестве структурно определенного и организационно завершенного комплекса судебных процедур и процессуальных действий, предназначенного для разрешения по существу конкретной разновидности юридических дел (правовых споров), отнесенных к компетенции суда и подлежащих рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства.

Сравнительно-правовой анализ регламентации уголовного судопроизводства зарубежных стран также проведен с точки зрения структурного построения современных систем судебно-уголовных производств в целях выявления общих закономерностей и тенденций в развитии системы уголовного правосудия.

Важен и следующий момент, весьма позитивно повлиявший на уровень и качество представленной к защите диссертации — это профессиональная деятельность соискателя в должности судьи. Избранная тема диссертации входит в круг его профессиональных интересов в бытность им судьей, руководителем суда субъекта Российской Федерации. Таким образом, заявленная тема исследована сведущим специалистом, грамотно пользующимся богатым опытом практической работы.

Безусловно, следует поддержать соискателя в том, что положения отечественной юридической доктрины о содержании и системе уголовного правосудия не отвечают условиям современной правовой действительности, искажают сущность иных видов судебной деятельности, не позволяют правильно их «квалифицировать» с научной точки зрения и объяснить современную конструкцию уголовного судопроизводства, тем самым не обеспечивают необходимую теоретическую основу для развития уголовно-процессуального законодательства и дезориентируют правоприменителя.

Большинство предложений соискателя о совершенствовании уголовно-процессуального закона в части регламентации отдельных видов судебных производств являются «дорожной картой» решения хронических проблем, давно известных науке уголовного процесса и соответствующих сфер правоприменения.

Вместе с тем некоторые положения диссертационного исследования представляются дискуссионными, требующими дополнительной аргументации в ходе публичной защиты:

1. В контексте диссертационного исследования безусловный интерес вызывает вопрос: «Присущи ли деятельности суда по рассмотрению в порядке ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон об ОРД) материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), ограничивающих конституционные права граждан, признаки самостоятельного уголовно-процессуального судебного производства?».

Нестандартность ситуации состоит в том, что Конституционный Суд Российской Федерации, называя указанный вид судопроизводства предварительным судебным контролем, пришел к выводу об уголовно-процессуальной природе деятельности суда по обеспечению прав личности при проведении ОРМ, осуществляемой в процедурах, обусловленных характером уголовных и уголовно-процессуальных отношений¹.

От того, каким образом будет разрешаться поставленная проблема, зависит и позиция относительно того, является ли правосудием деятельность суда по рассмотрению материалов в порядке ст. 9 Закона об ОРД, которая, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, реализуется во взаимосвязи с общими принципами и нормами уголовно-процессуального закона.

Обозначенные положения носят концептуальный характер. Фактически здесь идет речь о новой трактовке предметной области правосудия, серьезном расширении его границ, о соответствии признакам правосудия процедур рассмотрения судом материалов, связанных с проведением ОРМ и в основном регулируемых Законом об ОРД.

В свою очередь практическая реализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о правовой природе судебной деятельности в сфере ОРД обусловит дальнейшую процессуализацию основной части ОРД и необходимость максимальной согласованности норм уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тибилова Алана Джандеровича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2018 г. № 842-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Оценивая процедуру рассмотрения судом вопросов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, которая фактически сводится к прочтению, исследованию судьей представленных письменных документов, Конституционный Суд Российской Федерации указал: во-первых, данная процедура не является ни судебным разбирательством, ни даже подготовительными действиями к судебному заседанию; во-вторых, в этих правоотношениях еще нет сторон, что характерно для уголовного процесса в тех случаях, когда уголовное дело возбуждено по факту и неизвестно, можно ли считать деяние преступлением и кто его совершил; в-третьих, в этой процедуре не может быть открытости, гласности и состязательности сторон, иначе негласные ОРМ стали бы просто невозможны, а сама ОРД утратила бы смысл.

Однако принципиально важно, что, принимая решение по вопросу о проведении ОРМ в случаях, предусмотренных ст. 9 Закона об ОРД, судье недостаточно подписать, завизировать представленные оперативно-разыскным органом материалы. Свое решение судья облакает в форму постановления, которое должно быть мотивированным. Процессуальные решения суда являются основным средством реализации судебной власти, они обязательный элемент всякого судебного производства и, конечно же, служат средством выражения правосудия. Этот тезис превалирует в диссертации.

Таким образом, предстоит выработать позиции как минимум по трем принципиальным вопросам: 1) характерны ли для судебной деятельности по рассмотрению материалов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, признаки самостоятельного вида судебного производства? 2) какова юридическая природа данного вида судебной деятельности: оперативно-разыскная, уголовно-процессуальная или смешанная? 3) могут ли входить в систему уголовного правосудия судебные производства, осуществляемые в сфере ОРД?

К сожалению, в рецензируемой работе эти вопросы не затрагивались, хотя они и охватываются поставленными в диссертации задачами.

2. Нуждается в уточнении позиция соискателя в части понимания категории «особые производства», часто используемой в процессуальной литературе в связи с рассмотрением проблем дифференциации уголовного процесса и характеристикой отдельных видов судебной деятельности. Без серьезной аргументации С. В. Бурмагин «ставит крест» на термине «особые производства» и утверждает о его непригодности для выделения и обозначения отдельных типов и видов производств (т. 1, с. 318—321). Согласиться с таким подходом трудно. Сам соискатель при этом, формулируя одно из положений, выносимых на защиту (положение б), указывает без соответствующей аргументации, что «для каждой разновидности судебной деятельности законом предусмотрен *особый вид судебного производства* (курсив мой. — В. Н.)».

Следует указать, что термин «особые производства» является вполне легитимным, «родным» для ряда процессуальных отраслей законодательства. Соответствующее понятие включено в название подраздела 4 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В УПК РФ используются близкие категории, например «особый порядок». Учеными предлагается термин «особые производства» ввести в УПК РФ (Л. Г. Татьяна). В теории уголовного процесса предложены критерии выделения особых производств по отношению к основному производству по уголовному делу и обычным промежуточным производствам (Л. А. Пупышева). Руководствуясь данными критериями (самостоятельный предмет, направленность на достижение правового результата путем отправления правосудия (наряду с правосудием по уголовным делам); отсутствие возможности их праворегулирования только общими правилами уголовного судопроизводства; наличие специальных процедур, приспособленных для рассмотрения дел, относящихся к категории особых; специфичный субъектный состав процессуального производства), Л. А. Пупышева выделяет три вида особых производств (уголовно-процессуальная деятельность по рассмотрению судом жалоб в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ; производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (гл. 47 УПК РФ); производство о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ)). Поэтому критика С. В. Бурмагиным позиции Л. А. Пупышевой по обсуждаемому вопросу, несогласие с тем, что данный автор считает «особыми» весь набор широко распространенных типичных производств, охватывающих $\frac{2}{3}$ объема судебной деятельности по осуществлению уголовного правосудия (с. 319—320), мягко говоря, некорректна, безосновательна, «не по адресу», является следствием неточного восприятия сути авторской концепции особых производств в уголовном процессе.

Здесь же необходимо уточнить, что термин «особые производства в уголовном процессе» был использован автором отзыва еще в 1988 г. (Николюк В. В., Кальницкий В. В. *Особые производства в советском уголовном процессе // Совершенствование правовых основ уголовного судопроизводства. Вопросы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью: сб. науч. тр. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1988. С. 111—118*). Формирование научных взглядов на проблему особых производств в уголовном процессе происходило независимо и одновременно (параллельно) с проводившимися рецензентом и Ю. К. Якимовичем научными исследованиями на рубеже 70-х — 80-х гг. прошлого века. Поэтому утверждение С. В. Бурмагина о введении в научный оборот терминов «дополнительные» и «особые» производства (с. 318—319) именно Ю. К. Якимовичем — крайне условно.

3. В диссертации (с. 121—140) выдвинуто и обосновывается предложение исключить из предмета судебного-исполнительных производств вопросы, предусмотренные пп. 11, 12 и 15 ст. 397 УПК РФ, включив их рассмотрение в основное судебное производство в качестве дополнительной, факультативной процедуры и учредив институт дополнительных судебных решений. Несмотря на отведение указанной проблеме достаточного внимания, ее авторское решение не воспринимается как конструктивное.

В ряде публикаций, с которыми хорошо знаком диссертант, автором отзыва изложена позиция в части направлений оптимизации правового регулирования порядка устранения сомнений и неясностей приговора, возникающих при его исполнении. Она остается неизменной. Это не означает, вместе с тем, иных подходов к устранению дефектов приговора, не затрагивающих его существо. В чем видятся минусы разработанного С. В. Бурмагиным алгоритма решения указанных вопросов?

Во-первых, применительно к анализируемой ситуации термины «конкретизирующий судебный контроль» или «конкретизация исполнения судебных решений» не совсем удачны. В пункте 15 ст. 397 УПК РФ фактически речь идет об ошибках и недостатках приговора, которые необходимо устранить, а не конкретизировать.

Во-вторых, соискатель, следуя точке зрения М. К. Свиридова, полагает, что решение вопросов, предусмотренных п. 15 ст. 397 УПК РФ, не направлено на исполнение судебного акта, а лишь создает базу для его исполнения. Представляется, что положение п. 15 ст. 397 УПК РФ как раз и служит, направлено на исполнение принятого по делу судебного решения, на создание для этого необходимых юридических и фактических предпосылок. Провести четкую грань между терминами «направленность на исполнение решения» и «создание базы для исполнения», которые используются в диссертации, фактически невозможно.

В-третьих, и это самое главное, какой смысл исключать из ст. 397 УПК РФ, например, п. 15 с последующим рассмотрением вопросов об устранении не затрагивающих существо приговора ошибок в рамках процедуры, аналогичной той, которая установлена ст. 399 УПК РФ? Регламент, установленный данной статьей, не препятствует проведению полноценного судебного заседания, с которым соискатель связывает рассмотрение сомнений и неясностей приговора (с. 139).

Что действительно нужно сделать по обсуждаемому вопросу, так это надо дополнить гл. 47 УПК РФ нормами, закрепляющими критерии отнесения конкретных вопросов к категории сомнений и неясностей, указывающими на инициаторов их рассмотрения в суде, а также устанавливающими круг судебных решений, при исполнении которых могут разрешаться сомнения и неясности, т. е. незначительные ошибки и недостатки приговора.

4. При рассмотрении судебно-реабилитационных производств (§ 4 гл. 4) С. В. Бурмагин соглашается с высказанной в литературе точкой зрения, что в гл. 18 УПК РФ объединены разноплановые нормы о возмещении вреда лицам, подвергавшимся уголовному преследованию и в последствии реабилитированным, и лицам, не имеющим статуса подозреваемого, обвиняемого, которым вред причинен незаконным применением мер процессуального принуждения (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). В параграфе, что следует из его содержания, планировалось исследование обоих видов производства по возмещению вреда (т. 2, с. 153), однако фактически соискатель ограничился анализом реабилитационного производства.

Что касается «компенсационного производства» (так диссертант называет судебную деятельность, связанную с возмещением вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ), то ему уделено неоправданно мало внимания. На многие «злободневные» теоретические и практические вопросы, возникающие при применении положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ, ответов в уголовно-процессуальной доктрине нет.

Вместе с тем появление института возмещения вреда физическим и юридическим лицам, причиненного им незаконным процессуальным принуждением, заметно превосходит в этой части многие развитые правовые порядки. В глобальном аспекте здесь можно говорить о юридической ответственности государства перед участниками уголовного судопроизводства (Л. В. Головкин). В качестве оснований ответственности государства в данном случае выступает незаконное применение мер процессуального принуждения к лицам, вовлеченным в уголовный процесс. Данное научное направление, на мой взгляд, является одним из самых перспективных в отечественной теории уголовного процесса в настоящее время. Оно вполне вписывалось в рамки рецензируемого исследования.

5. Спорным представляется десятое положение, выносимое на защиту, в котором соискатель, определяя содержание категории «правосудность решения уголовного суда», указывает, что «...наполнение требований законности, обоснованности, мотивированности и справедливости различно для разных типов и видов судебных решений и зависит от назначения, функционального характера решения, его относимости к основному вопросу уголовного дела, принадлежности виду судебного производства, а также от порядка принятия решения». Думается, что требования, предъявляемые к процессуальным решениям, легально установленные положениями Конституции Российской Федерации и нормами гл. 2 УПК РФ, являются универсальными, их содержание не зависит от характера юридического спора (дела), а тем более процессуального порядка его рассмотрения и разрешения. Тем более сам соискатель обоснованно отмечает (в положении 13.6), что несмотря на типовые и видовые различия судебных производств, в числе прочего их объединяют требования правосудности.

6. Недостаточно аргументированными выглядят предложения С. В. Бурмагина о подчинении всего многообразия выделяемых соискателем судебных производств общим условиям и правилам производства уголовных дел в суде первой инстанции (гл. 35 УПК РФ), а также об унификации процессуальных средств доказывания, в том числе «системы» доказательств, за изъятиями и ограничениями, объективно вызванными спецификой предмета судебного рассмотрения и интересами разумной процессуальной экономии, поскольку таких «изъятий» гораздо больше, чем тех положений, которые можно применять непосредственно. Автор допускает возможность бланкетного регулирования указанных вопросов, однако такое, на мой взгляд, не решит правильно «диагностированных» проблем, а приведет к еще большей дезориентации правоприменителя.

7. Соискатель не всегда следует предъявляемым и общепринятым «техническим» требованиям к докторской диссертации. Имеется в виду ее объем. Действительно ли включенный в текст диссертации материал является монолитным, логически взаимосвязанным и обеспечивает цельность проведенного исследования? Представляется, что часть текста дублируется, причем в значительном масштабе.

Так, заключение по диссертации (17 с.) повторяет положения, выносимые на защиту, выводы по параграфам и главам (где они есть). Большинство выводов, обоснованных в работе, получили в ней «тройное» звучание. Такая технология подачи исследовательского материала приводит к искусственному увеличению объема диссертации.

В главе 4 «Типы и виды судебных производств, их назначение и содержание» автор перечисляет виды-нормы, предусматривающие соответствующие полномочия суда или, если следовать подходу С. В. Бурмагина, самостоятельные производства. Такое перечисление в главе занимает до 15 с. В приложении 1 в таблицах 1—9 (с. 401—411)

все упомянутые в главе судебные производства приводятся снова уже в статистическом измерении. Дублирование очевидное и не вынужденное.

Приложение 1 (с. 401—412) воспринимается как внушительная часть Отчета Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, который находится в свободном доступе, и использование его в таком виде в диссертации вряд ли целесообразно.

Можно без сомнения признать, что комплекс разработанных диссертантом научно обоснованных положений, объединенных в концепцию единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств, наиболее полно раскрывает диалектику российского уголовного правосудия; способствует правильному пониманию сути и значения реализуемых вне основного производства по уголовному делу судебных полномочий и принимаемых на их основе процессуальных решений; существенным образом обогащает научные взгляды о структурном построении уголовного процесса, о проявлении в уголовном судопроизводстве принципа состязательности; вносит большой (весомый) вклад в развитие учений об уголовно-процессуальных функциях, об особых уголовных производствах, уголовно-процессуальных, в том числе судебных, решениях; задает новое направление в развитии теории уголовного правосудия — парадигму, основанную на признании системности, многофункциональности и процедурного разнообразия судебно-уголовного производства.

Таким образом, учитывая актуальность выбранной для исследования темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в исследовании, их достоверность и новизну, официальный оппонент приходит к однозначному выводу о том, что диссертация С. В. Бурмагина «Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук (специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки), является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в сфере уголовного судопроизводства. Диссертационное исследование соответствует требованиям пп. 9—11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а его автор — Бурмагин Сергей Викторович заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

doi: 10.25724/VAMVD.A135

Н. Г. Муратова,

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета,
заслуженный юрист Республики Татарстан, доктор юридических наук, профессор

ОТЗЫВ ТРЕТЬЕГО ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ С. В. БУРМАГИНА НА ТЕМУ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЕДИНСТВА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ»

Актуальность темы исследования. Современное правосудие как конституционный институт государства и общества, состоящий из системы правовых понятий, обеспечивающих необходимое концептуальное начало в исследовании институтов права, привлекает пристальное внимание ученых и практиков. Отечественная правовая система правосудия должна отвечать оптимальной модели современного правового государства и разрешать наиболее значимые социально-правовые проблемы общества, государства и личности. Концепция единства правового пространства, единства судебной практики как одного из современных способов реализации норм права неизбежно предопределяет возможные пути дальнейшего совершенствования юридических теоретических конструкций, законодательства и практики. Все это и обусловило актуальность исследования С. В. Бурмагина.

Представляется, что именно взаимосвязь справедливости судебного решения и судебных производств в уголовном судопроизводстве позволят выявить и определить ряд значимых социальных проблем при оптимизации и эффективности правоприменительной деятельности в сфере правосудия. Сложность определения единства правосудия в сфере уголовного судопроизводства и значения дифференцированности судебных производств обусловила дискуссию о необходимости разработки механизма «судебного контроля», «сделки с правосудием», «сделки со следствием», о формах состязательности и новом авторском видении понятий «уголовное правосудие», «судебное производство», «тип судебного производства», «судебное решение», «итоговое судебное решение», «комплекс судебных решений», «механизм принятия судебных решений», «модель принятия решения». В связи с этим необходимо поддержать диссертанта С. В. Бурмагина в разработке авторской Концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств. К этому соискатель шел долго и последовательно.

С. В. Бурмагин проявил проницательность и вдумчивость при формулировании выводов по истории эволюции системы судебных производств и обоснованную решимость по-новому взглянуть на прошлое, настоящее и будущее судебного производства по уголовному делу, применив комплексный подход к изучению целого ряда острых проблем, предложив их концептуальное решение, что придает исследованию характер завершеного самостоятельного научного труда, свидетельствующего о новом достижении в науке уголовно-процессуального права.

© Муратова Н. Г., 2023

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что на основе комплексного, всестороннего изучения и анализа деятельности по осуществлению уголовного правосудия и его главных структурных элементов — судебных производств и судебных решений — разработана совокупность теоретических положений, позволяющих рассматривать эту деятельность в качестве системного явления, объединяющего все виды уголовно-процессуальной деятельности суда. Полученные результаты позволили выдвинуть и обосновать отличающуюся принципиальной новизной *концепцию единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств*, в рамках которой судебно-уголовное производство представляется не монолитным, линейным и однопредметным производством, а системой разнородных, автономных, но взаимосвязанных судебных производств.

Достоверность исследования обеспечена обширной правовой базой, научно обоснованной методикой исследования, использованием разнообразного и качественного научного и эмпирического материала, достаточной апробацией полученных результатов, которая осуществлена по следующим направлениям. Соискатель представил научно-обоснованные выводы и предложения на многочисленных научно-практических конференциях и форумах, результаты были представлены и обсуждены на международных (36) и всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях, форумах и круглых столах (31), проходивших в ведущих юридических вузах страны, расположенных в 17 регионах России.

Эмпирическую базу исследования составили изученные в период 2010—2022 гг. материалы 2 850 уголовных и иных судебных дел (материалов), рассмотренных в порядке уголовного судопроизводства судами общей юрисдикции; судебные акты всех инстанций, вынесенные при отправлении правосудия, в том числе размещенные в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс» и в сети Интернет на сайтах ГАС РФ «Правосудие» и других информационных ресурсах, общим количеством более 4 500; обзоры и справки по результатам обобщения судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и судов субъектов Российской Федерации по процессуальным вопросам уголовного судопроизводства; результаты проведенного соискателем в 2022 г. социологического опроса посредством анкетирования 925 практических работников (судей, прокуроров, адвокатов), осуществляющих свою деятельность в сфере уголовного судопроизводства в 62 субъектах Российской Федерации; разнообразный личный опыт правоприменительной деятельности на всех стадиях уголовного процесса, приобретенный соискателем в период следственной и судейской работы.

Объект и предмет исследования определены в соответствии с поставленными задачами. *Объектом* исследования является система общественных правоотношений, возникающих и развивающихся в связи с процессуальной деятельностью суда по осуществлению уголовного правосудия. *Предмет* исследования составляют: а) уголовно-процессуальная деятельность суда, судебные процедуры и судебные производства; б) положения Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, совокупность уголовно-процессуальных и иных норм российского права; в) правовые акты Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ); г) уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран; д) материалы судебной практики и судебной статистики; е) положения уголовно-процессуальной доктрины и других социально-гуманитарных, в том числе юридических, наук.

Цель и задачи исследования. *Цель* исследования состоит в разработке целостной, теоретически и методологически обоснованной концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств, позволяющей включать уголовно-процессуальную деятельность суда по разрешению уголовных дел и всех иных правовых вопросов в единую систему уголовного правосудия и ориентировать развитие теории правосудия, правоприменительной и правоприменительной деятельности в направлении совершенствования всех видов судебно-уголовных производств в соответствии с принципами и стандартами правосудия на основе дифференцированного подхода, учитывающего предметно-целевое назначение каждого из производств.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет комплекс философских, общенаучных и специально-юридических методов: всеобщий диалектический метод познания; *общенаучные методы*: логический, анализа и синтеза, наблюдения, обобщения, абстрагирования, моделирования, системного и структурно-функционального анализа; а также такие *частнонаучные и специальные юридические методы*, как логико-юридический и формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой, юридической интерпретации (толкования), статистический, конкретных социологических исследований, правового прогнозирования, которые в комплексе позволили обеспечить широту и полноту исследования, обоснованность выводов и достоверность полученных результатов.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют фундаментальные положения общей теории права, теорий судебной власти, правосудия и правоприменения, доктрины уголовно-процессуального права.

В диссертации широко использованы концепции, научные идеи, взгляды, выводы, содержащиеся в монографических, диссертационных и иных научных работах, относящиеся к предмету исследования, а также зарубежная юридическая литература по уголовному процессу.

Правовая основа исследования включает в себя: Конституцию Российской Федерации, международно-правовые акты, законодательство Российской Федерации, Союза ССР, РСФСР, подзаконные нормативные правовые акты (указы, приказы, положения, инструкции), правовые акты Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, позиции и решения ЕСПЧ.

При исследовании отдельных вопросов диссертации были востребованы законодательные памятники древнерусских государств и Российской Империи, а также изучено и использовано в работе уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран: США, Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Королевства Испания, Швейцарии, Австрии, Польши, Литвы, Латвии, Болгарии, Грузии, стран Содружества Независимых Государств и др.

Вынесены тридцать девять обоснованных комплексных положений, сгруппированных по предметно-ориентированному признаку, подтверждающих новизну и высокую актуальность избранной для исследования темы. Автор диссертации С. В. Бурмагин проявил глубокие теоретические, системные знания об объекте и предмете исследования, сформулировал такой комплекс предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона и практики его применения, который убедил оппонента в обоснованности и системности авторской *Концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств*, которая предполагает дальнейшее ее совершенствование и развитие. В настоящем исследовании разработан ряд других предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования и отвечает требованиям логичности, определенности и последовательности. Работа состоит из введения, шести глав, объединяющих девятнадцать параграфов, заключения, списка использованных источников и двух приложений. Диссертация является комплексным завершённым исследованием. Наиболее значимые ее положения отражены в 2 монографиях, 4 учебных и научно-практических пособиях, 80 научных статьях, из которых 24 опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Содержание диссертационного исследования излагается в двух томах, материал которых поражает объемом фундаментальных знаний соискателя о проблемах уголовного судопроизводства и правоприменительного механизма принятия судебных решений. Хочется поприветствовать соискателя в его стремлении максимально осветить и разрешить задачи оптимизации судебных производств, обеспечить достоверность выводов и предложений. Последовательное изучение оппонентом текста диссертационного исследования позволило показать не только актуальность исследования, но и его своевременность в условиях активного совершенствования уголовно-процессуального законодательства и судебной практики.

Во введении концептуально преподнесен материал, позволяющий определиться и убедиться в актуальности проблематики, правильности постановки цели и задач исследования, и, самое главное, представлены дискуссионные, авторские положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Система уголовного правосудия Российской Федерации: теоретические основы и структурно-функциональный анализ», состоящая из четырех параграфов, традиционно раскрывает теоретические и методологические аспекты исследования деятельности по осуществлению уголовного правосудия как цельного системного правового объекта.

В первом параграфе «Современные научные представления о сущности и признаках уголовного правосудия» соискатель справедливо исходит из единого назначения и смысла правосудия. Выдвигается тезис о том, что правосудие воплощается в уголовно-процессуальной деятельности суда в двух взаимосвязанных значениях (аспектах): как юридический (судебный) процесс и как конечный итог этого процесса, и обосновывается вывод о диалектическом единстве двух неотъемлемых составляющих правосудия — процесса и результата, которые воплощаются соответственно в рассмотрении и разрешении дела судом. Предлагается «распространить и на уголовное правосудие» правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации о гражданско-правовом споре (т. 1, с. 61).

Чтобы с самого начала стало понятно отношение оппонента к ряду терминов, необходимо отметить, что в тексте отзыва не будут употребляться термины «уголовное правосудие», «уголовный суд», «уголовное производство», так как это противоречит нормам литературного языка. Но о единстве правосудия надо говорить. Надо думать, какое оно — правосудие, если в досудебном производстве по уголовному делу (п. 50 ст. 5 УПК РФ) оно начинается и не завершается на всех процессуальных циклах по уголовному делу и может распространиться и на межотраслевые процедуры, происходя из смежных правоотношений (реабилитация, возмещение ущерба, определение судьбы арестованного имущества и вещественных доказательств). Автор, исходя из единого назначения и смысла правосудия, пытается обосновать и показать и начало и завершение правосудия, показать разнообразие производств и их правовые последствия (т. 1, с. 60). Это явно дискуссионный вопрос, нуждающийся в дальнейшем обсуждении.

Во втором параграфе «Доктринальное и правовое обоснование расширенного толкования уголовного правосудия» автор очень уважительно и деликатно показал сложившиеся по данному вопросу научные взгляды об объеме правосудия: традиционное (узкое) понимание правосудия и его понимание в более широком смысле. Соискатель доказывает несостоятельность узкой трактовки правосудия, которая ориентируется на устаревшее законодательство и базируется на «доперестроечных», неадекватных современному правовому регулированию представлениях о предназначении судебных органов и задачах суда в уголовном процессе, не соответствует современной доктрине российского правосудия и теоретическим взглядам на природу и назначение судебной власти. Согласимся, правосудие по уголовным делам даже шире, чем мы себе это можем представить, по социальному резонансу, по отношению общества и государства к правосудию. Принимая судебные решения, суд вершит правосудие, завершая многочисленные судебные процедуры. В конце параграфа делается вывод о том, что «любая уголовно-процессуальная деятельность суда, направленная на разрешение входящих в его компетенцию юридических дел и спорных вопросов, требующих установления фактических обстоятельств и применения к ним норм права, обладает всеми конструктивными признаками правосудия, а завершающее такую деятельность судебное решение есть акт правосудия» (т. 1, с. 109). *Если бы соискатель уделил при этом внимание еще и уголовно-процессуальной деятельности других участников уголовного процесса, то обзор мнений и аргументов имел бы более завершённый вид.*

Третий параграф «Деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия: структура, содержание, виды и системное единство» обоснованно раскрывает ряд сущностных понятий, необходимых и для научного осознания, и практического: «судебные действия и решения», «судебные процедуры», «судебное производство». Диссертант уделил внимание и современным технологиям в судопроизводстве, связав их с «оптимизацией правосудия»

и «созданием системы так называемого электронного правосудия» (т. 1, с. 141). Следует согласиться с автором в том, что «для успешного функционирования уголовного правосудия и достижения стоящих перед ним целей деятельность уголовного суда наполнена разнообразными процессуальными действиями и решениями и снабжена *широким кругом полномочий* по их воплощению, позволяющими *реализовывать судебную власть* на всем протяжении уголовного судопроизводства» (т. 1, с. 140). Оппонент тоже в свое время, в порядке постановки проблемы, заявила о «свободном правосудии: система правовых ориентиров» (Муратова Н. Г. Уголовный процесс: проблемы и идеи. Москва: Юрлитинформ, 2021. 464 с.), но практически сразу же профессор З. З. Зинатуллин категорично написал «о негативном отношении к сформулированной идее» (Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. «Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть «свободным»? // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 21—22). Поэтому приглашаю соискателя к продолжению дискуссии, тем более что в завершении данного параграфа он обращает внимание «на динамизм и открытость системы уголовного правосудия».

В четвертом параграфе первой главы «Теоретические основания и методологические подходы к функциональной характеристике уголовного правосудия» на 63 страницах автор говорит о многофункциональной деятельности суда по уголовным делам, анализируя массив мнений по теории функций, о функциях правосудия, его видах и их значении в отдельных видах производств. Соискатель уверен, что «функционирование органов судебной власти образует многоуровневую систему, в которой в силу действия системных взаимосвязей „низовые“ функции производны от функций более высокого порядка, характеризующихся большей степенью обобщения и абстрагирования, при этом наиболее приближенные к практической деятельности „нижестоящие“ функции конкретизируют (на „своем“ уровне) „вышестоящие“ функции» (т. 1, с. 154; автореф. с. 34). Оппоненту несколько непонятен вывод соискателя: «Таким образом, при переходе с верхнего, конституционно-государственного уровня на следующую ступень воображаемой „функциональной иерархии“ — уровень судебной системы — получаем принадлежащую судам более конкретную, но при этом по-прежнему с достаточно широкой сферой действия функцию правосудия» (т. 1, с. 162). Видимо, надо определиться с понятийным рядом, изложенным в этом предложении. Напомним о несколько ином значении термина «уголовное правосудие» в ряде актов и документов ООН: Конгрессы Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию (2005 г. — Бангкок, Таиланд; 2010 г. — Сальвадор, Бразилия; 2015 г. — Доха, Катар; 2021 г. — Киото, Япония), где используется термин «система уголовного правосудия», включающий в себя деятельность компетентных органов по выявлению и предупреждению преступности. Этот аспект, безусловно, интересен и достоин исследования, в том числе соискателя.

Вторая глава «Судебные производства в уголовном процессе: концепция единства и дифференцированности» состоит из четырех параграфов и посвящена одной из самых современных теоретических концепций единства и дифференциации явлений.

В первом параграфе «Судебные производства в контексте исторического развития российского уголовного правосудия» показан генезис системы судебных производств, а историко-правовое исследование ряда исторических традиций российского уголовного правосудия позволило соискателю обеспечить должную научную достоверность своих выводов и предложений. Действительно, соискатель прав в том, что «...сложилась современная — сложная, разветвленная и многофункциональная — система судебных производств, призванная обеспечить интересы правосудия и реализовать в сфере уголовного судопроизводства правозащитную функцию судебной власти».

Второй параграф «Сравнительно-правовой анализ систем судебного производства в уголовных процессах зарубежных стран» закономерно продолжил исследование сравнительно-правовых позиций законодательства о судебно-уголовных производствах ряда зарубежных стран. Дискуссионный вопрос о значении в судебной системе следственных судей на страницах этого параграфа нашел достойное отражение. Автор показывает особенности различных процедур: производство по делам о домашнем и гендерном насилии (Испания), рассмотрение дел в отношении юридических лиц (Италия, Литва, Азербайджан, Молдова), производство о конфискации до вынесения приговора (Казахстан), применение судом акта амнистии в ходе досудебного производства (Узбекистан). Цель данного исследования в контексте сравнительно-правового анализа достигнута — автор показал, что существует определенная синхронизация (совместимость) в национальных системах уголовного судопроизводства. Именно так можно оценить большой интересный и информационно-познавательный материал этого параграфа.

В третьем параграфе «Доктринально-методологические и правовые основы системного единства и дифференцирования судебно-уголовного производства» изложен авторский подход на основе библиографического анализа мнений и научных позиций о целенаправленном движении дела по стадиям и производствам. А на основании системного подхода, позволяющего рассматривать уголовный процесс как систему уголовно-процессуальной деятельности, состоящую из структурно упорядоченной совокупности отдельных уголовных производств, останавливается на рассмотрении закрепленных в законе идеальных моделей — видов уголовно-процессуальных производств, характеризующихся и различающихся между собой специфическими задачами, собственным обобщенным предметом, комплексом присущих им процедурных правил. Хотя такой вывод не бесспорен: сложно проследить, в чем единство и в чем дифференциация. Если проанализировать оценочный вывод автора «Каждое уголовно-процессуальное производство обладает организационно-процессуальным единством, но при этом разбивается на последовательные, взаимосвязанные, но различающиеся по непосредственным задачам, содержанию и процессуальному порядку части процессуальной деятельности — стадии, которые отражают динамику уголовного производства» (т. 1, с. 269), то можно дискутировать над каждым термином или позицией — «непосредственные задачи», «последовательные и взаимосвязанные части процессуальной деятельности». Не бесспорен вывод автора о том, что «деятельность по исполнению приговора или иного судебного решения не образует отдельной стадии уголовного судопроизводства, ни на уровне системы уголовного процесса в целом, ни в рамках отдельных уголовных производств, включая производство по уголовному делу» (т. 1, с. 311).

В четвертом параграфе «Общая характеристика и типология судебных производств в современном российском уголовном процессе» исследуется непосредственно судебно-уголовное производство как обобщенная категория, означающая системное объединение всех возможных судебных производств в уголовном процессе. Соискатель вновь говорит о функциях, обосновывая тезис о том, что «в каждом виде судебных производств помимо разрешения рассматриваемого дела судом выполняются, в разной степени и своеобразными способами, все иные процессуальные функции (подфункции), составляющие в комплексе функцию уголовного правосудия». Налицо некоторая повторность в рассуждениях соискателя о понятиях, видах, типах, критериях судебных производств, обильно сопровождающая обоснование авторской концепции излишне громоздкими терминами.

Третья глава «Судебные решения в системе уголовного правосудия» состоит из четырех параграфов и посвящена важнейшему компоненту любого судебного производства и системы уголовного правосудия в целом — процессуальным решениям суда.

В первом параграфе «Понятие и признаки судебных решений, их свойства и значение для отправления правосудия» проводится конкретизация и соотношение понятий, обозначаемых терминами «процессуальные акты суда», «судебные решения», «судебные акты», «акты правосудия», исследуются сущность и признаки судебного решения. Сформулировано авторское определение *судебного решения в уголовном процессе*, в котором объединяются следующие позиции: процессуальная форма, правоприменительный акт суда, установление фактических обстоятельств, выводы по делу или отдельному правовому вопросу, властные волеизъявления суда о действиях, направленных на достижение целей уголовного правосудия. Предложено рассмотреть *отличительные свойства решений уголовного суда* как разновидность уголовно-процессуальных решений, в частности, проанализированы внешние свойства судебных решений: исключительность, общеобязательность, исполнимость, преюдициальность и непровержимость. Можно было бы сказать о значении судебных решений в нравственном содержании уголовного судопроизводства, в гуманизации уголовного судопроизводства, о судебном решении как акте юридической культуры и справедливости, что неоднократно отмечалось в публикациях оппонента (Судебное решение — акт юридической культуры и справедливости // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 193—198).

Во втором параграфе «Правосудность как комплексное правовое требование к судебным решениям: понятие и критерии правосудности» представлена авторская интерпретация качественной характеристики судебного решения — свойства правосудности. Бесспорно, это свойство центральное для любого судебного решения, и соискатель доказал комплексный характер приговора и иного судебного решения, интегрирующих в себе все предъявляемые к судебным решениям требования в единое целое — систему взаимосвязанных условий, соблюдение которых обеспечивает вынесение судом правосудного решения. Да, традиционно исследователи указывают на законность, обоснованность, мотивированность и справедливость. В данном аспекте представляется, что можно было бы сформулировать процессуальную модель принятия качественного судебного решения — формулирование процессуальных правил, приемов, способов, терминов и понятий, применяемых при составлении текстов судебных актов. Общая теория права предлагает с позиций *юридической техники* посмотреть на этот процесс: какими фразами, терминами, оборотами речи достичь этого принципиального требования уголовно-процессуального закона об обоснованности судебных решений. Каковы критерии обоснованности, в частности, судебных решений об избрании меры пресечения, каковы виды и формы этих решений? Так, по результатам жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ судья выносит одно из следующих решений — о признании действия (бездействия) или решения незаконным или необоснованным (п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ). Законодатель отчетливо показал, что решения могут быть незаконными или необоснованными. Можно ли здесь утверждать, что решение может быть законным, но необоснованным? Может ли быть решение незаконным, но обоснованным? Необходимо ли правоприменителю, в частности суду, в совершенстве владеть приемами юридической техники? Надеюсь на участие в дискуссии при публичной защите.

Третий параграф «Система и типология судебных решений в контексте концепции единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств» ожидаемо раскрывает теоретическое и практическое значение классификации судебных решений, анализируется их деление на типы и виды по различным критериям и основаниям. У оппонента, как и у соискателя, тоже вызывает опасения *«проблема законодательного разделения судебных решений на итоговые и промежуточные»*, являющегося некорректным. Но далее диссертант применяет аналогичную терминологию, позволяющую с позиции выдвинутой им концепции системы судебных решений выделить *комплексы решений* — основных (итоговых) решений суда и вспомогательных (промежуточных, текущих) решений.

В четвертом параграфе «Принятие решений как процесс и результат судебного правоприменения, его место в структуре судебного производства» многоаспектное явление — принятие судебного решения — рассматривается через сопоставление понятий «правоприменение» и «процессуальное производство», которые являются характеристиками деятельности по осуществлению уголовного правосудия: первое выражает юридическую сущность этой деятельности, второе характеризует ее внешнюю, процедурную сторону. Под *принятием судебного решения* подразумевается «поведенческий» аспект судебного решения, в котором решение рассматривается как действия по разрешению стоящего перед судом правового вопроса, он раскрывает, каким образом, с помощью каких средств и в каком порядке суд принимает решение. Оппонент также занималась данной проблематикой и отмечала значение законодательной модели резолютивной части обвинительного приговора, которая обеспечивает социальное ожидание справедливости судебного решения: ждут и граждане, и участники уголовного процесса, и иные заинтересованные и интересующиеся проблематикой лица, и неравнодушные исследователи проблем правового резонанса судебного

приговора. Риторический вопрос о значении резолютивной части обвинительного приговора позволяет ожидать ответа о законодательной модели судебного приговора в условиях вариативности санкций уголовных норм в УК РФ. Дискутируются позиции предиктивной судебной аналитики: возможно ли знать решение судьи до его вынесения? Что такое судебная аналитика? В последние годы благодаря фантастическому росту уровня обработки информационных потоков и машинного обучения появились новые инструменты для построения прогностических моделей, например определения закономерностей вынесения тех или иных судебных решений, так называемые «электронные весы правосудия» (Аликперов Х. Д. Электронная технология определения меры наказания. Санкт-Петербург: Юрид. центр, 2020. 170 с.).

Глава четвертая «Типы и виды судебных производств, их назначение и содержание» представлена в диссертации четырьмя параграфами.

В первом параграфе «Основное судебное производство (по уголовному делу) и его разновидности» дана общая характеристика основных судебных производств: это базовые, системообразующие производства, которые охватывают центральную стадию уголовного процесса — судебное разбирательство по уголовному делу; их главными задачами являются установление факта (или его отсутствие) и обстоятельств уголовно наказуемого деяния, разрешение вопроса о виновности лица, причастного к совершению деяния, и его наказании или освобождении от уголовной ответственности и применении иных мер уголовно-правового характера; им предшествует обязательное (за исключением дел частного обвинения) предварительное досудебное производство. Несколько излишними представляются рассуждения автора о *производстве с обвинением*; *производстве по применению ПММХ*; *производстве по применению ПМВВ*; *производстве по назначению судебного штрафа*. Да, это «особые» производства, и Ю. К. Якимович был прав в этом.

Во втором параграфе «Судебно-контрольные производства и их роль в системе уголовного правосудия» исследуется правовая природа и сущность судебного контроля над досудебным производством, рассматриваются назначение, содержание и процессуальные формы уголовных производств по делам судебного контроля. Соискатель обосновывает, что судебный контроль не следует рассматривать как разновидность обычного управленческого контроля, и исходит из того, что по своим сущностным признакам судебный контроль представляет собой правосудие, в том числе в такой его разновидности, как предварительный, превентивный контроль, который зачастую именуют (по мнению соискателя, необоснованно) санкционированием. С этим оппонент полностью согласен.

В третьем параграфе «Судебно-исполнительные производства: назначение и предметно-содержательное многообразие» изложены результаты исследования судебно-исполнительных производств, которые возникают в уголовном процессе после вступления в законную силу приговора или иного итогового решения суда в период их исполнения или непосредственно после исполнения. К данному типу относятся производства, реализуемые в порядке гл. 47 УПК РФ («Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора»), а также предусмотренные ч. 5 ст. 427, чч. 4—8 ст. 432, ст. 445—446, 446.5, 463, ч. 1 ст. 466, ст. 470—472, 473.4—473.6 УПК РФ.

В работе представлена авторская *классификация*, по которой судебно-исполнительные производства по предметному критерию, по направленности и характеру воздействия на процесс исполнения могут быть разделены: а) на корректирующие исполнение; б) обеспечивающие исполнение; в) конкретизирующие исполнение. И предложено преобразовать «конкретирующие» производства: выносить дополнительные решения, факультативно завершающие соответствующее судебное производство, наподобие аналогичных процедур, предусмотренных нормами ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ.

Четвертый параграф «Судебно-реабилитационные производства — необходимый правовосстановительный компонент системы уголовного правосудия» освещает теоретические вопросы уголовных производств, ведущихся в порядке гл. 18 УПК РФ, нормы которой призваны обеспечить возмещение вреда лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство. Автор исследует понятие «реабилитация», правовую основу уголовной реабилитации, отмечает межотраслевой характер правового института реабилитации. В параграфе несколько настораживает не соответствующее уголовно-процессуальным терминам выражение «*незаконное уголовное преследование*» (т. 2, с. 152—153). В УПК РФ используются следующие термины: «защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничение ее прав и свобод» (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ); «признание незаконным произведенное следственное действие» (ч. 5 ст. 165 УПК РФ); «признание судом действий или решений незаконными или необоснованными» (п. 1 ч. 5 УПК РФ); «отмена незаконного или необоснованного постановления суда» (п. 5 ч. 2 ст. 133 УПК РФ); «...применение к нему незаконных действий» (ч. 3 ст. 136 УПК РФ). В УПК РФ существует «ключевой», по мнению оппонента, термин: «вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда» (ч. 1 ст. 133 УПК РФ). В ГК РФ — «незаконное привлечение к уголовной ответственности» (ст. 1070). Нет такого термина и в законодательной модели оправдательного приговора в соответствии со ст. 306 УПК РФ. Если суд в резолютивной части написал такой термин, то, по мнению оппонента, суд не смог бы реализовать полномочия направления такого производства в следственные органы для производства предварительного расследования и установления виновного (ч. 3 ст. 306 УПК РФ). В УК РФ существуют термины «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности» (с. 299 УК РФ), «незаконное освобождение от уголовной ответственности» (ст. 300 УК РФ), «заведомо незаконное задержание, заключение под стражу» (ст. 301 УК РФ), «принуждение, применение угроз, шантажа, иных

незаконных действий» (ст. 302 УК РФ); «фальсификация доказательств» (ст. 303 УК РФ). В параграфе автором сделаны соответствующие выводы, требующие традиционной научной дискуссии.

Заключительная **пятая глава «Особенности институционально-структурного и процедурного построения контрольных, исполнительных и реабилитационных судебных производств»** включает три параграфа.

В первом параграфе «Специфика состязательных конструкций различных типов судебных производств» констатируется, что состязательная форма органически присуща любому судебному разбирательству. О принципе состязательности существует массив философской, теоретической и специальной литературы и может стать предметом самостоятельного исследования. Применительно к целям исследования соискатель раскрывает сущность состязательного правосудия и проводит сравнительный анализ *особенностей состязательного построения «неосновных»* судебных производств. Оппонент отмечает высокий уровень научно-практического преподнесения сложного материала, несмотря на многочисленные новые авторские терминологические обороты речи для характеристики судебных производств.

Во втором параграфе «Особенности познавательно-доказательственной деятельности по судебным делам, рассматриваемым в порядке контрольных, исполнительных и реабилитационных судебных производств» автор заостряет внимание на проблеме вопросов доказывания применительно к «неосновным» судебным производствам, что порождает неопределенность в правовой регламентации познавательно-доказательственной деятельности суда и сторон и создает трудности в правоприменительной практике по рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства иных (не уголовных) дел. Согласно, что пробелы компенсируются судебной практикой на основе толкования и применения принципов правосудия и общепризнанных стандартов доказывания, а также аналогии уголовно-процессуального закона. Даже не сомневаюсь, что практические работники, в том числе судьи, как показало их анкетирование, считают допустимым и необходимым в судебном заседании по судебным контрольным, исполнительным, реабилитационным и компенсационным делам выполнение целей процесса доказывания.

В третьем параграфе «Некоторые структурно-процедурные особенности и недостатки регламентации «неосновных» судебных производств» соискатель совершенно справедливо отмечает проблемы правового регулирования процессуальных статусов участвующих в судебном производстве субъектов и обеспечения равноправия сторон. Соискатель обращает внимание на процессуальные сроки и сложность процедурных позиций (т. 2, с. 229). Он прав, отмечая «общие признаки состязательного судопроизводства: наличие сторон, потенциально обладающих противоположными интересами, построение процедуры с расчетом на возможное *противоборство сторон* в судебном заседании...» (т. 2, с. 256). Но все-таки цель у всех участников уголовного судопроизводства — назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Необходимы механизмы единства и дифференциации реализации полномочий субъектов права в судебных производствах в условиях современного назначения уголовного судопроизводства.

В заключении диссертации сформулированы и систематизированы результаты проведенного исследования, теоретические выводы и положения, составляющие в совокупности основу авторской концепции, представленной в данном исследовании, обозначены перспективы дальнейшей разработки темы.

В приложениях приводятся общероссийские данные судебной статистики и результаты социологического опроса (анкетирования) практических работников: судей, прокуроров и адвокатов.

Оппонент отмечает добросовестную, тщательную и достоверную работу соискателя над проведенным исследованием, которым он занимался много лет: неоднократно докладывал о промежуточных результатах на научно-практических конференциях, интервьюировал своих коллег-процессуалистов, активно интересовался мнением ученых. Можно с уверенностью констатировать, что проделана большая, творческая, профессиональная работа над анализом массива законодательства, литературы, практического материала, который воспринимался через призму личного практического опыта правоприменителя. Сложный текст диссертационного исследования, расположенный в двух томах, читается легко, с интересом, так как затрагивает дискуссионные проблемы уголовно-процессуального права, каждая из которых может стать предметом самостоятельного исследования.

Пожелания к тридцати девяти научно-теоретическим и практическим положениям и к тексту диссертационного исследования, представленного С. В. Бурмагиным в двух томах, могут быть восприняты только как дискуссионные:

1. Авторская интерпретация, по мнению оппонента, нуждается в более четких определениях «сущности правосудия», «уголовного правосудия», чтобы определиться с базовыми основополагающими конституционными основами правосудия (положения 1.1, 1.2, 1.3). Единый смысл этих положений позволяет пожелать более четкой их аргументации в плане научных перспектив исследования сущности правосудия в сфере уголовного судопроизводства как механизма реализации судебной власти.

2. Помимо выводов диссертанта о необходимости исследования функций правосудия, требует дополнительных аргументов его мнение о «многофункциональности деятельности суда по осуществлению правосудия во всех его разновидностях» (положение 1.7), тем более что в последующих рассуждениях о функциях соискатель обращает внимание на нечеткий правовой статус участников судебных производств, говорит о «*противоборстве сторон* в судебном заседании». Возникает явно логичный вопрос: какие функции при этом выполняет суд в условиях его «многофункциональности»?

3. Представляется, что применяемые в диссертационном исследовании авторские термины в условиях правил юридической техники, положения о которых четко обозначены в теоретической литературе и этимологических канонах

официально изданных словарей, вызывают обоснованные замечания и пожелания об уточнении их смысла: «интерпретация сущности правосудия (положение 1.1), «первичные», «вторичные», «конечные» элементы, «единичные акты» (положение 1.5), применяя их к судебным действиям и судебным решениям. Далее — «уголовное правосудие» и «судебно-уголовное производство» (положение 13.1, 13.3), «полнота судебной власти» и «расширение спектра судебных производств» (положение 12), «основные» и «неосновные» производства (положение 15), «микро-правоприменительные акты суда» и «макро-правоприменительные акты суда». В связи с этим при публичной защите необходимо сформулировать дополнительные аргументы авторской позиции о необходимости применения новых терминов, используемых автором для характеристики научно-теоретических позиций и концептуальных основ исследования и обосновать авторское видение о возможном изменении законодательства с позиций улучшения юридической техники, языка и стиля текстов законов и внесении их в понятийный ряд ст. 5 УПК РФ.

4. Пожелания в положении 13.6 сводятся к констатации того, что соискатель доказал, что «наряду с типологическими и видовыми различиями судебные производства *сохраняют общность в рамках единой системы уголовного правосудия*». Если существует «система уголовного правосудия», то, как отмечал оппонент выше по тексту отзыва, надо бы высказать отношение к пониманию этого термина в международном праве. Если посмотреть на проблемы с позиций всех законодательных источников уголовного процесса, существуют и производства с позиций выявления и профилактики преступлений несовершеннолетних, и производства оперативно-разыскных мероприятий, и производства по исполнению решений суда иностранного государства о конфискации имущества, в которых участвуют компетентные органы государства. При возникновении правового спора суд также принимает ряд решений.

5. Интересны выводы соискателя «об унификации процессуальных средств доказывания, предполагающей распространение системы доказательств, установленных для уголовных дел (ст. 74 УПК РФ)» (положение 18.7). Так как в ст. 74 УПК РФ дано понятие доказательств и их источников, как представляет соискатель «унификацию средств доказывания»? Не достаточно ли тогда усовершенствовать общие условия каждой из судебных процедур или ввести норму о доказательствах во всех случаях?

Высказанные замечания и пожелания носят научный и дискуссионный характер, вызваны высоким научным и практическим интересом оппонента, также имеющего опыт работы следователем и статус адвоката. Пожелания и мнения оппонента по дискуссионным вопросам не могут поколебать общей высокой положительной оценки диссертационного исследования С. В. Бурмагина, содержащего интересный исторический, теоретический, информационный и законодательный материал, предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Высказанные замечания могут быть восприняты только как научные, сформулированные с целью продолжения этой актуальной и своевременной темы. В диссертации обоснована новая авторская «*Концепция единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств*, позволяющая включать уголовно-процессуальную деятельность суда по разрешению уголовных дел и всех иных правовых вопросов в единую систему уголовного правосудия и ориентировать развитие теории правосудия, правотворческой и правоприменительной деятельности в направлении совершенствования всех видов судебно-уголовных производств в соответствии с принципами и стандартами правосудия на основе дифференцированного подхода, учитывающего предметно-целевое назначение каждого из производств».

Содержание диссертации отражено в 80 опубликованных печатных работах, в том числе рецензируемых изданиях. Автореферат диссертации соответствует ее содержанию. Оформление работы соответствует предъявляемым требованиям. Квалификационная работа читается с интересом, написана грамотно, содержит много интересных, самостоятельных и смелых научных суждений автора.

Сформулированные в диссертации положения и выводы могут быть использованы в законотворческой деятельности, в следственной, прокурорской и судебной практике, в дальнейших теоретических разработках проблем судебной власти в уголовном судопроизводстве, при преподавании курса «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)» и специальных курсов. Содержащиеся в диссертации положения, выводы и рекомендации представляют интерес для научных работников, преподавателей и студентов юридических вузов, законодателя, прокуроров, судей, адвокатов, следователей, дознавателей.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что исследуемая диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «*Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств*», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, является оригинальным, самостоятельным исследованием и представляет собой завершённую научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в сфере уголовно-процессуального права, отвечает требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Сергей Викторович Бурмагин, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Б. П. Смагоринский,

профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

А. И. Мелихов,

доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А. И. ТАМБОВЦЕВА, Н. В. ПАВЛИЧЕНКО «СОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАН ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН»)

Ведущие современные ученые в области теории оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) Николай Владимирович Павличенко и Андрей Иванович Тамбовцев все чаще стали радовать научную общественность фундаментальными работами в области теории ОРД, не имеющими ограничительных грифов. Поддерживая современный тренд научной транспарентности, авторы приподнимают завесу над такими глубоко скрываемыми ранее темами, как «содействие граждан подразделениям, осуществляющим ОРД» (Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как социально-правовой феномен: монография. М.: Проспект, 2022. 344 с.) и «оперативно-разыскные мероприятия» (Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Эволюция оперативно-разыскных мероприятий. М.: Академия управления МВД России, 2021. 160 с.).

Является ли данный подход к выбору объектов научного исследования обоснованным в современных условиях? Не нанесет ли он вред практической деятельности оперативных сотрудников? Ответить на эти вопросы можно библейскими словами, которые могли бы стать девизом ОРД: «Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет. Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Евангелие от Луки. Глава 8, стих 16).

Сам факт существования ОРД как негласной формы предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений делает невыгодным возвращение в себе и окружающих преступных навыков, представляющих потенциальную опасность для человека, общества и государства. ОРД есть один из государственных институтов так называемого символического насилия. Как писал Р. Арон, это «моральное насилие посредством символов (культуры) и, в частности, посредством символов физического насилия без реального применения оно». Средства символического насилия позволяют путем изменения заложенных природой глубинных надсознательных и подсознательных алгоритмов поведения человека, обеспечивающих их самосохранение в дикой природе, но неприемлемых в современном обществе, сломить их волю к сопротивлению, а также обеспечить воспитание цивилизационных идеалов и ценностей. По сути, речь идет о необходимости постоянной работы по смене природного кода человека на цивилизационный, реализуемый посредством не только воспитания, но и создания условий нерентабельности реализации всех заложенных в человеке возможностей по удовлетворению своих потребностей в силу противодействия системе государственных правоохранительных органов.

Символическое насилие воздействует на знаковые системы, ключевые образы мировоззрения, мысли, чувства и действия человека. Оперативники давно стали героями многочисленных любимых народом фильмов, сериалов, книг, песен, анекдотов. Однако одновременно с потреблением продуктов массовой культуры обыватель усваивает знания относительно возможностей негласной сысковой деятельности, тем самым осознавая ограниченность своих потенциальных возможностей по совершению правонарушений.

Держать обывателя в неведении относительно последствий своих противоправных действий и методов и средств их выявления и пресечения — значит сознательно поощрять преступность, а не предупреждать ее. Продвигая развитие того или иного общественного института, общество и государство могут стимулировать преступность как крайнее проявление энтропии. Например, торжество либерализма и гражданского общества в США, воплотившееся в возникновении частных тюрем, вылилось в повышение уровня преступности, чтобы эти тюрьмы заполнить. Непродуманные грабительские государственные реформы в конце XX в. в России также породили волну преступности как оптимального способа обогащения в этот исторический период.

В настоящее время воспитание человека, т. е. обучение его оптимальному поведению, очень опосредованно и завуалировано в целях его экономической эксплуатации путем предложения ему ложного пути, побуждающего оплатить эту ошибку собственными жизненными ресурсами в силу приоритета экономических целей над целью обеспечения витальных потребностей и производных из них духовных и социальных. Считаем, что общество и государство обязаны воспитывать личность, а не экономически эксплуатировать ее, эффективно поддерживая свои институты воспитания и образования, делая преступное поведение невыгодным. Профилактика хоть и не обозначается как задача ОРД, но эта деятельность «излучает» полезность для профилактики преступлений и правонарушений и тем самым является побочным результатом ОРД. Поэтому раскрытие и распространение знаний об ОРД имеет важное

значение для профилактики формирования и проявления опасных криминальных свойств участников общественных отношений.

Признавая важную просветительскую роль рецензируемой работы, необходимо отметить и ее высокую востребованность в современных условиях, поскольку последним открытым фундаментальным исследованием, полностью посвященным оперативно-разыскному содействию, можно считать докторское диссертационное исследование А. В. Шахматова (Шахматов А. В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности: теоретико-правовое исследование российского опыта: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 438 с.). Анализ действующего законодательства о содействии граждан правоохранительным органам, проведенный Н. В. Павличенко и А. И. Тамбовцевым, дополнил современные научные представления об ОРД с учетом внедрения в российскую науку и отечественное право института национальной безопасности.

По нашему мнению, с позиций современной теории национальной безопасности обеспечение самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства многонационального народа России должно происходить за счет использования собственных сил и средств, находящихся в распоряжении гражданина, общества и государства как форм существования народа в настоящем. Однако не только государственные силовые институты являются носителями национальной пассионарности. В современных условиях ведения гибридной войны против российского народа для обеспечения национальной безопасности необходимо задействовать все механизмы сублимации личностной и коллективной энтропии в альтруизм направлений на защиту страны. Одной из форм такой сублимации является содействии граждан государству в обеспечении национальной безопасности или, если выразиться языком теории национальной безопасности, — в самосохранении целостности и функциональности многонационального народа России.

Первая глава рецензируемого фундаментального труда наглядно показывает многовековую путь развития института содействия как государственной объективно необходимой и научно обоснованной деятельности во благо многонационального народа России. Авторами монографии впервые в открытом сегменте отечественной теории ОРД подробно освещается такая форма содействия полиции в дореволюционной России, как «лон-лакеи» (с. 35—38), дается классификация агентов, конфиденентов исходя из анализа исторических документов, освещающих деятельность политического и уголовного сыска, выделяются формы содействия государству в сфере противодействия криминальным угрозам в разные исторические периоды. В историческом обзоре использованы такие недоступные для большинства читателей библиографические редкости, как, например, «Заграничная агентура Департамента полиции (записки С. Сватикова и документы заграничной агентуры)» (1941 г.), «Организация и жизнь охранного отделения» В. Б. Жилинского (1917 г.), «Заметки об уголовном розыске и регистрации преступников» И. П. Генсиора (1911 г.), «О сыске. Опыт исследования приемов, способов и средств к раскрытию истины происшествий» И. Снигирева (1908 г.).

В итоге авторы полностью подтверждают следующие выдвинутые ими гипотезы формирования института содействия как стержневого института ОРД:

1. Разыскная деятельность формировалась в виде специфической государственной функции, как его (государства) адекватный ответ на вызовы и угрозы национальной безопасности.
2. Формирование различных правоохранительных государственных институтов в дореволюционной России неразрывно связано с формированием института негласного содействия.
3. Негласное содействие в борьбе с преступностью обусловлено возникновением в России самостоятельных полицейских органов.
4. Специализация органов государства в предупреждении и раскрытии преступлений оказывает влияние на совершенствование института содействия (с. 15).

В рецензируемой работе содействие как институт ОРД представляется авторами как одна из форм трактовки оперативно-разыскного содействия, которое заключается в участии отдельных лиц (физических лиц) на возмездной и безвозмездной основе в подготовке и проведении оперативно-разыскных и иных мероприятий, направленных на выполнение задач ОРД, осуществляется с их согласия гласно или негласно (конфиденциально) (с. 100).

Разделяя притязания теории ОРД на эксклюзивное использование термина «содействие», нельзя тем не менее отрицать размывание значения данного термина по разным отраслям права, наглядно показанное авторами монографии в ходе тщательного анализа отечественного законодательства новейшей истории России. Однако следует признать и другое: использование данного термина происходит в границах правового регулирования более масштабной, чем ОРД, деятельности по обеспечению национальной безопасности.

Соотнося содержание деятельности по обеспечению безопасности (п. 4 ст. 3 Федерального закона «О безопасности») и задачи ОРД, содействие граждан оперативным подразделениям можно включить в комплекс долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению криминальных угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления на организационно-оперативном уровне.

На организационно-оперативном уровне ОРД органов внутренних дел деятельность по обеспечению национальной безопасности происходит посредством целенаправленной работы:

- со свойствами как самого объекта обеспечения безопасности, так и окружающих его субъектов, объектов, процессов и т. д., повышающих его возможности по удовлетворению потребностей в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве;
- со свойствами как самого объекта обеспечения безопасности, так и окружающих его субъектов, объектов, процессов и т. д., представляющих опасность для объекта обеспечения безопасности;
- с угрозами национальной безопасности как проявлением данных опасных свойств;
- с последствиями проявления угроз.

Исходя из этого, на организационно-оперативном уровне ОРД органов внутренних дел мы выделяем следующие организационные формы долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению криминальных угроз национальной безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления в зависимости от уровня самостоятельности, этапа обеспечения национальной безопасности и защищенности, а также спектра используемых

сил и средств ОРД: *оперативно-разыскное обеспечение, оперативно-разыскное сопровождение, оперативно-разыскной контроль, оперативно-разыскное содействие.*

Согласно п. 47 Стратегии-2021 система обеспечения национальной безопасности от преступных посягательств как инструмент управления будущим, традиционно относящийся к сфере государственной и общественной безопасности, трехкомпонентна. Она состоит из «единой государственной системы профилактики правонарушений», системы «выявления, предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений» и системы «обеспечения неотвратимости ответственности за совершенные преступления».

Участие ОРД органов внутренних дел в системах «обеспечения неотвратимости ответственности за совершенные преступления» и «выявления, предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений» формирует два основных направления ОРД органов внутренних дел на организационно-оперативном уровне — «оперативно-разыскное обеспечение» и «оперативно-разыскное сопровождение».

Выделение оперативно-разыскного содействия обусловлено использованием полезных свойств окружающего мира для обеспечения национальной безопасности в процессе ОРД органов внутренних дел, прежде всего для выполнения задачи по добыванию информации об угрозах национальной безопасности.

Работа с позитивными свойствами объекта обеспечения национальной безопасности и окружающей его среды воплощается в *использовании* внешних по отношению к применяемым оперативным подразделениям органов внутренних дел сил и средств для обеспечения национальной безопасности.

В качестве привлекаемых сил и средств в ОРД можно выделить:

— использование помощи должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями (ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»);

— использование помощи отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе (ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»);

— использование сторонних средств (прежде всего баз данных, систем аудио- и видеонаблюдения и т. п.);

— использование зарубежных сил и средств для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в рамках международного сотрудничества.

Указанные направления деятельности по использованию привлекаемых сил и средств для достижения задач ОРД по обеспечению национальной безопасности предлагаем обозначить термином «оперативно-разыскное содействие». Термин «оперативно-разыскное содействие» в рассматриваемом контексте очень редко используется в теории ОРД. Так, В. В. Фирсов один из параграфов своей диссертации назвал «Оперативно-разыскное содействие оперативных сотрудников БЭП с сотрудниками служб безопасности банковских учреждений как элемент оперативно-разыскного предупреждения хищений». В нем он определил организационную форму оперативно-разыскного содействия как «объективно необходимую, координируемую по времени, форме и результатам, согласованную по решаемым промежуточным задачам и конечной цели совместную деятельность оперуполномоченного БЭП и сотрудников службы безопасности банковских учреждений, являющихся носителями различных процессуальных и профессиональных функций» (Фирсов В. В. Оперативно-разыскное предупреждение и оперативно-разыскное сопровождение расследования хищений в кредитно-банковской сфере: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 4).

Однако подавляющее большинство исследователей в области теории ОРД отождествляют «оперативно-разыскное содействие» и «оперативно-разыскное обеспечение уголовного процесса» (Зуев С. В., Кузнецов Е. В., Козусев А. Ф., Маркушин А. Г., Кучерук С. А. и др.).

Данная ситуация противоречит Федеральному закону «Об ОРД», согласно которому именно термин «содействие» применяется для отражения факта помощи конкретных лиц оперативному подразделению в процессе ОРД. Такого же мнения придерживается А. Ю. Шумилов, использовавший этот термин в логике упомянутого закона.

Мы предлагаем использовать термин «оперативно-разыскное содействие» применительно к деятельности по привлечению полезных свойств окружающего мира к обеспечению национальной безопасности в части противодействия преступным посягательствам посредством привлечения оперативно-разыскных сил, средств и методов.

На наш взгляд, оперативно-разыскное содействие как форма обеспечения национальной безопасности — это комплекс долговременных мер, представляющий собой направление деятельности оперативных сотрудников, подразделений и их руководителей, осуществляемой для привлечения сил и средств окружающего мира к выполнению задач по информационному обеспечению национальной безопасности и защищенности круга субъектов обеспечения национальной безопасности от преступных посягательств.

Во второй главе работы «Юридическая, функциональная и морально-этическая основа содействия» авторы рассматривают многообразие и межотраслевое взаимодействие оперативно-разыскных, трудовых, деловых, административно-правовых и гражданско-правовых отношений, складывающихся при содействии граждан оперативным подразделениям. Оригинальным представляется раздельное изложение взглядов соавторов на правовую природу содействия (с. 129—153). Следует поддержать взаимодополняющее мнение авторов о необходимости выделения разных форм содействия для определения их правовой природы. Нам близка точка зрения А. И. Тамбовцева, согласно которой отношения с человеком, альтруистично оказывающим на протяжении многих лет опасную и неоценимую помощь государству в его борьбе с преступностью, в большей степени регулируются морально-нравственными нормами. Они отличаются особой сакральностью, не могут быть полностью урегулированы нормами права и, как правило, получают оценку и признание в форме государственных и общественных наград, наделяющих их получателей особым правовым статусом. Несомненно, что инициаторами награждения таких лиц должны быть оперативные подразделения в рамках существующего наградного процесса. С другой стороны, Н. В. Павличенко справедливо выделяет «коммерческие» формы содействия — на основе гражданско-правового контракта и трудового договора, что в совокупности образует полную картину правового регулирования отношений между государством и лицами, содействующими ему в противодействии преступности.

Раскрывая функциональную природу содействия / сотрудничества лиц органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, авторы монографии вступают в научную дискуссию относительно содержания содействия в сфере оперативно-разыскной деятельности, отмечая в том числе на примере «дезинформации», что современная законодательная регламентация содействия не соответствует функционально-правовым реалиям и может интерпретироваться как чрезмерно узко, так и широко, поскольку «...оперативно-розыскная деятельность носит многоальтернативный характер, который заключается в том, что задачи оперативно-розыскной деятельности могут быть достигнуты проведением как оперативно-розыскных мероприятий, так и иных действий, а иногда и осмысленных запланированных бездействий» (с. 161).

Рассматривая морально-этические аспекты содействия, авторы монографии констатируют, что «...представление населения и последующие оценки правомерности, гуманистичности и нравственности этого института основываются не на объективных фактических и статистических данных, результатах научных исследований, выводах о социальной значимости и пр., а на произведениях массовой популярной и не очень литературы и кино (очень часто низкопробных), содержащих многочисленные дешевые стереотипы, шаблоны и штампы, как правило, негативной, пошлой или аморальной окраски ОРД, оперативных сотрудников и, особенно, конфиденентов...» (с. 167).

В то же время авторы тонко подметили, что «...специфичность тактических решений, принимаемых в условиях ограниченного времени, недостатка информации, риска, проявляется в том, что для большинства из них нет ответов в нормах права, и они принимаются в соответствии с понятиями добра и зла, справедливости, долга, чести и др., содержащимися в нормах морали» (с. 164), поэтому как оперативные сотрудники, так и лица, им содействующие, как минимум на подсознательном уровне должны обладать гуманистическими установками, а следовательно, их деятельность имеет характер служения обществу и не может быть аморальной по своей сути.

Отдельная глава монографии посвящена контракту как правовой основе содействия. Авторами рассматривается ранее широко не освещавшаяся в открытой литературе проблематика института возмездности содействия / сотрудничества с анализом зарубежного опыта. Подробно рассмотрены основания, условия и коллизийность запретов на содействие по контракту судей, прокуроров, депутатов, адвокатов, священнослужителей и иных представителей религиозных культов.

В трех параграфах авторами делается успешная попытка разрешения правовых коллизий, касающихся свойств субъектов содействия — гражданства, возраста, их право- и дееспособности. Мы поддерживаем мнение авторов о том, что в современных условиях ведения гибридной войны против многонационального народа Российской Федерации круг субъектов содействия правоохранительным органам не может быть лимитирован только гражданами России и дополнительными возрастными требованиями, учитывая, что в настоящее время в России временно и постоянно находится огромное количество иностранных граждан: студентов, гастарбайтеров, беженцев, туристов, командированных и т. п.

Несомненный научный интерес представляет четвертая глава монографии, где авторы на основе обобщенных результатов своих многолетних исследований, личном опыте работы, длительной практики оперативной, научной и педагогической деятельности представили собственные научно обоснованные предположения о направлениях, путях и формах дальнейшего развития содействия как социально-правового института и его возможных функциональных и правовых метаморфозах в постоянно изменяющейся реальности.

Авторы выделяют следующие основные детерминанты будущих изменений института содействия как составляющей оперативно-разыскного инструментария: изменение форм собственности; изменение векторов преступной деятельности; изменение пропорций городского и сельского населения; миграцию населения; радикализацию отдельных слоев общества; научно-технический прогресс, цифровую трансформацию, эволюцию правоприменительной системы, трансформацию жизни индивида; омоложение преступности и изменение государственной пенитенциарной политики.

Моделируя воздействие перечисленных факторов, ученые прогнозируют следующие наиболее значимые изменения института содействия:

- 1) снижение допустимого возраста привлечения к содействию;
- 2) увеличение категорий лиц, с которыми запрещено содействие на контрактной основе;
- 3) имплементацию механизма освобождения от уголовного преследования (наказания) лица, оказавшего содействие органам, осуществляющим ОРД;
- 4) специализацию конфиденентов на отдельных социальных группах и объектах их концентрации;
- 5) целенаправленное использование института содействия (конфиденентов) в отношении лиц, групп и организаций, занимающихся пропагандой экстремизма и иных форм антисоциальной общественно опасной активности;
- 6) изменение в сторону увеличения выплат политики возмездности содействия;
- 7) интенсификацию использования содействия (конфиденентов) в местах принудительной концентрации преступников;
- 8) интенсификацию использования содействия (конфиденентов) в отношении групп (и персоналий) несовершеннолетних, в основном антисоциальной направленности;
- 9) интенсификацию использования негласного содействия специалистов;
- 10) постепенное формирование функциональных форм и видов содействия в сфере компьютерной (сетевой) коммуникации и оборота электронной информации (с. 338).

Выделенные детерминанты и прогнозируемые изменения института содействия в ОРД, по нашему мнению, имеют самостоятельное методологическое значение и могут быть использованы учеными при обосновании актуальности и определении цели, задач и структуры своих прикладных и фундаментальных исследований в области уголовно-правовых наук.

В завершение хочется выразить надежду, что отраженные в монографии авторские воззрения, исторические и аналитические материалы не станут библиографической редкостью и переживут множество изданий в форме учебной и научной литературы.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России. Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, дей-

- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристрастный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ствующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденному приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.